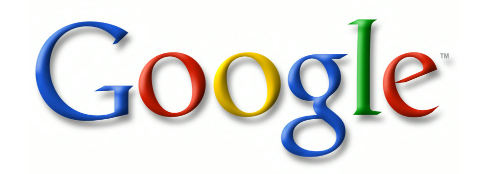
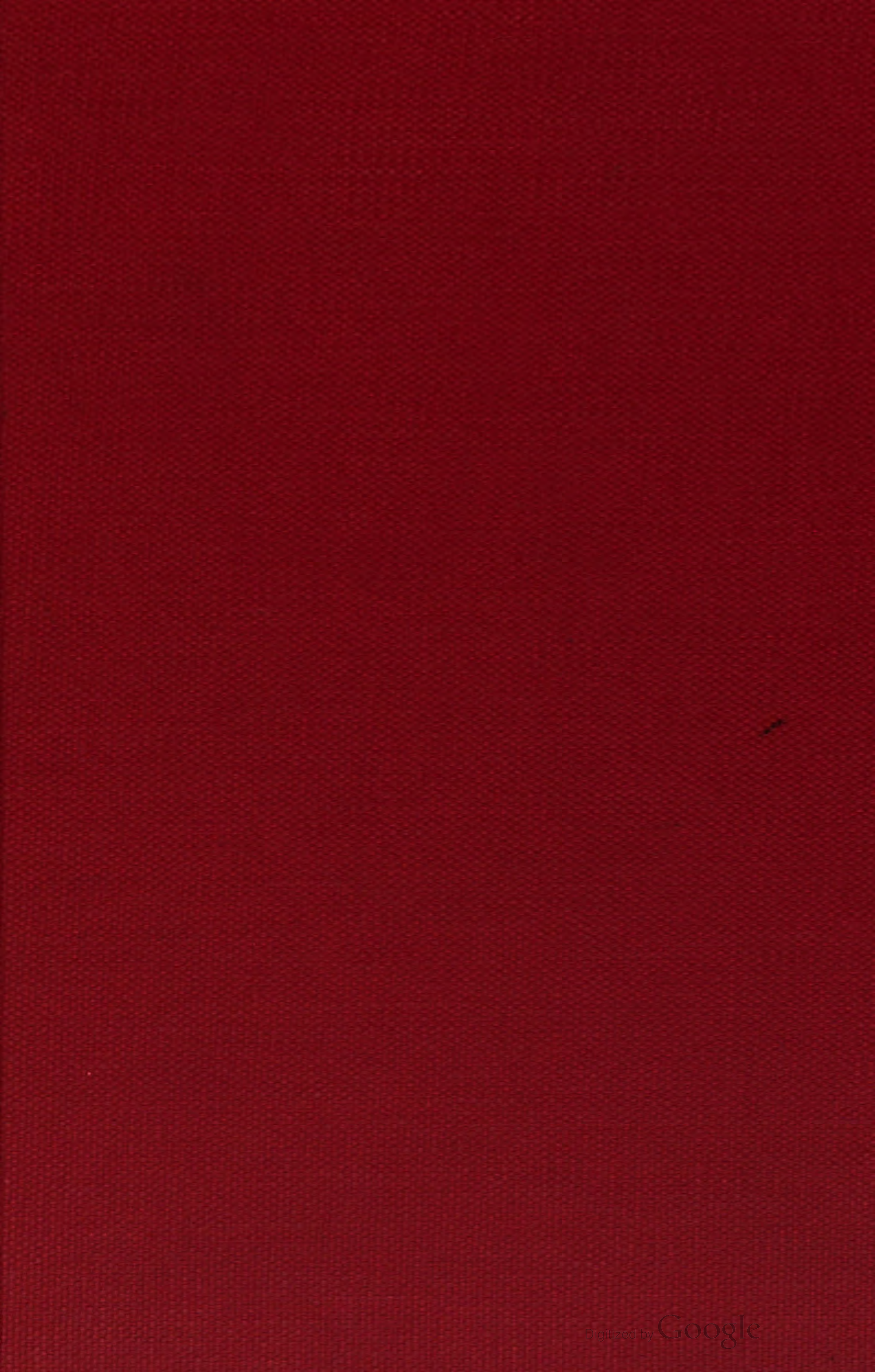




СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И

ПЕРЕВОДОВЪ.

АДМИРАЛА ШИШКОВА

Россійской Императорской Академіи Президента и разныхъ ученыхъ обществъ Члена.

ЧАСТЬ II.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1824.

ПЕЧАТАНО:

По опредѣленію Императорской Россійской Академіи.

Маія 12 дня 1817 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Второй части.

РАЗСУЖДЕНІЕ

О СТАРОМЪ И НОВОМЪ СЛОГѢ РОССІЙСКАГО ЯЗЫКА.

Всякъ, кто любитъ Россійскую словесность, и хотя нѣсколько упражнялся въ оной, не будучи зараженъ неизцѣлимою и лишающею всякаго разсудка страстію къ Французскому языку, тотъ развернувъ большую часть нынѣшнихъ нашихъ книгъ съ сожалѣніемъ увидитъ, какой странный и чуждый понятію и слуху нашему слогъ господствуетъ въ оныхъ (1). Древній Славенскій

(1) Со времени перваго изданія сей книги по сіе время (чему прошло уже около 20 лѣтъ) не вижу я болѣе (или по крайней мѣрѣ гораздо менше) тѣхъ странныхъ мыслей и выраженій, какія тогда попадались мнѣ во многихъ книгахъ. Обыкновенная участь таковыхъ сочиненій есть скорое ихъ исчезаніе. Вообще слогъ съ того времени поправился. Мы не чувствуемъ болѣе *жажды созерцать неподражаемые оттѣнки рисую-*

языкъ, отецъ многихъ нарѣчій, есть корень и начало Россійскаго языка, который самъ собою всегда изобиленъ былъ и богатъ, но еще болѣе процвѣлъ и обогатился красотами, заимствованными отъ сроднаго ему Эллинскаго языка, на коемъ витійствовали гремящіе Гомеры, Пиндары, Демосфены, а потомъ Златоусты, Дамаскины, и многіе другіе Христіянскіе проповѣдники (2). Кто бы подумалъ, что мы, оставя сіе многими вѣками утвержденное основаніе языка сво-

---

щихся полей; не слышимъ болѣе *легальной свиты галокъ, кои, кракая, сообщаютъ періодическій трауръ;* и кажется перестали *нѣжиться въ ароматическихъ испареніяхъ всевождѣлѣнныхъ близнецовъ.* (См. въ семъ сочиненіи стран. 51 и слѣдующія). Все это, благодаря *прехожденію заблужденій,* кажется стало становиться смѣшно и жалко. Однакожъ слѣдствія сихъ *поврежденныхъ воображеній* не скоро истребляются. Часто на мѣсто ихъ заступаютъ другія, едва ли лучшія. Здѣсь не мѣсто разсуждать о томъ, но замѣтимъ мимоходомъ, что доколѣ станемъ мы языку своему учиться изъ книгъ чужеязычныхъ, до тѣхъ поръ не попадемъ на правый путь.

(2) Всякой языкъ обогащается другимъ, но не заимствованіемъ изъ него словъ, а тѣмъ, что размножая наши понятія открываетъ намъ путь и даетъ разуму силу и знаніе извлекать изъ корней собственнаго языка своего дотолѣ неизвѣстныя и для раздробленія мыслей нашихъ нужныя вѣтви.

его, начали вновь созидать оный на скудномъ основаніи Французскаго языка? Кому приходило въ голову съ плодоносной земли благоустроенный домъ свой переносить на безплодную болотистую землю? Ломоносовъ, разсуждая о пользѣ книгъ церковныхъ, говоритъ: „такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго Славенскаго языка купно съ Россійскимъ, отвратятся и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту отъ Греческаго, и то еще чрезъ Латинскій. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церьковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ, и къ упадку преклоняютъ.“ Когда Ломоносовъ писалъ сіе, тогда зараза оная не была еще въ такой силѣ, и потому могъ онъ сказать: *вкрадываются къ намъ нечувствительно*: но нынѣ уже должно говорить: вломились къ намъ насильственно и наводняютъ языкъ нашъ, какъ потопъ землю. Мы въ продолженіи сего сочиненія ясно сіе увидимъ. Недавно случилось мнѣ прочитать слѣдующее: „раздѣляя слогъ нашъ на эпохи, первую должно начать съ Кантемира, вторую съ Ломоносова, третію съ переводовъ *Славяно*-

„*Рускихъ* господина Елагина и его многочи-
„сленныхъ подражателей, а четвертую съ
„нашего времени, въ которое образуется
„пріятность слога, называемая Французами
„*elegance*.“ Я долго размышлялъ, вподлинну
ли сочинитель сихъ строкъ говоритъ сіе
отъ чистаго сердца, или издѣвается и шу-
титъ: какъ? нелѣпицу нынѣшняго слога на-
зываетъ онъ пріятностію! совершенное
безобразіе и порчу онаго, образованіемъ!
Онъ именуетъ прежніе переводы *Славяно-
Рускими*: что разумѣетъ онъ подъ симъ сло-
вомъ? Не ужъ ли презрѣніе къ источнику
краснорѣчія нашего Славенскому языку? Не
дивно: ненавидѣть свое и любить чужое
почитается нынѣ достоинствомъ. Но какъ
же назоветъ онъ нынѣшніе переводы, и да-
же самыя сочиненія? безсомнѣнія *Францу-
ско-Рускими*: и сіи то переводы предпочи-
таетъ онъ *Славено-Россійскимъ*? Правда,
ежели Французское слово *elegance* перевесть
по Руски *чепуха*, то можно сказать, что
мы дѣйствительно и въ краткое время слогъ
свой довели до того, что погрузили въ него
всю полную силу и знаменованіе сего сло-
ва! *). (3)

---

*) Хотя не можно сего сказать вообще, поелику и нынѣ есть писатели, достойно сочиненіями своими славящіеся; но ихъ такъ мало въ сравненіи съ другими, что умы младыхъ чи-

Откол҇ѣ пришла намъ такая нелѣпая мысль, что должно коренный, древній, богатый языкъ свой бросить, и основать новый на правилахъ чуждаго, несвойственнаго намъ и бѣднаго языка Французскаго? Поищемъ источниковъ сего крайняго ослѣпленія и грубаго заблужденія нашего.

Начало онаго происходитъ отъ образа воспитанія: ибо какое знаніе можемъ мы

тателей гораздо меньше наставляются ихъ писаніями, нежели заражаются и портятся твореніями сихъ послѣднихъ.

(3) Можетъ быть любовь къ отечественному языку моему понудила меня здѣсь съ излишнимъ жаромъ ополчиться противу словъ, не заслуживающихъ толь строгаго осужденія. Я не извиняю сего излишества, но между тѣмъ не престаю и нынѣ думать, чтобъ подобныя мнѣнія не произвели въ умахъ неопытныхъ писателей тѣхъ слѣдствій, какія отъ презрѣнія къ *старому слогу* родились въ *новомъ*, довольно въ сей книгѣ показанномъ. Для справедливаго сужденія о вещахъ, надлежитъ разсматривать ихъ съ двухъ сторонъ, иначе, смотря на одну и не видя другой, часто можемъ обманываться. Естьли бы сей *elegance*, или скажемъ по своему *благоязычіе, чистоpѣчіе, краснословіе*, почерпаемо было изъ источниковъ Рускаго языка, такъ чтобы, не разрушая природныхъ свойствъ его и силы, придавало ему новый блескъ и чистоту, тогда могли бы мы гордиться успѣхами словесности. Симъ образомъ гордимся мы появлені-

имѣть въ природномъ языкѣ своемъ, когда дѣти знатнѣйшихъ бояръ и дворянъ нашихъ отъ самыхъ юныхъ ногтей своихъ находятся на рукахъ у Французовъ, прилѣпляются къ ихъ нравамъ, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получаютъ весь образъ мыслей ихъ и понятій, говорятъ языкомъ ихъ свободнѣе нежели своимъ, и даже до того заражаются къ нимъ пристра-

---

емъ стиховъ Ломоносова предъ прежними до него сочиняемыми стихами. Но когда сей *elegance* поставляется въ истребленіи старыхъ словъ, вводя на мѣсто оныхъ новопереводныя съ Французскаго языка; когда Рускимъ оборотамъ и словосочиненію предпочитаются словосочиненіе и обороты иностранные; когда силу языка своего думаютъ замѣнять силою чужихъ выраженій, ему не свойственныхъ; когда по примѣру другихъ языковъ, не имѣющихъ толь великаго, какъ нашъ, изобилія и различія въ выборѣ словъ, хотятъ величавый языкъ поэмы или трагедіи сравнять съ простымъ языкомъ басни или оперы; когда гоняясь за хитростями ума удаляются отъ языка природы, и проч. и проч. — Тогда одинъ наборъ словъ для уха, неговорящій ничего разуму, часто противный здравому разсудку, есть для меня самой пустой *elegance*. Я люблю лучше старый, даже тяжелый и обветшалый слогъ, когда онъ ясенъ и силенъ, нежели новый, одною только легкостію и звучностію словъ щеголяющій. Въ языкѣ умъ велитъ иногда угождать уху, однако не велитъ разсуждать ушами.

стіемъ, что не токмо въ языкѣ своемъ никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать онаго, но еще многіе изъ нихъ симъ постыднѣйшимъ изъ всѣхъ невѣжествомъ, какъ бы нѣкоторымъ украшающимъ ихъ достоинствомъ, хвастаютъ и величаются?

Будучи такимъ образомъ воспитываемы, едва силою необходимой наслышки научаются они объясняться тѣмъ всенароднымъ языкомъ, которой въ общихъ разговорахъ употребителенъ; но какимъ образомъ могутъ они почерпнуть искуство и свѣденіе въ книжномъ или ученомъ языкѣ, толь далеко отстоящемъ отъ сего простаго мыслей своихъ сообщенія? Для познанія богатства, изобилія, силы и красоты языка своего, нужно читать изданныя на ономъ книги, а наипаче превосходными писателями сочиненныя: изъ нихъ научаемся мы знаменованію и производству всѣхъ частей рѣчи; пристойному употребленію оныхъ въ высокомъ, среднемъ и простомъ слогѣ; различію сихъ слоговъ; правильному писанію; краснорѣчивому смѣшенію Славенскаго величаваго слога съ простымъ Россійскимъ; свойственнымъ языку нашему изгибамъ и оборотамъ рѣчей; складному или не складному расположенію ихъ; краткости выраженій; ясности и важности смысла; плавности, бы-

спротѣ и силѣ словотеченія. Между тѣмъ какъ разумъ обогащается сими познаніями, слухъ нашъ привыкаетъ къ чистому выговору словъ, къ пріятному произношенію оныхъ, къ чувствованію согласнаго или не согласнаго сліянія буквъ, и однимъ словомъ, ко всѣмъ сладкорѣчія прелестямъ. Отсюду природное дарованіе наше укрѣпляется искуствомъ; отсюду рождается въ насъ любовь къ писаніямъ и разумѣніе судить объ оныхъ. Кратко сказать, чтеніе книгъ на природномъ языкѣ есть единственный путь, ведущій насъ во храмъ словесности. Но коль сей путь, толико трудный и требующій великаго вниманія и долговременнаго упражненія, долженъ быть еще несказанно труднѣйшимъ для тѣхъ, которые отъ самаго младенчества до совершеннаго юношества никогда по немъ не ходили? Когда можетъ быть изъ превеликаго множества нынѣшнихъ худымъ складомъ писанныхъ книгъ, для вящшаго въ языкѣ своемъ развращенія, прочитали они пять или шесть, а въ церьковныя и старинныя Славенскія и Славено-Россійскія книги, отколѣ почерпается и тинное знаніе языка и красота слога, вовся не заглядывали? (4) они читаютъ Французскіе

(4) Подъ именемъ Славенскихъ, Славено-Россійскихъ и Рускихъ книгъ, можно разумѣть различныхъ

романы, комедіи, сказки и проч. Я уже не говорю, что молодому человѣку, наподобіе управляющаго кораблемъ кормчаго, надлежитъ съ великою осторожностію вдаваться въ чтеніе Французскихъ книгъ, дабы чи-

---

временѣ слоги, или языкѣ въ смыслѣ слога, какѣ то слогѣ Библіи, Патерика или Чети-миней, слова о полку Игоревомѣ, старинныхѣ грамотѣ, Несторовой лѣтописи, Ломоносова, и проч. Во всѣхѣ оныхѣ слогѣ или образѣ объясненія различенѣ; но чтобѣ Славенской и Руской языкѣ были два языка, то есть, чтобѣ можно было сказать это Славенское, а это Руское слово, сего различія вѣ нихѣ не существуетѣ. Между тѣмѣ многіе, безѣ всякаго основанія, почитаютѣ ихѣ двумя разными языками, и сіе ложное мнѣніе подало поводѣ Руской языкѣ подѣ именемѣ Славенскаго презирать, и тотѣже самый языкѣ, унижая до просторѣчія и располагая оный по свойствамѣ Французскаго языка, называть Рускимѣ. Подѣ симѣ-то ни сѣ чемѣ несообразнымѣ раздѣленіемѣ одного и тогоже языка на двѣ разныя части, изѣ коихѣ одна, важнѣйшая, познаваемая изѣ чтенія книгѣ не читаемыхѣ, приводится вѣ забвеніе, а другая, простѣйшая, навыкомѣ изѣ общихѣ разговоровѣ сѣ малолѣтства затверживаемая, обвиняется неопредѣленностію словѣ, обыкновенностію воображеній, малою игривостію ума, и все сіе поправляется тѣми, которые менше всего вникая вѣ происхожденіе, силу и свойства языка своего, проповѣдываютѣ введеніе вѣ него новыхѣ понятій, новой легкости, новой чистоты, новаго вкуса.

стоту нравовъ своихъ, въ семъ преисполненномъ опасностію морѣ, не преткнуть о камень; но скажу токмо разсуждая о словесности: какую пользу принесетъ имъ чтеніе иностранныхъ книгъ, когда не читаютъ они своихъ? Волтеры, Жанъ-Жаки, Корнеліи, Расины, Моліеры, не научатъ насъ писать по Руски. Выуча всѣхъ ихъ наизусть, и не прочитавъ ни одной своей книги, мы въ краснорѣчіи на Рускомъ языкѣ должны будемъ уступить сочинителю Бовы Королевича. Весьма хорошо слѣдовать по стопамъ великихъ писателей, но надлежитъ силу и духъ ихъ выражать своимъ языкомъ, а не гоняться за ихъ словами, кои у насъ со всѣмъ не имѣютъ той силы. Безъ знанія языка своего мы будемъ точно такимъ образомъ подражать имъ, какъ человѣку подражаютъ попугаи, или иначе сказать, мы будемъ подобны такому павлину, который не зная или пренебрегая красоту своихъ перьевъ, желаетъ для украшенія своего заимствовать оныя отъ птицъ несравненно меньше его прекрасныхъ, и столько ослѣпленъ симъ желаніемъ, что въ прельщающій оно разноцвѣтный хвостъ свой готовъ натыкать перья изъ хвостовъ галокъ и воронъ. Отъ сего можно сказать безумнаго прилѣпленія нашего къ Французскому языку, мы, думая просвѣщаться, часъ отъ часу впа-

даемъ въ большее невѣжество, и забывая природный языкъ свой, или по крайней мѣрѣ отвыкая отъ онаго, пріучаемъ понятіе свое къ ихъ выраженіямъ и слогу. Мы безпрестанно твердимъ о множествѣ разнаго рода книгъ и превосходныхъ сочиненій, изданныхъ Французами, и жалуемся, что мало имѣемъ ихъ на своемъ языкѣ; но тѣ ли способы употребляемъ, чтобъ до нихъ достигнуть, или ихъ превзойти? Сумароковъ ропщущему на сіе говоритъ:

Перенимай у тѣхъ, хоть много ихъ, хоть мало,
Которыхъ тщаніе искусству ревновало,
И показало имъ, коль мысль сія дика,
Что не имѣемъ мы богатства языка.
Сердись, что мало книгъ у насъ, и дѣлай пѣни;
Когда книгъ Рускихъ нѣтъ, за кѣмъ итти въ степени?
Однако больше ты сердися на себя,
Иль на отца, что онъ не выучилъ тебя;
А естьлибъ юность ты не прожилъ своевольно,
Тыбъ могъ въ писаніи искусенъ быть довольно.
Трудолюбивая пчела себѣ беретъ,
Отвсюду то, что ей потребно въ сладкій медъ,
И посѣщающа благоуханну розу,
Беретъ въ свои соты частицы и съ навозу.
Имѣемъ сверхъ того духовныхъ много книгъ:
Кто винѣнъ въ томъ, что ты псалтири не постигъ?

Въ самомъ дѣлѣ, кто виноватъ въ томъ что мы во множествѣ сочиненныхъ и пере-

веденныхъ нами книгъ имѣемъ весьма не многое число хорошихъ и подражанія достойныхъ? Привязанность наша къ Француcкому языку, и отвращеніе отъ чтенія книгъ церьковныхъ. Сумароковъ продолжаетъ:

Не мни, что нашъ языкъ не тотъ, что въ книгахъ чтемъ,
Которы мы съ тобой не Рускими зовемъ;
Онъ тотъже, а когдабъ онъ былъ иной, какъ мыслишь,
Лишъ только отъ того, что ты его не смыслишь;
Такъ чтожъ осталось бы при Рускомъ языкѣ?
Отъ правды мысль твоя гораздо вдалекѣ.

Французы прилѣжаніемъ и трудолюбіемъ своимъ умѣли бѣдный языкъ свой обработать, вычистить, обогатить и писаніями своими прославиться на ономъ; а мы богатый языкъ свой, не рача и не помышляя о немъ, начинаемъ превращать въ скудный. Надлежало бы взять ихъ за образецъ въ томъ, чтобъ подобно имъ трудиться въ созиданіи собственнаго своего краснорѣчія и словесности, а не въ томъ, чтобъ найденныя ими въ ихъ языкѣ, ни мало намъ не сродныя красоты, перетаскивать въ свой языкъ. Тотъже Сумароковъ весьма справедливо разсуждаетъ о семъ:

Имѣетъ въ слогѣ всякъ различіе народъ:
Что очень хорошо на языкѣ Француcкомъ,

То можетъ въ точности быть скаредно на Русскомъ.
Не мни, переводя, что складъ въ творцѣ готовъ;
Творецъ даруетъ мысль, но не даруетъ словъ.
Въ спряженіе его рѣчей ты не вдавайся,
И свойственно себѣ словами украшайся.
На что степень въ степень послѣдовать ему?
Ступай лишъ тѣмъ путемъ, и область дай уму:
Ты симъ, какъ твой творецъ письмомъ своимъ ни славенъ,
Достигнешь до него и будешь самъ съ нимъ равенъ.
Хотя передъ тобой въ три пуда Лексиконъ,
Не мни, чтобъ помощь далъ тебѣ велику онъ:
Коль рѣчи и слова поставишь безъ порядка,
Такъ будетъ переводъ твой нѣкая загадка,
Которую никто не отгадаетъ въ вѣкъ;
То даромъ, что слова ты точно всѣ нарекъ.
Когда переводить захочешь безпорочно,
Не то, творцовъ мнѣ духъ яви и силу точно.
Языкъ нашъ сладокъ, чистъ и пышенъ и богатъ,
Но скупо вносимъ мы въ него хорошій складъ.

Рабственное подражаніе наше Французамъ подобно тому, какъ бы кто увидя сосѣда своего, живущаго на песчаномъ мѣстѣ и трудами своими превратившаго песокъ сей въ плодоносную землю, вмѣсто обработыванія съ такимъже прилѣжаніемъ тучнаго чернозема своего, вздумалъ удобрять его перевозомъ на оный безплоднаго съ сосѣдней земли песку. Мы точно такимъ образомъ поступаемъ съ языкомъ нашимъ:

вмѣсто чтенія своихъ книгъ, читаемъ Французскія; вмѣсто изображенія мыслей своихъ по принятымъ издревлѣ правиламъ и понятіямъ, многіе вѣки возраставшимъ и укоренившимся въ умахъ нашихъ, изображаемъ ихъ по правиламъ и понятіямъ чуждаго народа; вмѣсто обогащенія языка своего новыми почерпнутыми изъ источниковъ онаго красотами, растлѣваемъ его не свойственными ему чужестранными рѣчами и выраженіями; вмѣсто пріученія слуха и разума своего къ чистому Россійскому слогу, отвыкаемъ отъ онаго, начинаемъ его ненавидѣть и любить нѣкое невразумительное сборище словъ нелѣпымъ образомъ сплетаемыхъ. Сверхъ сей ненависти къ природному языку своему и любви къ Французскому, есть еще другая причина, побуждающая нодомодныхъ писателей нашихъ точно такимъ же образомъ и въ словесности подражать имъ, какъ въ нарядахъ. Я уже сказалъ, что трудно достигнуть до такого въ языкѣ своемъ познанія, какое имѣлъ, напримѣръ, Ломоносовъ: надлежитъ съ такимъ же вниманіемъ и такую же груду Рускихъ и еще церьковныхъ книгъ прочитать, какую онъ прочиталъ, дабы умѣть высокій Славенскій слогъ съ просторѣчивымъ Россійскимъ такъ искусно смѣшивать, чтобъ высокопарность одного изъ нихъ пріятно обнималась съ про-

стотою другаго. Надлежитъ долговременнымъ искусомъ и трудомъ такое же пріобрѣсть знаніе и силу въ языкѣ, какія онъ имѣлъ, дабы умѣть въ высокомъ слогѣ помѣщать низкія мысли и слова, таковыя на примѣръ какъ: *рыкать*, *рыгать*, *тащить за волосы*, *подгнетъ*, *удалая голова*, и тому подобныя, не унижая ими слога и сохраняя всю важность онаго *).

Надлежитъ имѣть воображеніе изощренное чтеніемъ, и память обогащенную знаніемъ словъ, дабы умѣть составлять подобные симъ стихи:

Мнѣ всякая волна быть кажется гора,
Что съ ревомъ падаетъ обрушась на ПЕТРА.

Какое подобное паденію и шуму волны, паденіе и шумъ въ стихѣ! что можетъ быть величественнѣе сего описанія:

---

*) Смотри стихи его въ Поэмѣ ПЕТРЪ Великій, гдѣ сказано, говоря о стрѣльцахъ, низвергшихъ болярина Афанасья Нарышкина со стѣны на копья:

Текущу видя кровь *рыкаютъ*: любо! любо!
Пронзеннаго поднявъ гласятъ сіе сугубо.

Говоря о пальбѣ изъ пушекъ:

Горшани мѣдныя *рыгаютъ* жаръ свирѣпый.

Говоря о стрѣльцахъ, устремляющихся на убіеніе болярина Ивана Нарышкина, исторгая его изъ рукъ сестры онаго Царицы Натальи Кириловны:

Презрѣвъ Царицыныхъ и власть и святость рукъ,
Безчестно *за власы влекутъ* на горесть мукъ.

Достигло дневное до полночи свѣтило,
Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло,
Какъ пламенна гора казалось межъ валовъ,
И простирало блескъ багровый изъ-за-льдовъ.
Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
Верьхи злашыхъ зыбей пловцамъ сверкаюшъ въ очи.

Какое сладкогласіе и чистота слога въ двухъ послѣднихъ стихахъ! Вѣрьте послѣ сего *несомнѣнной истинѣ* писашелей нашихъ, что нынѣ шокмо образуется пріятность слога, называемая Французами elegance! Вездѣ глубокое знаніе языка показуется въ цвѣшахъ, раждающихся подъ живописною кистію сего великаго Стихотворца. Здѣсь единымъ почеркомъ изображаетъ онъ дѣйствіе бури:

Говоря о способѣ, употребленномъ Софіею для воспламененія ушухающаго бунта:

Подгнету буйности велѣла дашь вина.

И говоря о ПЕТРѢ Великомъ *смотрящемъ сквозь дымъ, сквозь кровавыхъ сверканіе мечей*, на кровопролитной приступъ войскъ Россійскихъ къ крѣпости Орѣховцу, что нынѣ Шлиссельбургъ:

О коль велико въ немъ движеніе сердечно!
Геройско рвеніе, досада, гнѣвъ и жаль,
И для погибели *удалыхъ главъ* печаль!

Какое посреди лютой брани человѣколюбіе въ ПЕТРѢ, и какая похвала воинамъ подлинно представляющимся намъ *удалыми* послѣ сихъ сказанныхъ выше объ нихъ стиховъ:

Не могутъ, храбрые, стѣнъ верьха досягнуть,
И тщетно вѣрную противнымъ ставятъ грудь!

Межъ моремъ рушился и воздухомъ предѣлъ;
Дождю на встрѣчу дождь съ кипящихъ волнъ летѣлъ.

или:

Внимай, какъ югъ пучину давитъ,
Съ пескомъ мутитъ, зыбь на зыбь ставитъ,
Касается морскому дну,
На сушу гонитъ глубину.

Тамъ силѣ и скорости давъ образъ исполина представляетъ ихъ въ ужаснѣйшемъ видѣ:

Бѣжитъ въ свой путь съ весельемъ многимъ
По холмамъ грозный исполинъ,
Ступаетъ по вершинамъ строгимъ *)
Презрѣвъ глубоко дно долинъ,
Вьетъ воздухъ вихремъ за собою;
Подъ сильною его пятою
Кремнистые бугры трещатъ,
И слѣдомъ дерева лежатъ,
Что множество вѣковъ стояли
И бурей ярость презирали.

или:

Свѣтящимися чешуями
Покрытъ, какъ мѣдными щитами;
Копье и щитъ и молотъ твой
Считаетъ за тросникъ гнилой.

*) Примѣтимъ, что Ломоносовъ не поставилъ бы здѣсь *строгимъ*, естьлибъ слово *строгость* не происходило отъ одного корня съ словомъ *острота*, чему свидѣтельствуютъ слова *острогъ*, *острогать*. Подобному знанію и употребленію словъ не научимся мы никогда изъ книгъ Французскихъ.

Тамъ замысловатымъ словомъ или остроумною мыслiю въ восторгъ приводитъ умъ:

Твое прехвально имя пишетъ
Не ложна слава въ вѣчномъ льдѣ,
Всегда гдѣ хладный сѣверъ дышетъ,
И только вѣрой теплъ къ тебѣ.

или:

Въ шумящихъ берегахъ Балтiйскихъ
Веселья больше, нежéль водъ,
Что видѣли судовъ Россiйскихъ
Противъ враговъ счастливый ходъ.

Индѣ пламеннымъ изображенiемъ всеснѣдающаго времени и лютой войны ужасаетъ воображенiе:

Уже горятъ Царей тамъ древнiя жилища;
Вѣнцы врагамъ корысть, и плоть ихъ вранамъ пища!
И кости предковъ ихъ изъ золотыхъ гробовъ
Чрезъ стѣны падаютъ къ смердящимъ трупамъ въ ровъ!

Индѣ перомъ, искуснѣйшимъ чѣмъ Апеллесова кисть, представляетъ намъ гоняющуюся за звѣрьми Россiйскую Дiяну:

Ей вѣтры въ слѣдъ не успѣваютъ;
Коню бѣжать не воспящаютъ
Ни рвы, ни частыхъ вѣтьвей связь:
Крутитъ главой, звучитъ браздами,
И топчетъ бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясь!

Индѣ простыми, но выше всякаго искусства, стихами приводитъ душу и сердце въ умиленіе:

Въ пути, которымъ пролетаешь,
Какъ быстрый въ высотѣ орелъ,
Куда свой зракъ ни обращаешь,
По множеству градовъ и селъ;
Отъ всѣхъ къ тебѣ простерты взоры,
Тобой всѣхъ полны разговоры,
Къ тебѣ всѣхъ мысль, къ тебѣ всѣхъ трудъ;
Дитя родившихъ вопрошаетъ:
Не тая ли на насъ взираетъ,
Что матерію всѣ зовутъ?
Иной отъ старости нагбенный
Простерть старается хребетъ,
Главу и очи утомленны
Возводитъ, гдѣ твой блещетъ свѣтъ.
Тамъ видя возрастъ безсловесный,
Монархиня, твой зракъ небесный,
Любезну оставляетъ грудь;
Чего языкъ не изъясняетъ,
Усмѣшкой то изображаетъ,
Послѣдуя очами въ путь.

Индѣ колико сей нѣжности противенъ, когда изображаетъ противныя сему вещи, какъ напримѣръ злобу:

Какъ тигръ ужъ на копьѣ хотя ослабѣваетъ,
Однако посмотрѣвъ на раненой хребетъ,
Глазами на ловца кровавыми сверкаетъ,
И ратовище злясь въ себѣ зубами рветъ:
Такъ мечъ въ груди своей схватилъ Мамай рукою;

Но палъ, и трясучись о землю шыломъ билъ.
Изъ раны чорна кровь *ударилась* *) рѣкою;
Онъ очи злобныя на небо обращилъ.

(* Примѣшимъ здѣсь, какъ слово *ударилась* возвышаешъ силу сего выраженія. Всякое другое слово, какъ напримѣръ: *полилась, потекла*, было бы меньше сильно. Для чего? для шого, что глаголъ *ударилась* соединяешъ въ себѣ два понятія: *полилась быстро*. Подобныя сему слова придаюшъ великую силу слогу. Сумароковъ пришчу свою о болшливой женѣ, услышавшей за шайну ошъ мужа своего, будшо бы ночью снесъ онъ яицо, оканчиваешъ слѣдующими сшихами:

Сказала ей,
А ша сосѣдушкѣ своей:
Ложь ходишъ завсегда съ прибавкой въ мірѣ,
Яицо, два, шри, чешыре,
И сшало подъ вечеръ пяшь сошъ яицъ.
Назавшрѣе къ уроду
Премножесшво сбираешся народу
И незнакомыхъ лицъ:
За чѣмъ валишъ народъ? Валишъ купишь яицъ.

Какъ слово *валитъ* сильно здѣсь и знаменашельно! Господа вшаскивашели въ нашъ языкъ чужесшранныхъ словъ и рѣчей, никогда ваши *трогательныя сцены*, ни *вліянія на разумы*, ни *предметы потребностей*, не будушъ имѣшь шаковой силы. (5)

(5) Знаю нынѣ, можешъ бышь еще болѣе, нежели зналъ шогда, когда писалъ сію книгу, что приведеніе нѣкоторыхъ мѣсшъ изъ Сумарокова долженсшвуешъ въ умахъ многихъ уронишь ея цѣну. Сшихошворецъ сей, столько въ свое время прославляемый, сколько нынѣ презираемый, показываешъ, что досшоинсшво писашелей часшо оцѣнивается не умомъ, но молвою. Ежели шогда превозносимъ онъ былъ несправедливо, шо нынѣ еще несправедливѣе осуждаешся. Тогда, обращая вниманіе на многое хорошее въ немъ, извиняли его погрѣшносши, молчали объ нихъ; а нынѣ совсѣмъ не чишая его, и не зная ни красошъ,

Разинулъ челюсти! но гласа не имѣя,
Со скрежетомъ зубнымъ извергнулъ духъ во адъ.

Индѣ съ такою въ полустишіи разстановкою, какая въ самой природѣ между ударомъ и отголоскомъ онаго примѣчается, говоритъ:

Ударилъ по щиту: звукъ грянулъ межъ горами.

Таковъ Ломоносовъ въ стихахъ; таковъ же онъ въ переводахъ и въ прозаическихъ сочиненіяхъ. Мы видѣли разумъ его и глубокое въ языкѣ знаніе; покажемъ теперь примѣръ осторожности его и наблюденія ясности въ рѣчахъ. Въ подражаніи своемъ Анакреону говоритъ онъ о Купидонѣ:

Онъ чуть лишь ободрился,
Каковъ то, молвилъ, лукъ;

ни худостей, твердятъ, по наслышкѣ одинъ отъ другаго, что онъ никуда не годится. Тожъ, благодаря вводимому журналистами новѣйшему вкусу, начинаетъ распространяться и на другихъ: Ѳеофаны, Кантемиры, давно уже не читаются; Херасковы, Петровы, и самъ Ломоносовъ, ветшаютъ, никто въ нихъ не заглядываетъ; за ними чрезъ нѣсколько времени послѣдуютъ Державины и другіе: такимъ образомъ умъ и вкусъ нашъ будетъ вертящееся колесо, въ которомъ одна восходящая на верхъ спица давитъ и свергаетъ на низъ другую. Не знаю, можетъ ли такой вкусъ быть основателенъ, твердъ, проченъ, согласенъ съ здравымъ разсудкомъ, и полезенъ для языка.

Въ дождѣ *чать* повредился,
И съ словомъ стрѣлилъ вдругъ.

Потребно сильной въ языкѣ имѣть навыкъ, дабы чувствовать самомалѣйшее обстоятельство, могущее ослабить силу слога, или сдѣлать его двусмысленнымъ и недовольно яснымъ. Въ просторѣчіи обыкновенно вмѣсто *чаять должно*, говорятъ сокращенно *чай*. Ломоносовъ тотчасъ почувствовалъ, что поставя:

Въ дождѣ чай повредился. . .

выдетъ изъ сего двумыслie глагола *чай* съ именемъ *чай*, то есть Китайской травы, которую мы по утрамъ пьемъ; и для того, сокращая глаголъ *чаять*, поставилъ *чать* (6). Подобная сему осмотрительность показы-

(6) Многіе въ семъ мѣстѣ меня не поняли и подумали, что я слово *чать* выдаю за образецъ краснорѣчія. Отнюдь нѣтъ. Оно простое, сокращенное изъ *чаять*, точно также, какъ *чуть* сокращено изъ *чуять*; но какъ здѣсь и слогъ простой, то оно и не дѣлаетъ безобразія; а между тѣмъ мысль въ стихѣ становится яснѣе, нежели бы сказано было двусмысленное *чай* (какъ послѣ безъ него въ изданіяхъ его напрасно переправлено). Примѣръ сей приведенъ единственно для того, дабы показать, что когда Ломоносовъ писалъ стихи, то, не увлекаясь однимъ стихотворческимъ воображеніемъ, при каждомъ словѣ размышлялъ, какое бы изъ нихъ мысль его яснѣе и лучше выражало, чего многіе стихотворцы не наблюдаютъ.

ваетъ, съ какимъ тщаніемъ старался онъ наблюдать ясность и чистоту слога. Во всѣхъ его сочиненіяхъ видно соединенное съ пылкимъ воображеніемъ ума сильное въ языкѣ знаніе, которое пріобрѣлъ онъ неусыпнымъ въ словесности упражненіемъ. Таковое прилѣжное чтеніе Россійскихъ книгъ отнимешъ у нынѣшнихъ писателей драгоцѣнное время читать Французскія книги. Возможно ли, скажутъ они съ насмѣшкою и презрѣніемъ, возможно ли *трогательную* Заиру, *занимательнаго* Кандида, *милую* Орлеанскую дѣвку, промѣнять на скучный Прологъ, на непонятный Несторовъ Лѣтописецъ? Избѣгая сего труда принимаются они за самой легкой способъ, а именно: одни изъ нихъ безобразятъ языкъ свой введеніемъ въ него иностранныхъ словъ, таковыхъ напримѣръ какъ: *моральный*, *эстетическій*, *эпоха*, *сцена*, *гармонія*, *акція*, *энтузіязмъ*, *катастрофа* и тому подобныхъ *). Другіе изъ Рускихъ словъ стараются дѣлать не Рускія, какъ напримѣръ: вмѣсто будущее время, говорятъ *будущность*; вмѣсто настоящее время, *насто-*

*) Сіи суть самыя новомодныя слова, и для того въ нынѣшнихъ книгахъ повторяются онѣ почти на каждой страницѣ; впрочемъ въ языкѣ нашемъ имѣются также и обветшалыя иностранныя слова, какъ напримѣръ: *авантажиться*, *манериться*, *компанію водить*, *куры строить*. *комедь играть* и проч. Сіи прогнаны уже изъ большова свѣта и переселились къ купцамъ и купчихамъ.

ящность *) и проч. (7) Третьи Францускія

*) Сіи слова, нигдѣ прежде въ языкѣ нашемъ несуществовавшія, произведены по подобію словъ изящность, суетность, безопасность и проч. Нынѣ уже оныя пишутся и печатаются во многихъ книгахъ; а потому надѣяться должно, что словесность наша время отъ времени будетъ еще болѣе процвѣтать. Напримѣръ: вмѣсто прошедшее время станутъ писать *прошедшность;* вмѣсто человѣческое жилище, по подобію съ голубятнею, *человѣчатня*, вмѣсто березовое или дубовое дерево, по подобію съ телятиною, *березятина, дубовятина,* и такъ далѣе. О! мы становимся великими изобрѣтателями словъ!

(7) Подобныя слова, какъ *будущность,* хотя и скорѣе могутъ быть приняты, нежели рабственно переводимыя съ Францускаго, или инаго языка; однакожъ и онѣ требуютъ основательнаго разбора. Изобрѣтая ихъ, то есть производя изъ корня съ симъ или инымъ окончаніемъ, надлежитъ строго разсматривать: 1е, подлинно ли сіе превращеніе прилагательныхъ именъ въ существительныя нужно для лучшаго выраженія мыслей. 2е, Въ какомъ случаѣ не портитъ это языкъ. Напримѣръ, хорошо ли будетъ, когда мы вмѣсто: *перестанемъ толковать о будущемъ, станемъ говорить о настоящемъ времени,* скажемъ: *перестанемъ толковать о будущности, станемъ говорить о настоящности?* или примѣчая, что языкъ позволяетъ изъ глаголовъ *ходить, гулять, стрѣлять,* и проч., составлять имена *ходьба, гульба, стрѣльба,* начнемъ по сему правилу противусвойственно языку, тожъ самое дѣлать и съ другими глаголами, какъ то отъ *лить, сидѣть, грустить,* и проч., производить имена *литьба, сидьба, грустьба,* и тому подобное? изобрѣтеніе новыхъ словъ и отверженіе старыхъ, - равный принесутъ вредъ словесности, когда пріемлемы или отвергаемы будутъ безъ всякаго знанія силы и свойствъ языка.

имена, глаголы и цѣлыя рѣчи переводятъ изъ слова въ слово на Руской языкъ; самопроизвольно принимаютъ ихъ въ томъже смыслѣ изъ Француской литературы въ Россійскую словесность, какъ будто изъ ихъ службы офицеровъ тѣмижъ чинами въ нашу службу, думая, что онѣ въ переводѣ сохранятъ тожъ знаменованіе, какое на своемъ языкѣ имѣютъ. Напримѣръ: *influance* переводятъ *вліяніе*, и не смотря на то, что глаголъ *вливать* требуетъ предлога *въ*: *вливать вино въ бочку*, *вливаетъ въ сердцѣ ей любовь*, располагаютъ нововыдуманное слово сіе по Француской Грамматикѣ, ставя его по свойству ихъ языка, съ предлогомъ *на*: *faire l'influance sur les esprits*, *дѣлать вліяніе на разумы* *).

---

*) Глаголъ *влить* есть не иное что, какъ глаголъ *лить*, соединенный съ предлогомъ *въ*, отъ котораго безгласная буква ъ отнята. Всѣ составленные подобнымъ образомъ глаголы соединяются съ тѣмижъ самыми предлогами, какъ напримѣръ: *набѣжать на камень*, *исторгнуться изъ напасти*, *отбиться отъ непріятеля*, *слетѣть съ дерева*, *войти въ Церьковь*, а когда надобно сказать *на Церьковь*, тогда употребляется другой глаголъ *взойти*. По какомуже правилу или примѣру говоримъ мы *вліяніе на разумы?* По Француском у. О! мы выбрали прекрасную дорогу для обогащенія языка своего! Въ священныхъ книгахъ находимъ мы: *Духъ святый найдя на Тя*, и въ другомъ мѣстѣ: *Сохрани душу мою отъ наитствованія страстей*. Такожъ и въ молитвѣ къ Богородицѣ: *Напастей Ты прилоги отгоняеши, и страстей находы, дѣво*. Здѣсь *наитіе* или *наитствованіе* не иное что значитъ, какъ то самое понятіе, которое Французы изображаютъ словомъ *influance*. Понятіе сіе и въ просторѣчіе введено; мы говоримъ: *на него дурь находитъ*, такъ какъ бы по нынѣшнему сказать: *безуміе имѣетъ вліяніе*

Подобнымъ сему образомъ переведены слова: *переворотъ*, *развитіе*, *утонченный*, *сосредоточить*, *трогательно*, *занимательно*, и множество другихъ. Въ показанныхъ ниже сего примѣрахъ мы яснѣе увидимъ, какой нелѣпой слогъ раждается отъ сихъ Руско-Французскихъ словъ. Здѣсь же примѣтимъ токмо, что по сему новому правилу такъ легко съ иностранныхъ языковъ переводить всѣхъ славныхъ и глубокомысленныхъ писателей, какъ бы токмо списывать ихъ *). Затру-

на его разумъ. Изъ сего видѣть можно, что естьли бы тотъ, кто первый слово *influance* перевелъ *вліяніемъ*, читалъ старинныя Рускія книги, то бы онъ почерпалъ слова изъ нихъ, а не изъ Французскихъ книгъ, и тогда не находили бы мы въ нынѣшнихъ сочиненіяхъ таковыхъ не Рускихъ рѣчей, каковы суть слѣдующія: *Авторскою дѣятельностію имѣть вліяніе на современниковъ. — Несходство въ характерѣ разума и Авторства имѣетъ вліяніе на судъ о человѣкѣ. — Находиться подъ вліяніемъ исключительной торговли. — Сіе приключеніе имѣло вліяніе на ходъ политики.* — И тому подобныя. Мнѣ случилось разговаривать съ однимъ изъ защитниковъ нынѣшнихъ писателей, и когда я сказалъ ему, что слово *influance* переведено *вліяніемъ* не по тому, чтобъ въ языкѣ нашемъ не было соотвѣтствующаго ему названія, но по тому, что переводчикъ не зналъ слова *наитствовать*, изображающаго тожъ самое понятіе; тогда отвѣчалъ онъ мнѣ: *Я лучше дамъ себя высѣчь, нежели когда нибудь соглашусь слово это употребить.* Сіе одно уже показываетъ, какъ много заражены мы любовію къ Французскому и ненавистію къ своему языку. Какая же надежда ожидать намъ знающихъ языкъ свой писателей, и мудрено ли, что у насъ ихъ мало?

*) Напримѣръ: *un des homme de France qui a le plus d'esprit, qui a rempli avec succès de grandes places, et qui a écrit sur divers objets avec autant d'intérêt que d'élegance, a dit, dans des Considérations sur l'état de la France: одинъ изъ людей*

дненіе встрѣтится въ томъ единственно, что не знающій Французскаго языка, сколько бы ни былъ силенъ въ Россійскомъ, не будетъ разумѣть переводчика; но благодаря презрѣнію къ природному языку своему, кто не знаетъ нынѣ по Французски? По мнѣнію нынѣшнихъ Писателей великое было бы невѣжество, нашедъ въ сочиняемыхъ ими книгахъ слово *переворотъ*, недогадаться, что оное значитъ *revolution*, или по крайней мѣрѣ *revolte*. Такимъже образомъ и до другихъ всѣхъ добраться можно: *развитіе*, *developement*; *утонченный*, *raffiné*; *сосредоточить*, *concentrer*; *трогательно*, *touchant*; *занимательно*, *interessant*, и такъ далѣе (8). Вотъ бѣда для

Франціи, который имѣлъ наиболѣе разума, который наполнялъ съ успѣхомъ великія мѣста, и который писалъ на разныя предметы съ такою занимательностію, какъ Элеансомъ, сказалъ, въ разсужденіяхъ на состояніе Франціи. Сей переводъ весьма похожъ на многіе нынѣшніе.

(8) Здѣсь по причинѣ оговариваемыхъ мною словъ, вошедшихъ между тѣмъ почти въ общее употребленіе, долженъ я снова сказать мои мысли. Съ языкомъ тоже бываетъ, что съ одѣваніемъ или нарядами. Остриженная безъ пудры голова такъ теперь кажется обыкновенною, какъ прежде казалась напудренная и съ пуклями. Время и частое употребленіе однихъ, или рѣдкое другихъ словъ и выраженій, пріучаетъ или отъучаетъ слухъ нашъ отъ нихъ, такъ что сперва новыя кажутся намъ дикими, а потомъ къ новымъ мы прислушаемся, и то-

нихъ, когда кто въ писаніяхъ своихъ употребляетъ слова: *брашно*, *требище*, *рясна*, *зодчество*, *доблесть*, *прозябать*, *наитствовать*, и тому подобныя, которыхъ они сро-

гда старыя одичаютъ. Но между языкомъ и одѣваніемъ та разность, что носить такимъ или инымъ покроемъ платье, есть обычай, которому должно слѣдовать, потому что нѣтъ причины не соглашаться съ общимъ обыкновеніемъ. Въ языкѣ, напротивъ, слѣдовать употребленію словъ и рѣченій, противному свойству языка, есть не разсуждать о нихъ, или вопреки разсудка уступать худому навыку. Въ семъ случаѣ, сколько бы онъ ни сдѣлался общій, надлежитъ возставать противъ него и отвращать отъ худаго ему послѣдованія. Нѣкто весьма справедливо сказалъ: „языкъ по свойству своему есть *тѣло* и *духъ*; тѣло его есть *звукъ*, „духъ же соединенный съ нимъ *разумъ*; одинъ „токмо духъ языка даетъ разверзающемуся „понятію человѣческому соразмѣрную духов„нымъ потребностямъ его пищу.“ Дѣйствительно, какъ бы составленная изъ словъ рѣчь ни была благозвучна для слуха, но она безъ соединенія съ сими звуками оживотворяющаго ихъ разума есть мертвое тѣло. Чѣмъ больше въ какомъ либо языкѣ тѣло сіе предпочитается духу, тѣмъ больше портится языкъ и упадаетъ даръ слова. Употребленіе и навыкъ часто бываютъ враги разсудка. Извѣстно, что всякое слово, всякое выраженіе, хотя бы оно по составу своему не имѣло ни какого смысла, или бы несвойственно было языку, когда войдетъ въ употребленіе, то чрезъ сильный навыкъ получитъ наконецъ нѣкоторое данное ему значе-

ду не слыхивали, и потому о таковомъ писателѣ съ гордымъ презрѣніемъ говорятъ: *онъ Педантъ, провонялъ Славянщиною и не знаетъ Французскаго въ штилѣ Элегансу.*

ніе, и не смотря на разумъ, доказывающій его несвойственность, такъ укоренится, что истребить оное трудно. Я не нахожу, какъ нѣкоторые утверждаютъ, что *новыя слова раждаются вмѣстѣ съ мыслями, и какъ щастливое вдохновеніе въ произведеніяхъ таланта, входятъ въ языкъ самовластно, украшаютъ и обогащаютъ его безъ всякаго ученаго законодательства.* Мысль сія можетъ справедлива быть въ нѣкоторой токмо весьма тѣсной ограниченности. Она, конечно, лестна для всѣхъ безъ изъятія, какъ писателей, такъ и читателей; ибо предполагаетъ въ каждомъ изъ нихъ совершенное знаніе и любовь къ языку. Но разсуждая вообще о нововводимыхъ и пріемлемыхъ въ языкъ словахъ, едва ли она содержитъ въ себѣ столько истины, сколько снисхожденія; ибо ежели мы можемъ сказать сіе о пяти или десяти словахъ, то напротивъ того о цѣлыхъ сотняхъ должны сказать противное тому, то есть, что они не *родились вмѣстѣ съ мыслями,* но взяты точно тѣми же, или переведены съ чужихъ словъ, чужою мыслію, часто намъ несвойственною, порожденныхъ, и вошли въ языкъ не по *щастливому вдохновенію таланта,* но по неосновательной переимчивости, и утверждаются въ немъ не *самовластно,* то есть не властію достоинства своего, но силою частаго повторенія тѣми, которые понимаютъ ихъ не по разуму собственнаго своего, но по смыслу чужаго языка. Навыкъ силенъ. Часто слышанное нами вкореняется въ нашъ умъ и

Между тѣмъ, не взирая на опасность гнѣва ихъ, я осмѣлюсь предложить здѣсь нѣкоторыя противныя мнѣнію ихъ разсужденія, дабы упражняющихся въ словесности моло-

---

покоряетъ его подъ свое иго. Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ новыми доводами и примѣрами. Въ книгѣ сей довольно ихъ показано. Сверхъ сего можно прочитать еще въ одиннатцатой книжкѣ Академическихъ Извѣстій статью II подъ названіемъ: *нѣкоторыя выписки изъ сочиненій Графа Мейстера съ примѣчаніями на оныя.* Изъ сего можно будетъ достаточно усмотрѣть (ибо исчислить всѣ худовводимыя слова недостало бы ни у кого терпѣнія), что языкъ отъ таковыхъ нововведеній несравненно больше скудѣетъ и портится, нежели богатѣетъ и украшается, и естьли не оговаривать сихъ несвойственныхъ ему словъ и выраженій, естьли не дѣлать имъ никакого *законодательства*, то напослѣдокъ заразятъ они его совершеннымъ мракомъ и непонятностію. Употребленіе и навыкъ вводятъ въ языкъ слово, но оправдываютъ его не они, а разсудокъ. Державинъ нѣгдѣ о мелкомъ при солнечныхъ лучахъ волненіи рѣкъ сказалъ: *чешуятся рѣки златомъ*. Онъ первый примыслилъ и употребилъ глаголъ сей, толь прилично изображающій взволнованную вѣтеркомъ поверхность водъ. Подобная новость въ языкѣ, или правильнѣе въ словесности, есть, конечно, *щастливое вдохновеніе таланта;* но можно ли тожъ самое сказать о выраженіи *вліяніе на*, о которомъ здѣсь разсуждается (или о иныхъ тому подобныхъ)? Какимъ образомъ, не взирая на то, что оно вошло въ общее употребленіе, присвоимъ мы ему сіе право? оно не *вмѣстѣ съ мыслями родилось*, но взято съ Фран-

дыхъ людей, не со всѣмъ заразившихся еще сею язвою, остановить, буде возможно, отъ предосудительнаго имъ послѣдованія; ибо изъ сихъ разсужденій яснѣе можно будетъ

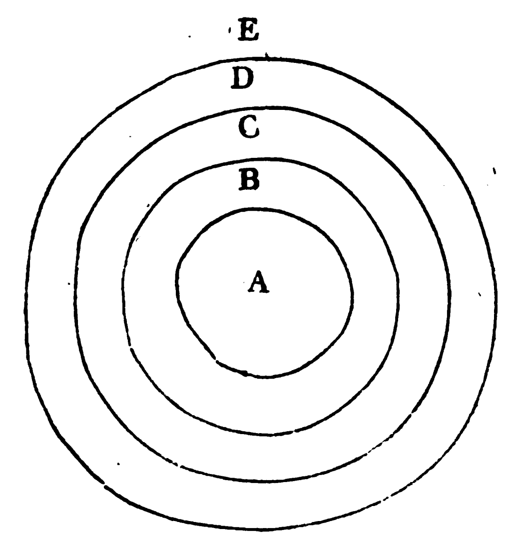
цускаго: *influence sur*, и притомъ переведено худо, а имянно по свойству ихъ, а не по свойству нашего языка; ибо Латинскіе глаголы *fluo*, *influo* (откол̀ѣ Французы взяли свое выраженіе), значатъ *теку*, *втекаю*, а не *лью*, *вливаю*. Сіи два дѣйствія въ частныхъ значеніяхъ своихъ имѣютъ не малое различіе, и потому во всѣхъ языкахъ разными названіями выражаются: мы говоримъ *течь* и *лить*, Французы *couler* и *verser*, Нѣмцы *flissen* и *gissen*, и такъ далѣе. Сверхъ сего каждый языкъ имѣетъ свое свойство: одинъ употребляетъ слово въ иносказательномъ смыслѣ, въ какомъ другой не употребляетъ. Мы весьма прилично можемъ о какомъ нибудь витязѣ сказать: *течетъ на брань*. Французъ въ подобномъ случаѣ не скажетъ: *il coule au champ de bataille*. Такъ и намъ несвойственно всѣ его иносказанія перенимать и вносить въ свой языкъ. Но положимъ, чтобы мы, имѣя надобность въ выраженіи его *influence sur*, и хотѣли, не ища никакихъ своихъ оборотовъ, перевесть оное по точности словъ, то и тогда, мнѣ кажется, скорѣе можно бы было употребить для сего слово *втеченіе*, нежели *вліяніе*; ибо, хотя мы въ языкѣ нашемъ и не находимъ, чтобъ слова сіи когда либо употреблялись въ семъ иносказаніи, однакожъ лучше поймемъ, напримѣръ, *втекаетъ въ память*, *втеченіе во нравы*, нежели *вливается на память*, *вліяніе на нравы*, и проч. Опять повторю: навыкъ ко всему пріучить можетъ, но должно ли слѣпо ему повиноваться,

усмотрѣть, что тотъ, кто переводитъ, или лучше сказать перекладываетъ такимъ образомъ слова съ одного языка на другой, худое имѣетъ понятіе о происхожденіи и

и то, что не подходитъ подъ здравый разсудокъ, почитать красотою? Возмемъ еще весьма употребительное нынѣ выраженіе: *носить отпечатокъ;* оно также взято съ Французскаго: *porter l'empreinte.* Я понимаю слово *отпечатокъ*, но выраженіе *носить отпечатокъ* не иначе понимаю, какъ по Французскому языку. Начто брать съ чужаго языка то, что и на немъ есть нѣкое натянутое, худо придуманное уподобленіе; а на нашемъ еще болѣе, по причинѣ новости своей и необыкновенности. Для чего вмѣсто слѣдующей выписки (взятой изъ печатной книги): *„все, что вы видите въ семъ городѣ, носитъ на себѣ отпечатокъ строгаго порядка*, не сказать просто: *все, что вы видите въ семъ городѣ, показываетъ строгой порядокъ*, или *наблюденіе строгаго порядка?* Красота языка, не въ томъ состоитъ, чтобъ тамъ объясняться на немъ хитро - придуманными уподобленіями, гдѣ простое выраженіе гораздо лучше и яснѣе. Послѣ словъ: *я вижу вездѣ порядокъ*, нѣтъ надобности толковать ихъ; онѣ сами по себѣ ясны; но послѣ словъ: *я вижу вездѣ отпечатокъ порядка*, надобно ломать себѣ голову, чтобъ добраться до смысла сей рѣчи. Первое, надобно представить себѣ *порядокъ печатью* (какое несвойственное превращеніе одной вещи въ другую: порядка въ печать!), и второе, надлежитъ сдѣлать уподобленіе не меньше странное, что какъ отъ печати, послѣ тисненія ею, остается на сургучѣ или воскѣ изображеніе, называемое *отпечаткомъ* (въ прямомъ смыслѣ), такъ, когда

свойствѣ языковъ, и о ихъ между собою соотвѣтствованіи.

Во всякомъ языкѣ есть множество такихъ словъ или названій, которыя въ долговременномъ отъ разныхъ писателей употребленіи получили различные смыслы, или изображаютъ разныя понятія, и потому знаменованіе ихъ можно уподобить кругу, раждающемуся отъ брошеннаго въ воду камня, и отчасу далѣе предѣлы свои распространяющему. Возмемъ на примѣръ слово *свѣтъ*



и разсмотримъ всю обширность его знаменованія. Положимъ сначала, что оно заклю-

---

мы *порядокъ* возмемъ за *печать*, и этимъ порядкомъ, какъ бы печатью, тиснемъ, то отъ него останется такое же изображеніе, называемое тожъ *отпечаткомъ* (въ иносказательномъ смы-

чаетъ въ себѣ одно токмо понятіе о сіяніи или о лучахъ, исходящихъ отъ какого нибудь свѣтила, какъ то въ слѣдующей рѣчи: *солнце разливаетъ свѣтъ свой повсюду*. Изобразимъ оное чрезъ кругъ А, котораго окружность В опредѣляетъ вышесказанный смыслъ его, или заключающееся въ немъ понятіе. Станемъ потомъ пріискивать оное въ другихъ рѣчахъ, какъ напримѣръ въ слѣдующей: *Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ*. Здѣсь слово *свѣтъ* не значитъ уже исходящіе лучи отъ свѣтила, но ученіе или наставленіе, проистекающее отъ премудрости Христовой. Итакъ получило оно другое понятіе, которое присоединяя къ первому, находимъ, что смыслъ слова сего расширился, или изображающій его кругъ А распространился до окружности С. Въ рѣчи: *семдесятъ вѣковъ прошло, какъ свѣтъ стоитъ*,

слѣ). Какое трудное, нимало не нужное усиліе мыслей, дабы выразить хитросплетеннымъ образомъ самое простое понятіе о существованіи порядка! я могъ бы показать тысячи подобныхъ нововведеній, которыми стараются нынѣ *обогащать* и *украшать* языкъ, называя ихъ *цвѣтущимъ, легкимъ слогомъ*, и презирая для нихъ старый, часто сильный и краснорѣчивый слогъ, которой называютъ они *тяжелымъ;* могъ бы выписать много *пыльныхъ могилъ, кипящихъ табуновъ, душистыхъ тѣней*, и проч. и проч.; но къ чему послужатъ мои доказательства? оставимъ времени исправить заблужденія; оно покажетъ истину.

слово *свѣтъ* не заключаетъ уже въ себѣ ни одного изъ вышеписанныхъ понятій, но означаетъ весь міръ или всю вселенную. Присоединяя сіе третіе понятіе къ двумъ первымъ, ясно видимъ, что кругъ A распространился до окружности D. Въ рѣчи: *онъ натерся въ свѣтѣ*, слово *свѣтъ* представляетъ паки новое понятіе, а именно, общество отличныхъ людей: слѣдовательно кругъ A распространился еще до окружности E. Въ рѣчи: *Америка есть новый свѣтъ*, слово *свѣтъ* означаетъ новонайденную землю, подобную прежде извѣстнымъ, то есть Европѣ, Азіи и Африкѣ. И такъ кругъ A получилъ еще большее распространеніе. Наконецъ отъ сего слова, какъ бы отъ нѣкоего корня, произошли многія вѣтьви или отрасли: *свѣтлый*, *свѣтскій*, *свѣтящійся*, *свѣтило*, *свѣтлица*, и такъ далѣе. Каждая изъ сихъ отраслей также въ разныхъ смыслахъ употребляется: *свѣтлое* солнце, значитъ *сіяющее; свѣтлая* одежда, значитъ *великолѣпная; свѣтлое* лице, значитъ *веселое.* Подъ именемъ *свѣтскаго* человѣка разумѣется иногда отличающійся отъ духовнаго, а иногда умѣющій учтиво и пріятно обращаться съ людьми. Такимъ образомъ кругъ, опредѣляющій знаменованіе слова *свѣтъ*, отчасу далѣе разширяетъ свои предѣлы. Сіе есть свойство всякаго языка, но въ ка-

ждомъ языкѣ данные одному слову различные смыслы и произведеніе отъ нихъ другихъ словъ, или распространеніе вышепомянутаго круга, опредѣляющаго ихъ знаменованіе, не одинакимъ образомъ дѣлается. Напримѣръ въ сказанной выше сего рѣчи: *солнце разливаетъ свѣтъ свой повсюду*, Россійскому слову *свѣтъ* соотвѣтствуетъ Французское слово *lumiere;* но въ другой рѣчи: *семдесятъ вѣковъ прошло, какъ свѣтъ стоитъ*, томужъ самому слову во Французскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ уже слово *monde*, а не *lumiere*. Равнымъ образомъ отъ Россійскаго имени *свѣтъ* происходитъ названіе *свѣтило;* напротивъ того во Французскомъ языкѣ свѣтило называется особливымъ именемъ *Astre*, отнюдь не происходящимъ отъ слова *lumiere*.

Происхожденіе словъ подобно древу; ибо какъ возникающее отъ корня младое дерево пускаетъ отъ себя различныя вѣтьви, и отъ высоты возносится въ высоту, и отъ силы преходитъ въ силу, такъ и первоначальное слово сперьва означаетъ одно какое нибудь главное понятіе, а потомъ проистекаютъ и утверждаются отъ онаго многія другія. Часто корень его теряется отъ долговременности. Старинное Славенское, или отъ Славенскаго происходящее слово *доба* нынѣ намъ совсѣмъ не извѣстно. Можетъ быть оно заключало въ себѣ пространный смыслъ,

но мы изъ нѣкоторыхъ находимыхъ нами въ книгахъ весьма не многихъ рѣчей, таковыхъ какъ: *доба намъ отъ сна встати*, знаемъ токмо часть онаго, догадываясь, что оно значило *пора* или *не худо*. Между тѣмъ корень сей сколько пустилъ различныхъ отраслей? *Надобно*, *снадобье*, *подобно*, *удобно*, *сдобно*, *подобаетъ*, *сподобиться*, *преподобіе*, *доблесть*, а можетъ быть и слово *добро* отъ негожъ имѣетъ свое начало. Отъ глагола *разить* или отъ имени *разъ* происходятъ слова: *пораженіе*, *раздраженіе*, *выраженіе*, *возраженіе*, *подражаніе* и проч. Всѣ оныя изображаютъ различныя понятія. Соотвѣтствующія симъ Французскія слова: *irritation*, *expression*, *imitation* и проч., отъ одного ли проистекаютъ источника? Могутъ ли два народа въ составленіи языка своего имѣть одинакія мысли и правила? Отсюду выходитъ слѣдующее разсужденіе:

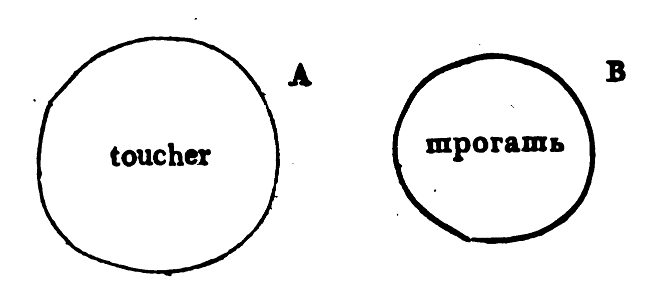
Всѣ извѣстныя намъ вещи раздѣляются на видимыя и невидимыя, или иначе сказать, однѣ постигаемъ мы чувствами, а другія разумомъ: *солнце*, *звѣзда*, *камень*, *дерево*, *трава* и проч. суть видимыя вещи; *счастіе*, *невинность*, *щедрота*, *ненависть*, *лукавство*, и проч. суть вещи умственныя, или разумомъ постигаемыя. Каждая изъ всѣхъ сихъ вещей на всякомъ языкѣ изображается особливымъ названіемъ; но между сими различными ка-

ждаго языка словами, означающими одну и тужъ самую вещь, находится слѣдующая разность: тѣ изъ нихъ, кои означаютъ видимую вещь, хотя звукомъ произношенія и составляющими ихъ письменами различны между собою, однакожъ кругъ знаменованія ихъ на всѣхъ языкахъ есть почти одинаковъ: вездѣ напримѣръ, гдѣ стоитъ во Французскомъ *soleil*, или въ Нѣмецкомъ *Sonne*, или въ Англинскомъ *sun*, можно въ Россійскомъ поставить *солнце*. Напротивъ того тѣ названія, коими изображаются умственныя вещи, или дѣйствія наши, имѣютъ весьма различные круги знаменованій, поелику, какъ мы выше сего видѣли, происхожденіе словъ, или сцѣпленіе понятій, у каждаго народа дѣлается своимъ особливымъ образомъ. Въ каждомъ языкѣ есть много даже такихъ словъ, которымъ въ другомъ нѣтъ соотвѣтствующихъ *). Такожъ одно и тожъ слово

*) Мы говоримъ: *зѣи не видать*. Какое знаменованіе имѣетъ на Французскомъ языкѣ слово *зеа?* Прохожій у Сумарокова въ притчѣ, укоряя старика, идущаго пѣшкомъ за мальчикомъ, который ѣхалъ на ослѣ верьхомъ, говоритъ ему: *лучше бы мальчику велѣлъ ты идти пѣшкомъ, а самъ бы ѣхалъ, старый хрѣнъ!* Употребленіе сдѣлало, что иносказательный смыслъ выраженія *старый хрѣнъ* весьма для насъ понятенъ; слѣдовательно въ нашемъ языкѣ имѣетъ оно нѣкоторый кругъ знаменованія, но во Французскомъ языкѣ *vieux raifort* означаетъ токмо самую вещь, а въ иносказательномъ смыслѣ никакого круга знаменованія не имѣетъ.

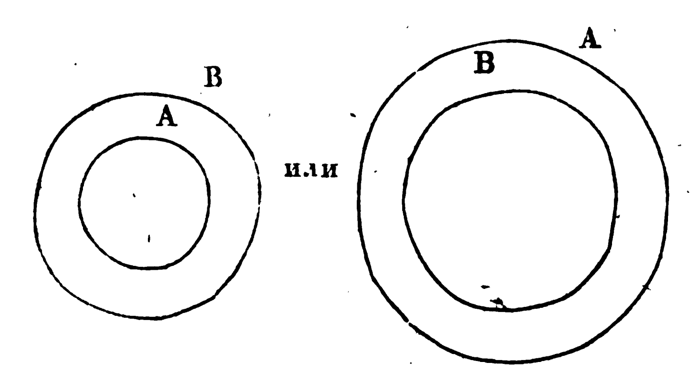
одного языка, въ разныхъ составахъ рѣчей, выражается иногда такимъ, а иногда инымъ словомъ другаго языка. Объяснимъ сіе примѣрами:

Положимъ, что кругъ, опредѣляющій знаменованіе Французскаго глагола, напримѣръ *toucher*, есть A, и что сему глаголу въ Россійскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ, или тожъ самое понятіе представляетъ, глаголъ *трогать*, котораго кругъ знаменованія да будетъ B.

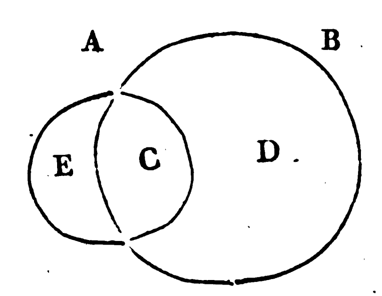


Здѣсь во первыхъ надлежитъ примѣтить, что сіи два круга никогда не бываютъ равны между собою такъ, чтобъ одинъ изъ нихъ, будучи перенесенъ на другой, совершенно покрылъ его; но всегда бываютъ одинъ другаго или больше или меньше; и да-

же никогда не могутъ быть единоцентрены, какъ ниже изображено:



Но всегда пресѣкаются между собою и находятся въ слѣдующемъ положеніи:



C есть часть общая обоимъ кругамъ, то есть та, гдѣ Французской глаголъ *toucher* соотвѣтствуетъ Россійскому глаголу *трогать*, или можетъ быть выраженъ онымъ, какъ напримѣръ въ слѣдующей рѣчи: *toucher avec les mains, трогать руками.*

E есть часть круга Французскаго глагола *toucher*, находящаяся внѣ круга B, означающаго Россійскій глаголъ *трогать*, какъ напримѣръ въ слѣдующей рѣчи: *toucher le clavicin*. Здѣсь глаголъ *toucher* не можетъ выраженъ быть глаголомъ *трогать*; ибо мы не говоримъ *трогать клавикорды*, но *играть на клавикордахъ*; и такъ глаголу *toucher* соотвѣтствуетъ здѣсь глаголъ *играть*.

D есть часть круга Россійскаго глагола *трогать*, находящаяся внѣ круга A, означающаго Французскій глаголъ *toucher*, какъ напримѣръ въ слѣдующей рѣчи: *тронуться съ мѣста*. Здѣсь Россійскій глаголъ *тронуться* не можетъ выраженъ быть Французскимъ глаголомъ *toucher*, поелику Французамъ несвойственно говорить: *Se toucher d'une place*; они объясняютъ сіе глаголомъ *partir*. Итакъ въ семъ случаѣ Россійскому глаголу *трогать* соотвѣтствуетъ Французской глаголъ *partir*.

Разсуждая такимъ образомъ, ясно видѣть можемъ, что составъ одного языка несходствуетъ съ составомъ другаго, и что во всякомъ языкѣ слова получаютъ силу и знаменованіе свое во первыхъ отъ корня, отъ котораго онѣ происходятъ, во вторыхъ отъ употребленія. Мы говоримъ: *вкусить смерть*; Французы не скажутъ *gouter*, а говорятъ: *subir la mort*. Глаголъ ихъ *assister*, по нашему значитъ иногда *помогать*, а иногда

присутствовать, какъ напримѣръ: *assister un pauvre, помогать бѣдному*, и *assister à la ceremonie, присутствовать при отправленіи какого нибудь обряда.* Каждый народъ имѣетъ свой составъ рѣчей и свое сцѣпленіе понятій, а потому и долженъ ихъ выражать своими словами, а не чужими, или взятыми съ чужихъ. Но хотѣть Руской языкъ располагать по Французскому, или тѣми же самыми словами и выраженіями объясняться на Рускомъ, какими Французы объясняются на своемъ языкѣ, не то ли самое значитъ, какъ хотѣть, чтобъ всякой кругъ знаменованія Россійскаго слова равенъ былъ кругу знаменованія соотвѣтствующаго ему Французскаго слова? Возможно ли сіе сдѣлать и сходно ли съ разсудкомъ желать часть E, ихъ круга A, включить въ нашъ языкъ, а часть D, нашего круга B, выключить изъ онаго, то есть вмѣсто *играть на клавикордахъ*, говорить: *трогать клавикорды?* Не чудно ли, не смѣшно ли сіе? Но мы не то ли самое дѣлаемъ, когда вмѣсто жалкое зрѣлище говоримъ, *трогательная сцѣна;* вмѣсто перемѣна правленія, *переворотъ;* вмѣсто сближить къ срединѣ, *сосредоточить* и такъ далѣе? Остается только истребить часть D: то есть всѣ тѣ рѣчи, которыя не могутъ изъ слова въ слово переведены быть на Французской языкъ, объявить не Руским

и выключить ихъ изъ нашего языка, яко недостойныя пребывать въономъ *). Какъ ни кажется таковая мысль нелѣпою и не воз-

*) Изъ весьма многихъ приведемъ здѣсь въ доказательство хотя одинъ примѣръ. Мнѣ случилось нѣгдѣ прочитать: *Тусентъ былъ великій духъ между Неграми.* Въ сей рѣчи слово *духъ* не есть Руское. Сему не должно удивляться: мы часто въ нынѣшнихъ книгахъ находимъ слова, которыя по выговору кажутся быть Рускими, а по разуму иногда чужестранныя, иногда же ни Рускія ни чужестранныя, и потому въ семъ послѣднемъ случаѣ надлежитъ ихъ причислять къ роду *загадокъ*. Мы ясно сіе увидимъ, когда вышесказанную рѣчь разсмотримъ: что разумѣется подъ словомъ *духъ?* Во первыхъ *безплотное существо*, какъ напримѣръ: *Богъ есть духъ;* мы даже не говоримъ, *Христосъ есть духъ*, по причинѣ воплощенія онаго; во вторыхъ *душевное свойство*, какъ напримѣръ: *мужъ твердый* или *твердаго духа;* въ третьихъ *запахъ*, какъ напримѣръ: *какой у этаго цвѣтка прекрасный духъ!* Сіи суть главныя значенія онаго, прочія мы оставляемъ, яко ненужныя для доказательства нашего. Въ вышесказанной рѣчи: *Тусентъ былъ великій духъ между Неграми*, слово *духъ* не имѣетъ ни единаго изъ помянутыхъ значеній; ибо естьли мы возмемъ оное въ первомъ его знаменованіи, то столько же не можемъ сказать: *Тусентъ былъ духъ*, сколько: *баранъ былъ духъ*, поелику ни тотъ ни другой не есть *безплотное существо*. Естьли же возмемъ оное во второмъ его знаменованіи, то есть будемъ разумѣть подъ онымъ нѣкоторое доброе или худое свойство души нашей, какъ напримѣръ подъ робкимъ духомъ *трусость*, подъ неустрашимымъ духомъ *храбрость*, и такъ далѣе; то и въ семъ смыслѣ не льзя ни о комъ сказать *онъ былъ великій духъ*, такъ какъ не льзя сказать: *онъ былъ великая трусость* или *великая храбрость*. Наконецъ, естьли мы возмемъ оное въ третьемъ знаменованіи, и будемъ подъ словомъ *духъ* разумѣть *запахъ;* то и въ семъ разумѣ не льзя сказать: *Тусентъ былъ великій духъ*, но должно говорить: *отъ Тусента былъ великій духъ*. Слѣдовательно въ вышеупомянутой рѣчи слово *духъ* есть токмо по произношенію Руское, но по разуму или знаменованію его оное не есть Руское: какое же? Французское *esprit*. И такъ, когда мы

можною, и что сей путь не во храмъ красноречія ведетъ насъ, но въ вертепъ *невразумительной смѣси;* однако изъ предъидущихъ примѣровъ уже нѣсколько явствовало, а изъ послѣдующихъ еще яснѣе будетъ, что мы всякое тщаніе и попеченіе о томъ прилагаемъ.

Главная причина, къ какой многіе нынѣшніе писатели относятъ необходимость рабственнаго подражанія ихъ Французамъ, состоитъ въ томъ, что они, читая Французскія книги, находятъ иногда въ нихъ такія слова, которымъ, по ихъ мнѣнію, на нашемъ языкѣ нѣтъ равносильныхъ, или точно соотвѣтствующихъ *). Чтожъ до того? Не

Руския слова не стараемся употреблять въ прямыхъ Рускихъ знаменованіяхъ и выраженіяхъ, каковы напримѣръ суть: *духъ цѣломудрія, духъ бурень, притаить духъ, возвыситься духомъ,* и тому подобныхъ, для того, что Французы не говорятъ: *esprit de la chasteté, esprit de tempete, etc.* а напротивъ того употребляемъ ихъ во Французскомъ знаменованіи, говоря о человѣкѣ: *онъ есть великій духъ,* для того, что Французы говорятъ: *c'est un grand esprit,* то не явствуетъ ли изъ того, что мы противуестественнымъ и всякое здравое понятіе разрушающимъ образомъ уравнивая круги знаменованія словъ, несвойственную и чуждую намъ часть E круга A вводимъ въ нашъ языкъ, а часть D собственнаго своего круга B тщимся истребить или предать забвенію, то есть: оставляя истинное красноречіе стараемся вводить непонятное.

*) Иныхъ можетъ быть нѣтъ, а другія и есть, но мы, не читая книгъ своихъ, не можемъ ихъ знать. Виноватъ ли бы былъ языкъ, естьли бы кто слово *preface* перевелъ *предъитіе.* не знавъ, что оно давно уже употребительно и называется *предисловіемъ?* Мы выше сего видѣли подобный

ужъ ли безъ знанія Французскаго языка не позволено быть краснорѣчивымъ? Мало ли въ нашемъ языкѣ такихъ названій, которыхъ Французы точно выразить не могутъ? *Милая, гнусный, погода, пожалуй, благоутробіе, чадолюбіе* и множество сему подобныхъ, коимъ на Французскомъ языкѣ конечно нѣтъ равносильныхъ; но меньше ли чрезъ то писатели ихъ знамениты? Гоняются ли они за нашими словами, и говорятъ ли: *mon petit pigeon*, для того, что мы говоримъ: *голубчикъ мой?* Стараются ли они глаголъ *приголубить* выражать на своемъ языкѣ глаголомъ, происходящимъ отъ имени *pigeon*, ради того, что онъ у насъ происходитъ отъ имени *голубь?* Силу нашихъ рѣчей, таковыхъ напримѣръ, какъ: *мнѣ было говорить, писать было тебѣ къ твоему отцу, быть писать, быть посему* и проч., выразятъ ли они на своемъ языкѣ, когда переведутъ ихъ изъ слова въ слово: *à moi été parler, écrire à toi été, être écrire, être comme cela* etc.? Странно бы сіе было и смѣшно, и не было бы у нихъ ни Расиновъ, ни Буаловъ, естьлибъ они такъ думали; но мы не то ли самое дѣлаемъ? Не находимъ ли мы въ нынѣшнихъ нашихъ книгахъ: *под-*

сему переводъ слова *influanse;* а въ приложенныхъ ниже сего примѣчаніяхъ еще болѣе таковыхъ примѣровъ увидимъ.

пирать мнѣніе свое, двигать духами, черта злословія и проч.? Не есть ли это рабственный переводъ съ Французскихъ рѣчей: *soutenir son opinion, mouvoir les esprits, un trait de satire?* Я думаю скоро, *boire à long traits,* станутъ переводить: *пить долгими чертами; il a epousé ma colere, онъ женился на моемъ гнѣвѣ.* Наконецъ меньше ли странны слѣдующія и симъ подобныя рѣчи: *имена мѣлкія цѣны. — Принудился провождать скитающуюся жизнь. — Голова его образована для тайной связи съ невинностію. — Храбрость обоихъ оказывается самъ на самъ. — Законъ ударяетъ совсѣмъ на иные предметы* и проч.?

Между тѣмъ, какъ мы занимаемся симъ юродливымъ переводомъ и выдумкою словъ и рѣчей, нимало намъ не свойственныхъ, многія коренныя и весьма знаменательныя Россійскія слова иныя пришли совсѣмъ въ забвеніе; другія не взирая на богатство смысла своего, сдѣлались для не привыкшихъ къ нимъ ушей странны и дики; третьи перемѣнили совсѣмъ знаменованіе свое и употребляются не въ тѣхъ смыслахъ, въ какихъ сначала употреблялись *). Итакъ съ одной стороны въ языкъ нашъ вводятся нелѣпыя новости, а съ другой истребляются

---

*) Въ продолженіи сего сочиненія увидимъ мы ясные тому примѣры и доказательства.

и забываются издревле принятыя и многими вѣками утвержденныя понятія: такимъ то образомъ процвѣтаетъ словесность наша и образуется пріятность слога, называемая Французами *elegance!*

Многіе нынѣ, почитая невѣжество свое глубокимъ знаніемъ и просвѣщеніемъ, презираютъ Славенскій языкъ и думаютъ, что они весьма разумно разсуждаютъ, когда изо всей мочи кричатъ: не ужъ ли писать *аще*, *тoчію*, *вскую*, *уне*, *лоне*, *распудить* и проч.? Такихъ словъ, которыя обветшали уже и мѣста̀ ихъ заступили другія, толико же знаменательныя, конечно нѣтъ никакой нужды употреблять; но дѣло въ томъ, что мы вмѣстѣ съ ними и отъ тѣхъ словъ и рѣчей отвыкаемъ, которыя составляютъ силу и красоту языка нашего. Какъ могутъ обветшать прекрасныя и многозначащія слова, таковыя напримѣръ, какъ: *дебелый*, *доблесть*, *присно*, и отъ нихъ происходящія: *одебелѣть*, *доблій*, *приснопамятный*, *приснотекущій* и тому подобныя? Должны ли слуху нашему быть дики прямыя и коренныя наши названія, таковыя, какъ: *любомудріе*, *умодѣліе*, *зодчество*, *багряница*, *вождelѣніе*, *велелѣліе* и проч.? Чемъ меньше мы ихъ употреблять станемъ, тѣмъ бѣднѣе будетъ становиться языкъ нашъ, и тѣмъ болѣе возрастать невѣжество наше; ибо вмѣсто при-

родныхъ словъ своихъ и собственнаго слога мы будемъ объясняться чужими словами и чужимъ слогомъ. Отъ чего напримѣръ, *благорастворенный воздухъ*, есть выраженіе всякому вразумительное, между тѣмъ, какъ рѣчь: *царство мудростію растворенное*, многимъ кажется непонятною? Отъ того, что они не знаютъ всей силы и знаменованія глагола *растворять*. Приложенный при концѣ сего сочиненія Словарь хотя не иное что есть, какъ малый токмо опытъ, однако изъ него довольно явствовать будетъ, какъ много есть такихъ словъ, которыхъ знаменованія, отъ того, что мы пренебрегаемъ языкъ свой, не токмо не распространены, не обработаны, не вычищены; но напротивъ того стѣснены, оставлены, забыты. Премножество богатыхъ и сильныхъ выраженій, которыя прилѣжнымъ упражненіемъ и трудолюбіемъ могли бы возрасти и умножиться, остаются въ зараженныхъ Французскимъ языкомъ умахъ нашихъ безплодны, какъ сѣмена ногами попранныя или на камень упавшія. Предосудительно конечно и не хорошо безобразить слогъ свой смѣшеніемъ высокихъ Славенскихъ рѣченій съ простонародными и низкими выраженіями, но поставить знаменательное слово приличнымъ образомъ и къ статѣ весьма похвально, хотя бы оно и не было обыкновенное. У Ломоносова от-

чаянная Дидона зложелательствуя Енею, говоритъ:

Зажглабъ всѣ корабли и съ сыномъ бы отца
Истнила и сама повергласъ бы на нихъ.

Виноватъ ли Ломоносовъ, что употребилъ глаголъ *истнить*, котораго знаменованіе можетъ быть не всякому извѣстно? Отнюдь нѣтъ. Довольно для него, что слово сіе есть истинное Руское и вездѣ въ Священныхъ книгахъ употребляемое. Онъ писалъ для людей любящихъ языкъ свой, а не для тѣхъ, которые ничего Рускаго не читаютъ, и ни языка своего, ни обычаевъ своихъ, ни отечества своего не жалуютъ. Мы думаемъ, что мы весьма просвѣщаемся, когда оставляя путь предковъ нашихъ, ходимъ, какъ невольники за чужестранными, и въ посмѣяніе себѣ всякой глупости ихъ послѣдуемъ и подражаемъ! Мы не говоримъ нынѣ: *лице свѣтлое щедротою, уста утѣшеніемъ сладкія*, для того, что Французы не говорятъ: *visage lumineuse par génerosité*, *levres douces par consolation;* но напротивъ того говоримъ: *предметъ нѣжности моей, онъ вышелъ изъ его горницы спанья* (вмѣсто изъ своей спальни), для того, что они говорятъ: *objet de ma tendresse, il est sorti de sa chambre à coucher.* Мы начинаемъ забывать и уже нигдѣ въ новыхъ книгахъ своихъ не находимъ старин-

ныхъ нашихъ выраженій и мыслей, каковы напримѣръ суть нижеслѣдующія:

Препоясалъ мя еси силою на брань.

Уже тебѣ пора во крѣпость облещись.

Горняя мудрствуйте, не земная.

Утвердилъ еси руку свою на мнѣ.

Въ скорби распространилъ мя еси.

Вѣщаетъ ветхій деньми къ ней.

Подвизаться моленіемъ непрестаннымъ.

Воевать за Вѣру Православную.

Защитить рукою крѣпкою и мышцею высокою.

Расти какъ тѣломъ, такъ и духомъ въ премудрости и любви Божіей.

Богатѣть въ тѣлесныя и душевныя добродѣтели паче, нежели въ сребро и злато.

Принесемъ хвалу солнцу мысленному Богу не вечернему.

Просвѣти сердце мое на разумѣніе заповѣдей Твоихъ, и отверзи устнѣ мои на исповѣданіе чудесъ Твоихъ.

Истинна моя и милость моя съ нимъ, и о имени моемъ вознесется рогъ его.

Иди къ пещерамъ Кіевскимъ, о Православне, иди восхожденіемъ сердечнымъ грядый отъ силы въ силу, иди и возревнуй видѣвъ пути тѣхъ, иже во ископанной земли не брашно гиблющее съ мравіями, но пребывающее въ животъ вѣчный, еже есть твореніе воли Божія, собираху во время лѣтнее житія сего, на

зиму страшнаго суда, егда отъ лица мраза Его кто постоитъ?

Мы, говорю, нынѣ забываемъ сей слогъ, и сладкою изобильно текущею изъ богатаго источника сего водою отнюдь не стараемся напоять умы наши. Что же мы дѣлаемъ? На мѣсто сихъ толико сильныхъ, толико же краткихъ и прекрасныхъ выраженій, вводимъ въ языкъ нашъ слѣдующія и имъ подобныя:

Жестоко человѣку несчастному дѣлать еще упреки, бросающіе тѣнь на его характеръ.

Погрузиться въ состояніе моральнаго увяданія.

Онъ простыхъ нравовъ, но счастіе наполнило его идеями богатства.

Съ важною ревностію стараться страдательное участіе перемѣнить на роль всеобщаго посредничества.

Положеніе Государства внутри, равно какъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ, было въ умножающемся безпрестанно переломѣ.

Умножить предуготовительныя военныя сцены.

Отчаяніе нужды превратилось въ бурливыя сцены и движенія.

Отвѣты учениковъ на вопросы, дѣланные имъ при открытомъ испытаніи изъ предметовъ имъ преподаваемыхъ.

Чувствованіе несправедливости оживотворяло мѣщанъ нашихъ духомъ порядка и соразмѣрнѣйшей дѣятельности.

Онъ долженъ былъ опять сойти съ зрѣлища, на которомъ изступленное его любочестіе такъ долго выставлялось, и возвратиться въ прежнее приватное свое состояніе презрѣнія, обманутыхъ желаній и всѣми пренебрежной посредственности, и проч., и проч., и проч.

Мы думаемъ, быть великими изобрѣтателями и краснорѣчія учителями, когда коверкая собственныя слова свои пишемъ: *уистинствовать, отвѣтность, предѣльность, повсенародность, возъуловая, смертнозаразоносящаяся, ощутительнѣйшее вразумленіе, практическое умоключеніе* и проч.

Мы не хотимъ подражать Ломоносову и ему подобнымъ. Онъ, напримѣръ: описывая красоту рощи, между прочимъ въ концѣ своего описанія говоритъ: *но что пріятное и слухъ услаждающее пѣніе птицъ, которое съ легкимъ шумомъ колеблющихся листовъ и журчаніемъ ясныхъ источниковъ раздается? Не духъ ли и сердце восхищаетъ и всѣ суетнымъ раченіемъ смертныхъ изобрѣтенныя роскоши въ забвеніе приводитъ.* Это слишкомъ просто для насъ. Слогъ нашъ нынѣ гораздо кудрявѣе, какъ напримѣръ: *въ сердечномъ убѣжденіи привѣтствую тебя, ближайшая сѣнистая роща! прохладной твоей мрачности*

внимали мои ощущенія разнѣженныя симфоніею пернатыхъ привитающихъ.

Напитавшимся *тонкимъ вкусомъ* Французской литературы, можетъ ли нравиться намъ подобное сему описаніе весны:

Смотрѣть на роскошъ преизобилующія натуры, когда она въ пріятные дни наступающаго лѣта, поля, лѣса и сады нѣжною зеленью покрываетъ, и безчисленными родами цвѣтовъ украшаетъ, когда текущія въ источникахъ и рѣкахъ ясныя воды, съ тихимъ журчаніемъ къ морямъ достигаютъ, и когда обремененную сѣменами землю, то любезное солнечное сіяніе согрѣваетъ, то прохлаждаетъ дождя и росы благорастворенная влажность, слушать тонкій шумъ трепещущихся листовъ и внимать сладкое пѣніе птицъ: есть чудное и чувство и духъ восхищающее увеселеніе.

или:

Какъ лютый мразъ весну прогнавши,
Замерзлымъ жизнь даетъ водамъ;
Туманы, бури, снѣгъ поправши,
Являетъ ясны дни странамъ,
Вселенну паки воскрешаетъ,
Натуру намъ возобновляетъ,
Поля цвѣтами краситъ вновь и проч.

или:

Кончаетъ солнце кругъ, весна въ луга идетъ,
Увеселяетъ тварь, и обновляетъ свѣтъ.

Сокрылся снѣгъ, трава изъ плѣна выступаетъ.
Источники журчатъ. и жаворонокъ вспѣваетъ.

Нѣтъ! мы не жалуемъ нынѣ сей простоты, которую всякъ разумѣть можетъ. Нѣтъ! мы любимъ такъ высоко летать, чтобъ око ума читателева видѣть насъ не могло. Напримѣръ:

Проникнутый ефирнымъ ощущеніемъ всевозраждающей весны, схвативъ мирный посохъ свой милаго мнѣ Томсона, стремлюсь въ объятія природы. Магической Май! Зиждитель блаженства сердецъ чувствительныхъ, осѣняемый улыбающимся зракомъ твоимъ сообщаюсь величественному утѣшенію развивающейся натуры; юныя красоты плѣнительнаго времени въ амброзическихъ благовоніяхъ развертываются во взорѣ моемъ. Какое удовольствіе быть въ деревнѣ при симпатическихъ предметахъ! Жажду созерцать неподражаемыя оттѣнки рисующихся полей и проч.

Вотъ нынѣшній нашъ слогъ! мы почитаемъ себя великими изобразителями природы, когда изъясняемся такимъ образомъ, что сами себя непонимаемъ, какъ напримѣръ: *въ туманномъ небосклонѣ рисуется печальная свита галокъ, кои, кракая при водахъ мутныхъ, сообщаютъ траурь періодическій.* Или: *въ чреду свою возвышенный промыслъ предпослалъ на сцену дольняго существа новое дву-*

надесятомѣсятіе: или: *я нѣжусь въ ароматическихъ испареніяхъ всевожделѣнныхъ близнецовъ. Дышу свободно благими Эдема, добывзаю утѣхи дольняго рая, благоговѣя чудесамъ Содѣтеля, шагаю удовольственно. Каждое воззрѣніе превесьма авантажно.* Я бы не кончилъ сихъ *или*, естьли бы захотѣлъ всѣ подобныя сему мѣста выписать изъ нынѣшнихъ книгъ, которыя не въ шуткахъ и не въ насмѣшку, но увѣрительно и отъ чистаго сердца, выдаютъ за образецъ краснорѣчія.

Наконецъ мы думаемъ быть Оссіянами и Стернами, когда, разсуждая о играющемъ младенцѣ, вмѣсто: какъ пріятно смотрѣть на твою молодость! говоримъ: *коль наставительно взирать на тебя въ раскрывающейся веснѣ твоей!* Вмѣсто: луна свѣтитъ: *блѣдная геката отражаетъ тусклыя атсвѣтки.* Вмѣсто: окна заиндевели: *свирѣпая старица разрисовала стекла.* Вмѣсто: Машинька и Петруша, премилыя дѣти, тутъ же съ нами сидятъ и играютъ: *Лолота и Фанфанъ, благороднѣйшая чета, гармонируютъ намъ.* Вмѣсто: плѣняющій душу Сочинитель сей тѣмъ больше нравится, чемъ больше его читаешъ: *Элегическій авторъ сей побуждая къ чувствительности назидаетъ воображеніе къ вящшему участвованію.* Вмѣсто: любуемся его выраженіями: *интересуемся назидательностію его смысла.* Вмѣсто: жаркій солнеч-

ный лучь, посреди лѣта, понуждаетъ искать прохладной тѣни: *въ средоточіе лѣта жгущій левъ уклоняетъ обрѣсти свѣжесть.* Вмѣсто: око далеко отличаетъ простирающуюся по зеленому лугу пыльную дорогу: *многоѣздный трактъ въ пыли являетъ контрастъ зрѣнію.* Вмѣсто: деревенскимъ дѣвкамъ на встрѣчу идутъ циганки: *пестрыя толпы сельскихъ ореадъ срѣтаются съ смуглыми ватагами пресмыкающихся Фараонитъ.* Вмѣсто: жалкая старушка, у которой на лицѣ написаны были уныніе и горесть: *трогательной предметъ сострадaнія, котораго унылозадумчивая физіогномія означала гипохондрію.* Вмѣсто: какой благорастворенный воздухъ! *Что я обоняю въ развитіи красотъ вожделѣннѣйшаго періода!* и проч.

Предки наши мало писали стихами, и не знали въ оныхъ ни опредѣленной мѣры, ни сочетанія, ни стопосложенія; но хотя стихи ихъ токмо римфою отличаются отъ прозы, однакожъ оныя, по причинѣ ясности въ нихъ разума и порядочной связи мыслей, всегда для чтенія пріятны. Напримѣръ въ притчѣ о блудномъ сынѣ, приближающійся къ концу своей жизни отецъ, вручая дѣтямъ своимъ не малое богатство, и представляя имъ въ самомъ себѣ образецъ, что Богъ не оставляетъ никогда тѣхъ, кои, призывая Его на помощь, въ честныхъ трудахъ вѣкъ

свой препровождають, дѣлаеть имъ слѣдующее наставленіе:

Токмо есть требѣ Бога вамъ хвалити,
Въ любви и правдѣ Ему послужити.
Благодарствіе въ сердцахъ вашихъ буди,
Милость хранити на нищія люди.
Миръ, смиреніе, кротость сохраняйте,
Всякія злобы отъ васъ отрѣвайте;
Мудрость стяжите, правда буди съ вами,
Лжа не изыди вашими устами.
Съ честными людьми дружество держите,
Прелюбы творцевъ далече бѣжите.
Бѣжите всѣхъ злыхъ, яко люта змія,
Вся заповѣди сохраните сія.

Сіи стихи конечно не имѣють той чистоты и согласія, каковыя даетъ имъ опредѣленная мѣра и стройное слогопаденіе; но ясность и простота ихъ гораздо пріятнѣе для меня, нежели многословное высокомысліе слѣдующихъ, или имъ подобныхъ, стиховъ:

Гармонія! не гласъ ли твой
Къ добру счастливыхъ возбуждаетъ,
Несчастныхъ душу облегчаетъ
Отрадной, теплою слезой?
Когдабъ подобить смертный могъ
Невидимый и несравненный,
Спокойный, сладостный восторгъ,
Чѣмъ души въ горнихъ упоенны:
Онъ строй согласный звучныхъ тѣлъ,
И нѣжныхъ гласовъ восклицанье,

На душу, на сердца влiянье,
Небеснымъ чувствомъ бы почелъ.

или:

Ударилъ въ воздухъ голосъ твой
Размѣромъ хитрымъ, неизвѣстнымъ,
И тѣмъже трепетомъ небеснымъ
Сердца отозвались на строй.

Тамъ вся связь мыслей и всякой стихъ мнѣ понятенъ; а здѣсь: *когдабъ смертный могъ подобить невидимый, спокойный восторгъ горнихъ, онъ бы согласный строй звучныхъ тѣлъ, и восклицанье нѣжныхъ голосовъ, на душу, на сердца влiянье, почелъ небеснымъ чувствомъ.* Пусть тотъ, кто умнѣе меня, находитъ въ этомъ мысль, а я ничего здѣсь кромѣ несвязности и пустословiя не вижу. Подобные сему стихи: *Сердца отозвались на строй*, пусть для другихъ кажутся *трогательны и занимательны*, но для меня никогда не будутъ они прелестны, равно какъ и слѣдующiе:

Въ безмолвной кущѣ соснъ густыхъ,
Согбенныхъ времени рукою,
Надъ глухо-воющей рѣкою,
Отъ треску грома въ облакахъ,
Отъ бури свищущей въ волнахъ,
И въ черномъ воздухѣ шипящей.

Куща ничего другаго не значитъ, какъ шалашъ или хижина; чтожъ такое: *кущи*

соснѣ? И когда *сосны* рукою времени сгибаются? Прилично ли говорить о рѣкѣ: *глуховоющая рѣка?* О бурѣ: *свищущая, шипящая буря?*

Мы удаляясь отъ естественной простоты, отъ подобій обыкновенныхъ и всякому вразумительныхъ, и гоняясь всегда за новостію мыслей, за остроуміемъ, такъ излишно изощряемъ, или какъ нынѣ говорятъ, *утонгиваемъ* понятія свои, что оныя чемъ меньше мысленнымъ очамъ нашимъ отъ чрезвычайной тонкости своей видимы становятся, тѣмъ больше мы имъ удивляемся, и называемъ это *силою Генія.* Сіе-то расположеніе ума нашего, и упоеніе онаго чужестранными часто нелѣпыми писаніями, раждаетъ въ немъ охоту подражанія и любовь къ чуднымъ симъ и сему подобнымъ выраженіямъ: *нѣжное сердце, которое тонко спитъ подъ дымкою прозрагной,* или: *сердегной тернъ быть можетъ дара тать,* или: *не осторожно свесть двѣ сцѣны житія,* и проч. Не осторожно я поступлю, естьли все то выписывать стану, что въ нынѣшнихъ книгахъ почти на каждой страницѣ попадается.

Кантемиръ въ стихахъ своихъ къ Государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ говоритъ:

Отрасль ПЕТРА Перваго, его же сердцами
Великимъ и отцемъ звалъ больше, нежь устами

Народъ твой! отрасль рукой взращенна самого
Всевышняго, полкруга въ надежду земнаго!

Стихи сіи конечно похожи на прозу; но между тѣмъ какая въ нихъ чистая, величавая мысль, и какой хорошій слогъ! Напротивъ того въ слѣдующихъ стихахъ хотя есть мѣра и стопы, но какой въ нихъ странной слогъ, и какая темная мысль:

Лишь въ обществѣ душа твоя себѣ сказалась,
И сердце начало съ сердцами говорить,
Одна во слѣдъ другой идея развивалась,
И скоро обняла вселенную ихъ нить!

Что такое: *душа себѣ сказалась?* Что такое: *одна идея развивается во слѣдъ другой и нить ихъ обнимаетъ вселенную?* Какія непонятныя загадки!

Естьли предки наши не умѣли писать стиховъ, то въ прозѣ своей были они стихотворцы: возмемъ каноны ихъ, псалмы, акафисты, ирмосы, мы часто увидимъ въ нихъ стихотворческаго огня блистаніе, какъ напримѣръ:

Спасе люди, чудодѣйствуяй Владыка, мокрую моря волну оземленивъ древле: волею же рождься отъ Дѣвы, стезю проходну небесе полагаетъ намъ: Егоже по существу равна же Отцу и человѣкомъ славимъ. Ирмосъ сей преложенъ въ слѣдующіе стихи:

Владыка спаслъ людей чудесно,
Путь въ мори имъ открывъ земной:
Отъ Дѣвы же родась тѣлесно,
Сказалъ намъ къ нему путь иной.
Его мы должны вси прославить
Отцемъ рожденна прежде вѣкъ,
И намъ и Богу равна ставить,
Онъ есть и Богъ и человѣкъ.

Стихи сіи не худы, но между тѣмъ, гдѣ больше стихотворства, въ семъ ли стихѣ: *путь въ мори имъ открывъ земной*, или въ сей прозѣ: *мокрую моря волну оземленивъ древле?* Какія слова могутъ изобразить кратче и сильнѣе власть Божескую, какъ не сіи: *Господь рече: да будетъ свѣтъ, и бысть?* Какое изреченіе стихотворца, умствующаго о ничтожности мірскихъ величій, поразитъ воображеніе наше вящше и живѣе, нежели сіи слова, сказанныя о возносящемъ подъ облака главу свою и низверженномъ бурею кедрѣ: *мимо идохъ и се не бѣ?* Можно ли мысль сію, что душевное удовольствіе много способствуетъ тѣлесному здравію нашему, короче и краше сего выразить: *сердцу веселящуся, лице цвѣтетъ?* *)

*) Ломоносовъ въ Грамматикѣ своей говоритъ: „сожалѣтельно, „что изъ обычая и употребленія вышло Славенское въ со„чиненіи глаголовъ свойство, когда вмѣсто дѣепричастій „дательный падежъ причастій полагался, который служилъ „въ разныхъ лицахъ: *Ходящу мнѣ въ пустынѣ показася „звѣрь ужасный.* И хо[illegible] еще есть нѣкоторые того остат-

Прочтемъ псалмы Давидовы: сколько красотъ найдемъ мы въ нихъ, не взирая на темноту перевода ихъ! Сила нижеслѣдующихъ могущество, великолѣпіе и славу Божію

„ки Россійскому слуху сносные, какъ, *Бывшу мнѣ на морѣ* „*возстала сильная буря;* однако прочія изъ употребленія „вышли. Въ высокихъ стихахъ можно по моему мнѣнію съ „разсужденіемъ нѣкоторыя принять. Можетъ быть со вре„менемъ общій слухъ къ тому привыкнетъ, и сія поте„рянная краткость и красота въ Россійское слово возвра„тится." Я на сіе отвѣтствую, благоязычный нашъ пѣснопѣвецъ! Ты такъ мнилъ, потому что ты искусенъ былъ въ языкѣ своемъ; но такъ ли разсуждаютъ нынѣшніе писатели наши, естьли не всѣ, то по крайней мѣрѣ весьма многіе изъ нихъ? Ты сожалѣешь о потерянныхъ красотахъ Славенскаго слога, и думаешь, что со временемъ возвратимъ мы ихъ въ языкъ свой и пріучимъ къ нимъ слухъ нашъ. — Нѣтъ! совсѣмъ напротивъ: мы отчасу больше отвыкаемъ отъ нихъ, пріучаемъ слухъ свой къ неслыханнымъ въ твои времена нелѣпостямъ, составляемъ новый языкъ, ни Славенской, ни Руской, и называемъ это совершенствомъ словесности и краснорѣчія! Ты разсуждая о языкѣ своемъ сказалъ нѣкогда: „Карлъ пятый Римскій Императоръ, го„варивалъ, что Ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, Францу„скимъ съ друзьями, Нѣмецкимъ съ непріятелями, Италі„янскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но „естьли бы онъ Россійскому языку былъ искусенъ, то ко„нечно къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оны„ми говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ велико„лѣпіе Ишпанскаго, живость Французскаго, крѣпость Нѣ„мецкаго, нѣжность Италіянскаго, сверхъ того богатство „и сильную въ изображеніяхъ краткость Греческаго и Ла„тинскаго языка. Обстоятельное всего сего доказательство, „требуетъ другаго мѣста и случая. Меня долговременное „въ Россійскомъ словѣ упражненіе о томъ совершенно увѣ„ряетъ. Сильное краснорѣчіе Цицероново, великолѣпная „Виргиліева важность, Овидіево пріятное витійство не те„ряютъ своего достоинства на Россійскомъ языкѣ. Тончай„шія Философскія воображенія и разсужденія, многоразлич„ныя естественныя свойства и перемѣны, бывающія въ

выражающихъ рѣченій уступаетъ ли огню самыхъ лучшихъ стихотворцевъ: *во исповѣданіе и въ велелѣпоту облеклся еси — Одѣяйся свѣтомъ яко ризою — Ходяй на крилу вѣ-*

„семъ видимомъ строеніи міра и въ человѣческихъ обраще-„ніяхъ, имѣютъ у насъ пристойныя и вещь выражающія „рѣчи.“ Ты разсуждалъ такъ, и хотя сочиненіями своими доказалъ сію истинну, однако ты еще не Оракулъ; многіе изъ нынѣшнихъ нашихъ писателей по глубже тебя разсуждаютъ; они начитавшись Французскихъ книгъ, и не заглядывая ни въ одну свою, ясно увидѣли, что старый языкъ нашъ никуда негодится, и для того положили составить новый, превосходнѣйшій, совершенный, неслыханный доселѣ: они стараются достигнуть до сего тремя различными средствами: 1. Употребляютъ Славенскія слова не въ тѣхъ знаменованіяхъ, въ какихъ онѣ прежде употреблялись, какъ напримѣръ: вмѣсто *надлежитъ* или *должно*, говорятъ *довлѣетъ*, которое слово значитъ *довольно;* вмѣсто *куга*, думая писать возвышеннымъ слогомъ, пишутъ *куща*, которое слово значитъ *шалашъ;* вмѣсто слушать *съ раболѣпностію* или *со страхомъ*, говорятъ *съ подобострастіемъ*, которое слово значитъ *одинакую страстямъ подвластность*, и такъ далѣе. 2. Не вникая въ языкъ свой многихъ словъ не знаютъ, или по не упражненію своему въ чтеніи книгъ своихъ почитаютъ ихъ обвѣтшалыми, и дѣлаютъ на мѣсто оныхъ новыя слова сочиняя и спрягая ихъ не по смыслу и разуму коренныхъ знаменованій оныхъ, но по пріученію слуха своего къ чужимъ словамъ и объясненіямъ, какъ то: *нагитанность*, *картинное положеніе*, *письменный человѣкъ* и тому подобныя. Въ разсужденіи же иностранныхъ словъ поступаютъ они различно: нѣкоторыя имена принимаютъ безъ перевода, и дѣлаютъ изъ нихъ глаголы, какъ напримѣръ: *энтузіасмъ*, *энтузіатствовать; гармонія*, *гармонировать; сцена*, *быть на сценѣ*, *выходить на сцену* и проч. Симъ словамъ кажется какъ будто приписываютъ они нѣкое волшебное могущество, которое силу всякаго Рускаго выраженія препобѣждаетъ. Напримѣръ: въ слѣдующихъ изъ Платоновой на коронацію рѣчи словахъ: *но паче да явиши собою примѣръ благочестія, и тѣмъ да заградиши нечестивыя уста вольнодумства, и да укротиши злый духъ*

тренію — Творяй Ангелы своя духи, и слуги своя пламень огненный — Основляй землю на тверди ея, не преклонится въ вѣкъ вѣка — Бездна яко риза одѣяніе ея — На горахъ станутъ воды — Отъ запрещенія гнѣва твоего

суевѣрія и невѣрія. выраженіе говорю, *укротить злый духъ суевѣрія.* кажется имъ недовольно *тонко и живописно;* они бы сказали: *укротить Энтузіасмъ Фанатизма.* Однакожъ не всѣ иностранныя слова почитаютъ они священными; иныя изъ нихъ покушаются переводить, не пріискивая въ своемъ языкѣ подобознаменательныхъ, но такъ сказать, приказывая *Сидору быть Карпомъ* какъ напримѣръ: Фаталистъ да будетъ *случайникъ*, Механизмъ да будетъ *оснастка* и проч. 5. Почти каждому слову даютъ они не то знаменованіе, какое оно прежде имѣло, и каждой рѣчи не тотъ составъ, какой свойственъ грубому нашему языку. Отсюду по ихъ мнѣнію раждается сія тонкость мыслей, сія нѣжность и красота слога, какъ напримѣръ слѣдующая, или сему подобная: *бросать убѣгающій взоръ на распростертую картину нравственнаго міра. — Изобрѣтать заимственныя предметы изъ природы усовершенствованной вкуса и воображенія — Сей отрывокъ носитъ на себѣ библейскую, покоряющую важность. — Сія Исторія весьма живописательна. — Слогъ его блистателенъ, натураленъ, довольно чистъ; повѣствованіе живо; портреты цвѣтны сильны; но худо обдуманы*, и проч. и проч. Можно ли, читая сіе, не почувствовать новости языка? Какъ не повѣрить, что словесность наша нынѣ токмо начинаетъ раждаться и процвѣтать? Хотя бы кто всѣ наши книги древнія, не весьма древнія и новѣйшія, (то есть лѣтъ десятка за два или за три писанныя) отъ доски до доски прочиталъ, можно объ закладъ биться, что онъ не нашелъ бы въ нихъ ни *взора убѣгающаго*, ни *предметовъ заимственныхъ*, ни *важности покоряющей*. ни *Исторіи живописательной*, ни *слога блистательнаго*, ни *портретовъ цвѣтныхъ и сильныхъ*. Академической Словарь нашъ хотя и не давно сочиненъ, однако послѣ того уже такое множество новыхъ словъ надѣлано, что онъ становится обветшалою книгою, не содержащею въ себѣ новаго языка.

побѣгнутъ, отъ гласа грома твоего убоятся.— Восходятъ горы, и нисходятъ поля въ мѣсто еже основалъ еси имъ. — Предѣлъ положилъ, его же не прейдутъ. — Коснется горамъ и воздымятся. — Дхнетъ духъ его и потекутъ воды. — Словомъ Господнимъ небеса утвердишася и духомъ устъ его вся сила ихъ? и пр. и пр. Какой переводъ найдемъ мы лучше сего Соломоновыхъ притчей перевода: *Блаженъ человѣкъ, иже обрѣте премудрость и смертенъ,* (то есть: и блаженъ смертный) *иже увѣдѣ разумъ. Лучше бо сію куповати, нежели злата и сребра сокровища, честнѣйша же есть каменій многоцѣнныхъ: не сопротивляется ей ничто же лукаво. Благознатна есть всѣмъ приближающимся ей, всякое же честное недостойно ея есть. Долгота бо житія и лѣта жизни въ десницѣ ея, въ шуйцѣ же ея богатство и слава: отъ устъ ея исходитъ правда, законъ же и милость на языцѣ носитъ. Путіе ея путіе добри, и вся стези ея мирны: древо живота есть всѣмъ держащимся ея, и восклоняющимся на ню, яко на Господа, тверда. Богъ премудростію основа землю, уготова же небеса разумомъ?*—Простый, средній, и даже высокій слогъ Россійскій конечно не долженъ быть точный Славенскій, однакожъ сей есть истинное основаніе его, безъ котораго онъ не можетъ быть ни силенъ, ни важенъ. Нѣтъ конечно никакой нужды, раз-

суждая о премудрости, говоритъ: *лучше бо сію куповати*; но что препятствуетъ намъ сказать о ней: *въ десницѣ ея долгота жизни, въ шуйцѣ ея богатство и слава; отъ устъ ея исходитъ правда; законъ же и милость на языкѣ своемъ носитъ; всѣ пути ея добры и всѣ стези ея мирны?* Самая малая перемѣна въ словахъ, не ослабляя мысли, сохраняетъ всю красоту слога. Ничего нѣтъ безразсуднѣе, какъ думать, что Славенскій языкъ не нуженъ для красоты новѣйшаго Россійскаго слога, и что гораздо нужнѣе для сего Французскій языкъ, и какой еще? Не славныхъ по истиннѣ и отличныхъ писателей ихъ, но худыхъ сплетателей нынѣшнихъ глупыхъ и нелѣпыхъ умствованій, клеветъ, небылицъ и романовъ. Не ихъ читать, не имъ послѣдовать, не изъ нихъ должно намъ почерпать красоту слога; но изъ собственныхъ твореній своихъ, изъ книгъ Славенскихъ. Въ доказательство сего приведемъ здѣсь нѣкоторые примѣры.

Какъ ни прекрасна Ода, выбранная изъ Іова таковымъ великимъ Стихотворцемъ, каковъ былъ Ломоносовъ, и хотя оная написана яснымъ, чистымъ и употребительнымъ Россійскимъ языкомъ, и притомъ сладкогласіемъ рифмъ и стиховъ украшена; однако не всѣ красоты подлинника (или Славенскаго перевода) исчерпалъ онъ, и едва ли

могъ достигнуть до высоты и силы онаго, писаннаго хотя и древнимъ Славенскимъ, не весьма уже яснымъ для насъ слогомъ; но и тутъ, даже сквозь мракъ и темноту, сіяютъ въ немъ неподражаемыя красоты, и пресильныя по истиннѣ стихотворческія въ краткихъ словахъ многомысленныя выраженія. Сравнимъ сіи мѣста. У Ломоносова Богъ вопрошаетъ человѣка:

Стѣсняя вихремъ облакъ мрачный
Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздухъ огустить прозрачный,
И молнію въ дождѣ родить,
И вдругъ быстротекущимъ блескомъ
И горъ сердца трясущимъ трескомъ
Концы вселенной колебать
И смертнымъ гнѣвъ свой возвѣщать?

Прекрасное распространеніе мыслей, достойное пера великаго Стихотворца; но въ подлинникѣ краткія сіи слова не заключаютъ ли въ себѣ всей силы сего вопроса:

Вѣси же ли премѣненія небесная? Призовеши же ли облакъ гласомъ? — Послеши же ли молніи и пойдутъ?

Ломоносовъ продолжаетъ:

Твоей ли хитростью взлетаетъ
Орелъ, на высоту паря,
По вѣтру крила простираетъ
И смотритъ въ рѣки и моря?

Отъ облакъ видитъ онъ высокихъ
Въ водахъ и пропастяхъ глубокихъ,
Что я ему на пищу далъ.
Толь быстро око ты ль создалъ?

Въ подлинникѣ сказано:

И твоею ли хитростію стоитъ ястребъ, распростеръ крилѣ недвижимъ зря на югъ? Твоимъ же ли повелѣніемъ возносится орелъ? Неясыть же на гнѣздѣ своемъ сѣдя вселяется на версѣ камене и въ сокровенѣ? Тамо же сый ищетъ брашна, издалеча очи его наблюдаютъ.

Ломоносовъ изобразилъ здѣсь единаго орла; въ подлинникѣ представлены въ одинакомъ видѣ три различныя птицы: ястребъ, орелъ и неясыть, съ приличными каждой изъ нихъ свойствами: *ястребъ* распростерши крылья, стоитъ неподвижно (какое свойственное сей птицы дано положеніе, и какъ прилично употребленъ здѣсь глаголъ *стоитъ!*); *орелъ* возносится; *неясыть* вселяется на вершинѣ каменныхъ горъ, въ мѣстахъ потаенныхъ: отколѣ очи ихъ издалече наблюдаютъ, ищутъ брашна, снѣди. Не взирая на прекрасное въ Ломоносовѣ изображеніе орла, не имѣетъ ли подлинникъ своей красоты? Сверхъ сего Ломоносовъ не всѣ отличныя мѣста подлинника преложилъ въ стихи; онъ не покусился изобразить коня, толь прекрасно и величаво тамъ описаннаго:

Или ты обложилъ еси коня силою, и облеклъ же ли еси выю его въ страхъ? Обложилъ же ли еси его всеоружіемъ, славу же персей его дерзостію? Копытомъ копая на поли играетъ, и исходитъ на полѣ съ крѣпостію: срѣтая стрѣлы посмѣвается, и не отвратится отъ желѣза. Надъ нимъ играетъ лукъ и мечь, и гнѣвомъ потребитъ землю, и не иматъ вѣры яти, дондеже вострубитъ труба. Трубѣ вострубившей глаголетъ: благо же: издалеча же обновляетъ рать со скаканіемъ и ржаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть величавѣе одѣтаго въ воинскую сбрую коня, силу и крѣпость ощущающаго въ себѣ, исходящаго на ратное полѣ, гордо разгребающаго копытами землю, посмѣвающагося устремленнымъ на него стрѣламъ и желѣзнымъ копьямъ, кипящаго гнѣвомъ, когда всадникъ надъ главою его играетъ своимъ мечемъ, и ожидающаго съ нетерпѣливою радостію гласа трубнаго, при звукѣ коего съ громкимъ ржаніемъ устремляется скакать на брань и битву?

Ломоносовъ описываетъ звѣря, названнаго *Бегемотомъ*, и котораго почитаютъ быть слономъ, или вѣроятнѣе единорогомъ или риноцеромъ:

Воззри въ лѣса на Бегемота,
Что мною сотворенъ съ тобой;
Колючей тернъ его охота
Безвредно попирать ногой.

Какъ верьви сплетены въ немъ жилы.
Отвѣдай ты своеи съ нимъ силы!
Въ немъ ребра какъ литая мѣдь:
Кто можетъ рогъ его сотрѣть?

Въ подлинникѣ сказано:

Се убо крѣпость его на чреслѣхъ, сила же его на пупѣ чрева. Постави ошибъ яко кипарисъ, жилы же яко уже сплетены суть. Ребра его ребра мѣдяна, хребетъ же его желѣзо сліяно. — Подъ всякимъ древомъ спитъ, при рогозѣ и тростіи и ситовіи: осѣняютъ же надъ нимъ древеса велика съ лѣторасльми, и вѣтьви напольныя *). *Аще будетъ наводненіе, не ощутитъ: уповаетъ, яко внидетъ Іорданъ во уста его: во око свое возметъ его, ожесточився продиравитъ ноздри.* (то есть увидя его, вмѣсто чтобъ почувствовать страхъ, озлится, расширитъ ноздри, приготовится къ бою).

Мнѣ кажется изображеніе крѣпости и силъ толь огромнаго животнаго, каковъ есть

---

*) Переводъ сего мѣста, или сихъ двухъ стиховъ, весьма теменъ. Впрочемъ изъ повѣренія онаго съ переводами иностранныхъ библій добраться можно, что описываются здѣсь свойства сего звѣря, и что смыслъ сихъ словъ долженъ быть слѣдующій: *онъ любитъ спать подъ деревьями на мокрыхъ болотистыхъ мѣстахъ, въ тростникѣ и другихъ подобныхъ симъ травахъ. Великія при водахъ растущія ивы покрываютъ его своею тѣнію.* Въ Нѣмецкой библіи сказано: *er liegt gern im Schatten, im Rohr, und im Schlam verborgen. Das Gebüsch bedeckt ihn mit seinem Schatten und die Bachweiden bedecken ihn.*

слонъ, или единорогъ въ стихахъ у Ломоносова не довольно соотвѣтствуетъ изображенію дѣйствія или употребленія тѣхъ же самыхъ силъ его; ибо о такомъ звѣрѣ, у котораго *жилы какъ сплетенныя верьви*, *ребра какъ литая мѣдь*, мало сказать, что онъ *колючій тернъ безвредно попираетъ ногами*. Не отъемля славы у сего великаго писателя мнится мнѣ, что надлежало бы сказать нѣчто болѣе, нѣчто удивительнѣе сего. Въ подлинникѣ напротивъ того можетъ быть уже чрезъ мѣру огромно сказано *аще будетъ наводненіе, не ощутитъ: уповаетъ, яко внидетъ Іорданъ во уста его.*

Наконецъ Ломоносовъ описываетъ другое животное, названное *Левіофаномъ*, и которое иные почитаютъ быть китомъ, другіе морскимъ конемъ, третьи крокодиломъ. Сіе послѣднее мнѣніе, судя по описанію, кажется быть вѣроятнѣе прочихъ:

Ты можешь ли Левіофана
На удѣ вытянуть на брегъ?
Въ самой срединѣ Океяна
Онъ быстрый простираетъ бѣгъ;
Свѣтящимися чешуями
Покрытъ какъ мѣдными щитами,
Копье и мечъ и молотъ твой
Щитаетъ за тростникъ гнилой.
Какъ жерновъ сердце онъ имѣетъ,
И зубы страшный рядъ серповъ:

Кто руку въ нихъ вложить посмѣетъ?
Всегда къ сраженью онъ готовъ;
На острыхъ камняхъ возлегаетъ,
И твердость оныхъ презираетъ;
Для крѣпости великихъ силъ,
Щитаетъ ихъ за мягкой илъ.
Когда ко брани устремится,
То море какъ котелъ кипитъ,
Какъ пещь гортань его дымится,
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;
Сверкаютъ очи раздраженны,
Какъ угль въ горнилѣ раскаленный.
Всѣхъ сильныхъ онъ страшитъ гоня.
Кто можетъ стать противъ меня?

Въ подлинникѣ сказано:

Извлечеши ли змія удицею, или обложиши узду о ноздрехъ его? Или вдѣжеши кольце въ ноздри его? Шиломъ же провертиши ли устнѣ его? Возглаголетъ же ли ти съ моленіемъ, или съ прошеніемъ кротко? Сотворитъ же ли завѣтъ съ тобою? Поймеши же ли его раба вѣчна? Поиграеши ли съ нимъ, яко же со птицею, или свяжеши его яко врабія дѣтищу? (то есть для игрушекъ сыну твоему: et le lieras tu pour amuser tes jeunes filles). *Питаются же ли имъ языцы, и раздѣляютъ ли его Финикійстіи народи? Вся же плавающая собравшеся, не подъимутъ кожи единыя ошиба его, и корабли рыбарей главы его. Возложиши ли нань руку, воспомянувъ брань быва-*

ющую на тѣлѣ его? И къ тому да не будетъ.— Кто открыетъ лице облеченія его? Въ согбеніе же персей его кто внидетъ? Двери лица его кто отверзетъ. Окрестъ зубовъ его страхъ. Утроба его щипы мѣдяны, союзъ же его яко же Смиритъ камень, единъ ко другому прилипаютъ, духъ же не пройдетъ его; яко мужъ брату своему прилѣпится, содержатся и не отторгнутся *). *Въ чханіи его возблистаетъ свѣтъ: очи же его видѣніе денницы. Изъ устъ его исходятъ аки свѣщи горящія, и размещутся аки искры огненни: изъ ноздрей его исходитъ дымъ пещи горящія огнемъ углія: душа же* **) *его яко угліе, и яко пламы изъ устъ его исходятъ. На выи же его водворяется сила, предъ нимъ течетъ пагуба. Плоти же тѣлесе его сольпнушася: ліетъ нань, и неподвижится:* (les muscles de sa chair sont liès; tout cela est massif en lui, rien n' y branle. Франц. die gliedmass seines Fleishes hangen an einander, und hangen hart an ihm, das er nicht zerfalen kan. Нѣм.) *Сердце*

*) Во Французской и другихъ библіяхъ сказано просто: *стены его соединенные одинъ съ другимъ пребываютъ нераздѣльны.* Elles sont joint l'une à l'autre, elles s'entretienent, et ne se séparent point. Въ Россійскомъ переводѣ употреблено подобіе: *яко мужъ брату своему прилѣпится.* Сіе подобіе хотя и кажется быть затмѣвающимъ смыслъ и поставленнымъ здѣсь не у мѣста, однако ежели мы хорошенько вникнемъ въ разумъ сихъ словъ, то найдемъ ихъ здѣсь весьма пристойными; ибо разумѣется подъ оными союзъ между двумя друзьями: чтожъ можетъ быть крѣпче и неразрывнѣе союза истинной дружбы?

**) *Душа* здѣсь значитъ дыханіе, Athem.

*его ожестѣ аки камень, стоитъ же аки наковальня неподвижна. Обращшуся ему, страхъ звѣремъ четвероногимъ по земли скачущимъ. Аще срящутъ его копія, ни что же сотворятъ ему, копіе вонзено и броня: вмѣняетъ желѣзо аки плевы, мѣдь же аки древо гнило: не уязвитъ его лукъ мѣдянъ, мнитъ бо каменометную пращу аки сѣно. Аки стебліе вмѣнишася ему млатове: ругаетжеся трусу огненосному *). Ложе его остни остріи, всяко же злато морское подъ нимъ, яко же бреніе безчисленно. Возжизаетъ бездну, яко же пещь мѣдную: мнитъ же море яко мироварницу, и тартаръ бездны яко же плѣнника: вмѣнилъ бездну въ прохожденіе. Ничто же есть на земли подобно ему сотворено, поругано быти Ангелы моими: все высокое зритъ: самъ же царь всѣмъ сущимъ въ водахъ.*

Вышесказанныя стихи Ломоносова конечно весьма прекрасны; но для сравненія ихъ съ подлинникомъ (то есть съ Славенскимъ переводомъ), надлежитъ, какъ уже и выше разсуждаемо было, представитъ себѣ во первыхъ, что стихи, а особливо хорошіе, всегда имѣютъ надъ разумомъ нашимъ больше силы, чѣмъ проза; во вторыхъ, что переводъ Священныхъ книгъ во многихъ мѣ-

*) Здѣсь *трусъ огненосный* значитъ блескъ потрясаемаго предъ очами его чистаго или свѣтящагося оружія: er spottet den bebenden Lanzen, сказано въ Нѣмецкой Библіи.

стахъ невразумителенъ, частію по неточности и преложенія мыслей столь трудной и въ такія древнія времена писанной книги, каковъ есть Еврейскій подлинникъ; частію по нѣкоторой уже темнотѣ для насъ и самаго Славенскаго языка; однако, не взирая на сію великую разность, сличимъ Славенскій переводъ съ почерпнутыми изъ него стихами знаменитаго нашего стихотворца, и разсмотримъ, которое изъ сихъ описаній сильнѣе. Сперва покажемъ общее ихъ расположеніе, а потомъ упомянемъ частно о нѣкоторыхъ выраженіяхъ.

Описаніе заключающееся въ трехъ вышеозначенныхъ строфахъ Ломоносова, состоитъ изъ двухъ членовъ или частей, изъ которыхъ первую можно назвать предложеніемъ или вступленіемъ, а вторую изображеніемъ или повѣствованіемъ. Предложеніе состоитъ въ слѣдующихъ двухъ стихахъ:

Ты можешь ли Левіофана
На удѣ вытянуть на брегъ?

Прочіе дватцать два стиха составляютъ изображеніе сего Левіофана, или повѣствованіе о силѣ и крѣпости его. Итакъ вещь представляется здѣсь просто, безъ всякаго пріуготовленія воображенія нашего къ тому, чтобъ оно вдругъ и нечаянно нашло нѣчто неожидаемое. Въ Славенскомъ переводѣ на-

чинается сіе описаніе слѣдующими вопросами: *извлечеши ли змія удицею, или обложиши узду о ноздрехъ его? Шиломъ же провертиши ли устнѣ его? Возглаголетъ же ли ти съ моленіемъ, или съ прошеніемъ кротко? Сотворитъ же ли завѣтъ съ тобою? Поймеши ли его раба вѣчна? Поиграеши ли съ нимъ, яко же со птицею, или свяжеши его яко врабія дѣтищу?* Всѣ сіи вопросы располагаютъ умъ нашъ такимъ образомъ, что производя въ немъ любопытство узнать подробнѣе о семъ описуемомъ звѣрѣ или зміѣ, нимало не раждаютъ въ насъ чаянія услышать о чемъ либо чрезвычайномъ: напротивъ того они удерживаютъ воображеніе наше и препятствуютъ ему сдѣлать напередъ какое либо великое заключеніе о семъ животномъ; ибо весьма естественно представляется намъ, что кого не льзя извлечь *удицею*, того можно вытащить *большою удою*; кому не льзя *шиломъ* провертѣть уста, тому можно просверлить ихъ *буравомъ*; съ кѣмъ не льзя поиграть какъ съ *воробьемъ*, тотъ можетъ быть еще не больше *коршуна*, и такъ далѣе. Между тѣмъ, говорю, какъ мы, судя по симъ вопросамъ, отнюдь не ожидаемъ услышать о чемъ нибудь необычайномъ, какимъ страшнымъ описаніемъ поражается вдругъ воображеніе наше: *вся же плавающая собравшеся, не подъимутъ кожи единыя ошиба его, и ко-*

рабли рыбарей главы его! Что можетъ быть огромнѣе сего животнаго, и могъ ли я сію огромность его предвидѣть изъ предъидущихъ вопросовъ? Любопытство мое чрезъ то несравненно увеличилось; я съ нетерпѣливостію желаю знать, что будетъ далѣе. Желаніе мое постепенно удовлетворяется: послѣ вышеупомянутаго страшнаго о семъ чудовищѣ изреченія, слѣдуютъ паки вопросы, но гораздо уже сильнѣйшіе прежнихъ: *кто открыетъ лице облеченія его? Въ согбеніе же персей его кто внидетъ? Двери лица его кто отверзетъ? Окрестъ зубовъ его страхъ* и проч. Сіи вопросы воспламеняютъ мое воображеніе, возбуждаютъ во мнѣ глубокое вниманіе, наполняютъ меня великими мыслями, и слѣдующее потомъ описаніе, соотвѣтствуя ожиданію моему, совершаетъ въ полной мѣрѣ дѣйствіе свое надо мною: здѣсь уже не щадится ничего, могущаго изображеніе сіе содѣлать великолѣпнымъ, поразительнымъ, страшнымъ, чрезвычайнымъ. Искуство, съ какимъ описаніе сіе расположено, дабы пріуготовленный къ любопытному вниманію умъ мой вдругъ поразить удивленіемъ, часъ отчасу увеличивающимся, подкрѣпляется, не взирая на темноту нѣкоторыхъ словъ, силою таковыхъ выраженій, каковы напримѣръ суть слѣдующія:

Кто открыетъ лице облеченія его? То есть: кто совлечетъ съ него одежду (кожу съ крокодила) для разсмотрѣнія ея: qui est celui qui decouvrira le dessus de son vêtement?

Въ согбеніе же персей его кто внидетъ? То есть: кто растворя вооруженную страшными зубами пасть лютаго звѣря сего, освидѣтельствуетъ внутренній составъ груди или тѣла его? Во Францускойй библіи переведено сіе отдаленно отъ смысла и неясно: qui viendra avec un double mors pour s'en rendre maitre?

Двери лица его кто отверзетъ? То есть: кто челюсти или зѣвъ его отворитъ, qui est-ce qui ouvrira l'entrée de sa gueule?

Какая чудовищу сему дана крѣпость! Какое твердое сліяніе членовъ! Утроба его подобна мѣднымъ щитамъ, ребра его какъ самые твердѣйшіе камни, такъ плотно сольпнувшіеся, что воздухъ не пройдетъ сквозь ихъ!

Очи его видѣніе денницы. То есть: сверкающи, свѣтоносны какъ заря: ses yeux sont comme les paupieres de l'aube du jour. Примѣтимъ красоту подобныхъ выраженій, свойственную одному Славенскому языку: *очи его видѣніе денницы, гортань его пещъ огненная, хребетъ его желѣзо сліяно* и проч. Здѣсь вещи не уподобляются между собою, но такъ сказать одна въ другую претворяются. Во-

ображеніе наше не сравниваетъ ихъ, но вдругъ, какъ бы нѣкіимъ волшебнымъ превращеніемъ, одну на мѣстѣ другой видитъ. Естьли бы мы сказали: *очи его какъ денница свѣтлы, гортань его какъ пещь огненная, хребетъ его крѣпостію подобенъ литому желѣзу,* то колико сіи выраженіи были бы слабы предъ оными краткими и сильными выраженіями: *очи его видѣніе денницы, гортань его пещь огненная, хребетъ его желѣзо сліяно!*

На выи же его водворяется сила, предъ нимъ течетъ пагуба. Что можетъ быть сильнѣе сего выраженія? Какъ слабъ предъ онымъ Нѣмецкой переводъ: er hat einen starcken Hals, und ist seine Lust, wo er etwas verderbet. Ломоносовъ воспользовался сею мыслію и помѣстилъ ее въ одной изъ своихъ одъ, говоря о Государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ:

Лишъ только ополчишься къ бою,
Предъидетъ ужасъ предъ тобою,
И слѣдомъ воскурится дымъ.

Обращшуся же ему, страхъ звѣремъ четвероногимъ по земли скачущимъ отъ него. Какое прекрасное изображеніе ярости и силы одного, и трепета и боязни другихъ бѣгущихъ отъ него животныхъ! Впрочемъ переводы сего мѣста различны: въ Россійскомъ говорится о *четвероногихъ звѣряхъ;* во Французскомъ весьма не къ статѣ о *людяхъ:* (les

hommes les plus forts tremblent quand il s'élève, et ils ne savent où ils en sont, voyans comme il rompt tout); въ Нѣмецкомъ, не упоминая ни о *четвероногихъ* ни о *людяхъ*, сказано просто и сильно: wenn er sich erhebt, so entsezen sich die starcken, und wenn er daher bricht, so ist keine Gnade da. То есть: *возставшу же, или поднявшуся ему, текутъ отъ него со страхомъ сильные, и горе тому, на кого онъ устремится.*

Изо всего вышесказаннаго разсудить можемъ, что когда столь превосходный писатель, каковъ былъ Ломоносовъ, при всей пылкости воображенія своего, не токмо прекрасными стихами своими не могъ затмить красоты писаннаго прозою Славенскаго перевода, но едва ли и достигъ до оной, то какъ же младые умы, желающіе утвердиться въ силѣ краснорѣчія, не найдутъ въ сокровищахъ Священнаго писанія полезной для себя пищи? Или скажемъ, уподобляя тщательнаго стихотворца трудолюбивой пчелѣ, что когда при всемъ несомомъ ею тяжкомъ бремени меда, не могла она, какъ токмо самомалѣйшую частицу онаго высосать изъ обширнаго цвѣтника, то колико цвѣтникъ сей сладкимъ симъ веществомъ изобиленъ, богатъ, неистощимъ! Колико другихъ, подобныхъ ей пчелъ, посѣщая оный, могли бы безчисленными обогатиться сокровищами! Но не посѣщая цвѣтника сего не можемъ

мы знать богатства онаго. Мнѣніе, что Славенскій языкъ различенъ съ Россійскимъ, и что нынѣ слогъ сей неупотребителенъ, не можетъ служить къ опровержению моихъ доводовъ: я не то утверждаю, что должно писать точно Славенскимъ слогомъ, но говорю, что Славенскій языкъ есть корень и основаніе Россійскаго языка; онъ сообщаетъ ему богатство, разумъ, силу, красоту. И такъ въ немъ упражняться, и изъ него почерпать должно искуство краснорѣчія, а не изъ Боннетовъ, Волтеровъ, Юнговъ, Томсоновъ и другихъ иностранныхъ сочинителей, о которыхъ писатели наши на каждой страницѣ твердятъ, и учась у нихъ Рускому на бредъ похожему языку, съ гордостію увѣряютъ, что *нынѣ образуется токмо пріятность нашего слога.* Но оставимъ ихъ, и станемъ продолжать выписки и примѣры наши изъ Священнаго писанія, съ примѣчаніями на оные: чѣмъ больше мы ихъ соберемъ, тѣмъ яснѣе будетъ сія истина. Возмемъ случайно какую нибудь молитву, наприкладъ слѣдующую.

Святый славный и всехвальный Апостоле Варѳоломее, всекрасный отъ своея крове Богопроповѣдниче, желая во Христа облещися, всѣхъ своихъ, и самыя кожи плотскія совлекся, живый же нынѣ въ новости духа жизнь нестарѣемую, моли да и азъ совлекшися вет-

хаго человѣка, облекуся въ новаго созданнаго по Бозѣ въ правдѣ, преподобіи и истинѣ.

Примѣтимъ во первыхъ, какъ слово *всекрасный* здѣсь богато, оно равняется слову *преславный*, и гораздо богатѣе чѣмъ слово *прекрасный*. Впрочемъ *отъ своея крове* значитъ здѣсь: *изъ рода своего*. Во вторыхъ, въ семъ краткомъ выраженіи: *во Христа облещися*, *) какое изобиліе мыслей заключается! Ибо оное значитъ: напитать душу свою ученіемъ Христовымъ, такъ крѣпко ее оградить имъ, какъ бы оное было броня, никакими стрѣлами страстей, ни соблазновъ, ни угрозъ не проницаемая. Тѣмъ паче выраженіе сіе съ понятіями нашими сходственно, что, дабы сдѣлаться истиннымъ Христіаниномъ, оставить надлежитъ всѣ прельщающія насъ порочныя желанія, и возлюбить строгій путь добродѣтели, наподобіе того, какъ бы скинуть съ себя богатую, тщеславіе увеселяющую, и надѣть скромную, смиренномудрію приличную одежду, такъ какъ и здѣсь

*) Подобно сему въ переводѣ Ломоносова изъ Гомера Улиссъ говоритъ Ахиллесу:

Уже тебѣ пора во крѣпость облещись.

Каждому языку свойственны свои выраженія. Французъ не переведетъ нашихъ словъ: *облеченъ во славу* или *одѣянъ лучами славы*, своими: *revetu en gloire*; а мы не переведемъ его: *rayonant de gloire*, своими: *лучащій славою*.

о Святомъ Вареоломеѣ сказано: *желая во Христа облещися, всѣхъ своихъ, и самыя плотскія кожи совлекся.* Примѣтимъ также и сіе выраженіе, *всѣхъ своихъ*, какъ оно кратко здѣсь и многознаменательно, потому токмо, что не поставлено при ономъ никакого существительнаго имени, какъ напримѣръ: богатства, друзей, родственниковъ и проч.; ибо все сіе не прибавило бы ничего къ силѣ сихъ словъ: *всѣхъ своихъ*, въ которыхъ все оное заключается. Въ третьихъ, послѣ сей мысли, *что человѣкъ, облекающійся во Христа, всѣхъ своихъ и самыя плотскія кожи совлекается*, въ какое отличное вступаетъ онъ состояніе? *Начинаетъ жить въ новости духа жизнь нестарѣемую*: какая прекрасная мысль, и какимъ прекраснымъ послѣдовавшимъ изъ того разсужденіемъ заключенная: *моли да и азъ совлекшися ветхаго человѣка, облекуся въ новаго по Бозѣ въ правдѣ, преподобіи и истинѣ!* Такъ писали предки наши: въ словахъ ихъ заключалась всегда мысль, и мысль кратко и сильно выраженная. Нынѣшніе Французско-Руские писатели не читаютъ ихъ, и отъ того-то впадаютъ въ сіе невразумительное пустословіе, почерпаемое изъ чтенія однѣхъ чужеязычныхъ книгъ.

. . . . . . *Но яко человѣколюбиваго Бога Мати, пріими мое еже отъ скверныхъ устенъ*

приносимое Тебѣ моленіе, и Твоего Сына, и нашего Владыку и Господа, Матернее Твое дерзновеніе употребляющи, моли да отверзетъ и мнѣ человѣколюбныя утробы своея благости, и презрѣвъ моя безчисленная прегрѣшенія, обратитъ мя къ покаянію, и своихъ заповѣдей дѣлателя искусна явитъ мя.

Примѣтимъ въ сей къ Богородицѣ молитвѣ, какъ въ оной рѣчи: *Матернее Твое дерзновеніе употребляющи*, слово *дерзновеніе* прилично употреблено; ибо естьли бы сказать: *моли сына Твоего, употребляя Матернюю Твою надъ нимъ власть или силу*, тогда бы понятіе заключающееся въ словахъ, *молить, просить*, имѣло нѣкоторое противурѣчіе съ понятіемъ, заключающимся въ словахъ *употреблять власть или силу*, означающихъ паче верховность и повелѣніе, нежели подчиненность и прозьбу. Напротивъ того въ словахъ: *моли, употребляя Матернее Твое дерзновеніе*, искуснымъ образомъ соединены противуположныя или несходственныя между собою понятія о *преимуществѣ и купно подчиненности* таковой Матери, которая въ Сынѣ своемъ зритъ Всемогущаго небесъ и земли Владыку. Другіе могутъ взывать къ нему со страхомъ и трепетомъ, но Ей одной пристойно умолять Его съ дерзновеніемъ, то есть не со властію, какую имѣетъ простая мать надъ простымъ сыномъ, но

со смѣлостію, каковую Она, яко человѣкъ, не могла бы имѣть къ Богу, естьли бы не была Матерь Его. Отсюду видѣть можно, что въ прежнія времена о силѣ и знаменованіи словъ прилѣжно разсуждали, а не съ такимъ легкомысліемъ лѣпили ихъ, какъ во многихъ нынѣшнихъ сочиненіяхъ. Нынѣ вмѣсто: *Матернее Твое дерзновеніе употребляющи, моли да отверзетъ и мнѣ человѣколюбныя утробы своея благости*, сказали бы: *проси употребляя, какъ Мать, вліяніе Твое на Сына, чтобъ Онъ оказалъ надо мною свою трогательность*, и назвали бы это безподобною красотою слога.

Господи Вседержителю, сотворивый небо и землю со всею лѣпотою ихъ, связавый море словомъ повелѣнія Твоего, заключивый бездну, и запечатствовавый ю, страшнымъ и славнымъ именемъ Твоимъ, Его же вся боятся, и трепещутъ отъ лица силы Твоея. Не богаты ли, не сильны ли выраженія сіи: *словомъ повелѣнія связать море? трепетать отъ лица силы?*

Отъ гласа воздыханія моего прильпе кость моя плоти моей. Какъ можно больше и ощутительнѣе выразить дѣйствіе сокрушающей печали?

Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ изъ Библіи, изъ Прологовъ, изъ Четиминей, и разсмотримъ слогъ оныхъ:

Кійждо дѣлаше землю свою съ миромъ. Старѣйшины на стогнахъ сѣдяху, и вси о благихъ бесѣдоваху, и юноши облачахуся славою и ризами ратными. И сѣде кійждо подъ виноградомъ своимъ, и смоковницею своею, и не бысть устрашающаго ихъ. (Маккав. глав. 14). Какое прекрасное описаніе тишины и благоденствія народнаго при Царѣ мудромъ и добромъ!

Слышавшіи блажиша мя, спасохъ бо убогаго отъ руки сильнаго, и сиротѣ, емуже не бѣ помощника, помогохъ: благословеніе погибающаго на мя да пріидетъ, уста же вдовича благословиша мя. Око бѣхъ слѣпымъ, нога же хромымъ, азъ быхъ отецъ немощнымъ. Избрахъ путь ихъ, и сѣдѣхъ Князь, и веселяхся якоже Царь посредѣ храбрыхъ, утѣшаяй печальныхъ. (Іова гл. 29). Какое превосходное царскихъ должностей изображеніе: спасать убогаго отъ руки сильнаго, вспомоществовать сиротѣ, отирать слезы вдовицы; быть окомъ слѣпому, отцемъ немощному; трудиться разумомъ въ избираніи ведущихъ къ общему благу путей; сидѣть на престолѣ, повелѣвая и направляя умы всѣхъ къ наблюденію законовъ; предводительствовать храбрыми и утѣшать печальныхъ!

Простре Ааронъ руку на воды Египетскія, и изведе жабы: яже излѣзше внидоша въ домы и клѣти ложницъ и на постели, и въ домы

рабовъ ихъ, и въ тѣста и въ пещи, и на Царя, и на рабы его, и на люди его возлѣзоша жабы. И воскипѣ земля ихъ жабами: яже егда повелѣніемъ Моисеовымъ изомроша, собраша ихъ Египтяне въ стоги и стоги, и возсмердѣся вся земля Египетская отъ жабъ измершихъ и изгнившихъ.

Примѣтимъ здѣсь первое, какъ исчисленіе мѣстъ и вещей, и союзъ *и*, при каждомъ словѣ повторенный, умножаетъ понятіе о великомъ сихъ лѣзущихъ гадовъ количествѣ. Второе, какъ слово *и воскипѣ* прилично здѣсь и знаменательно. Третіе, какъ выраженіе *въ стоги и стоги*, гораздо сильнѣе, нежели бы сказано было: *во многіе стоги.* Четвертое, какое глаголъ *возсмердѣся* даетъ страшное и отвратительное понятіе о сей низпосланной на Египетъ казни, которая была бы несравненно слабѣе изображена, естьлибъ сказано было: *и заразися вся земля Египетская.*

Шестая казнь, гнойные струпы горящіи на человѣцѣхъ и скотѣхъ. Примѣтимъ здѣсь, какъ слово *горящіи* прилично къ струпамъ; ибо показуетъ болѣзненное ихъ дѣйствіе или нарываніе.

Седмая казнь, градъ и огнь горящъ со градомъ. Какая стихотворческая мысль!

Отнюдь не почитаю я за излишнее выписать здѣсь изъ Четиминеи цѣлое житіе трехъ святыхъ дѣвъ: книги [illegible] ько чи-

таемы бывають, и потому слогъ ихъ мало извѣстенъ.

Три дѣвы Троицѣ Святѣй въ даръ себе принесоша, Минодора, Митродора и Нимфодора. Иніи приносятъ Богу дары отъ внѣшнихъ имѣній своихъ, якоже иногда вси восточніи Царіе, злато, ливанъ и смирну. Они же принесоша дары отъ внутреннихъ сокровищь: принесоша душу яко злато, не истлѣннымъ златомъ искупленную, но честною кровію яко агнца непорочна. Принесоша совѣсть чисту яко ливанъ, глаголюще со Апостоломъ: Христово благоуханіе есмы. Тѣло же въ нетлѣнномъ дѣвствѣ своемъ на раны за Христа давше, принесоша е въ даръ Богу яко смирну. Вѣдяху добрѣ, яко Господь не нашихъ временныхъ богатствъ, но насъ самихъ требуетъ, по глаголу Давидову: Господь мой еси Ты: яко благихъ моихъ не требуеши. Самихъ убо себе Богу принесоша, яко же святое ихъ житіе и доблественное страданіе являетъ.

Какое прекрасное вступленіе: три младыя дѣвы приносятъ въ даръ Богу не злато, ливанъ и смирну, но несравненно дражайшія сихъ сокровища: душу свою, чисту какъ искушенное злато; совѣсть свою, благоухающу какъ ливанъ; тѣло свое непорочное вмѣсто смирны, вѣдая, что Богъ не благихъ нашихъ, но добродѣтелей нашихъ требуетъ. —Далѣе.

Сіи родишася въ Виѳиніи, сестры же суще по плоти, быша сестры и по духу; ибо единодушно избраша Богу работати паче, неже міру и сущимъ въ мірѣ суетствамъ. Хотяще же съ душею и тѣло соблюсти нескверно, да чистотою чистому соединятся жениху своему Христу Господу, послушаша гласа Его глаголюща: изыдите отъ среды людей сихъ, и отлучитеся, и нечистотѣ ихъ не прикасайтеся, и Азъ пріиму вы. Изыдоша убо отъ сопребыванія человѣческаго, любяще зѣло въ дѣвствѣ пребывати, и устранившеся всего міра, на уединенномъ вселишася мѣстѣ, добрѣ вѣдуще, яко неудобь хранитися можетъ чистота дѣвическая посредѣ народа имущаго очи исполнь любодѣянія и непрестаннаго грѣха. (Разсужденіе весьма справедливое). *Яко же бо рѣчныя воды входяще въ море сладость свою погубляютъ, и съ морскими совокупльшеся водами бываютъ сланы: тако и чистота егда посредѣ міра, аки посредѣ моря вселится, и возлюбитъ его, не возможно ей сланыхъ сластолюбія водъ не напитися.* (Какое прекрасное уподобленіе!). *Дщерь Іаковля Дина, донелѣже не вдадѣ себе въ Сихемъ градъ Языческій, дотоль бѣ чиста дѣва: егда же изыде познати дщери тамо обитающія, и пріобщися къ нимъ, абіе погуби дѣвство свое.* (Примѣтимъ искуство повѣствованія: вышесказанное подобіе уже довольно убѣдительно, однако оное под-

крѣпляется еще примѣромъ). *Окаянный Сихемъ міръ сей съ тремя дщерми своими, съ похотію плотскою, съ похотію очесъ и гордостію женскою, ничто же ино вѣсть, точію вредити прилѣпляющихся ему. Яко же смола очерняетъ прикасающагося ей, тако онъ своя рачители, черны, нечисты и скверны творитъ. Блаженъ бѣгаяй міра, да не очернится его нечистотами: блажена суть сія три дѣвы, избѣгшія отъ міра и отъ тріехъ его реченныхъ злыхъ дщерей, не очернишася бо ихъ скверными, и быша бѣлы и чисты голубицы, аки двумя крилами дѣяніемъ и Боговидѣніемъ лѣтающія по горамъ и пустынямъ, желающе въ Божественнѣй любви, аки въ гнѣздѣ почити: пустыннымъ бо непрестанное Божественное желаніе бываетъ міра сущимъ суетнаго кромѣ.*

Пребываніе же ихъ бѣ на нѣкоемъ высокомъ и пустомъ холмѣ, сущемъ близъ теплыхъ водъ въ Пуѳіахъ: аки за два поприща тамо всельшеся живяху въ постѣ и молитвахъ непрестанныхъ. Тихое пристанище и покой добръ чистотѣ своей дѣвической обрѣтоша, яже да невидима будетъ человѣки, скрыша ю въ пустыни: да видима же будетъ Ангелы, вознесоша ю на холмъ высокій. На высоту горы взыдоша, да прахъ земной отъ ногъ своихъ оттрясше къ небеси приближатся. Отъ самаго мѣста, на немъже пребываху, житіе ихъ добродѣтельное показовашеся. Что бо являетъ

пустыня, аще не отверженіе всего и уединеніе? что вѣщаетъ холмъ, аще не Богомысліе ихъ? что знаменуютъ теплыя воды, при нихъ же живяху, аще не теплоту ихъ сердечную къ Богу? (какое соображеніе подобій, и какое остроумное изобрѣшеніе мыслей къ распространенію слова!) *Яко же бо Израиль избывъ Египетскія работы прохождаше пустыню, тако сія святыя дѣвы изшедше отъ міра пустынное облобызаша житіе.* (Прекрасное выраженіе!). *И яко Моисей возшедъ на гору узрѣ Бога, тако сія на высокомъ холмѣ суще, тѣлесныя очи къ Богу возвождаху, умными же взираху на него ясно. И яко тамо удареніемъ въ камень исхождаху воды, тако въ нихъ отъ смиреннаго въ перси ударенія потокъ слезный отъ очесъ ихъ исхождаше.* (Вездѣ въ уподобленіяхъ соблюдена ясность и удобовразумительность). *И не таковы бяху теплыхъ водъ источницы, какова очеса ихъ теплыя слезы изводящая: тіи бо точію тѣлесное омыти блато можаху, сіи же и душевныя очищаху пороки, и паче снѣга убѣляху. Но что бѣ слезамъ очищати въ тѣхъ, яже очистивше себе отъ всякія скверны плоти и духа, яко Ангели на земли пожиша?* (Какое богатство мыслей истекающихъ одна изъ другой!). *Аще въ тіемъ сердцѣ отъ воспоминанія множества грѣховъ родится умиленіе и слезы: но въ нихъ, яко въ чистыхъ дѣвахъ, отъ любве къ Богу плача ис-*

точникъ исхождаше. Идѣже бо огнь Божественныя любве пылаетъ, тамо не возможно водамъ слезнымъ не быти. Такова есть огня того сила, яже егда аки въ пещи въ сіемъ сердцѣ возгорится, елико пламене, толико и росы умножитъ; елико бо гдѣ есть любве, толико и умиленія. Отъ любве раждаются слезы, и Христосъ егда надъ Лазаремъ плакаше, речено о немъ: виждь, како любляше его. Плакахуся святыя дѣвы въ молитвахъ и Богомышленіяхъ своихъ: любляху бо Господа своего, Его же видѣ ія насытитися желающе, со слезами времени того ожидаху, когда пріити и узрѣти любимаго жениха небеснаго, каяждо отъ нихъ съ Давидомъ вѣщаше: Когда пріиду и явлюся лицу Божію? быша слезы моя мнѣ хлѣбъ день и нощь. Аки бы глаголюще: о семъ день и нощь слезимъ, яко не скоро приходитъ то время, въ неже бы намъ пріити и явитися лицу сладчайшаго рачителя нашего Іисуса Христа, Его же видѣнія сице насыщатися желаемъ, имже образомъ желаетъ елень на источники водныя.

Сицевымъ житіемъ особнымъ егда святыя дѣвы устраняхуся отъ человѣкъ, отъ Бога явлены быша: не можетъ бо укрытися градъ верху горы стоя. Ибо исцѣленія недужнымъ чудесно отъ нихъ бывающая, яко велегласныя трубы по всей странѣ той о нихъ возвѣстиша. Въ то время царствова Максиміянъ зло-

честивый: страною же тою обладаше Фронтонъ Князь, иже слышавъ о святыхъ дѣвахъ, повелѣ яти ихъ, и привести предъ себе. Агницы Христовы ихъже пустынныя не вредиша звѣри, сіи отъ человѣкъ звѣрообразныхъ яты, и предъ мучителя приведены быша. Сташа на судъ нечестивыхъ три дѣвицы яко три Ангели, имъ же бы не предъ человѣкомъ, но предъ самимъ въ Троицѣ славимымъ Богомъ стояти. Недостойни бяху очи людей грѣшныхъ на святолѣпная лица ихъ смотрѣти, яже Ангельскою красотою и благодатію Святаго Духа сіяху. Удивляшеся мучитель таковой красотѣ ихъ въ пустыни храненой, каковыя ниже въ домѣхъ царскихъ видѣ когда; ибо аще и тѣлеса ихъ многими труды и постами бяху до конца умерщвлена, обаче лица дѣвическія лѣпоты своея не погубиша, паче же обрѣтоша ю. Идѣже бо духовныя радости и веселія сердце бѣ исполнено, тамо не можаше увянути цвѣтъ красоты личныя, по писанному: сердцу веселящуся, лице цвѣтетъ. Имать же иногда и воздержаніе нѣчто сицево, яко вмѣсто дряхлости лѣпотою краситъ лица человѣческія, яко же Даніила и съ нимъ тріехъ отрокъ, сихъ въ постѣ и воздержаніи живущихъ красота превосхождаше всѣхъ отроковъ царскихъ: тоже видѣти бѣ и въ святыхъ дѣвахъ, яко изумѣватися человѣческому уму, зряще пустынныя цвѣты и дщери Божія красо-

тою своею и добротою превосходящія всякую лѣпоту дщерей человѣческихъ.

Вопроси же я Князь первѣе о именахъ и отечествѣ, они же сказаша, яко отъ имене Христова Христіане именуются, при крещеніи же имена пріятія суть, Минодора, Митродора и Нимфодора, въ той странѣ Виѳинійстѣй отъ единаго отца и матере рождены. Та же простре Князь къ нимъ рѣчь свою, ласканіемъ къ своему злочестію ихъ приводя и глаголя: о дѣвы красныя! васъ велицыи боги наши возлюбиша, и красотою сицевою почтоша, еще же и великими богатствы почтити васъ готовы, точію вы честь имъ воздадите, и съ нами принесите имъ жертву и поклоненіе: азъ же васъ предъ Царемъ имамъ похвалити. И егда узритъ вы Царь, возлюбитъ васъ, и многими почтетъ дарами, за великихъ же болярь своихъ отдастъ вы, и будете паче иныхъ женъ честны, славны и богаты. Тогда Минодора старѣйшая сестра, молчаливая отверзе уста своя глаголющи: Богъ насъ создалъ, и образомъ своимъ украсилъ, сему кланяемся, инаго же бога кромѣ Его ниже слышати хощемъ. Даровъ же вашихъ и честей тако требуемъ, яко же кто требуетъ сметія ногами попираемаго: ещеже и благородныя мужи отъ Царя твоего намъ обѣщаеши: и кто можетъ лучшій быти паче Господа нашего Іисуса Христа, Ему же вѣрою уневѣстихомся, чистотою спряго-

хомся, душею прилѣпихомся, любовію соединихомся, и Онъ наша есть честь и слава и богатство, и отъ Него не точію ты и Царь твой, но ни весь міръ сей отлучити насъ возможетъ. Митродора же рече: Кая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою оттщетитъ? что бо намъ есть міръ сей противу любимаго жениха и Господа нашего? блато противу злата, тьма противу солнца, желчь противу меда: убо міра ли ради суетнаго имамы отпасти любве Господни, и погубити души наша? да не будетъ! (Какое предъ грознымъ судіею смѣлое изъявленіе любви къ Богу, отверженіе отъ предлагаемыхъ благъ, и презрѣніе къ мірскимъ почестямъ, когда должно для нихъ оставить вѣру!). *Мучитель же рече: много глаголете, яко не видите муки, и не пріемлете ранъ: яже егда увѣсте, инако рещи имате. Отвѣща же ревностію Нимфодора: муками ли и лютыми ранами устрашити насъ хощеши? собери здѣ отъ всея вселенныя мучительская орудія, мечи, рожны, ногти желѣзныя, призови всѣхъ мучителей отъ всего міра, совокупи вся виды мукъ, и обрати я на слабое тѣло наше, узриши, яко первѣе вся тая орудія сокрушатся, и всѣмъ мучителемъ руцѣ устанутъ, и вси твои мукъ виды изнемогутъ, неже мы Христа нашего отвержемся, за Него же горкія муки сладкимъ раемъ, а временная*

смерть, вѣчнымъ животомъ намъ будетъ. (Можно ли сильнѣе описать непоступную въ вѣрѣ твердость, воспламеняющуюся ревностію при напоминаніи о мукахъ, и кто сія, которая предъ лицемъ грознаго мучителя, исчисляя роды орудій, толикое мужество въ себѣ являетъ? Младая дѣва! не находимъ ли мы здѣсь подобія кисти, каковою Тассъ изобразилъ представшую предъ Аладина Софронію свою?). *Князь же рече къ нимъ: совѣтую вамъ яко отецъ, послушаете мя чада и пожрите богомъ нашимъ, единородныя сестры есте, не восхотите убо едина другую видѣти безчестія и студа исполнену и лютыя муки терпящую, ни хотите цвѣтъ красоты вашей увядающъ зрѣти. Не добрѣ ли глаголю? Не суть ли вамъ на пользу словеса моя? Воистинну отеческій совѣтъ даю, не хотя видѣти васъ обнажаемыхъ, біемыхъ, терзаемыхъ и на уды раздробляемыхъ. Повинитеся убо повелѣнію моему, да не точію у мене, но и у Царя благадать обрящете, и вся благая пріемше въ благополучіи преживете дни своя послушавше мя нынѣ: аще же ни, то абіе горкія бѣды и тяжкія болѣзни обымутъ вы, и погибнетъ красота лица вашего.* (Здѣсь примѣтить надлежитъ, какое искуство употребляетъ Сочинитель, дабы твердость въ вѣрѣ изобразить торжествующею надъ всѣмъ. Сколько прелестей и ужасовъ собрано для

поколебанія юныхъ сердецъ! Съ одной стороны угрожаются онѣ лютыми мученіями и смертію, съ другой предлагается имъ изобильная жизнь и сладость брака; мучитель вмѣсто гнѣва и угрозъ, хладомъ своимъ скрѣпляющихъ твердую душу, нападаетъ на нихъ кротостію, сожалѣніемъ, прозьбою, совѣтами, ласками, теплотою своею смягчающими крѣпость духа; однако же посредѣ сихъ увѣщаваній своихъ не забываетъ, къ возбужденію въ нихъ страха и трепета, напомянуть мимоходомъ *о терзаніи*, *о раздробленіи ихъ на уды*, въ случаѣ непослушанія. Отвѣты святыхъ дѣвъ убѣдительны, сильны, смѣлы; но безъ дерзости, безъ гордости; нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ благородной смѣлости сердца, преисполненнаго любви къ Богу, уповающаго на безсмертіе души, и увѣреннаго въ правотѣ своихъ чувствъ). *На сія словеса отвѣща Минодора: намъ, о судіе! ни ласканіе твое есть пріятно, ни прещеніе страшно: вѣмы бо, яко наслаждатися съ вами богатствъ, славы и всѣхъ сластей временныхъ, есть вѣчную себѣ горесть готовити во адѣ: терпѣть временныя за Христа муки, есть вѣчную себѣ на небесѣхъ радость ходатайствовати; и тое благополучіе, еже намъ обѣщаеши, есть непостоянно, и муки, имиже намъ претиши, суть временны. Нашего же Владыки, и муки, яже уготова ненавидящимъ Его, суть вѣчны.*

и множество благости, юже сокры любящимъ Его, есть некончаемо: того ради не хощемъ вашихъ благъ, ниже боимся мукъ, яко временны суть: боимся же мукъ адскихъ, и взираемъ на небесная благая, яко вѣчна суть, а наипаче, яко любимъ Христа жениха нашего, тѣмъ и умрети за Него желаемъ: умрети же единодушно вкупѣ, да покажемся сестры быти духомъ паче, неже тѣломъ. И яко же едина насъ утроба роди въ міръ, тако едина за Христа мученическая смерть да изведетъ отъ сего міра, и единъ да пріиметъ ны чертогъ Спасовъ, и тако не разлучимся съ собою во вѣки. Посемъ возведши очи горѣ воздохну, и рече: о Іисусе Христе Боже нашъ, не отвержемся Тебе предъ человѣки, ни Ты отвержися насъ предъ Отцемъ Твоимъ, иже есть на небесѣхъ. И паки къ мучителю глагола: мучи убо, о судіе, тое, еже тебѣ красно быти видится, тѣло наше, уязви е ранами, ни едино бо лучшее тѣлу нашему украшеніе можетъ быти, ни злато, ни маргариты, ниже многоцѣнныя одежды якоже раны за Христа нашего, ихъже подъяти давно желаемъ. (Какая преисполненная усердія ко Христу молитва, и какая потомъ твердая къ судіи рѣчь!). *Князь же къ ней рече: ты старѣйша еси и лѣты и разумомъ, имѣла бы еси и другихъ учити, да повинутся повелѣнію Цареву и нашему: ты же и сама не слушаеши и оныхъ*

развращаеши. Послушай убо мя, молю тя, сотвори повелѣнное, поклонися богомъ, да и тыя на тебѣ смотряще тоже сотворятъ. Отвѣща же Святая: всуе трудишися Княже, пекійся насъ отъ Христа отлучити, и къ поклоненію идоломъ, ихъже вы богами зовете, преклонити. Ни азъ сотворю сего, ниже сестры моя, съ ними же есмь, якоже и они со мною, едина душа, едина мысль, едино сердце Христа любящее. Совѣтую убо тебѣ, не трудися болѣе словами, но самою искушай вещію: бій, сѣцы, жги, на уды раздробляй, тогда узриши, повинемся ли безбожному твоему повелѣнію. Христовы есмы, и за Него умрети готовы. Сія слышавъ Фронтонъ Князь исполнися ярости, и весь гнѣвъ свой на Минодору излія: и абіе повелѣ меньшія двѣ сестры, отведши Минодору старѣйшую ихъ сестру, обнажити, и четыремъ спекулаторомъ бити. Біена же бысть Святая, и проповѣдникъ вопіяше: почти боги и похвали Царя, и законовъ его не уничижай. Биша же ю чрезъ два часа. И егда глагола къ ней мучитель: пожри богомъ. Она отвѣща ему: не ино что творю, точію жертву приношу, не видиши ли, яко вся себе принесохъ жертву Богу моему? (Какой приличной и спокойной отвѣтъ посреди мученія!). *Мучитель же веляше слугамъ жесточе бити ю. Биша убо по всему тѣлу безъ помилованія, сокрушающе составы ея,*

ломающе кости и плоть раздробляюще. Она же усердною безсмертнаго жениха своего любовію и желаніемъ объята, доблественно терпяше, аки не слышащи болѣзни. Та же изъ глубины сердечныя возопи: Господи Іисусе Христе, веселіе мое, и любве сердца моего, къ Тебѣ прибѣгаю надеждо моя, и молю, пріими въ мирѣ душу мою: и сія рекши испусти духъ, и пойде къ возлюбленному жениху своему, ранами яко многоцѣнными утварьми украшена.

По четырехъ же днехъ Митродору и Нимфодору мучитель предъ собою на судѣ поставивъ, положи при ногахъ ихъ мертвое тѣло старѣйшія сестры ихъ, и лежаше тое честное Святыя Минодоры тѣло наго непокровенно нимало, ниже бѣ на немъ не уязвленнаго мѣста, вся уды сокрушены, отъ ногъ до главы не бѣ цѣлости, и бѣ умиленъ позоръ всѣмъ зрящимъ. (Какое новое и ужасное средство къ поколебанію твердости двухъ оставшихся сестръ!) *Сіе же сотвори мучитель, акибы глаголя: видите ли сестру вашу, тоже и вамъ будетъ. И надѣешеся, яко тыя двѣ сестры видѣвше тако лютѣ умученное тѣло сестры своея, убоятся и повинутся воли его. Вси же предстоящіи смотряще на мертвое и лютѣ уязвленное тое тѣло, естественною побѣждахуся жалостію, и явѣ умиляющеся плакаху, точію единъ мучитель болѣе ожесточа-*

щіеся аки камень. Святыхъ же дѣвъ Митродору и Нимфодору само естество и любовь, яже къ сестрѣ, аще и преклоняше къ слезамъ, обаче возбраняше имъ большая любовь Христова, и извѣстная надежда, яко сестра ихъ уже въ чертозѣ жениха своего веселится, и оныхъ къ себѣ ждетъ, да таковыми же ранами украсившеся потщатся пріити и явитися лицу всевождѣленнаго Господа: и тое удержаваше отъ слезъ Святыя дѣвы, яже взирающе на предлежащее имъ Святое тѣло, глаголаху: благословенна ты сестра и мати наша сподобльшаяся вѣнцемъ мученичества вѣнчана быти, и внити въ чертогъ жениха твоего: помолися убо преблагому Господу, Егоже нынѣ зриши, да не медля повелитъ и намъ твоимъ же путемъ пріити къ Нему, и поклонитися Величествію Его, наслаждатися же любве Его, и веселитися съ Нимъ во вѣки. О мучители! Почто медлите долго не убивающе ны? Почто лишаете насъ части возлюбленныя сестры нашея? Почто не скоро сію намъ подаете смерти чашу, ея же аки пресладкаго питія жаждемъ? Се готовы уды наша на раздробленіе, готовы ребра на жженіе, готова плоть на растерзаніе, готовы главы на усѣченіе, готово сердце на мужественное терпѣніе: начните убо дѣло ваше, не надѣйтеся бо отъ насъ болѣе ничто же, не преклонимъ колѣна богомъ лжеименитымъ. Видите насъ усердно

желающихъ смерти, и что хощете болѣе? Умрети съ сестрою нашею за Христа Господа жениха нашего прелюбезнаго желаемъ. (Какой мужественный слогъ и какое торжество вѣры! Лежащее предъ глазами тѣло убіенной сестры, ожиданіе тойже самой участи надъ собою, увѣщеваніе, убѣжденіе, обѣщаніе всякаго рода земныхъ благополучій: коликія суть орудія къ потрясенію твердости душевной! Но какая сила чувствъ, и какое величество духа, чѣмъ болѣе стѣсняемаго, тѣмъ болѣе неунывающаго и растущаго!). *Егдаже судія аще и видѣ небоязненныя ихъ умы, и желаніе смерти за Христа непремѣнное, обаче покушаяся еще ласканіемъ къ своему преклонити единомыслію, нѣчто лукаво глагола. Отвѣщаша: доколѣ не престанеши, окаянне, нашему твердому предложенію противная глаголати? аще емлеши вѣру, яко единаго корене вѣтьви, единыя утробы сестры есмы, то вѣждь извѣстно, яко и мысль едину имамы, юже отъ убіенныя тобою сестры нашея разумѣй: аще бо та ни единъ имущи предъ очесы страданія мужественнаго образъ толикую въ терпѣніи яви силу, что убо мы сотворимъ смотряще на сестру нашу образъ намъ себе давшую? Не видиши ли, како она аще и лежащи, и уста затворена имущи, обаче отверстыми своими ранами, якоже усты наказуетъ ны, и увѣщаваетъ къ подвигу стра-*

дальтескому? Не разлутимся убо отъ нея, ни расторгнемъ сроднаго нашего союза, но умремъ, якоже и она умре за Христа. (Какой оборотъ мыслей и какое противное намѣренію слѣдствіе! Изъ того жестокаго зрѣлища, изъ того самаго безчеловѣчнаго примѣра, которымъ мучитель мнилъ устрашить ихъ, почерпаютъ они новую къ подкрѣпленію силъ своихъ пищу! И съ какимъ притомъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ объясняются: вмѣсто затворенныхъ устъ сестры ихъ вѣщаютъ къ нимъ отверстыя ея раны!). *Отрицаемся обѣщанныхъ вами богатствъ, отрицаемся славы, и всего, еже отъ земли есть и въ землю паки возвратится. Отрицаемся тлѣнныхъ жениховъ, имуще нетлѣннаго, Его же любимъ, и Ему же въ вѣно нашу за Него смерть приносимъ, да безсмертнаго, вѣтнаго, тистаго и святаго тертога Его сподобимся. Тогда мутитель оттаявъ надежды своея разъярися зѣло, и повелѣ Нимфодору отвести, Митродору же повѣсивше свѣщами опалити тѣло ея: и опаляема бѣ по всему тѣлу трезъ два таса. Такову же терпящи муку, возвождаше отеса своя къ единому, за Него же страдаше, возлюбленному жениху своему, помощи отъ Него просящи. Опаленную же аки угль, снемше съ древа, повелѣ мутитель палицами желѣзными крѣпко бити, сокрушающе вся уды ея, и въ тѣхъ мукахъ Святая Митродора взы-*

вающи ко Господу, предаде въ руцѣ Его Святую свою душу. Умершей же ей, приведена бысть третія агница Христова Святая Нимфодора, да двоихъ уже сестръ своихъ мертвая тѣлеса видитъ, и тѣхъ лютаго убіенія устрашившися отвержется Христа. Нача же къ ней Князь лукаво вѣщати: о красная дѣвице! Ея же азъ паче иныхъ удивляюся лѣпотѣ, и о юности милосердствую: бози ми суть свидѣтеліе, яко не мнѣе тя люблю дщере моея: точію приступи и поклонися богомъ, и абіе велику имѣти будеши у Царя благость, дастъ бо тебѣ имѣнія и чести: а еже есть больше, многое у него будеши имѣти дерзновеніе. Аще же ни, увы мнѣ, злѣ погибнеши, яко же и твоя сестры, ихъ же тѣлеса видиши. Святая же вся словеса его вмѣняющи аки вѣтръ, не внимаше имъ, но и противу вѣщая укори идолы и идолопоклонниковъ, Давидски глаголя: идоли языкъ сребро и злато, дѣла рукъ человѣческихъ: подобни имъ да будутъ творящіи я, и вси надѣющіися на ня. Видя же беззаконный, яко не успѣетъ словесы ничто же, повелѣ обнажившимю повѣсити, и ногтьми желѣзными строгати тѣло ея. Она же въ тѣхъ мукахъ ничесо же нетерпѣливо показа, ни возопи, ниже возстена, но точію горѣ очи возведши, движаше устнами своими, еже бѣ знаменіемъ ея къ Богу прилѣжныя молитвы. И егда вопіяше проповѣдникъ, пожри богомъ, и

свободишися отъ муки. Отвѣща Святая: азъ пожрохъ себе Богу моему за Него ми и страдати сладко, и умрети пріобрѣтеніе. Наконецъ мучитель повелѣ палицами желѣзными убити до смерти, и убіена бысть Святая за свидѣтельство Іисусъ Христово. Тако троица дѣвицъ Святую Троицу прослави смертію страдальческою. Мучителю же недовольно бѣ мучити живыя, но и на мертвыя неукротимую свою излія лютость: повелѣ бо огнь великъ возгнѣтити, и тѣлеса святыхъ мучениць въ него на сожженіе во врещи. Сему же бывшу, внезапу другій огнь съ великимъ громомъ съ небесе спаде, и въ мгновеніе ока сожже Фронтона Князя и вся его слуги мучившія святыхъ мучениць. На познѣщенный же огнь дождь великъ изліяся и погаси его. (Толь лютому дѣйствію какой приличнѣйшій конецъ быть можетъ, какъ не сей, что громъ поразилъ мучителей, и дождь погасилъ воспаленный ими огнь!). *А вѣрніи вземше тѣлеса святыхъ отъ огня невредженная, погребоша я честно близъ теплыхъ водъ въ единомъ гробѣ. Ихъже едина утроба роди, тѣхъ и гробъ единъ прія, да яже неразлучны быша въ животѣ своемъ, неразлучны будутъ и по смерти. Сестры быша на земли, сестры суть на небеси въ единомъ чертозѣ жениха своего, сестры и во гробѣ. Надъ ними же создана бысть Церковь во имя ихъ, и истекаху отъ нихъ исцѣленій*

рѣки, во славу Бога въ Троицѣ единаго, и въ память тріехъ дѣвицъ святыхъ, ихъ же молитвами да сподобимся зрѣти Святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, единаго Бога, Емуже слава во вѣки, аминь.

Всѣ сіи приведенныя для примѣра здѣсь выписки изъ Священныхъ писаній суть отнюдь не такія, которыя бы съ особливымъ тщаніемъ выбраны были, но случайно взяты изъ немногаго числа попадавшихся мнѣ въ руки книгъ. Между тѣмъ, естьли мы безъ всякаго предубѣжденія и предразсудка, вникнувъ хорошенько въ языкъ свой, сравнимъ ихъ съ самыми краснорѣчивѣйшими иностранными сочиненіями, то должны будемъ признаться, что оныя ни общимъ расположеніемъ описанія или повѣствованія, ни соображеніемъ понятій, ни остротою мыслей, ни изобрѣтеніемъ, ни украшеніемъ, ни чистотою и величавостію слога, не уступаютъ имъ. Откудужъ мысль сія, что мы не имѣемъ хорошихъ образцовъ для наставленія себя въ искуствѣ слова? Отъ малаго разумѣнія языка своего. Почему считаемъ мы себя толь бѣдными? Потому что не знаемъ всего своего богатства. Справедливо ли сіе, что языкъ нашъ нынѣ токмо начинаетъ образоваться? Весьма справедливо! Сличимъ еще разъ вышепоказанный *необразованный* слогъ Славенскій съ нынѣшнимъ *образован-*

нымъ слогомъ, и мы тотчасъ сіе увидимъ. Разогнемъ какую нибудь изъ книгъ, а особливо изъ переводовъ нашихъ, нынѣ издаваемыхъ, которые, благодаря Французскимъ Авторамъ, обучающимъ насъ Рускому языку, почти всѣ одинакимъ складомъ пишутся; разогнемъ, говорю, какую нибудь изъ книгъ сихъ, мы найдемъ въ ней:

. . . . ,,Осталась у него одна только дочь. ,,Онъ принялъ всевозможныя старанія *о раз-* ,,*витіи ея характера*, 1) и неусыпно пекся о ,,томъ, *чтобъ ее сохранить въ расположені-* ,,*яхъ свойственнѣйшихъ щастію.* 2) Она пока- ,,зала, въ первыхъ еще своихъ лѣтахъ, рѣд- ,,кую остроту ума, *живыя чувствованія и* ,,*легкое благоволеніе;* 3) *но однакожъ* 4) мо- ,,жно было примѣтить въ ней весьма вели- ,,кую наклонность къ огорченію отъ малѣй- ,,шей причины. Когда она достигла до юно- ,,шескихъ лѣтъ, *тогда сія чувствительность* ,,*дала разсудительный оборотъ ея мыслямъ*, ,,*тихость ея нравамъ*, 5) которые придавали ,,блескъ ея красотѣ, *и дѣлала* 6) *ея* 7) го- ,,раздо любезнѣйшею въ глазахъ тѣхъ, *ко-* ,,*торые* 8) были одарены подобными свой- ,,ствами; но Сентъ-Оберъ былъ столько ,,благоразуменъ, что *не могъ* 9) предпочесть ,,красоту добродѣтели; будучи проницате- ,,ленъ, онъ могъ судить, сколь сія красота ,,бываетъ опасна для *той* 10), которая об-

„ладаетъ ею, и *потому не могъ радоваться* „*этому*. 11) Такимъ образомъ сталъ онъ „стараться *укрѣплять ея характеръ* 12) и „пріучать *ея* 13) господствовать надъ сво- „ими наклонностями, и обуздовать свои „стремленія; онъ научилъ *ея* 14) удержи- „вать первое движеніе и переносить хлад- „нокровно *безчисленныя сопротивленія* 15) „встрѣчающіяся въ жизни; но чтобъ на- „учить ее *принуждать себя* 16), влить въ „сердцѣ *ее* 17) *спокойное достоинство*, 18), „которое одно сильно преодолѣть страсти „и *возвысить насъ превыше* 19) всѣхъ печаль- „ныхъ произшествій и злощастій, то онъ „самъ имѣлъ нужду въ мужествѣ, и не безъ „труда показывалъ видъ, что его не тро- „гаютъ слезы, маловажныя огорченія, кото- „рыя причиняла иногда Эмиліи *предусмо- „трительная его прозорливость* 20). Эмилія „похожа была на свою мать. Она имѣла „прекрасную ея *талію* 21), нѣжныя черты „ея лица; имѣла подобно ей глаза голубые, „*нѣжные и милые* 22); но какъ ни были пре- „лестны ея черты, *только особенно выра- „женія ея осанки, перемѣняющейся подобно „предметамъ, коими она трогалась, придава- „ло ея фигурѣ непреодолимую прелесть* 23)."

1) Что такое: *развивать характеръ?* Похоже ли это на Руской языкъ?

2) Что такое: *сохранить ее въ располо-*

женіяхъ свойственнѣйшихъ щастію? Могутъ ли стихи древнихъ Оракуловъ быть темнѣе сего?

3) Что такое: *живыя чувствованія и легкое благоволеніе?* Пустой звукъ словъ не можетъ быть вразумителенъ.

4) Что значитъ здѣсь *однакожъ?* Союзъ сей показываетъ всегда нѣкоторое изъятіе изъ предъидущаго положенія, какъ напримѣръ: *онъ хотя тихаго нрава и терпѣливъ, однакожъ не дастъ себя въ обиду.* Здѣсь слова терпѣніе и обида имѣютъ нѣкоторую между собою противуположность, поелику предполагается, что обида можетъ разрушить терпѣніе. Но *живость* или пылкость чувствъ въ томъ и состоитъ, что человѣкъ склоненъ къ радостямъ и огорченіямъ отъ малыхъ причинъ: къ чемужъ здѣсь союзъ *однакожъ?*

5) Что такое: *сія чувствительность дала разсудительный оборотъ ея мыслямъ?* Что такое: *сія чувствительность дала тихость ея нравамъ?* Откуду научаемся мы такому чудному составленію рѣчей, такимъ страннымъ выраженіямъ?

6) Здѣсь глаголы спутаны: послѣ множественнаго *придавали,* поставленъ тотчасъ единственный, *и дѣлала,* относящійся къ *чувствительности,* о коей прежде говорено было. Прекрасный выдетъ слогъ, когда

мы глаголы такъ располагать будемъ: *чувствительность дала, нравы придавали, и дѣлала!*

7) Здѣсь мѣстоименіе *ея* поставлено не въ томъ падежѣ; должно говорить и дѣлала *ее*, а не *ея*. Мы послѣ изъ многократнаго впаденія въ сію погрѣшность увидимъ, что это не опечатка.

8) Не давно было *которые:* близкаго и частаго повторенія сего мѣстоименія надлежитъ избѣгать, да притомъ же здѣсь надлежало сказать *которыя*, поелику говорится о женщинахъ, а не о мущинахъ.

9) Глаголъ *не могъ* поставленъ здѣсь весьма не къ статѣ; ибо кто чего не дѣлаетъ по невозможности, а не по доброй воли, тому и благоразумія приписывать не должно.

10) Здѣсь мѣстоименіе *той* означаетъ женщину, но можетъ относиться къ *красотѣ;* ибо сказано: *сія красота опасна бываетъ для той* (красоты). Подобнаго двумыслія въ хорошемъ слогѣ надлежитъ избѣгать.

11) *И потому не могъ радоваться этому*, есть весьма грубой и слуху противной слогъ.

12) *Укрѣплять характеръ*, есть нелѣпица.

13) Здѣсь вторично мѣстоименіе *ея* поставлено не въ томъ падежѣ: пріучать *ее*, а не *ея*.

14) Тажъ самая погрѣшность въ третій разъ.

15) *Безчисленныя сопротивленія.* Оба сіи слова здѣсь не у мѣста, и потому больше служатъ къ затмѣнію, нежели къ ясному выраженію мысли. Слово *сопротивленіе* не значитъ *противность*, *или противный и непріязненный случай*, но значитъ *борьбу нашу съ сими случаями*, и слѣдственно глаголъ *переносить* не приличествуетъ оному; ибо *переносить противности* можно, *а переносить сопротивленія* есть тоже самое, что *сопротивляться сопротивленіямъ*. Слово же *безчисленныя* отнимаетъ вѣроятность у словъ *переносить хладнокровно*. Дабы сдѣлать мысль сію правдоподобною и ясною, надлежало бы сказать: *и переносить хладнокровно встрѣчающіяся въ жизни противности*, не обременяя понятія нащего неимовѣрнымъ словомъ *безчисленныя*. Даже и въ сихъ словахъ: *переносить хладнокровно*, заключается уже нѣчто не естественное, и для того гораздо ближе къ нашимъ чувствамъ: *переносить терпѣливо*. Сколько писателю разсуждать должно, когда онъ желаетъ, чтобъ писаніе его не было вздорное!

16) *Принуждать себя*, есть весьма слабое и не ясное выраженіе; настоящее слово: *владѣть собою*.

17) Здѣсь въ четвертый разъ мѣсто-

имене *ее* поставлено не въ томъ падежѣ: влить въ сердцѣ *ея*, а не *ее*.

18) *Влить въ сердцѣ спокойное достоинство*, есть одинъ пустой звукъ словъ, безъ всякой мысли.

19) *Возвыситься превыше*. Вознестись превыше, можно сказать; но *возвыситься превыше, отдалиться далѣе, приближиться ближе*, подобныя сему выраженія не составляютъ красоты слога.

20) *Предусмотрительная прозорливость* есть такоеже выраженіе, какъ: высокая высота, зримая видимость и проч.

21) *Талія*. Таліи бываютъ также и у Руских женщинъ, а потому кажется и названію сему надлежало бы также быть и въ Русномъ языкѣ.

22) Можно сказать: *прекрасные, черные, голубые глаза*. Можно также сказать: *милые глазки, милой ротикъ*; но весьма не хорошо: *милые нѣжные глаза! милой нѣжной ротъ!*

23) *Выраженіе осанки, перемѣняющейся подобно предметамъ, коими она трогалась придавала фигурѣ ея непреодолимую прелесть!!!* Послѣ таковой ясности смысла и красоты слога не остается намъ ничего, какъ токмо удивляться, въ какое краткое время и какія великія успѣхи, учась у Французовъ, сдѣлали мы въ Россійскомъ языкѣ!

Въ краткой выпискѣ сей, содержащей въ себѣ не болѣе двухъ страницъ, находимъ мы такое великое число несвойственностей, погрѣшностей, нескладицъ и нелѣпостей: сколькожъ найдемъ мы ихъ во всей книгѣ? Можетъ быть въ возраженіе скажутъ мнѣ, что я выбралъ самое худое мѣсто и самый слабый переводъ, по которому не должно заключать вообще о всѣхъ переводахъ. Я и не говорю *обо всѣхъ*, однакожъ смѣло отвѣчаю, что изъ десяти девять таковыхъ, въ которыхъ подобный сему бредъ выдается за красоту слога. Разогните нынѣшнія наши книги, вы увидите, что главная часть писателей нашихъ щеголяютъ симъ тарабарскимъ языкомъ, и называютъ его новымъ, вычищеннымъ, утонченнымъ! Книги сіи печатываются, умножаются, никто не оговариваетъ ихъ, слогъ ихъ похваляется; молодые люди, мало упражнявшіеся въ языкѣ своемъ, читая ихъ пріучаютъ умъ свой къ ложнымъ понятіямъ, къ худому складу, къ невразумительнымъ выраженіямъ; зло сіе возрастаетъ, распространяется, дѣлается общимъ. Оное по свойству нашему наклонному къ подражанію, по привычкѣ, дѣлающей всякую странную вещь не странною, такъ прилипчиво, такъ непримѣтно вкрадывается въ насъ, что тѣ самые люди, которые видятъ его и вопіютъ противъ него, не чувствуютъ,

что они сами имъ заражены. Желаете ли предъ глазами своими имѣть тому примѣръ? Прочитайте слѣдующее о нынѣшнемъ воспитаніи нашемъ разсужденіе:

,,Естьли бы перестали у насъ воспиты-
,,вать дѣтей не справясь съ ихъ склонно-
,,стями и дарованіями, естьли бы переста-
,,ли родители избирать имъ состояніе безъ
,,цѣли и предназначеній, то можно надѣять-
,,ся, что слѣдующее поколѣніе произрасти-
,,ло бы лучшихъ людей на сценѣ граждан-
,,скаго міра! Разсмотрите физически и мо-
,,рально всякое юное существо вступающее
,,въ ученіе; опредѣлите ему съ первой бук-
,,вы его состояніе, его мѣсто въ обществѣ,
,,займите его всѣми познаніями, всѣми опы-
,,тами, касающимися единственно до его
,,предмета; усовершенствуйте его въ одной
,,части, сдѣлайте изъ него добраго гражда-
,,нина, или ученаго, или судію, или воина,
,,или пресвитера, или купца, или земледѣль-
,,ца; удалите отъ него попугаевъ иностран-
,,ныхъ, всю эту діалектику чужеземную;
,,оставьте непростительное, грубое заблу-
,,жденіе, чтобы ломать языкъ ихъ въ моло-
,,дости для пріятнаго выговора чужаго и
,,большею частію для моды, не давши глу-
,,бокаго понятія о своемъ; научите ихъ по-
,,дражать иностранцамъ, которые весьма
,,худо изъясняются и нашимъ языкомъ, и

,,другими, пренебрегая сію маловажную часть ,,воспитанія: однакожъ не меньше много насъ ,,учатъ, просвѣщаютъ; увѣрьте, что мо- ,,жно не краснѣя весьма худо говорить ино- ,,страннымъ языкомъ и быть весьма полез- ,,нымъ членомъ общества; твердите имъ, ,,что не умъ богатъ языкомъ, а языкъ умомъ. ,,Переувѣрьте ихъ въ обольщающей химерѣ, ,,что будто въ чтеніи однихъ иностранныхъ ,,книгъ можно только почерпать высокія, ,,новыя идеи; онѣ раждаются отъ наблю- ,,деній, соображенія, размышленій — и въ ,,свое время. Раскройте предъ глазами вос- ,,питанниковъ вашихъ свою вѣру, свою ис- ,,торію, свои законы, свое домашнее устрой- ,,ство, пользы Государства, торговлю, про- ,,мыслы, художества, науки; твердите имъ ,,непрестанно, что они должны быть преж- ,,де всего члены своего отечества, слуги ,,своего Государя, и потомъ уже граждане ,,міра! Напоминайте имъ о любви къ нему, ,,о своихъ обязанностяхъ, о добродѣтеляхъ ,,замѣченныхъ ими въ своихъ отчизнахъ, и ,,вы увидите, какъ примѣтно, какъ скоро ,,перемѣнится сей хаосъ воспитанія нашего ,,въ истинный свѣтъ просвѣщенія, въ луч- ,,шую, соотвѣтственнѣйшую систему для ,,нашего народа; вы увидите, какъ отличи- ,,тельно родятся характеры, дарованія, ,,творческіе умы; какъ воскреснутъ твердыя

„великія души, пробудятся порывистыя же-
„ланія патріотизма и изъ разнѣженныхъ
„головъ Сенскихъ питомцовъ, родятся не
„личины Руских, но истинные Рускіе, до-
„брые граждане, сыны своего отечества!“

Тотъже сочинитель въ примѣчаніи своемъ между прочимъ говоритъ: „мы начинаемъ за-
„бывать Руской языкъ болѣе и болѣе: куда вы
„хотите явиться съ Рускимъ языкомъ? Въ
„хорошемъ обществѣ, въ кругѣ людей такъ
„называемыхъ (лучшаго сорту) de bon ton,
„тамъ говорятъ по Французски. Въ школѣ?
„Тамъ изъясняютъ уроки по Французски. Въ
„домахъ? Тамъ коверкаютъ свой языкъ и
„мѣшаютъ его съ Французскимъ. Гдѣ же го-
„ворятъ по Руски? на площади, на биржѣ,
„по деревнямъ — и кто? . . . Это неутѣ-
„шимо! Пора бы намъ имѣть больше на-
„родной гордости и не унижать достоин-
„ства своего языка предъ цѣлымъ свѣтомъ!
„Всѣ знаютъ, какъ тонокъ, обиленъ, сла-
„докъ, живописателенъ Руской языкъ: для
„чего бы не стараться довести его до воз-
„можнаго совершенства? Для чего такой
„могущественной Имперіи не заставить
„иностранцовъ столько же подвигнуться
„къ намъ, сколько мы къ нимъ *)? Для чего

*) Этотъ вопросъ легко сдѣланъ, но трудно его рѣшить: сперва растолкуемъ, что значитъ подвигнуться къ намъ?

„не заниматься имъ нашимъ языкомъ въ по-
„сольствахъ, сношеніяхъ политическихъ —
„для чего не употреблять его при дворѣ?
„Тамъ, гдѣ стеченіе утонченныхъ мыслей;
„тамъ, гдѣ вѣжливость, искуство обраще-
„нія доведены до такой высокой степени?
„Тамъ-то надобно образовать первоначаль-
„ный вкусъ къ своему нарѣчію, тамъ на-
„чать воспитывать Руской языкъ *): тогда
„разольется онъ нечувствительно въ обще-
„ствѣ, заставятъ гораздо съ большею охо-
„тою всякаго письменнаго человѣка зани-
„маться его красотою; тогда будутъ по
„крайней мѣрѣ писать съ надеждою, что
„книги Руские и читать и понимать ста-
„нутъ."

Главное основаніе разсужденія сего весь-
ма справедливо: оно открываетъ намъ гла-
за, оно даетъ намъ чувствовать ослѣпленіе
наше; но какъ же можно тому, кто съ та-

То ли, чтобъ они въ своей землѣ обучались такъ нашему языку, какъ мы ихъ? Но чѣмъ же *такая могущественная Имперія заставитъ ихъ подвигнуться къ сему?* Силою оружія, или силою краснорѣчія? Первое было бы и жалко и смѣшно: воевать съ чужимъ народомъ для того, чтобъ принудить его обучаться нашему языку! Отъ втораго мы весьма далеки: надобно сперва снять съ себя ихъ цѣпи, и потомъ уже наложить на нихъ свои.

*) Воспитывать языкъ? — Давно ли сочинитель говорилъ, что языкъ нашъ *тонокъ, обиленъ, сладокъ, живописателенъ?* Какъ же теперь велитъ его *воспитывать?* Да сверхъ того это дитя уже и не такъ молодо, чтобъ слово *воспитаніе* было ему прилично.

кою истинною укоряешъ насъ, *что мы начинаемъ забывать Руской языкъ болѣе и болѣе*, и съ такимъ благонамѣреніемъ совѣтуешъ намъ *удалить всю чужеземную діалектику и прилагать стараніе о глубокомъ познаніи природнаго языка своего*, какъ возможно, говорю, тому самому писателю, который съ толикимъ жаромъ вопіетъ противъ сего, не чувствовать, что онъ самъ послѣдуетъ *сей діалектикѣ* и собственнымъ примѣромъ своимъ разрушаетъ благій совѣтъ свой? Ибо чтожъ, какъ не *чужеземную діалектику*, значатъ сіи и подобныя сему, разсѣянныя повсюду въ той же самой книгѣ его, выраженія: *Жени разсматривалъ природу* (иной подумаетъ, что это Жанъ или Иванъ разсматривалъ природу: совсѣмъ не то!) *и стараясь потрафить подлинникъ украсилъ списокъ* (это очень ясно!) — *Примѣчательные умы разсматривали Жени со всѣхъ сторонъ и раскрыли чрезъ анализъ тайны его чудесъ* (это прямо по Руски)! *Улучшенная природа, въ вообраясеніи, во вкусѣ и въ ощущеніи всего изящнаго* (хорошо)! — *Важность носящая отпечатокъ мужественнаго характера* (не льзя лучше!) *Онъ не былъ еще злодѣемъ по привычкѣ, но по системѣ былъ уже таковъ.* — *Часто покушалась она закрасить чѣмъ нибудь* (для чего не замазать!) *свое положеніе.* — *Набросимъ тѣнь на сіи преступныя восторги*, и пр.

и пр. и пр.? Набросимъ и мы тѣнь на сей странной слогъ и подивимся, что находимъ его въ такомъ сочиненіи, которое толкуетъ намъ о классическихъ стихотвореніяхъ и о Россійской Словесности, и которое называя языкъ нашъ вмѣстѣ и *вновь рождающимся и бѣднымъ, и богатымъ и живописательнымъ*, и укоряя насъ, *что вездѣ въ обществахъ и въ домахъ нашихъ коверкаютъ его мѣшая съ Французскимъ языкомъ*, само себя тѣмъ же самымъ укоризнамъ подвергаетъ.

Въ нѣкоторой книжкѣ случилось мнѣ прочитать слѣдующій вопросъ: *отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?* Сочинитель разсуждая о семъ между прочимъ говоритъ:

,,*Хотя талантъ есть вдохновеніе природы, однакожъ ему должно развиваться и созрѣть въ постоянныхъ упражненіяхъ. Автору надобно имѣть не только собственно такъ называемое дарованіе, — то есть, какую то особенную дѣятельность душевныхъ способностей, — но и многія историческія свѣденія, умъ образованный логикою, тонкой вкусъ и знаніе свѣта. Сколько время* (правильнѣе *времени*) *потребно единственно на то, чтобы совершенно овладѣть духомъ языка своего? Волтеръ сказалъ справедливо, что въ шесть лѣтъ можно выучиться всѣмъ главнымъ языкамъ, но что во всю жизнь надобно учиться своему природному.*

(А мы во всю жизнь учась чужому, и не заглядывая въ свой, хотимъ быть писателями!). *Намъ Рускимъ еще болѣе труда, нежели другимъ. Французъ прочитавъ Монтаня, Паскаля, пять или шесть авторовъ вѣка Лудовика XIV, Волтера, Руссо, Томаса, Мармонтеля, можетъ совершенно узнать языкъ во всѣхъ формахъ* — (во всѣхъ родахъ, я думаю); — *но мы прочитавъ множество церковныхъ и свѣтскихъ книгъ, соберемъ только матеріальное или словесное богатство языка, которое ожидаетъ души и красокъ отъ художника.* (На сіе мнѣніе не во всемъ согласиться можно: мнѣ кажется, ежели Французъ прочитавъ Монтаня, Паскаля, Волтера, можетъ совершенно узнать языкъ свой, то и мы прочитавъ множество церковныхъ и свѣтскихъ книгъ, тожъ самое узнать можемъ; ибо естьли нынѣшніе Французы учатся у Монтаней, Паскалей, Волтеровъ; то и Монтани, Паскали, Волтеры, у кого нибудь также учились. Писатели по различнымъ дарованіямъ и склонностямъ своимъ избираютъ себѣ родъ писанія: иной трубу, другой свирель; но безъ знанія языка никто ни въ какомъ родѣ Словесности не прославится. Писателю надлежитъ необходимо соединить въ себѣ природное дарованіе и глубокое знаніе языка своего: первое снабдѣваетъ его изобиліемъ и выборомъ

мыслей, второе изобиліемъ и выборомъ словъ. Писать безъ дарованія, будешь Тредьяковскій (*); писать безъ знанія языка, будешь нынѣшній писатель. Конечно безъ разума утвержденнаго науками, хотя бы кто и всѣ церковныя и свѣтскія книги прочиталъ, онъ пріучилъ бы токмо слухъ свой къ простому звуку словъ, нимало не обогащающему разсудка нашего, и слѣдовательно не собралъ бы никакого ни *умственнаго* ни *словеснаго* богатства. Но тотъ, кто имѣя острый умъ, прочитаетъ ихъ съ разсужденіемъ и пріобрѣтетъ изъ нихъ познаніе въ краткости, силѣ и красотѣ слога; то почему же сей не сдѣлается тѣмъ художникомъ, который всему изображаемому имъ даетъ душу и краски? Я думаю совсѣмъ напротивъ: Французы не могли изъ духовныхъ книгъ своихъ столько заимствовать, сколько мы изъ своихъ можемъ: слогъ въ нихъ величественъ, краток, силенъ, богатъ; сравните ихъ съ Французскими духовными писаніями, и вы тотчасъ сіе увидите. Надлежитъ токмо отрясть отъ себя мракъ предразсудка и не лѣниться почерпать изъ сего неистощаемаго источника). *Истинныхъ писателей было*

*) Я разумѣю о стихотворствѣ Тредьяковскаго; чтожъ принадлежитъ до историческихъ переводовъ его и писаній въ прозѣ, оныя отнюдь не должны почитаться наровнѣ съ его стихами.

у насъ еще такъ мало, что они не успѣли дать намъ образцевъ во многихъ родахъ; не успѣли обогатить словъ тонкими идеями; не показали, какъ надобно выражать пріятно нѣкоторыя, даже обыкновенныя мысли. (Превосходныхъ писателей въ разныхъ родахъ, конечно, было у насъ мало; но свѣтскихъ, а не духовныхъ; и первыхъ мало отъ того, что не читаютъ они послѣднихъ. Я не говорю, чтобъ могли мы изъ духовныхъ книгъ почерпнуть всѣ роды свѣтскихъ писаній; но кто при остротѣ ума и природныхъ дарованіяхъ будетъ въ языкѣ своемъ и краснорѣчіи силенъ, тотъ по всякому пути, какой токмо изберетъ себѣ, пойдетъ достолѣпно. Есть у насъ много великихъ образцовъ, но мы не знаемъ ихъ, и потому не умѣемъ подражать имъ. Между тѣмъ и въ свѣтскихъ писателяхъ имѣемъ мы довольно примѣровъ: Лирика равнаго Ломоносову конечно нѣтъ во Франціи: Мальгербь и Руссо ихъ далеко уступаютъ ему; откуду же бралъ онъ образцы и примѣры? Природа одарила его разумомъ, науки распространили его понятія, но кто снабдилъ его силою слова? Естьли бы Сумароковъ познаніемъ языка своего обогатилъ себя столько же, какъ Ломоносовъ; онъ бы, можетъ быть, при остротѣ ума своего, въ сатирическихъ сочиненіяхъ не уступилъ Буалу, въ трагическихъ

Расину, въ притчахъ ла Фонтеню (*). Вольно намъ на чужихъ, даже и посредственныхъ писателей, смотрѣть завидными глазами, а своихъ и хорошихъ презирать. Чтожъ принад-

(*) Притчи и Эклоги всего болѣе украшаются простотою слога и выраженій; но прочія сочиненія требуютъ возвышенныхъ мыслей. Сумароковъ родился быть стихотворцемъ, но природное дарованіе его не подкрѣплено было прилѣжнымъ упражненіемъ въ языкѣ своемъ и глубокимъ знаніемъ онаго. Въ трагедіи его Гамлетъ раскаивающійся въ злодѣяніяхъ своихъ Клавдій падъ на колѣни, говоритъ:

Се Боже, предъ Тобой сей мерзкій человѣкъ,
Который срамотой одной наполнилъ вѣкъ,
Поборникъ истины, безстыдныхъ дѣлъ рачитель,
Врагъ Твой, врагъ ближняго, убійца и мучитель!

Въ новѣйшихъ изданіяхъ слово *поборникъ* перемѣнено и вмѣсто онаго поставлено *рушитель истины;* однакожъ Сумароковъ дѣйствительно употребилъ слово *поборникъ!* принимая оное въ смыслѣ противоборника. Въ тойже трагедіи его уличенная сыномъ своимъ въ убійствѣ перваго мужа своего и пришедшая въ раскаяніе Гертруда говоритъ второму супругу своему:

Вы всѣ свидѣтели моихъ безбожныхъ дѣлъ,
Того противна дня, какъ ты на тронъ возшелъ,
Тѣхъ пагубныхъ минутъ, какъ честь я потеряла,
И на супружню смерть не тронута взирала: (и проч.)

Ломоносовъ похуляя сей послѣдній стихъ, и доказывая, что въ немъ совсѣмъ не тотъ смыслъ заключается, въ какомъ сочинитель его употребилъ, написалъ слѣдующіе стихи:

Женился Стилъ, старикъ безъ мочи,
На Стеллѣ, что въ пятнадцать лѣтъ,
И не дождавшись первой ночи.
Закашлявшись оставилъ свѣтъ;
Тутъ Стелла бѣдная вздыхала,
Что *на супружню смерть не тронута взирала.*

лежитъ до сего мнѣнія, что авторы наши не *успѣли обогатить словъ новыми идеями*; то развѣ говорится сіе о прежнихъ авторахъ, а нынѣшніе весьма въ томъ успѣли! Изъ великаго множества приведенныхъ въ

Изъ сего довольно явствуетъ, сколь много знаніе языка предохраняетъ писателя отъ погрѣшностей и несвойственныхъ выраженій, въ которыя онъ безъ того, при всемъ своемъ остроуміи и дарованіи, не рѣдко впадать будетъ. Впрочемъ, хотя изъ многихъ мѣстъ можно бы было показать, что Сумароковъ не довольно упражнялся въ чтеніи Славенскихъ книгъ, и потому не могъ быть силенъ въ языкѣ, однакожъ онъ при всѣхъ своихъ недостаткахъ есть одинъ изъ превосходнѣйшихъ стихотворцевъ и трагиковъ, каковыхъ и во Франціи не много было. Естьли не находимъ мы въ немъ примѣрной чистоты, великолѣпія и богатства языка; то по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ чувствуемъ сладость онаго, не смотря на нынѣшнихъ писателей, которые говорятъ: *Семира его изрядна, также Вышеславъ, Хоревъ, Синавъ и Труворъ, Гамлетъ* и проч.; *но теперь уже выходятъ они изъ моды и колорисъ ихъ отдѣлки тускнѣетъ: такъ то мало могъ онъ устоять противу времени и вкуса!* — Преславные мы будемъ знатоки и писатели, когда о трагедіяхъ разсуждать станемъ по модѣ, какъ о пряжкахъ и башмакахъ! Ваши *отдѣлки* и *колорисы* при свѣтѣ здраваго разсудка исчезнутъ, но Сумароковъ будетъ всегда Сумароковъ. Въ самыхъ величайшихъ сочинителяхъ и стихотворцахъ примѣчаются иногда недостатки: Корнелій, высокопарный Корнелій, отецъ Французской трагедіи, преисполненъ ими. Итакъ неблагоразуменъ тотъ, кто въ знаменитомъ писателѣ замѣтя двѣ или три погрѣшности, станетъ для оныхъ всѣ прочія красоты его пренебрегать. Талантъ часто и въ самой погрѣшности не престаетъ быть талантомъ: у Ломоносова въ трагедіи прекрасная Татарская Царевна влюбляется съ башни въ разъѣзжающаго по полямъ рыцаря, и открываетъ страсть свою наперсницѣ своей сими словами:

Насталъ ужасный день, и солнце на восходѣ
Кровавы пропустивъ сквозь паръ густой лучи,

семъ сочиненіи выше и ниже сего примѣровъ ясно видѣть можно, какую пріятность и какое приращеніе получилъ языкъ нашъ!) *Руской Кандидатъ авторства* (вотъ и доказательство тому!), *недовольный книгами*,

---

Даетъ печальный знакъ къ военной непогодѣ;
Любезна тишина минула въ сей ночи.
Отецъ мой воинству готовится къ отпору,
И на стѣнахъ стоять уже вчера велѣлъ.
Селимъ полки свои возвелъ на ближню гору,
Чтобъ прямо устремить на городъ тучу стрѣлъ.
На гору, какъ орелъ, всходя онъ возносился,
Которой съ высоты на агнца хочетъ пасть;
И быстрый конь подъ нимъ какъ бурной вихрь крутился:
Селимово казалъ проворство тѣмъ и власть.
Онъ ѣздилъ по полкамъ (и проч.).

Стихи сіи гладки, чисты, громки; но свойственны ли и приличны ли они устамъ любовницы? Слыша ее звучащу такимъ величавымъ слогомъ, не паче ли она воображается намъ Гомеромъ или Демосфеномъ, нежели младою, страстною Царевною? Въ другомъ мѣстѣ, въ тойже самой трагедіи его Мамаѣ, Селимъ говоритъ сей же самой любовницѣ своей Тамирѣ:

Дражайшая, какой свирѣпости возможно
Тебѣ малѣйшую противность учинить?
Какое сердце есть на свѣтѣ толь безбожно,
Которое тебя дерзаетъ оскорбить?
Тебя, предъ коею жаръ бранный погасаетъ
И падаютъ изъ рукъ и копья и щиты,
Геройскихъ мыслей бѣгъ насильный утихаетъ
Удержанъ силою толикой красоты!

И въ другомъ мѣстѣ нѣсколько пониже, гдѣ Селимъ убѣждаетъ Тамиру оставить отца своего и ѣхать съ нимъ въ его землю:

Послѣдуй мнѣ въ луга Багдатскіе прекрасны,
Гдѣ въ срѣтенье тебѣ Евфратъ прольетъ себя,
Гдѣ вешніе всегда господствуютъ дни ясны,
Пріятность воздуха достойная тебя,

долженъ закрыть ихъ и слушать вокругъ себя разговоры, чтобы совершеннѣе узнать языкъ. (Этотъ способъ узнавать языкъ всѣхъ легче). *Тутъ новая бѣда: въ лучшихъ домахъ говорятъ у насъ по Французски!* (Стыдно и

Царицу воспріять великую стекаясь,
Богинею почтитъ чудящійся народъ,
И красотѣ твоей родитель удивляясь,
Превыше всѣхъ торжествъ поставитъ твой приходъ.

Естьли бы сіи прекрасные стихи вложены были въ уста посланника Селимова, которой бы отправленъ отъ него былъ съ тѣмъ, чтобъ прельстить Царевну краснорѣчивымъ изображеніемъ пріятностей мѣстъ и почестей, ожидающихъ ее въ той странѣ, куда ее приглашаютъ; тогда бы помѣщены они были приличнымъ образомъ. Но когда самъ Селимъ, улуча на краткое время случай увидѣться съ своею любовницею, вмѣсто простаго, смутнаго, торопливаго изліянія страстныхъ чувствъ своихъ, вѣщаетъ ей толь отборными словами и мыслями, каковы суть сіи:

Тебя, предъ коею жаръ бранный погасаетъ
И падаютъ изъ рукъ и копья и мечи.

Или:

Во срѣтенье тебѣ Евфратъ прольетъ себя (и проч.)

То хотя и вижу я здѣсь много ума и краснорѣчія; однако не вижу ни любви, ни сердца, ни чувствъ. Напротивъ того, когда Труворъ убѣждая Ильмену уйти съ нимъ, говоритъ ей:

Коль любишь ты меня, разстанься съ сей страной,
И изъ величества, куда восходишь нынѣ,
Отважся ты со мной жить въ бѣдности, въ пустынѣ,
Съ презрѣннымъ, съ выгнаннымъ, съ оставленнымъ отъ всѣхъ;
Покинь съ желаніемъ надежду всѣхъ утѣхъ,
Которы пышностью Князей увеселяютъ,
И честолюбіе богатыхъ умножаютъ;

жаль, да пособить нѣчемъ. Рѣка течетъ, и все, что въ ней, плыветъ съ нею. А виноваты писатели. Моліеръ многіе безразсудные во Франціи обычаи умѣлъ сдѣлать смѣшными!) *Милыя дамы, которыхъ надлежало бы*

Довольствуйся со мной пустыннымъ житіемъ,
И будь участница въ нещастіи моемъ,
Которо, коль ты мнѣ вручишь красу и младость,
Мнѣ въ несказанную преобратится радость.

Или когда Хоревъ Оснельдѣ своей, укоряющей его жестокосердіемъ за то, что онъ идетъ съ отцемъ ея сражаться, отвѣтствуетъ:

Когда я въ бѣдственныхъ лютѣйша дня часахъ
Кажуся тигромъ быть въ возлюбленныхъ очахъ,
Такъ вѣдай, что во градъ меня съ кровава бою
Внесутъ, и мертваго положатъ предъ тобою:
Не извлеку меча, хотя иду на брань,
И раздѣлю животъ тебѣ и долгу въ дань.

Тогда, читая сіи стихи, сердце мое наполняется состраданіемъ и жалостію къ состоянію сего любовника. Я не научаюсь у него ни громкости слога, ни высокости мыслей; но научась любить и чувствовать. Слѣдуетъ ли изъ сего заключить, что ни Ломоносовъ ни Сумароковъ, ни другіе многіе писатели наши не могутъ намъ служить образцами? Отнюдь нѣтъ! Надлежитъ токмо читать ихъ съ разсужденіемъ, безъ всякаго къ нимъ пристрастія и ненависти, безъ всякаго предубѣжденія къ иностраннымъ писателямъ, и безъ всякаго притомъ самолюбія, или высокаго о себѣ мнѣнія; ибо сія послѣдняя страсть часто сбиваетъ насъ съ прямой дороги. Мы часто слышимъ крикуновъ и Зоиловъ; но рѣдко такихъ, которые, не кричатъ, а разсуждаютъ и доказываютъ. Знающій Зоилъ съ невѣждою Зоиломъ различествуютъ въ томъ, что первый выслушиваетъ доказательства, и когда найдетъ оныя сильнѣйшими своихъ; то соглашается съ тѣмъ, кто противъ него споритъ, и перемѣняетъ свое мнѣніе; а другой не перемѣнитъ онаго ни зачто, и говоритъ какъ Ско-

только подслушать, чтобы украсить Романъ или Комедію любезными, щастливыми выраженіями, плѣняютъ насъ не Рускими фразами. (Милыя *дамы*, или по нашему грубому языку *женщины, барыни, барышни*, рѣдко бываютъ

шинипъ: *у меня, слышь ты, что вошло въ мою голову, то въ ней и засѣло.* Когда я съ разсужденіемъ буду читать прежнихъ писателей нашихъ, таковыхъ какъ Феофанъ, Кантемиръ, Ломоносовъ, Сумароковъ, Поповскій, Казицкій, Полѣтика, Майковъ, Петровъ, Крашенинниковъ, и многихъ нынѣшнихъ, украшающихъ стихотвореніе и словесность нашу; то почему, имѣя дарованіе, не найду я въ нихъ достаточной для ума моего пищи? А естьли я не имѣю въ себѣ дарованій той пчелы, которая, какъ говоритъ Сумароковъ: *посѣщая благоуханну розу, беретъ въ свои соты частицы и съ навозу;* то никакіе славные сочинители не научатъ меня писать. Многіе нынѣ, разсуждая о сочиненіяхъ, кричатъ: *эта Сатира скаредна, стихи въ ней негладки; это слово никуда негодится, оно написано по Славенски!* Да развѣ не можетъ быть въ негладкихъ стихахъ богатаго, и въ гладкихъ скуднаго смысла? Почто худое съ хорошимъ сливать безъ различія? Развѣ не льзя по Славенски написать хорошо, и по Руски худо? Также по Руски хорошо, и по Славенски худо? Какая нужда мнѣ до слога, по Славенски ли, по Малороссійски ли, по Руски ли кто пишетъ? Лишъ бы не имѣлъ онъ юродливаго смѣшенія, лишъ бы ясенъ былъ связью рѣчей, краткокъ выраженіями, изобиленъ разумомъ, и приличенъ роду писанія; то есть, не написалъ бы кто Комедію Славенскимъ, а поэму простонароднымъ Рускимъ языкомъ. Начто мнѣ послѣдовать худой прозѣ, или худымъ стихамъ Сумарокова; но для чего мнѣ тамъ не перенимать у него, гдѣ онъ какъ весна цвѣтущъ, какъ роза нѣженъ? Въ разсужденіи же различенія нелѣпостей отъ красотъ надлежитъ быть весьма осторожну, и отнюдь не полагаться на судъ другихъ, доколѣ собственнымъ своимъ разсудкомъ не утвердишся въ томъ. Напримѣръ: ежели бы кто мнѣ сказалъ: посмотри, какъ въ Синавѣ и Труворѣ четвертое явленіе перваго дѣйствія безъ размышленія написано, и сталъ бы доказывать то слѣдующимъ образомъ:

сочинительницами, и такъ пусть ихъ говорятъ, какъ хотятъ. А вотъ несносно, когда господа писатели дерутъ уши наши не Рускими фразами!). *Чтожъ остается дѣлать Автору?* (Учиться Руской, а не Французской,

---

Труворъ оставшись наединѣ съ Ильменою, и зная уже, что она вступаетъ въ бракъ съ братомъ его Синавомъ, вопрошаетъ ее съ безпокойствомъ:

Трув: . . . . Такъ ты ужъ предпріяла
Его супругой быть?

Ильм: Хотя и не желала.

Трув: О коль нещастливый мой братъ днесь щастливъ сталъ!

Ильм: Ты щастіемъ его напасть мою назвалъ:
По повелѣнію ему супругой буду;
Но въ одръ. . . . . .

Здѣсь видя по неволѣ вырывающееся изъ груди своей признаніе любви, прерываетъ она рѣчь свою. По сіе время весьма хорошо. Встревоженныя сердца ихъ не имѣютъ времени таить долѣе свой пламень. Они открываются во взаимной страсти своей, и разговоръ ихъ продолжается:

Трув: О время! о судьбы! За что вы намъ толь строги!
Удобно ль будетъ мнѣ толику скорбь тернѣть,
Какъ буду я тебя чужой супругой зрѣть,
Красу твою чужимъ желаніямъ врученну,
И сердца моего утѣху похищенну!

Ильм: Я съ именемъ умру любовницы твоей,
И дѣвой сниду въ гробъ, не чувствуй муки сей.

Трув: Ты брату моему хотѣла быть женою.

Ильм: Не обвиняй меня невольною виною,
И дай исполнить мнѣ родительскій приказъ:
Ахъ! естьли въ свѣтѣ кто нещастливѣе насъ!

Здѣсь все ясно сказано: Труворъ знаетъ, что Ильмена любитъ его, что она выходитъ замужъ за брата его по повелѣнію отца своего, и что хочетъ не измѣняя ему умереть. Посмотримъ теперь продолженіе ихъ разговора:

грамотѣ). *Выдумывать, сочинять выраженія?* (Кто безъ прилѣжнаго въ языкѣ своемъ упражненія станетъ выдумывать, сочинять выраженія, тотъ похожъ будетъ на того, которой говоритъ во снѣ). *Угадывать лучшій*

Грув: Твой духъ не такъ какъ мой симъ бракомъ будетъ мученъ,
А я пребуду въ вѣкъ на свѣтѣ злоп͏олученъ,
Хотя мой вѣкъ напасть и скоро сократитъ,
Когда она меня съ тобою разлучитъ:
И какъ меня, увы! пожретъ земли утроба,
Приди когда нибудь ко мнѣ на мѣсто гроба,
И естьли буду жить я въ памяти твоей,
Хоть малу жертву дай во тьмѣ душѣ моей:
И вспомянувъ разрывъ союза между нами,
Оплачь мою злу часть, омой мой гробъ слезами.
Ильм: Владычествуй собой, печали умѣряй,
А жертвы отъ меня иныя ожидай.
Не слезы буду лишь я жертвуя любови:
Когда тебя лишусь, польются токи крови.

Здѣсь Ильмена повторяетъ тоже самое, что она и прежде сказала, то есть: что она умретъ прежде, нежели ему измѣнитъ. Чѣмъ же можно извинить простоту сего отвѣта его:

Я не могу никакъ понять твоихъ рѣчей?

И когда Ильмена еще съ большею ясностію скажетъ ему:

Поймешь, когда моихъ померкнетъ свѣтъ очей;

тогда онъ съ тоюже, какъ и прежде, но здѣсь еще болѣе непростительною тупостію ума, паки повторяетъ ей:

Мнѣ мысль твоя темна, какъ я ни разсуждаю.

Видя таковое непонятіе его и недогадливость, Ильмена имѣла все право сказать, *скончаемъ разговоръ* и проч. Естьли бы, говорю, кто такимъ образомъ доказалъ мнѣ, я бы не могъ его оспорить и долженъ бы былъ согласиться съ нимъ; но ежели бы кто о тойже трагедіи сказалъ мнѣ (какъ я то и слыхалъ отъ многихъ), что слѣдующіе, произнесенные Гостомысломъ въ то время, какъ дочь его закололась предъ нимъ, стихи, весьма неестественны:

выборъ словъ? (Надлежитъ о словахъ разсуждать и основываться на коренномъ знаменованіи оныхъ, а не угадывать ихъ; ибо естьли писатель самъ угадывать будетъ слова, и заставитъ читателя угадывать

Возьми отъ глазъ моихъ сіе бездушно тѣло.
Чье сердце какъ мое толико бѣдъ терпѣло!

То бы я не скоро согласился; ибо надлежитъ разсмотрѣть сперва Гостомыслову твердость и любомудріе, наипаче изображенныя въ монологѣ, начинающемся симъ стихомъ:

Наполненъ нашъ животъ премножествомъ суетъ;
такожъ припомнить и сіи выше того въ разговорѣ съ дочерью своею, сказанныя имъ слова:

А какъ закроешь ты глаза свои сномъ вѣчнымъ,
Могу ли я тогда быть столь безчеловѣчнымъ,
Чтобъ не встревожилъ рокъ сей крѣпости моей,
И не далъ слабости тому въ кончинѣ дней,
Кто малодушія понынѣ жилъ не зная,
И сына погребалъ очей не омочая?
Когда изъ глазъ моихъ токъ слезный потечетъ,
Что видя плачуща народъ о мнѣ речетъ?
Коль слуху моему сей голосъ будетъ злобенъ:
Се твердый Гостомыслъ намъ въ немощахъ подобенъ!
Хотяжъ сей слабости я въ сердце не пущу;
Но духъ, тебя лишась, колико возмущу!

Привыкнувъ видѣть въ немъ сію стоическую твердость, могу ли я ожидать, чтобъ сей великій мужъ, при какомъ бы то ни было нещастіи, возопилъ: ахъ! увы! горе мнѣ! Правда твердость его была бы нѣкое не естественное жестокосердіе, естьли бы онъ произнесъ одинъ сей стихъ

Возьми отъ глазъ моихъ сіе бездушно тѣло;

Но между тѣмъ, какъ сей стихъ являетъ въ Гостомыслѣ необычайную твердость духа, другой:

Чье сердце какъ мое толико бѣдъ терпѣло!

*

ихъ, то и родится изъ сего нынѣшній невразумительный образъ писанія). *Давать старымъ нѣкоторый новый смыслъ?* (Прочтите приложенный ниже сего опытъ Словаря, вы увидите, что мы знаменованія многихъ коренныхъ словъ не знаемъ, и когда мы, не знавъ настоящаго знаменованія ихъ, станемъ давать имъ новые смыслы, заимствуя оные отъ Французскихъ словъ; то не выдетъ ли изъ сего, какъ я въ началѣ сего сочиненія помощію круговъ толковалъ, что мы часть E своего круга истреблять, а часть D чужаго круга распространять и умножать будемъ. Таковыми средствами достигнемъ ли мы до того, чтобъ быть хорошими писателями? Напротивъ, доведемъ языкъ свой до совершеннаго упадка. Истина сія не подвержена ни малѣйшему сомнѣнію, что чѣмъ больше будемъ мы думать о Французскомъ языкѣ, тѣмъ меньше будемъ знать свой собственный). *Предлагать ихъ въ новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть отъ нихъ необыкновен-*

Показываетъ въ немъ чувствительнаго и больше, нежели плачущаго отца. Итакъ въ сихъ двухъ стихахъ нахожу я искусное соединеніе двухъ противныхъ между собою свойствъ, и слѣдовательно мысль не хулы, но всякой похвалы достойную. Сумароковъ въ новѣйшихъ изданіяхъ трагедій своихъ, сіи два стиха совсѣмъ выпустилъ; однако на сіе не надлежитъ смотрѣть: ибо онъ многія сочиненія свои, гоняясь за богатыми рифмами, поправляя испортилъ.

ность выраженій. (Я совсѣмъ не поминаю, въ чемъ состоитъ сіе искуство обманывать читателей, и какая нужда предлагать выраженія въ новой связи? Великіе писатели изобрѣтаютъ, украшаютъ, обогащаютъ языкъ новыми понятіями; но *предлагать выраженія въ новой связи*, мнѣ кажется, не иное что значить можетъ, какъ располагать рѣчи наши по свойству и складу чужаго языка, думая, что въ этомъ состоитъ новость, пріятность, обогащеніе. Естьли мы такъ разсуждать будемъ, то почтожъ жалуемся, что вездѣ у насъ говорятъ по Французски? Лучше говорить по Французски, нежели Рускимъ языкомъ по Французски писать). *Мудрено ли, что сочинители нѣкоторыхъ Рускихъ комедій и романовъ не побѣдили сей великой трудности,* (какой трудности? той, чтобъ писать новою никому непонятною связью, и сдѣлать, чтобъ ее всѣ понимали? Подлинно это великая трудность и достойная того, чтобъ потѣть надъ нею! Славный Донъ Кишотъ не боролся ли съ вѣтреными мельницами желая побѣдить ихъ?), *и что свѣтскія дамы не имѣютъ терпѣнія слушать или читать ихъ, находя, что такъ не говорятъ люди со вкусомъ? Естьли спросите у нихъ: какъ же говорить должно? То всякая изъ нихъ отвѣчаетъ: не знаю; но это грубо, несносно!* (Не спрашивайте ни у свѣтскихъ

дамъ, ни у монахинь, и за чѣмъ у нихъ спрашивать, когда онѣ говорятъ: не знаю?) — *Однимъ словомъ, Француской языкъ весь въ книгахъ, со всѣми красотами и тѣнями, какъ въ живописныхъ картинахъ, а Руской только отчасти?* (Источникъ Рускаго языка также въ книгахъ, которыхъ мы не читаемъ, и хотимъ, чтобъ онъ былъ не въ нашихъ, а во Францускихъ книгахъ). *Французы пишутъ какъ говорятъ, а Рускіе обо многихъ предметахъ должны еще говорить такъ, какъ напишетъ человѣкъ съ талантомъ.* (Расиновъ языкъ не тотъ, которымъ всѣ говорятъ, иначе всякой бы былъ Расинъ. Ломоносова языкомъ никому говорить не стыдно. Бѣдные Рускіе! Они должны молчать до тѣхъ поръ, покуда родится человѣкъ съ талантомъ, которой напишетъ, какъ имъ говорить должно!). *Бюффонъ страннымъ образомъ изъясняетъ свойство великаго таланта или генія, говоря, что онъ есть терпѣніе въ превосходномъ степени. Но естьли хорошенько подумаемъ, то едва ли не согласимся съ нимъ; по крайней мѣрѣ безъ рѣдкаго терпѣнія геній не можетъ возсіять во всей своей лучезарности. Работа есть условіе искуства. Охота и возможность преодолѣвать трудности есть характеръ таланта. Бюффонъ и Ж. Ж. Руссо плѣняютъ насъ сильнымъ и живописнымъ слогомъ: мы знаемъ отъ нихъ самихъ, чего имъ*

стоила пальма краснорѣчія! Теперь спрашиваю: кому у насъ сражаться съ великою трудностію быть хорошимъ Авторомъ, естьли и самое щастливѣйшее дарованіе имѣетъ на себѣ жесткую кору, стираемую единственно постоянною работою? Кому у насъ десять, двадцать лѣтъ рыться въ книгахъ, быть наблюдателемъ, всегдашнимъ ученикомъ, писать и бросать въ огонь написанное, чтобы изъ пепла родилось что нибудь лучшее? (Что до этой трудности принадлежитъ, то оная конечно велика, и когда мы къ сей великой трудности прибавимъ еще великую легкость переводить съ чужаго языка слова и рѣчи, не зная своего: тогда и доберемся до истинной причины, отъ чего у насъ такъ мало авторскихъ талантовъ, и такъ много худыхъ писателей, которые портятъ и безобразятъ языкъ свой, не чувствуя того и пріемля нелѣпости за красоту). *Въ Россіи болѣе другихъ учатся дворяне; но долго ли? до пятнадцати лѣтъ: тутъ время идти въ службу, время искать чиновъ, сего вѣрнѣйшаго способа быть предметомъ уваженія. Мы начинаемъ только любить чтеніе;* (полно не перестаемъ ли?) *Имя хорошаго Автора еще не имѣетъ у насъ такой цѣны, какъ въ другихъ земляхъ; надобно при случаѣ объявить другое право на улыбку вѣжливости и ласки. Къ тому же исканіе чиновъ не мѣшаетъ баламъ,*

ужинамъ, праздникамъ; а жизнь авторская любитъ частое уединеніе. — Молодые люди средняго состоянія, которые учатся, также спѣшатъ выдти изъ школы или Университета, чтобы въ гражданской или военной службѣ получить награду за ихъ успѣхи въ наукахъ; а тѣ не многіе, которые остаются въ ученомъ состояніи, рѣдко имѣютъ случай узнать свѣтъ. — Безъ чего трудно писателю образовать вкусъ свой, какъ бы онъ ученъ ни былъ. Всѣ Французскіе писатели, служащіе образцомъ тонкости и пріятности въ слогѣ, перепpавляли, такъ сказать, школьную свою Реторику въ свѣтѣ, наблюдая, что ему нравится, и почему? (Французскіе писатели познавали и исправляли погрѣшности свои отъ сужденія объ нихъ другихъ писателей; Волтеръ судилъ Корнелія и Расина, Лагарпъ разсматривалъ Волтера, и такъ далѣе. Всякой изъ нихъ одинъ на другаго дѣлалъ свои замѣчанія, доказывалъ, что въ немъ худо и что хорошо, разбиралъ каждой стихъ его, каждую рѣчь, каждое слово. Сверхъ сего многіе и самые лучшіе писатели поправляли сами себя, и въ новыхъ изданіяхъ ихъ всѣ сіи перемѣны напечатаны такъ что читатель, съ великою для себя пользою, можетъ сличать старую и новую мысль сочинителя. Отсюда раждался общій свѣтъ для всѣхъ, языкъ получалъ опредѣленіе и чистоту,

словесность процвѣтала. Но мы гдѣ разсуждали о сочиненіяхъ своихъ? Мы только твердимъ о Бонетахъ, Томсонахъ, Жанъ-Жакахъ; а про своихъ не говоримъ ни слова, и естьли когда начнемъ судить объ нихъ; то отнюдь не съ тѣмъ, чтобъ подробнымъ разсматриваніемъ слога и выраженій ихъ принесть пользу словесности; но чтобъ просто, безъ всякихъ доказательствъ, побранить писателя, или чтобъ показать похвальное достоинство свое, заключающееся въ презрѣніи къ языку своему). *Правда, что онъ, будучи школою для авторовъ, можетъ быть и гробомъ дарованія: даетъ вкусъ, но отнимаетъ трудолюбіе, необходимое для великихъ и надежныхъ успѣховъ. Щастливъ, кто, слушая Сиренъ, перенимаетъ ихъ волшебныя мелодіи, но можетъ удалиться, когда захочетъ! Иначе мы останемся при одныхъ куплетахъ и мадригалахъ. Надобно заглядывать въ общество — непремѣнно, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыя лѣта, но жить въ кабинетѣ.* (Все сіе отчасти можетъ быть справедливо, но я не полагаю сего главнымъ препятствіемъ прозябенію талантовъ. Естьли бы дворяне наши, хотя и до пятнатцати лѣтъ, но учились болѣе Руской, нежели Французской грамотѣ, и естьли бы въ сіе время положено въ нихъ было достаточное къ познанію языка своего основаніе; тогда

служба не мѣшала бы имъ обогащаться дальнѣйшими въ томъ пріобрѣтеніями; получа охоту и знаніе нашли бы они время, когда обращаться съ женщинами въ обществѣ, и когда дома сидѣть за книгами. Имя хорошаго писателя сдѣлалось бы у насъ въ такомъ же уваженіи, какъ и у другихъ народовъ. Но когда мы отъ самой колыбели своей вмѣстѣ съ молокомъ сосемъ въ себя любовь къ Французскому, и презрѣніе къ своему языку; то какихъ можемъ ожидать талантовъ, какого процвѣтанія словесности, какихъ рѣдкихъ произведеній ума? Кто въ подлинну захочетъ двадцать лѣтъ рыться въ книгахъ, писать и бросать въ огонь свои сочиненія, доколѣ не почувствуетъ ихъ достойными изданіями въ свѣтъ, когда ясно видитъ, что попеченіе его будетъ тщетно; что и читателей такихъ мало, которые бы двадцатилѣтній трудъ его могли распознавать съ единолѣтнимъ; и что къ совершенному упадку прекраснаго языка нашего отчасу болѣе распространяется зараза называть нѣкую чуждую и несвойственную намъ нескладицу пріятностію слога и элегансомъ?)."

Для дальнѣйшаго показанія, что мы съ одной стороны языкъ свой забываемъ, а съ другой всякими вводимыми въ него неприличными новостями искажаемъ его, или ина-

че сказать, кругъ знаменованія коренныхъ Россійскихъ словъ стѣсняемъ, а новопринятыхъ, не опредѣленныхъ, не содержащихъ въ себѣ никакого смысла, противу свойствъ языка своего распространить стараемся, разсудилось мнѣ, читая нынѣшнія и старинныя книги, выписывать изъ нихъ всѣ тѣ слова и рѣчи, которыя заключаютъ въ себѣ нѣчто особливое и достойны нѣкотораго примѣчанія. Въ первой выпискѣ, сдѣланной мною изъ новѣйшихъ книгъ, выбиралъ я токмо такія выраженія, которыя языку нашему совсѣмъ несвойственны, и старался примѣчаніями моими доказать неприличность оныхъ, не входя въ разсужденіе (или входя очень мало) и не выписывая такихъ мѣстъ, кои показываютъ слабость или нечистоту слога, могущую происходить отъ неискуства въ краснорѣчіи, хотя впрочемъ сочинитель и ни мало не гоняется за чужестранными словами и складомъ; ибо сіи послѣднія замѣчанія могли бы меня весьма далеко завести. Я не означалъ также ни заглавія книгъ, ни мѣстъ, въ коихъ сіи нелѣпыя выраженія мнѣ попадались; поелику намѣреніе мое не есть лично кому нибудь досаждать; но токмо для общей пользы словесности, начинающимъ упражняться въ оной дать примѣтить, сколь сіи вводимыя въ прекрасной нашъ языкъ новости суть

безобразны. Впрочемъ да не подумаетъ читатель, что я въ приложенныхъ выше и ниже сего примѣрахъ нѣкоторые, для вящшаго показанія странности ихъ, отъ себя составилъ; нѣтъ! я могу удостовѣрить его, что всѣ оные выбраны изъ печатныхъ книгъ.

Вторая выписка сдѣлана мною изъ книгъ церковныхъ. Въ оной выбиралъ я такія слова, изъ которыхъ иныя въ новѣйшихъ нынѣшнихъ писаніяхъ мало или совсѣмъ неизвѣстны, а другія хотя употребляются, но не во всѣхъ тѣхъ смыслахъ, въ какихъ употреблялись прежде, и потому кругъ знаменованія ихъ, къ ущербу богатства языка, заключенъ въ тѣснѣйшіе прежнихъ предѣлы. Обѣ таковыя выписки могутъ быть полезны: первая для обнаруженія вводимыхъ странностей; вторая для показанія, что вмѣсто нелѣпыхъ новостей, за которыми мы, читая иностранныя книги, гоняемся, можно чрезъ прилѣжное чтеніе книгъ своихъ почерпать изъ оныхъ истинное краснорѣчіе, обогатить умъ свой знаніемъ силы слога, не ползать по слѣдамъ иностранныхъ писателей, но сопровождаясь своими, пролагать себѣ новый путь; и однимъ словомъ, вмѣсто перенимающихъ слышимые звуки косноязычныхъ попугаевъ, быть сладкогласными на своемъ языкѣ соловьями.

Послѣдняя изъ двухъ вышепомянутыхъ выписокъ есть одинъ весьма недостаточный опытъ. Надлежитъ, продолжая такимъ образомъ, составить полный Словарь, и расположить оный по азбучному порядку. Хотя имѣемъ мы Академическій и церковный Словари, въ которыхъ многія старинныя, или нынѣ мало употребительныя слова, собраны и истолкованы; однако много осталось еще не истолкованныхъ, а другія требуютъ пространнѣйшаго истолкованія. Итакъ не безполезно будетъ съ помощію двухъ вышесказанныхъ Словарей, и прилѣжнаго чтенія церковныхъ и Славенскихъ книгъ, составить вновь такой Словарь, въ которомъ бы всякое слово объяснено было во первыхъ множайшими текстами, показующими во всей обширности кругъ знаменованія онаго; во вторыхъ должно стараться показать корень онаго и присовокупить къ тому свои примѣчанія и разсужденія, какія понятія въ Россійскомъ слогѣ изображать имъ пристойно; въ третьихъ надлежитъ разсмотрѣть, не заключаетъ ли оно въ себѣ такихъ смысловъ, для выраженія коихъ прибѣгаемъ мы нынѣ къ рабственному съ чужихъ языковъ переводу словъ, въ нашемъ языкѣ совсѣмъ новыхъ и слѣдственно не имѣющихъ никакого знаменованія ни силы. Я увѣренъ, что тотъ, кто съ большимъ до-

сугомъ, и съ вящшими моихъ способностями и дарованіями, восхощетъ употребить трудъ свой на составленіе таковаго Словаря, принесетъ не малую Россійской Словесности пользу, равно какъ и тотъ, кто, искусный въ языкѣ своемъ, возметс̂я истолковать однознаменительныя въ немъ слова.

Слова и рѣчи, выписанныя изъ нынѣшнихъ сочиненій и переводовъ съ примѣчаніями на оныя.

„*Сія отмѣна была именно слѣдствіемъ* „*отклонительнаго желанія его.*“ Поелику таковый языкъ не всѣмъ *Рускимъ* извѣстенъ, того ради надлежитъ прибѣгнуть къ переводу. Кажется оное значитъ: *сія отмѣна сдѣлана была по собственному его желанію;* но безъ сомнѣнія слогъ сей показался сочинителю слишкомъ простъ. Итакъ станемъ доискиваться, что въ кудрявомъ слогѣ его должно разумѣть подъ словами *отклонительное желаніе.* Прилагательными именами различаются противныя или несходныя между собою вещи: мы для того говоримъ широкая дорога, высокой дубъ, сердитой человѣкъ, дабы читатель или слушатель нашъ не вообразилъ себѣ узкой дороги, низкаго дуба

смиреннаго человѣка. Естьлибъ не было ничего *глубокаго*, то бы слово *мѣлкій* было намъ не нужно, и не могло бы заключать въ себѣ никакого понятія. *Худое* или *вредное* желаніе отличается отъ *добраго* или *полезнаго*: отъ чегожъ отличается и что значитъ *отклонительное желаніе?* Развѣ отъ *приклонительнаго?* Но здѣсь паки слѣдуетъ вопросъ: что значитъ *приклонительное* желаніе?

„*Когда путешествіе сдѣлалось потребностію души моей.*“ Мнѣ кажется и сіе выраженіе принадлежитъ больше къ новому, нежели къ старому слогу, въ которомъ, хотя бы и нашли во Французскихъ книгахъ: *quand la voyage est devenu necessaire à mon ame*, то однакожъ сказали бы просто: *когда я любилъ путешествовать*, нежели стали бы путешествіе называть *потребностію души*. Хорошо знать по Французски, но за чѣмъ свой языкъ портить по ихъ языку? за чѣмъ вмѣсто *я видѣлъ какъ вы шли* или *я видѣлъ васъ идущихъ*, говорить и писать: *я видѣлъ васъ идти*, переводя сіе съ Французскаго: *je vous ai vu passer*, или *я слышалъ его играть*, *j'ai l'entendu jouer* (*). Сіи и подобныя сему выраженія не

*) Каждому народу свой составъ рѣчей свойственъ: для чего Французы не перенимаютъ у насъ и не говорятъ *je vous ai vu passant, jouant etc.?* Также для чего говорятъ они: *je marche*, а не *je suis marchant*, тогда, когда Англичане напротивъ того говорятъ: *j am walking*, а не *j walk?*

ясно ли показываютъ, что мы такъ много набиваемъ головы свои Французскимъ языкомъ, и такъ мало упражняемся въ своемъ собственномъ, что сочиняя Рускую книгу не умѣемъ иначе изъясняться, какъ переводнымъ съ Французскаго языка складомъ. Прославился ли бы тотъ Французъ между соотечественниками своими, которой бы начитавшись нашихъ книгъ, и замѣтя въ нихъ таковыя свойственныя намъ выраженія, какъ напримѣръ: *онъ пошелъ на него войною*, сталъ по Французски писать: *il est allé par guerre sur lui?* Безсомнѣнія прославился бы, да только не красотою слога, а сумашествіемъ. Мы смѣемся надъ тою Рускою барынею, которая худо умѣя говорить по Французски, сказала нѣкогда: *quande j'etoit dans la fille*, переведя сіе съ Рускаго, *когда я была въ дѣвкахъ*; но мы несравненно ее смѣшнѣе: она чужой языкъ изломала, располагая оный по природному языку своему; а мы коверкаемъ свой языкъ, располагая оный по чужому: которое изъ сихъ двухъ невѣжествъ больше и постыднѣе?

„*Разные тоны составляютъ гармонію, все„гда пріятную для слуха; Монотонія бываетъ „утомительна.*" Тонъ, гармонія, монотонія! Въ двухъ строкахъ три иностранныхъ слова: ктожъ незнающій Французскаго языка

будетъ разумѣть сіи строки? Странное дѣло, ежели мы для чтенія Россійскихъ книгъ должны обучаться Французскому языку! Но когда мы почти сряду можемъ ставить три иностранныхъ слова, то для чегожъ не поставить ихъ пять или шесть, какъ напримѣръ: *диферантные тоны формируютъ гармонію всегда агреабельную для слуха; монотонія бываетъ аннюйянтъ?* Такимъ образомъ переводъ иностранныхъ книгъ не стоилъ бы ни какого труда; ибо можно бы было весь Россійской языкъ истребить, оставя въ немъ токмо нѣсколько союзовъ и мѣстоименій для помѣщенія оныхъ между чужестранными именами и глаголами. Не знаю для чего по сіе время сего легкаго способа не придумаютъ!

„*Королевская прокламація воспламенила* „*даже до энтузіязма патріотизмъ жителей* „*провинціи Абруццо.*" Здѣсь также больше иностранныхъ словъ, нежели Руских. Велите прочитать сіе человѣку незнающему по Французски, вы увидите, что онъ безъ запканій и кривляній рта сего не прочитаетъ. Мы имѣемъ еще нужду въ нѣкоторыхъ Техническихъ названіяхъ, безъ которыхъ не можемъ обойтиться, но и тѣмъ, когда отысканы бываютъ пристойныя Россійскія имена, и слухъ нашъ привыкнетъ къ онымъ, то во первыхъ раждается отъ того чистота

слога, а во вторыхъ и самая наука удобнѣе впечатлѣвается въ разумъ нашъ. Привыкнувъ напримѣръ въ механикѣ къ слову *рычагъ*, или въ землемѣріи къ слову *отвѣсъ*, мы лучше понимаемъ ихъ, нежели слова: *левье*, *перпендикуляръ*. Въ преложеніи на нашъ языкъ Евклидовой землемѣрной науки, многія изъ сихъ словъ прекрасно переведены, какъ напримѣръ паралельныя линеи названы *минующими чертами*; хорда, *подтягающею*; діаметръ, *размѣромъ*; центръ, *остію* и проч. Таковыя и симъ подобныя слова нужны намъ, онѣ обогащаютъ языкъ нашъ и наполняютъ его новыми понятіями; но какая нужда вмѣсто склонность говорить *инклинація*; вмѣсто отвращеніе, *антипатія*; вмѣсто посѣщеніе, *визитъ*, и проч.? Трудно быть полезнымъ изобрѣтателемъ, а обезьяною всегда быть можно.

„*Доколѣ буду жить, богини милыя, клянуся васъ любить.*" И въ другомъ мѣстѣ: *часто начиналъ онъ говорить о безсмертіи, милой надеждѣ своей.*" Во всякомъ языкѣ бываютъ такія слова, которымъ на другомъ языкѣ нѣтъ равносильныхъ: прилагательное *милой* или *милая* есть одно изъ таковыхъ словъ. Оно имѣетъ пріятной выговоръ и нѣжное знаменованіе; употребляется въ любовныхъ и дружескихъ объясненіяхъ, и сколько свойственно среднему или простому, столько

неприлично высокому и пышному слогу. Весьма пристойно говорить: *милой другъ*, *милое личико*; напротивъ того весьма странно и дико слышать: *милая богиня*, *милая надежда безсмертія!* Сколь бы какое слово ни было прекрасно и знаменательно, однако естьли оное безпрестанно повторять и ставить безъ всякаго разбора, гдѣ ни попало, какъ то въ нынѣшнихъ книгахъ употребляютъ слово *милая*, то не будетъ оно украшеніемъ слога, а токмо однимъ моднымъ словцомъ, каковыя по временамъ проявляются иногда въ столицахъ, какъ напримѣръ: *голубчикъ мой*, *какихъ нибудь*, и тому подобныя. Расказываютъ, что Сумароковъ поѣхалъ однажды въ Москву въ то время, когда слово *голубчикъ* было тамъ въ великомъ употребленіи. По возвращеніи его оттуда въ Петербургъ нѣкоторые изъ его пріятелей у него спрашивали: кого видѣлъ онъ въ Москвѣ? Никого, отвѣчалъ онъ, тамъ нѣтъ людей, все *голубчики*.

,,*Когда настанетъ рѣшительная точка времени.*" Ежели есть точка времени, то безсомнѣнія должны уже быть и запятая, и двоеточіе, и вопросительной знакъ, и линея времени.

,,*Вѣдомственныя извѣстія.*" Сіе выраженіе стольколже ясно, какъ *лошадиные кони* или *одѣвательное платье*. Ежели *вѣдомственныя*

значитъ *газетныя*, то надлежало бы писать *вѣдомостныя*, потому что газеты называются вѣдомостями, а не *вѣдомствами*.

„*Они въ высокоглаголивыхъ фразахъ описали Бонапартіево положеніе.*" Юродливое сочетаніе Славенскаго слова *высокоглаголивый* съ Французскимъ словомъ *фразъ* или *фраза*.

„*Вообще судили, что наши и Неапольскія вооруженія сосредоточены.*" Глаголъ *сосредоточить* переведенъ съ Французскаго *concentrer*. *Неапольскія* вооруженія, вмѣсто Неаполитанскія, есть также нѣчто новое. Мнѣ кажется, прежде нежели мы начнемъ что нибудь перемѣнять, надлежитъ весьма обдумать, подлинно ли перемѣна сія нужна и полезна. Сверхъ сего во многихъ вещахъ долговременную привычку и обыкновеніе должно предпочитать новости, даже и такой, которая дѣйствительно заключаетъ въ себѣ нѣкоторое преимущество. Мы привыкли къ слову Неаполитанскій, на чтожъ писать Неапольскій? Перемѣнивъ безъ нужды старое, и пріучая меня противъ воли моей къ новому слову, какое названіе дадите вы жителю Неаполя? *Неаполецъ?* Но оное не значитъ жителя города сего, а значитъ *маленькой Неаполь*. Итакъ въ семъ случаѣ должны вы паки прибѣгнуть къ слову *Неаполитанецъ*: начтожъ вы оное перемѣняли? Притомъ же подъ словами *Неаполитанская земля* разу-

мѣется все королевство, а подъ словами *Неапольская земля* должно разумѣть токмо ту землю, на которой городъ *Неаполь* построенъ, или ту округу, которая собственно ему принадлежитъ.

„*Протекшій годъ былъ поворотный кругъ Французскаго всемірнаго переворота.*“ Французскаго всемірнаго быть не можетъ; а ежели всемірнаго, то не одного Французскаго. Слову *переворотъ* дано здѣсь знаменованіе Французскаго слова *revolution*. Никогда въ Россійскомъ языкѣ доселѣ не означало оно сего понятія. Оно съ подобными сему словами *извоpотиться*, *перевернуться*, *вывернуться*, употреблялось въ простомъ или низкомъ слогѣ, какъ напримѣръ въ слѣдующихъ рѣчахъ: *я хочу извоpотиться* или *сдѣлать переворотъ въ деньгахъ; посмотримъ, какъ онъ изъ этова вывернется, даромъ что онъ переворотливъ* и проч. Какой странной составъ рѣчей происходитъ отъ сего нововведеннаго слова! Выпишемъ здѣсь нѣсколько оныхъ для примѣра: *ввесть моря въ переворотъ. — Вовлечь въ пучину переворота. — Направлять намѣреніе переворота на всѣ правительства. — Переворотный факелъ. — Церковную область преобратить въ переворотную провинцію. — Пентархія обратилась въ переворотной кругъ. — Французскіе переворотные флоты. — Какое бы слѣдствіе ни имѣлъ*

противопереворотъ. — Исторженіе Голландіи изъ подъ переворотной власти. — Переворотная война сдѣлалась войною округленія. — Какая неудобопонятная гиль!

,,*Но приключеніе сіе еще страннѣе, непонятнѣе и подозрительнѣе, дѣлаютъ унизительно тяжкія условія сего соглашенія.*" Удивительно тяжки подобнаго слога натяженія. Отъ чего? Во первыхъ, слова здѣсь расположены такимъ образомъ, что читая ихъ кажется, какъ будто онѣ за волосы другъ друга тянутъ. Во вторыхъ, смыслъ ихъ не ясенъ: что значитъ *унизительно тяжко?* Каждое изъ сихъ словъ порознь можно разумѣть; но вмѣстѣ не составляютъ онѣ никакого понятія. Подобенъ ли сей слогъ напримѣръ слѣдующему: *не презираетъ и нижняя Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества двоеглавный орелъ, когда, аки отъ присnотекущаго источника рѣки изобильныя, отъ простертыя Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества десницы, всѣхъ требующихъ ущедряющая происходитъ милостыня?* Сравнимъ вышесказанный *элегансъ* съ сею *славяньщизною*, и горе тому, кто не почувствуетъ ихъ разности!

,,*Народъ не думая о предметѣ кровопролитія въ изступленіи своемъ веселился общимъ бѣдствіемъ.*" Слово предметъ хотя также есть новое и переводное; ибо нигдѣ въ ста-

ринныхъ книгахъ нѣтъ онаго; однакожъ оно довольно знаменательно, такъ что съ успѣхомъ въ языкъ нашъ принято быть можетъ; но при всемъ томъ и оное часто заводитъ насъ въ несвойственныя языку нашему выраженія. Въ вышесказанной рѣчи *предметъ кровопролитія* есть нѣкая загадка, или излишняя кудрявость мыслей, равно какъ и въ слѣдующей рѣчи: *всякое тиранское изгнаніе, всякое убійство, было тогда предметомъ благодаренія и жертвъ.* Почему мысль сія была бы хуже или слабѣе выражена, есть-либъ сказано было: *за всякое жестокосердое изгнаніе, за всякое убійство приносились тогда благодаренія и жертвы?* Симъ образомъ рѣчь сія есть ясная и чистая Руская, а вышесказаннымъ образомъ оная есть Францусско-Руская. Чѣмъ короче какая мысль можетъ быть выражена, тѣмъ лучше: излишность словъ, не прибавляя никакой силы, распространяетъ и безобразитъ слогъ: мы слово *предметъ*, послѣдуя Французскому слогу, весьма часто безъ всякой нужды употребляемъ, какъ напримѣръ: *въ старину было многое очень стыдно, что нынѣ составляетъ честь и предметъ похвальбы.* Для чего не просто *честь и похвальбу?* или: *молодые господа въ своихъ собраніяхъ имѣютъ обыкновенными предметами осмѣянія легковѣрности невинныхъ женщинъ.* На что здѣсь *имѣютъ*

предметами осмѣянія легковѣрности? Для чего не просто *осмѣиваютъ легковѣрность?* Сверхъ сего не странны ли слѣдующія и симъ подобныя выраженія: *доставляя избытокъ свой въ другихъ предметахъ потребностей; занимательность предмета* и проч.? Нѣгдѣ случилось мнѣ прочитать чувствительное какъ нынѣ называютъ, описаніе о человѣкѣ, которой удитъ рыбу: *съ дрожащимъ сердцемъ приподнимаетъ уду и съ радостію вытаскиваетъ предметъ пропитанія своего.* Мнѣ кажется мы скоро будемъ писать: *дрова суть предметы топленія печей.* О! какіе сдѣлаемъ мы успѣхи въ словесности, когда достигнемъ до того, что вмѣсто *подай мнѣ платокъ*, станемъ слугѣ своему говорить: *подай мнѣ предметъ сморканія моего!*

,,*Ловить кораллы.*" Ловятъ то, что отъ насъ убѣгаетъ; а что пребываетъ неподвижно, или не старается уйти отъ насъ, то достаютъ, ищутъ, или промышляютъ.

,,*Судно начало было* и проч." Какое противное слуху стеченіе словъ!

,,*Пріѣхавшая эскадра.*" Можно сказать *пріѣхать на кораблѣ*, или еще лучше, какъ въ Славенскихъ книгахъ пишется, *придти кораблемъ;* но весьма несвойственно говорить: *корабль пріѣхалъ, лошадь пріѣхала.*

,,*Ни въ одной провинціи военной деспо-*

тизмъ столь явно не приступалъ къ дѣлу, какъ въ Римской." Можетъ ли что страннѣе быть сего выраженія: *военной деспотизмъ явно приступаетъ къ дѣлу!*

„*Свѣтъ пожарныхъ пламенниковъ помрачаетъ всякой другой свѣтъ непросвѣщеннаго разума.*" Таковую ясность слога и таковыя подобія находимъ мы весьма часто въ нынѣшнихъ сочиненіяхъ. Во первыхъ: что такое *пожарный пламенникъ?* Во вторыхъ: какъ можетъ свѣтъ онаго помрачать свѣтъ *непросвѣщеннаго*, то есть свѣту не имѣющаго разума? Сходенъ ли таковой слогъ и таковыя уподобленія съ слѣдующими, каковы не рѣдко находимъ мы въ старинныхъ книгахъ; *яко же бо дѣвица отъ проста рода сущи, красоты же ради лица, и нравовъ благолѣпныхъ избранна бывши нѣкоему Царю въ невѣсту, прочее вѣси, и нравы простыя начинаетъ забывати: такъ и преподобный отецъ нашъ избранъ сый отъ чрева матерня въ раба небесному Царю, возлюбивъ небесная отъ юности, земная нача забывати, сице глаголя: забыти мнѣ сотвори Богъ вся болѣзни моя и вся, яже отца моего. Что же его таково къ презрѣнію міра и сластей привлече? Любовь Божія, по реченію псалмопѣвца: милость Твоя, Господи, поженетъ мя. И не дивно, яко же бо излишняя теплота понуждаетъ насъ къ совлеченію одеждъ и тѣлесъ обнаженію, воеже быти*

намъ крѣпчайшимъ и удобнѣйшимъ къ совершенію предложеннаго дѣла: сице и огнь любве Божія горящъ въ праведникѣ содѣла то, яко всѣхъ міра сего благихъ себе обнажи, да крѣпчайшій и удобнѣйшій будетъ къ совершенію иноческаго начинанія. Естьли что здѣсь темнаго, невразумительнаго, или слуху противнаго?

„*Только двое судовъ ушли.*" Двое судовъ, вмѣсто два судна, не по Руски и непростительно, не токмо сочинителю книгъ, ниже безграмотному простолюдину.

„*Когда же сей наружный миръ будетъ достигнутъ.*" Достигать до чего, доходить до чего, доплывать до чего: при сихъ глаголахъ несвойственно говорить: *будетъ достигнутъ, будетъ дойденъ, будетъ доплытъ.*

„*Такъ кончился протекшій годъ, и среди войны на водѣ и на морѣ оставилъ — бездны политики.*" Надлежитъ спросить у сочинителя сихъ строкъ, что значитъ *оставить бездны политики?*

„*Руссо, по своему характеру, ставитъ себя средоточіемъ мыслей своихъ.*" Руссовы мысли уподоблены здѣсь кругу, а самъ онъ, *по характеру его,* сдѣланъ центромъ сего круга. Признаться должно, что геометрическое выраженіе сіе весьма далеко отстоитъ отъ ясности геометрическихъ опредѣленій.

,,*Слогъ его, какъ зеркало или картина вещей, дѣлается необходимымъ слогомъ; онъ впечатлѣваетъ всѣ свои описанія, и всякая черта жива, плодотворна.*" Это слишкомъ высоко для моего простаго понятія. Я не могу себѣ представить, какимъ образомъ зеркало или картина дѣлается *слогомъ*, и еще картина *вещей*; почему думать должно, что есть также и картины *душъ* или *духовъ*. Мѣстоименіе *онъ* относится здѣсь къ слогу: какъ же слогъ впечатлѣваетъ? Также — признаюсь въ моемъ невѣжествѣ — не знаю и того, что значитъ *живая, плодотворная черта*; знаю только, что эта госпожа, или кто она такая, черта, не мертвая и не безплодная.

,,*Силою высочайшей дѣятельности сотворить для себя новое чувство.*" Силою высочайшаго подражанія Французамъ, вездѣ стараемся мы сотворять новыя мысли и новый непонятный для насъ слогъ.

,,*О нравственномъ, до богопочитанія относящемся, и ученомъ состояніи протекшаго года, сочинитель сего историческаго изображенія не хочетъ проводить ни одной черты.*" Какіе искусные и остроумные писатели, благодаря Французамъ, становимся мы въ Россійскомъ языкѣ! Вмѣсто прежней простонародной рѣчи: *я не хочу тебѣ объ этомъ ни слова сказать*, говоримъ важно и замы-

словато: *я не хочу тебѣ объ этомъ проводить ни одной черты!*

„*Торгъ 1775 года занималъ 353 корабля.*“ Корабли могутъ обращаться въ торгу; но какимъ образомъ торгъ можетъ *занимать* корабли, этова я не понимаю.

„*При сихъ обстоятельствахъ Король увидѣлъ себя принужденнымъ отступить отъ Римской области и ограничить себя единственно оборонительною войною.*“ На что сія кудрявая мысль и сіи лишнія слова: *ограничить себя единственно?* Для чего не сказать просто: *принужденъ былъ отступить и вести оборонительную войну?* Слово *принужденъ* заключаетъ уже въ себѣ понятіе, что онъ долженъ былъ *удовольствоваться или ограничить себя.*

„*Забавное было бы чтеніе, естьлибъ кто въ полезномъ сочиненіи захотѣлъ предложить публикѣ въ паралелли пришедшія чрезъ Константинополь и чрезъ Парижъ извѣстія.*“ Предложить въ паралелли, вмѣсто сличить, есть подлинно забавное чтеніе!

„*Французы приближились въ усиленныхъ толпахъ.*“ Въ усиленныхъ толпахъ столькожъ худо по Руски, какъ въ уширенныхъ колпакахъ или въ удлиненномъ кафтанѣ.

„*Однако сіе радостное упоеніе вскорѣ прервано было чертою вѣроломства.*“ Опять черта, и еще такая, которая прерываетъ упоеніе!

„Дошло до акціи.“ Не ужъ ли и сего не можно выразить по Руски? Какъ бѣденъ нашъ языкъ!

„Стоящій тамъ Неапольскій воинскій корпусъ слѣдующаго дня вдругъ потѣсненъ, вогнатъ въ Калви, и окруженъ. Онъ потребованъ къ здачѣ.“ Приличнѣе говорить *военный корпусъ* и *воинскія подвиги*; да корпусъ же и не можетъ иначе быть, какъ военный. *Вогнатъ* неправильно, а должно говорить *вогнанъ*. Корпусъ *потребованъ къ здачѣ*, пріятель мой *потребованъ къ гулянью* за городъ, слуга мой *потребованъ къ причесанію* сосѣда: все это не по Руски.

„Генералъ Жубертъ игралъ совершенно страдательную роль.“ Какой нелѣпицы не вложитъ намъ въ уста безумное подражаніе Французамъ!

„Фортуна много бы помогла въ улегченіе моего состоянія.“ За чѣмъ новое слово *улегченіе*? Для чего не къ *облегченію* моего состоянія? Естьли мы, вмѣсто *сдѣлать легче*, *сдѣлать лучше*, станемъ говорить: *улегчить*, *улучшить*; то вмѣсто *сдѣлать пріятнѣе*, *сдѣлать вкуснѣе*, должны будемъ писать: *упріятнить*, *увкуснить*; украсится ли чрезъ то языкъ нашъ, или обезобразится? Но мало сказать обезобразится: многія понятія его перепутаются, смѣшаются; ибо по сему правилу *сдѣлать крѣпче* и *укрѣпить* будетъ

все равно. Между тѣмъ понятія изображаемыя сими двумя выраженіями суть, по свойству языка нашего, весьма между собою различны: *сдѣлать крѣпче* значитъ перемѣнить слабое качество вещи въ крѣпчайшее: вино, перегнанное черезъ кубъ, дѣлается крѣпче. Въ семъ случаѣ не льзя говорить: *укрѣпить вино.* Напротивъ того *укрѣпить доску гвоздями* не есть перемѣнить качество оной, но токмо учинить ее неподвижною. Въ семъ случаѣ не можно сказать: *сдѣлать доску крѣпче.*

„*Влеченіе нашихъ идей столь же обширно какъ пространный Океянъ.*" Влеченіе, скрипѣніе, смиреніе и проч., не имѣютъ никакой обширности или пространства, и потому не могутъ быть уподоблены Океяну, такъ какъ поверхность не можетъ быть уподоблена толстотѣ, или точка высотѣ. Надобно разсуждать когда пишешь.

„*Такъ Французы и ихъ орудія поражаемы были.*" Французовъ можно поражать, но никогда не говорится: *поражать орудія.*

„*Итакъ тихими шагами бѣгая по полю мы очень весело шли.*" Тихими шагами не бѣгаютъ, и когда бѣгаютъ, тогда уже не ходятъ.

„*Тамъ вѣтреныя мѣльницы чрезъ дыханіе нѣжнаго зефира въ движеніе приходили.* — *Тамъ мы, подъ молодымъ березничкомъ* (раз-

вѣ въ молодомъ, а не подъ молодымъ), *грибокъ отъ земли отдѣляли. — Тамъ увидѣли, что стогъ сѣна былъ весь въ полымѣ* (развѣ въ поломѣ, а не въ полымѣ), *и бѣдные мужики тщетно старались подавать оному руку помощи.*" Надлежитъ вездѣ наблюдать приличность, и отнюдь не соединять грубыхъ понятій съ нѣжными, или важныхъ съ низкими, какъ развѣ токмо въ шуточномъ слогѣ. Нѣжные зефиры могутъ играть распущенными власами красавицы, шевелить розовыми листочками, прохлаждать утомленную солнечнымъ зноемъ пастушку; но пристойно ли имъ двигать вѣтреныя мѣльницы? Сыскавъ грибъ говоримъ ли мы когда: *я грибокъ отъ земли отдѣлилъ?* Хорошо о нещастномъ человѣкѣ сказать мы подали ему руку помощи, но прилично ли говорить сіе о стогѣ сѣна?

„*Соблюдая непредѣльной порядокъ.*" Непредѣльной, нерукой, немозглой и проч. никогда не говорится; а говорится: безпредѣльной, безрукой, безмозглой и проч.

„*Казалось, что вся природа искала намъ добронравствовать.*" — Добронравствовать? По этому можно говорить: блаполучствовать, рыболовствовать, горохосажательствовать? Вотъ какіе новые къ обогащенію языка открываются источники!

„*Кустарники сиренъ ароматнымъ запахомъ*

своимъ весь домъ окуривали.“ Развѣ сіи кустарники зажжены были? Ибо курится только отъ того, что горитъ.

„*Она едва примѣчала его; но была такъ любезна, трогательна въ нѣжной томности своего взора.* Хорошій слогъ долженъ быть простъ и ясенъ, подобенъ обыкновенному разговору человѣка, умѣющаго складно и пріятно говорить. Но вышесказанная рѣчь имѣетъ ли въ себѣ сіе достоинство? Мы можемъ сказать красавицѣ: *томные взоры твои прелестны; ты хороша въ бѣломъ платьѣ,* или *бѣлое платье къ тебѣ пристало;* но похожъ ли будетъ жеманный слогъ нашъ на хорошей и чистой языкъ, когда мы говорить станемъ: *ты трогательна въ томности твоего взора; ты прекрасна въ бѣлизнѣ твоего платья?*

„*Съ весьма тонкимъ вкусомъ отнесъ къ публикѣ слова.“* Какая нужда изъясняться такимъ принужденнымъ и не естественнымъ слогомъ? Естьли мы вмѣсто: *онъ обратясь къ народу сказалъ,* будемъ писать: *онъ отнесъ къ публикѣ слова;* а вмѣсто: *отнесть письмо на почту,* станемъ говорить: *обратить шествіе свое къ почтѣ для отнесенія письма;* то мы не краснорѣчіемъ плѣнять сердца, но странностію и невразумительностію своею посмѣяніе въ умахъ производить будемъ. Съ словомъ *вкусъ* мы точно

также поступаемъ, какъ съ словомъ *предметъ*, то есть весьма часто употребляемъ его не къ стати. Оно происходитъ отъ глагола *вкушать* или отъ имени *кусокъ*, и значитъ чувство, какое получаетъ языкъ нашъ отъ раздробленія зубами куска снѣди. Сіе есть главное его знаменованіе: и потому въ слѣдующихъ и подобныхъ сему рѣчахъ: *вкусное вино, пріятное вкусомъ яблоко, противное вкусу лѣкарство*, такожъ и въ сопряженіи его съ приличными ему прилагательными именами, какъ то: *кислой*, *сладкой*, *горькой*, *пряной вкусъ* и проч., имѣемъ мы ясное и чистое о немъ понятіе. Но поелику человѣческій разумъ весьма обширенъ, такъ что сколько бы ни изобрѣлъ онъ разныхъ названій, однако всегда изобиліе мыслей его превосходнѣе будетъ изобилія словъ: сего ради часто бываетъ, что одно и тожъ самое слово служитъ къ изображенію двухъ или многихъ понятій, изъ которыхъ одно есть первоначальное, а другія по сходству или подобію съ онымъ отъ него произведенныя. Мы говоримъ *вкушать пищу*, и говоримъ также *вкушать утѣхи*. Здѣсь въ первой рѣчи слово *вкушать* имѣетъ настоящее свое знаменованіе, а во второй заимственное отъ подобія съ онымъ. Равнымъ образомъ и слово вкусъ употребляется иногда въ первоначальномъ знаменованіи, то есть

означаетъ чувство, различающее снѣдаемыя вещи; а иногда въ производномъ отъ подобія съ онымъ, то есть означаетъ разборчивость или званіе различать изящность вещей. Въ семъ послѣднемъ смыслѣ нигдѣ не находимъ мы онаго въ старинныхъ нашихъ книгахъ. Предки наши вмѣсто *имѣть вкусъ* говаривали: *толкъ вѣдать, силу знать*. Потомъ съ Нѣмецкаго *geshmack* вошло къ намъ слово *смакъ;* а наконецъ, читая Французскія книги, начали мы употреблять слово *вкусъ* больше по значенію ихъ слова *gout*, нежели по собственнымъ своимъ понятіямъ. Отъ сего-то заимствованія словъ съ чужихъ языковъ раждается въ нашемъ сія нелѣпость слога и сей чуждый и странный составъ рѣчей. Естьли бы мы распространивъ знаменованіе слова *вкусъ*, употребляли оное тамъ токмо, гдѣ составляемая изъ онаго рѣчь непротивна свойству языка нашего, какъ напримѣръ слѣдующая: *у всякаго свой вкусъ*, или *это платье не по моему вкусу;* то конечно было бы сіе обогащеніемъ языка; ибо въ обѣихъ сихъ рѣчахъ нѣтъ ничего противнаго здравому разсудку; слово *вкусъ* означаетъ въ нихъ съ равною ясностію и то и другое понятіе, то есть, первоначальное и производное отъ онаго. Но мы говоримъ: *онъ имѣетъ вкусъ въ музыкѣ.* Хотя привычка и дѣлаетъ, что рѣчь сія не кажется намъ дикою, однакожъ въ самомъ дѣ-

лѣ оная состоитъ изъ пустыхъ словъ, незаключающихъ въ себѣ никакой мысли; ибо какимъ образомъ можно себѣ представить, чтобъ вкусъ, то есть чувство языка или рта нашего, пребывало въ музыкѣ, или въ платьѣ, или въ иной какой вещи? Естьли составленіе сей рѣчи терпимо, то для чего и другихъ такимъ же образомъ не составлять? Напримѣръ мы въ просторѣчіи говоримъ: *онъ пронюхалъ что у нихъ на умѣ;* для чегожъ, пріемля обоняніе за проницаніе, не говорить: *онъ имѣетъ обоняніе въ ихъ умѣ?* Рѣчь сія отнюдь не должна быть страннѣе первой, поелику оная точно такимъ же образомъ составлена. *Одѣваться со вкусомъ* есть также не собственное наше выраженіе; ибо мы не говоримъ, или по крайней мѣрѣ не должны говорить: *плакать съ горестію, любить съ нѣжностью, жить со скупостію;* но между тѣмъ, какъ свойство языка нашего во всѣхъ другихъ случаяхъ велитъ намъ говорить: *плакать горько, любить нѣжно, жить скупо*, въ семъ единомъ не льзя сказать: *одѣваться вкусно*, и такъ, когда мы какую рѣчь не можемъ составить по свойству языка нашего, и должны непремѣнно составлять оную противу свойствъ его; то сіе уже одно показываетъ, что мы нѣчто чужое вмѣшиваемъ въ свой языкъ. Также и слѣдующая рѣчь есть Французская, а

не наша: *онъ пишетъ во вкусѣ Мармонтеля.* Какъ можно писать во вкусѣ? Не все ли это равно, какъ бы кто, вмѣсто *я подражаю напѣву соловья,* сказалъ: *я пою въ голосѣ соловья?* Французы по бѣдности языка своего вездѣ употребляютъ слово вкусъ; у нихъ оно ко всему пригодно: къ пищѣ, къ платью, къ стихотворству, къ сапогамъ, къ музыкѣ, къ наукамъ и къ любви. Прилично ли намъ съ богатствомъ языка своего гоняться за бѣдностію ихъ языка? На что намъ, вмѣсто *храмъ великолѣпно украшенный,* писать: *храмъ украшенный съ тонкимъ вкусомъ?* Когда я читаю *тонкой, вѣрной вкусъ;* то не долженъ ли воображать, что есть также и *толстой* и *невѣрной* вкусъ? Обыкновенно отвѣчаютъ на сіе: какъ же писать? Какъ сказать: *un goût delicat, un goût fin?* Я опять повторяю, что естьли мы не упражняясь въ своемъ языкѣ, не вникая въ оный, не чувствуя собственныхъ своихъ красотъ, станемъ токмо о томъ помышлять, какимъ бы образомъ перевесть такое то или иное Французское выраженіе; однимъ словомъ, естьли мы сочиняя Рускую книгу не перестанемъ думать по Французски, то мы никогда силы и красоты языка своего знать не будемъ. Для чего ни въ Ломоносовѣ, ни въ Ѳеофанѣ, ни въ Кантемирѣ, ни во всѣхъ знавшихъ хорошо Руской языкъ писателяхъ, не находимъ мы

сего Французско-Рускаго состава рѣчей? Для того, что они начитавшись природныхъ книгъ своихъ сочиняли, *а не переводили сочиняя*, то есть почерпали мысли свои изъ собственнаго языка своего, а не изъ чужаго. Не токмо всякъ сочиняющій книгу обязанъ стараться красотою языка своего воспалять разумъ и плѣнять сердца наши; но и тотъ, кто переводитъ, долженъ всякую сочинителеву мысль силою своихъ, а не его словъ, изображать. Напримѣръ: естьли бы кто *leve toi, eternel, dans la colere*, перевелъ изъ слова въ слово: *встань, вѣчный, въ гнѣвѣ своемъ*, тотъ былъ бы обыкновенный переводчикъ; но когда бы онъ тужъ самую мысль такъ прекрасно выразилъ, какъ оная въ Псалтирѣ выражена: *Воскресни Господи гнѣвомъ Твоимъ*, тогда бы онъ соблюлъ всю важность и красоту слога. Какая нужда намъ вмѣсто: *она его любитъ*, или *онъ ей нравится*, говорить: *она имѣетъ къ нему вкусъ*, для того только, что Французы говорятъ: *elle a du goût pour lui?* Желаетъ ли кто видѣть, до чего доводитъ насъ безумное подражаніе Французамъ? Мы говоримъ и печатаемъ въ книгахъ: *вкусъ царствовать; чертежъ вкуса; хотя двери его были и затворены, однако онъ имѣлъ смѣлость войти къ нему, и вкусъ сдѣлать ему свое привѣтствіе.*

,,*Трогательная сцѣна; занимательная книга*

или площадь." Нововыдуманныя слова сіи въ великомъ нынѣ употребленіи. Почти во всякой книгѣ и на всякой страницѣ мы ихъ находимъ. Между тѣмъ, естьли что нибудь безобразнѣе, какъ слово *сцена*, и еще *трогательная сцена*, въ Россійскомъ, а особливо важномъ слогѣ? Слово *трогательно* есть совсѣмъ не нужной для насъ и весьма худой переводъ Французскаго слова *touchant*. Не нужной по тому, что мы имѣемъ множество словъ, тожъ самое понятіе выражающихъ, какъ напримѣръ: *жалко, чувствительно, плачевно, слезно, сердобольно* и проч.; худой по тому, что въ нашемъ языкѣ ничего не значитъ. Защитники сихъ юродливыхъ словъ скажутъ мнѣ: когда глаголъ toucher по Руски значитъ *трогать*, то для чегожъ нарѣчіе touchant не должно значить *трогательно?* Я уже выше сего показалъ, что два соотвѣтствующія на двухъ языкахъ слова не могутъ имѣть одинакаго круга знаменованія, и что мы не изъ Французскихъ книгъ должны учиться Рускому языку: иначе мы будемъ столько же смѣшны, какъ бы Французы смѣшны были, ежелибъ они не слѣдуя собственнымъ своимъ понятіямъ, но гонясь за нашими, для выраженія словъ, таковыхъ напримѣръ, какъ *тронуться*, то есть помѣшаться въ умѣ; *тронуться съ мѣста* то есть двигнуться, и *тронуться*, то есть повредиться (говоря о

съѣстныхъ припасахъ или напиткахъ), стали выдумывать новыя, несвойственныя языку ихъ слова, производя ихъ отъ глагола toucher, для того токмо, что у насъ происходятъ онѣ отъ глагола *трогать*. Можетъ быть скажутъ еще, когда употребляемъ мы слова: *желательно*, *чаятельно*, *сомнительно* и проч., то для чего, послѣдуя томужъ правилу, не употреблять *трогательно*, *занимательно* и проч.? Для того, что естьли бы это свойственно было языку нашему, то давно бы уже оное введено было въ употребленіе. Выдумка сія не такая остроумная, чтобъ никому изъ прежнихъ писателей не могла придти въ голову; но мы нигдѣ не видимъ тому примѣра. Естьли же мы, не знавъ твердо языка своего, станемъ изобрѣтать новости; естьли вмѣсто: я видѣлъ жалкое или плачевное зрѣлище, будемъ писать *я видѣлъ трогательную сцѣну*, или вмѣсто: на площади сей много зданій помѣститься могутъ, *площадь сія занимательна для зданій*; естьли позволено писать: трогательно и занимательно, для того что пишется оскорбительно, презрительно и пр.; естьли, говорю, мы такимъ образомъ разсуждать будемъ, то кто удержитъ меня отъ распространенія далѣе сихъ по нынѣшнему премудрыхъ выдумокъ? Кто запретитъ мнѣ писать: *лѣтательно*, *клевательно*, *ку-*

сательно, какъ напримѣръ: *птица есть тварь лѣтательная и клевательная; онъ говорилъ со мною кусательно*, то есть колко, насказалъ мнѣ много обидныхъ словъ? Умствуя такимъ образомъ, подлинно составится прекрасный и богатый языкъ Россійскій!

„*Многіе другіе представители и чиновники.*“ Что такое представитель? Не то ли, что Французы начали было называть representant, и которыхъ нынѣ уже нѣтъ? — Да какая намъ нужда до ихъ *репрезентантовъ*? Не ужъ ли намъ и для гиліотинъ ихъ выдумывать Рускія имена?

„*Исполнить родителей глубочайшей признательности.*“ Я по сіе время не зналъ, что глубочайшая признательность имѣетъ у себя родителей.

„*Мыслъ перваго Маія.*“ Первой Май, или первое число Мая, не есть существо размышляющее. Надлежало бы сказать: *мысль въ первый день Мая.*

„*Пишу для васъ; заблаговременно готовлю васъ въ друзья моей памяти.*“ Хорошій слогъ долженъ быть естественъ, а не надутъ и не чопоренъ. Какъ бы мы назвали того отца, которой бы на вопросъ нашъ, за чѣмъ обучаетъ онъ дѣтей своихъ грамотѣ, отвѣчалъ намъ: я заблаговременно готовлю ихъ въ друзья читанью?

„*Шебановъ утверждаетъ, что Волтеръ не*

имѣлъ того излишняго и вспыльчиваго самолюбія, которое обыкновенно ставили ему въ порокъ." Существительныя имена должны сочиняться съ пристойными имъ прилагательными именами. Сочинитель, или какъ въ священныхъ книгахъ называется, списатель житія святыхъ отецъ въ Патерикѣ о преподобномъ Несторѣ говоритъ: *навыче всякой иноческой добродѣтели; чистотѣ тѣлеснѣй и душевнѣй, вольнѣй нищетѣ, смиренію глубокому, послушанію непрекословному, пощенію крѣпкому, моленію непрестанному, бдѣнію неусыпному.* Здѣсь при каждомъ существительномъ имени положено приличное ему прилагательное имя; но что значитъ *излишнее* самолюбіе? Человѣкъ можетъ быть самолюбивъ или весьма самолюбивъ; добродѣтеленъ, или весьма добродѣтеленъ; но въ сихъ словахъ: *онъ излишно самолюбивъ, излишно добродѣтеленъ*, нѣтъ никакого смысла. *Вспыльчивое самолюбіе* также ничего не значитъ, и столько же непонятно, какъ *дальновидное*, или *быстрое*, или *голубое* самолюбіе.

„*Они примѣтили, что сія коляска запряженная въ двѣ лошади, покрытыя пóтомъ, взъѣхала къ нимъ на дворъ.*" Хотя въ просторѣчіи и говорится у насъ: ѣхать въ двѣ, въ три, въ четыре лошади и проч., однакожъ употребя причастіе запряженная луч-

те сказать: коляска, запряженная *двумя лошадьми*, нежели *въ двѣ лошади*. Чтожъ принадлежитъ до сего, чтобъ вмѣсто *вспотѣвшая лошадь*, говорить: *лошадь покрытая пóтомъ*, таковое выраженіе въ языкѣ нашемъ весьма безобразно; ибо простыя и низкія понятія важнымъ и возвышеннымъ слогомъ описывать неприлично.

,,*Народъ не потерялъ перваго отпечатка своей цѣны.* — *Говоритъ объ одраніи чудовныхъ иконъ* (вмѣсто: о похищеніи окладовъ съ чудотворныхъ иконъ). *Обработанность* — *обдуманность* — *начитанность*. — Помилуйте! Долго ли намъ такъ писать? Не ужъ ли мы вподлинну думаемъ, что языкъ нашъ будетъ въ совершенствѣ, когда мы изъ всѣхъ глаголовъ, безъ всякаго размышленія и разбора, накропаемъ себѣ кучу именъ? Не ужъ ли мы достигнемъ до того, что станемъ напослѣдокъ говорить: *летательность ума моего гораздо больше твоей* — *я усталъ отъ многой ходительности* — *онъ будучи въ чужихъ краяхъ получилъ великую насмотрѣнность* и проч.? Нѣгдѣ, говоря о примѣчаніяхъ Болтина на Леклеркову Россійскую Исторію, сказано, *что слогъ въ сей книгѣ посредственный, довольно чистый для того времени, и нѣсколько тяжелый для нашего.* Болтинъ не очень давно писалъ свои примѣчанія, а уже слогъ того времени стано-

вится намъ тяжелъ. Это мы видимъ, что нынѣшній чистъ и легокъ: чистъ, какъ бѣлая бумага, на которой ничего не написано; легокъ, какъ прахъ, въ которомъ нѣтъ никакой вещественности!

Дабы не наскучить читателю, прерываю я сіи выписки и мои на нихъ замѣчанія, которыя были бы безконечны, естьлибъ я имѣлъ терпѣніе прочитывать отъ начала до конца тѣ книги, кои нынѣшнимъ *усовершенствованнымъ* языкомъ пишутся. Между тѣмъ изъ краткаго собранія сего довольно явствуетъ, о чемъ мы прилагаемъ попеченіе, о томъ ли, чтобъ *образовать*, или о томъ, чтобъ *обезобразить* языкъ свой. Изъ слѣдующаго же за симъ опыта Словаря увидимъ мы, что нужнѣе намъ для знанія языка своего, Французскія ли книги читать, или собственныя свои?

Опытъ Словаря, или слова и рѣчи, выписанныя изъ Священнаго Писанія для показанія знаменованія оныхъ 9).

Въ (предлогъ). Нѣкоторыя Славенскія реченія, сочиненныя съ симъ предлогомъ, нынѣ уже намъ иныя почти, а другія и совсѣмъ невразумительны, какъ напримѣръ: *препояшитеся и будите въ сыны сильны, поразите мужественно языки сія, иже собрашася на ны, растерзати насъ и святая наша.* (Маккав. гл. 3). Какая прекрасная рѣчь къ воинамъ! и какое побудительное къ мужественному ополченію выраженіе: *препояшитеся и будите въ сыны сильны!* — Хеттеевы дѣти, въ книгѣ Бытія, главѣ 23, говорятъ Авимелеху: *послушай насъ Господине, Царь отъ Бога ты еси въ насъ* (то есть надъ нами). Вышесказанныя выраженія нѣсколько еще намъ вразумительны, но нижеслѣдующія кажутся совсѣмъ непонятны: *да якоже царствуетъ грѣхъ во смерть, такожде и благодать воцарится правдою въ жизнь вѣчную.*

9) Подъ сею статьею помѣщены были нѣсколько словъ, собранныхъ и объясненныхъ; но какъ оныя вмѣстѣ со многими другими прибавленными перенесены въ *Академическія Извѣстія*; то, дабы оныя не находились въ двухъ книгахъ, отселѣ исключаются, кромѣ не многихъ, туда не внесенныхъ, или въ которыхъ помѣщены разсужденія, съ сею книгою сообразныя.

(Посл. къ Римл. гл. 5). Дабы рѣчь сію разумѣть, надлежитъ прежде себѣ представить, что вѣра учитъ и понятія наши о безсмертіи души и о правосудіи Божіемъ удостовѣряютъ насъ, что беззаконникъ или грѣшный человѣкъ, не токмо общую всѣмъ живущимъ часть, естественную смерть вкуситъ, но и по смерти за злыя дѣла свои осужденъ будетъ на мученіе. Сіе-то обоюдное состояніе его, то есть въ здѣшней жизни печали, угрызенія совѣсти, болѣзни и разлученіе души съ тѣломъ, или естественная смерть; а въ будущей отверженіе отъ лица Господня и безконечная мука, или подобная смерти жизнь, называется вѣчною смертію: по сему понятію *грѣхъ царствуетъ въ смерть*, значитъ, что онъ царствуетъ во имя смерти, печется покорить всѣхъ ея державѣ (regne pour donner la mort). Въ противуборствіе грѣху, для освобожденія рода человѣческаго отъ порабощенія оному, Богъ ниспослалъ на землю благодать, ученіе Христово, *да воцарится въ жизнь вѣчную*, то есть да печется избавить всѣхъ отъ вѣчной смерти, дать жизнь вѣчную (pour donner la vie eternelle). *Сынъ праведный раждается въ животъ* (la justice tend à la vie), *гоненіе же нечестиваго въ смерть* (et celui qui poursuit le mal tend à sa mort. Притч. Солом. глава 11). Здѣсь рожденіе сына праведнаго въ животъ, а го-

неніе сына нечестиваго въ смерть, значитъ, что первый старается добрыми дѣлами своими стяжать себѣ вѣчную жизнь; а другой злыми дѣлами своими ищетъ, гоняется за тѣмъ, чтобъ низринуть себя въ вѣчную смерть. *Словеса нечестивыхъ льстива въ кровь* (тамъже). То есть: льстивый лукаваго человѣка языкъ тщится тотъ путь, которой тебя къ смерти или погибели ведетъ, устилать цвѣтами, дабы не видя опасности своей шелъ ты безбоязненно по оному: les paroles des méchans ne tenoient qu'à dresser des embuches, pour repandre le sang. — *Иже бо умрохомъ грѣху, како еще жити будемъ въ немъ, яко елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть крестихомся? Спогребохомся убо Ему крещеніемъ въ смерть: да яко же воста Христосъ отъ мертвыхъ, тако и мы во обновленіи жизни да ходимъ:* car nous qui sommes morts au péché, comment y vivrions nous encore? ne savez-vous pas que nous tous qui avons été batisés en Jesus Christ, nous avons été batisés en sa mort? nous sommes donc ensévelis avec lui en sa mort par le batéme, afin que comme Christ est ressuscité dés morts par la gloire du pere, nous aussi marchions dans une vie nouvelle (Послан. къ Римлян. гл. 6). Для разумѣнія, что значитъ здѣсь: *креститься въ смерть и спогребстися Христу крещеніемъ въ смерть,* надлежитъ знать, что поелику Христіянская вѣра научаетъ насъ, что Христосъ смертію своею умертвилъ

грѣхъ, или царство грѣха, и воплощеніемъ своимъ воцарилъ благодать, то есть снялъ съ рода человѣческаго оковы грѣха и вѣчной смерти, того ради почерпается отсюду понятіе, что *крещающійся во Христа, въ смерть крещается, и спогребается Ему крещеніемъ въ смерть*, то есть: какъ Христосъ умеръ для умерщвленія грѣха, такъ и человѣкъ крещается во знаменіе того, что онъ умираетъ яко грѣшникъ, спогребается крещеніемъ Христу, и въ новомъ бытіи своемъ лишася грѣховной жизни, умершій или крестившійся въ смерть, начинаетъ жить въ жизнь вѣчную. Сія мысль подтверждается слѣдующими въ той же главѣ сказанными словами: *сіе вѣдяще, яко ветхій нашъ человѣкъ съ нимъ распятся, да упразднится тѣло грѣховное, яко ктому не работати намъ грѣху*. Подобныя вышесказаннымъ выраженія нынѣ намъ необыкновенны; однакожъ въ нѣкоторыхъ рѣчахъ остались еще употребительными, какъ напримѣръ въ сей рѣчи: *бей въ мою голову*, то есть: я велю, я приказываю. Всякую таковую рѣчь привычка и частое употребленіе дѣлаютъ намъ понятною и ясною. Впрочемъ не можно отрицать, чтобъ подобныя выраженія не были украшеніемъ языка, потому что въ краткихъ словахъ пространную мысль заключаютъ; а чѣмъ короче какое выраженіе, тѣмъ оное

сильнѣе. Сличимъ вышеписанный переводъ Россійской (изъ посланія къ Римл. глава 6) съ переводомъ Французскимъ: мы увидимъ, что въ первомъ употреблено токмо сорокъ семь словъ (считая въ томъ числѣ предлоги и союзы), для объясненія тогожъ самаго, что во второмъ объяснено семьюдесятью словами. Прочитаемъ со вниманіемъ тотъ и другой переводъ, и ежели мы хотя нѣсколько искусны въ краснорѣчіи и силѣ слога, то почувствуемъ тотчасъ превосходство Россійскаго перевода предъ Французскимъ *). Здѣсь надлежитъ еще слѣдующее

---

*) Для вящшаго удостовѣренія себя въ томъ, что Славенскій языкъ краткостію своею, и слѣдственно силою выраженій, вездѣ преимуществуетъ предъ Французскимъ языкомъ, приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ изъ Россійской и Французской Библіи. Мѣста сіи покажутъ намъ, сколько гдѣ для объясненія одной мысли надлежало употребить Славенскихъ и сколько Французскихъ словъ:

Не слышателіе бо закона праведни, но творцы закона оправдятся (Послан. къ Римлян. глава 2). Здѣсь употреблено 9 словъ.

Се ты Іудей именуешися и почиваеши на законѣ, и хвалишися о Бозѣ, и разумѣеши волю, и разсуждаеши лучшая, научаемь отъ закона: уповая же себе вожда быти слѣпымъ, свѣта сущимъ во тьмѣ, наказателя безумнымъ, учителя младенцемъ, имуща образъ разума и истины въ законѣ: научая убо инаго, себе ли не поучиши? Проповѣдая не красти, крадеши; глаголяй не прелюбы творити, прелюбы твориши; гнушаяся идолъ,

Ce ne sont pas ceux qui écoutent la loi, qui sont justes devant dieu; mais ce sont ceux qui observent la loi qui seront justifies. Здѣсь употреблено 25 словъ.

Toi donc qui portes le nom de juif, qui te repose sur la loi, qui te glorifies en dieu; qui connois sa volonté, et qui sais discerner ce qui est contraire, etant instruit par la loi; qui crois étre le conducteur des aveugles, la lumiére de ceux qui sont dans les tenebres; le docteur des ignorans, le Maitre des simples, ayant le regle de la science et de la verité dans la loi. Toi, dis-je, qui enseignes les autres, tu ne t'enseignes pas toi meme! Toi qui preches qu'on ne doit

примѣтить: въ упомянутой выше сего рѣчи сказано: *иже бо умрохомъ грѣху, како еще жити будемъ въ немъ?* И въ тойже главѣ въ другомъ мѣстѣ написано: *еже бо умре, грѣху умре единою, а еже живетъ, Богови живетъ. Такожде и вы помышляйте себе мертвыхъ убо быти грѣху, живыхъ же Богови.* Что значатъ въ сихъ рѣчахъ выраженія: *умереть грѣху, жить Богу или Богови?* Нынѣ оныя въ новѣйшемъ языкѣ нашемъ совсѣмъ неупотребительны. Разсмотримъ, какой разумъ заключался въ нихъ прежде, и какимъ образомъ выражаемъ мы нынѣ оный. *Умереть грѣху* (être mort pour la péché) значило: отрещись на вѣки отъ грѣха; подъ словами же: *жить Богови* (vivre pour le Dieu) разумѣлось: посвятить навсегда жизнь свою Богу. Нынѣ по примѣру чужихъ языковъ объясняемъ мы сію мысль словами: *умереть для грѣха, жить*

святая крадеши: иже въ законѣ хвалишися, преступленіемъ закона Бога безчествуеши (тамъже). Здѣсь употреблено всего 71 слово.

pas derober, tu derobes! Toi qui dis, qu'on ne doit pas commettre adulteres, tu commets adultère! Toi qui as en abomination les idoles, tu commets des sacrileges! Toi qui te glorifies dans la loi, tu deshonores dieu par la transgression de la loi. Здѣсь употреблено 137 словъ.

Вси непослушни ходящіи строптиво, мѣдь и желѣзо, вси растлѣни суть (Iерем. глава 6). Здѣсь употреблено всѣхъ 11 словъ.

Tous sont rebelles; ils agissent frauduleusement; ils sont comme de l'airain, et du fer; ce sont tous des enfans qui se perdent l'un l'autre. Здѣсь употреблено 20 словъ, не считая членовъ.

Подобныхъ примѣровъ найдемъ мы безчисленное множество.

для Бога; ибо *онъ умеръ для грѣха* есть выраженіе подобное тому, какое изображаемъ мы словами: *онъ умеръ для насъ*, разумѣя подъ симъ, что тотъ человѣкъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, хотя и живъ еще, но по отдаленности его отъ насъ, или по инымъ какимъ причинамъ, мы никогда уже не надѣемся его увидѣть. Слѣдуя старинному правилу, надлежало бы говорить: *онъ умеръ намъ, онъ умеръ грѣху, онъ умеръ славѣ* и пр. Возмемъ для примѣра одну изъ сихъ рѣчей и разсмотримъ, которое выраженіе лучше и справедливѣе, прежнее ли напримѣръ: *онъ умеръ славѣ*, или нынѣшнее: *онъ умеръ для славы?* Сіе послѣднее не заключаетъ ли паче въ себѣ мысль: *онъ купилъ славу цѣною жизни своей?* Сія мысль весьма различна отъ слѣдующей, которую мы изобразить хотимъ: *онъ потерялъ славу свою, и уже никакимъ образомъ возвратить оную не можетъ.* Итакъ обѣ сіи весьма различныя между собою мысли, изображаемъ мы одними и тѣмижъ самыми словами: *онъ умеръ для славы.* Сіе ли есть красота и богатство языка? Напротивъ того Славенское выраженіе: *онъ умеръ славѣ*, изъявляетъ точно ту самую мысль, которую мы нынѣ иначе выразить не умѣемъ, какъ смѣшивая ее съ другою мыслію, заключающеюся въ словахъ: *онъ умеръ для славы.* Тожъ самое можно сказать и о

другихъ выраженіяхъ, таковыхъ какъ: *онъ умерь грѣху*, *онъ умеръ намъ* и проч. Для чего оставили мы ясный смыслъ сихъ старыхъ, и прибѣгнули къ темному двусмыслію новыхъ выраженій? Для того, что не вникаемъ въ богатство кореннаго языка своего, и послѣдуемъ бѣдности чужихъ языковъ. Все наше разсужденіе основано на томъ, что Французы говорятъ: il est mort pour nous, il est mort pour la gloire etc.

Капать. Глаголъ сей происходитъ отъ имени *капля*, и сверхъ обыкновенныхъ знаменованій своихъ, какъ то: вода каплетъ, воскъ растаявающій отъ жара каплетъ и проч., употребляется въ слѣдующихъ иносказательныхъ смыслахъ: *уста праведнаго каплютъ премудрость* (то есть раждаютъ, производятъ премудрыя рѣчи, наподобіе капель низпадающихъ одна послѣ другой: produire, Франц. herbvorbringen, Нѣм.) — *Устнѣ мужей праведныхъ каплютъ благодати, уста же нечестивыхъ развращаются* (Притч. глава 10).

Ковъ, лукавство, обманъ, умыселъ, сѣть сплетаемая на уловленіе кого либо: *Фистъ же убо пріимъ власть, по трехъ днехъ взыде во Іерусалимъ отъ Кесаріи. Сказаша же ему Архіереи и первіи отъ Іудей на Павла, и моляху его, просяще благодати нань* (et ils lui demandaient comme une grace), *яко да послетъ*

его во Іерусалимъ: ковъ творяще (lui ayant dressé des embûches), *яко да убіютъ его на пути* (Дѣян. глава 45). — *Скрываетъ въ сердцѣ злобный ковъ* (Лом.). Отсюду *ковникъ* значитъ злоумышленникъ, бунтовщикъ: *бѣ же нарицаемый Варавва со сковники своими связанъ, иже въ ковѣ убійство сотвориша:* et il y en avoit un, nommé Barabbas, qui étoit en prison, avec d'autres séditieux qui avoient commis un meurtre dans une sédition (Марк. 15, 7). Отсюду глаголъ *ковать* употребляется въ томъ же самомъ смыслѣ: *лесть въ сердцѣ кующаго злая:* qui machine du mal (Притч. 12, 20). Отсюду же происходитъ слово *коварство*, которое берется иногда въ худомъ разумѣ, означая лукавство, пронырство, зломысліе, злоухищреніе; а иногда въ добромъ, и тогда значитъ остроту ума, хитрость, глубокое знаніе, искуство. Примѣры первому знаменованію: *наготою тѣлесною и терпѣніемъ обнажилъ еси вражія коварства* (Тропарь 11 Ноября). — *Противныхъ силы устрашаетъ, коварства ихъ разсыпавъ мракъ* (Ломон.). *Но коваренъ сый* (étant un homme artifitieux, Франц. lüstig, arglüstig, tückisch, Нѣмец.), *лестію васъ пріяхъ* (Посл. 2 къ Кор. 12, 16). — *Сталъ тѣсенъ къ злобѣ путь коварникамъ въ судахъ* (Ломон.). Примѣры второму: *уразумѣйте незлобивіи коварство, ненаказанніи же приложите къ сердцу:* vous, imprudens, apprenez la pru-

dence; vous insensés, devenez inteligens de coeur, (Франц. Mercket ihr albern, die witze, und ihr thoren, nehmet es zu hertzen, Нѣм. (Притч. 8, 5).— *Да дастъ незлобивымъ коварство* (discerment, Франц. Klugheit, witze, klugsinnigheit, gescheidigkeit, Нѣм.), *отрочати же юну чувство же и смыслъ* (Притч. 1, 4). — *Корень премудрости кому открылся? и коварства ея кто уразумѣ?* qui est-ce qui a connu ses subtilités? Франц. und wer hat ihre fertige, kluge, zulängliche erkant? Нѣм. (Сирахъ 1, 6).

Ликъ, иногда значитъ образъ, изображеніе, начертаніе лица: *написать ликъ Святаго;* иногда же разумѣется подъ симъ словомъ хоръ, клиръ, то есть собраніе людей поющихъ, пляшущихъ, или иное что дѣлающихъ вмѣстѣ: *Царь Давидъ видя Аароново племя умножившееся въ толь великое число, яко не возможно бѣ всѣмъ въ церкви служити вкупѣ, раздѣли е на двадесять четыре чреды или лики, да едини по друзѣхъ седмицу свою держаще въ церкви вси служатъ. Избра же отъ коемждо лицѣ честнѣйшаго, и постави его имъ начальника, яко коемуждо лику своего начальнѣйшаго Священника имѣти. Бяше же кійждо ликъ имый священниковъ болѣе пяти тысящъ* (Чет. мин. листъ 25). — *Ликъ* Богослововъ *отъ конецъ, свыше же Ангелъ множества къ Сіону идяху, всесильнымъ мановеніемъ, Владычице, Твоему погребенію служаще* (мо-

лит. Богородицѣ). — Ломоносовъ въ одной изъ одъ своихъ сказалъ:

Дѣвицъ и юношъ красны лики
Взносите радостные клики.

Иногда же слово *ликъ* значитъ концертъ или согласное многихъ людей пѣніе: *да восхвалятъ имя Его въ лицѣ* (qu'ils louent son nom en concert), *въ тимпанѣ и Псалтири да поютъ Ему* (Псал. 149). Отсюду существительное имя *ликованіе*, и глаголъ *ликовать: и творяху праздникъ съ ликованіемъ* (то есть съ веселіемъ, съ пѣніемъ, съ пляскою), *жруще овцы и волы* (Чет. мин. житіе Никиты мучен.). Сумароковъ въ притчѣ фебъ и борей говоритъ:

Вдругъ солнце возсіяло,
И естество другой порядокъ воспріяло:
Куда ни возведешъ ты взоры,
Ликуютъ рѣки, лѣсъ, луга, поля и горы.

Лице. Слово сіе собственно значитъ переднюю головы человѣческой часть, заключающую въ себѣ чело, глаза, носъ, щоки, уста и подбородокъ. Сіе есть главное и первоначальное его знаменованіе. Въ иносказательномъ же смыслѣ заключаетъ оно въ себѣ многія другія смѣжныя и близкія между собою понятія, какъ мы изъ слѣдующихъ примѣровъ увидимъ. Поелику лице человѣче-

ское можетъ находиться въ разныхъ обстоятельствахъ; того ради, когда разсуждается о естественномъ сложеніи или цвѣтѣ онаго, тогда говорится: *круглое, продолговатое, полное, сухощавое, смуглое, блѣдное, прекрасное, безобразное лице* и проч. Когда же разсуждается о чертахъ или расположеніи его, которое часто соотвѣтствуетъ внутреннимъ чувствамъ человѣка, почему и называется оно въ такомъ случаѣ зеркаломъ души; тогда говорится: *веселое, печальное, злобное, угрюмое, ласковое лице* и проч. Отсюду происходитъ слово *лицемѣріе*, то есть притворство, приведеніе лица своего въ такой видъ или мѣру, чтобъ оно не показывало сердечныхъ чувствъ нашихъ. Такъ наприкладъ: завистливый услыша о благополучіи другаго, скорбитъ сердцемъ, но скрывая печаль сію въ душѣ своей, при свиданіи съ нимъ *лицемѣритъ*, и поздравляя его соглашаетъ лице свое съ словами, притворства и лести исполненными. Также, поелику лице человѣческое есть первѣйшая и главная часть тѣла его; того ради часто берется оное за всего человѣка: въ такомъ смыслѣ вмѣсто, *да удостоюся его увидѣть*, говорится, *да сподоблюся узрѣть лице его*. Давидъ въ началѣ шестагонадесять псалма говоритъ Богу: *отъ лица Твоего судьба моя изыдетъ*, и въ концѣ тогожъ Псалма: *азъ же правдою*

являюся лицу Твоему. Люди бываютъ различныхъ состояній, званій, достоинствъ; имѣютъ разныя между собою связи; а потому и слово *лице*, пріемлемое въ смыслѣ всего человѣка, изображаетъ иногда тѣжъ самыя понятія, какія относятся къ самому человѣку; въ такомъ разумѣ говорится: *Онъ представляетъ лице судіи. — Я не смотрю ни на какое лице. — Или не вѣси коликое есть зло досадити Царю, и которымъ казнемъ подлежитъ дерзнувый обезчестити лице Царское* и проч. Отсюду происходятъ слова: *личность*, то есть пристрастіе наше къ самому себѣ, или къ другому лицу или человѣку; *лицепріятіе*, то есть пріемъ лица въ судѣ, или иномъ какомъ дѣлѣ, паче по знакомству его съ нами, нежели по правдѣ и совѣсти. Въ предисловіи къ Минеямъ четіямъ сказано о житіи Святыхъ отецъ: *Судіи и гражданскіи управители обрящутъ въ нихъ примѣры любящихъ правду, и хвалящихся милостію на судѣ, не мзду и лице пріемлющихъ, но сиру и убогу равно судящихъ.* Отсюду съ присовокупленіемъ предлоговъ произведены слова: *отличіе, различіе, приличіе, наличность, на лицо* и проч. Отсюду же могло бы происходить слово *лицедѣй*, естьлибъ употребляемое нами чужестранное названіе *актеръ* не препятствовало намъ распространять круга знаменованій собственныхъ словъ на-

шихъ; ибо въ самомъ дѣлѣ, что иное значитъ лицедѣй, какъ не человѣка дѣлающаго изъ себя разныя лица? Можетъ ли какое слово быть знаменательнѣе для выраженія того понятія, которое разумѣемъ мы подъ словомъ актеръ? Но здѣсь паки повторить должно, что сочинители наши лучше любятъ быть Французскими подражателями, нежели истинными Россійскими творцами. Возвратимся къ прежнему толкованію нашему. Слово *лице* придается иногда не одному человѣку, но многимъ вдругъ: *Объявить отъ лица судей, отъ лица всего народа* и проч. Давидъ говоритъ Богу: *Яко былъ еси упованіе мое, столпъ крѣпости отъ лица вражія*, то есть отъ лица враговъ моихъ (Псал. 60). Когда Фараонъ съ войскомъ своимъ погнался за вышедшими изъ земли его Израильтянами, предъ коими шествовалъ облачный столпъ, и когда догналъ онъ ихъ на берегу Чермнаго моря; тогда, дабы воспрепятствовать сраженію между обоими сими народами, говоритъ Священное писаніе: *Взятся же* (то есть отнятъ былъ или отошелъ прочь) *и столпъ облачный отъ лица ихъ* (Израильтянъ), *и ста созади ихъ, и вниде посредѣ полка* (сирѣчь войска) *Египетска, и посредѣ полка сыновъ Израилевыхъ, и ста.* Здѣсь въ рѣчи: *Взятся же столпъ отъ лица Израильтянъ*, слово *лице*, не иное что значитъ, какъ пе-

реднюю или ту сторону, куда лица всѣхъ Израильтянъ обращены были, и слѣдственно въ семъ разумѣ заключаетъ оно въ себѣ то самое понятіе, которое въ приложеніи къ войскамъ изображаемъ мы словомъ *фрунтъ*, происходящимъ отъ иностраннаго названія front, означающаго лобъ или чело. Въ семъ же самомъ смыслѣ употреблено слово *лице* въ нижеслѣдующемъ мѣстѣ Священнаго писанія: *Да изберетъ Господь Богъ духовъ и всякія плоти человѣка надъ сонмомъ симъ, иже изыдетъ предъ лицемъ ихъ, иже внидетъ предъ лицемъ ихъ, и иже введетъ ихъ; и да не будетъ сонмъ Господень, яко овцы не имуще пастыря* (Числа глава 27). Въ подобномъ же разумѣ у большой какой нибудь вещи, имѣющей бока и задъ, какъ напримѣръ у дома или зданія, подъ словомъ *лице* разумѣется передняя сторона онаго, которую обыкновенно изображаемъ мы чужеязычнымъ названіемъ *фасадъ*. (См. дальнѣйшее разсужденіе о семъ подъ словомъ *прозябать*). Также говорится: *Библія въ лицахъ*, то есть съ изображеніями, съ рисунками, или, кто больше привыкъ къ иностраннымъ словамъ, съ *виньетами*, съ *купферштихами*. Въ книгѣ называемой *Описаніе Артиллеріи*, переведенной съ Голландскаго языка *Тимоѳеемъ Бринкомъ* и напечатанной въ 1710 году, сказано, что все содержащееся въ ней *чинно описано, и*

пристойными лицами украшено, всѣмъ сея науки охотимъ на пользу. Здѣсь *лица* значатъ чертежи, фигуры. — Распространяя далѣе кругъ знаменованія слова сего, разумѣется также подъ онымъ и всякая поверхность вещи, какъ напримѣръ: *Разсѣяться по лицу земли, разсуждать о лицѣ небесъ* и пр. Въ томъ же самомъ смыслѣ *лицемъ* у сукна, или иной какой ткани, называется та сторона, которая обыкновенно бываетъ чище и глаже, и тогда противная ей сторона именуется *изнанкою.* Также по сходству и близости съ симъ понятіемъ слово *лице* приписуется и другимъ вещественнымъ или не вещественнымъ существамъ, какъ напримѣръ: *Яко таетъ воскъ отъ лица огня, тако да погибнутъ бѣси отъ лица любящихъ Бога,* или: *лица гнѣва Твоего убоюся,* или: *посла Навуходоносоръ Царь Ассирійскій ко всѣмъ обитающимъ въ Персидѣ, и ко всѣмъ живущимъ къ западомъ, обитающимъ въ Киликіи и Дамасцѣ, и Ливанѣ и Антиливанѣ, и ко всѣмъ живущимъ на лицѣ приморія* (qui demeuroient sur la côte de la mer. Іудиѳ. глава 1 ст. 7). Или же: *Воздвиже Архистратигъ десницу свою, и знамена крестнымъ знаменіемъ лице водное* (то есть поверхность текущихъ на него водъ), *глаголя: станите тамо* (Чет. мин. листъ 29). Последуя сему, вмѣсто *день скрывается,* Ломоносовъ говоритъ:

Лице свое скрываетъ день,
Поля покрыла влажна ночь.

Отъ лица, во образѣ нарѣчія значитъ иногда въ разсужденіи, по причинѣ, въ отношеніи (à cause, à l'égard, Фр.): *Нѣсть исцѣленія въ плоти моей отъ лица гнѣва Твоего* (à cause de ton indignation), *нѣсть мира въ костехъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ* (à cause de mes péchés). Также: *Возсмердѣша и согниша раны моя отъ лица безумія моего* (Псаломъ 37). Впрочемъ слово сіе въ священномъ писаніи употребляется и въ другихъ различныхъ смыслахъ, какъ напримѣръ: *Мнози падоша злата ради, и бысть пагуба ихъ прямо лицу ихъ*, то есть: они на то самое устремляли глаза свои, тѣмъ самымъ прельщались, что составляло ихъ погибель. Француской переводъ не выражаетъ сей мысли: plusieurs ont été ruinés par l'or, et se sont vûs détruits; Нѣмецкой же выражаетъ: viel sind um des golds willen zum fall gerahten, und seine gestalt ist ihr untergang gewesen, сирѣчь: многіе пали злата ради, и видъ онаго былъ причиною ихъ погибели (Сирахъ 31, 6). Въ молитвахъ часто говорится Богу: *Просвѣти лице Свое на мнѣ*, то есть: да сіяетъ, да прославляется милость Твоя, на меня изліянная. Въ Псалтирѣ говоря о Богѣ сказано: *Яко положиши ихъ* (враговъ своихъ) *яко пещь огненную, во время лица Твоего*, то есть во время

гнѣва Твоего: tu les rendra comme un four embrasé au tems de ton courroux (Псаломъ 20). У Іереміи Богъ прогнѣванный на Израильтянъ говоритъ: *Хребетъ а не лице покажу имъ въ день погибели ихъ* (глава 18, ст 17). То есть: отвращуся отъ нихъ, не сжалюся надъ ними, не буду внимать воплю ихъ. — Часто бываетъ, что слово заимствуетъ знаменованіе и силу свою отъ другихъ сопряженныхъ съ нимъ словъ какъ напримѣръ: *Господи Боже силъ, призирай на землю и творяй ю трястися, отъ Его же лица растаяваются горы, и изсушаются бездны, самъ сый Господь, самъ услыши воздыханія связанныхъ, и изведи отъ земли Еванѳію, и не отврати лица Твоего отъ сына ея, но вонми души ихъ имене Твоего ради* (Чет. мин. житіе Корнилія сотника). Здѣсь слово *лице* упомянуто двукратно, и въ каждомъ мѣстѣ имѣетъ оно особливый и весьма различный отъ другаго смыслъ; ибо *лице, отъ котораго таютъ горы, и изсушаются бездны или моря*, не иное что понятію нашему представлять можетъ, какъ или *гнѣвъ*, или *могущество*, или *безконечность времени*; напротивъ того *лице*, о коемъ молятъ, *да не отвратится оно отъ насъ*, изображаетъ *милость, благость, истекающее отъ него благополучіе наше*. Притомъ же, какъ сильно и богато выраженіе сіе: *отъ Его же лица растаяваются горы!*

Какой другой глаголъ можетъ замѣнить здѣсь силу глагола *таять*, представляющаго воображенію нашему, что отъ всемогущаго взора Божія, каменная твердость горъ премѣняется въ воску подобную мягкость, и высота вершинъ ихъ упадаетъ на подошву? Поставимъ вмѣсто глагола *растаяваются* какой нибудь другой глаголъ, напримѣръ: уничтожаются, исчезаютъ, разсыпаются; тогда вся красота мысли пропадетъ, поелику изображаемыя сими тремя глаголами дѣйствія сами по себѣ естественнымъ образомъ, какъ напримѣръ отъ долготы времени, отъ землетрясенія, или отъ иной какой причины, сдѣлаться могутъ; но въ словахъ *горы таютъ* заключается понятіе, что сію необычайную, неестественную съ ними перемѣну воображаетъ умъ нашъ, уподобляющій дѣйствіе всесильнаго взора Божія такому пламени, предъ коимъ величайшая твердость горъ, не иное что есть, какъ образъ слабости, подобіе мягкихъ отъ малѣйшаго духа теплоты тающихъ веществъ. Изъ сего можемъ мы видѣть, коликимъ изобиліемъ мыслей обогащается иногда рѣчь, чрезъ одно токмо прилично помѣщенное въ ней слово!

Лысто. Кажется слово сіе значитъ ту самую часть ноги, которую въ просторѣчіи называютъ *лытка*, и оттуда происходятъ

слова *лытать*, *лыжи* и проч. *Мняше того бѣжати хотяща, таже подрѣза ему лыста, да не избѣгнетъ* (Патер. листъ 135). — *Не въ силѣ констѣй восхощетъ, ниже въ лыстѣхъ мужескихъ благоволитъ* (il n'a point d'égard à la force du cheval; il ne fait point cas des hommes légers à la course): *Благоволитъ Господь въ боящихся Его, и во уповающихъ на милость Его* (Псаломъ 146). — *Повелѣ каменіемъ бити его по лицу, и по ребромъ и по лыстомъ* (Пролог.).

Любопрѣніе, любовь или пристрастіе къ прѣнію, къ прошивурѣчію, къ спорамъ: *Совѣтую тебѣ Евдокіе, остави непотребное любопрѣніе и безумное прекословіе, и волею принеси богомъ жертву. Аще же ни, то и неволею пожреши, убѣждена бо будеши острыми муками* (Чет. мин. листъ 33). Отсюду происходитъ прилагательное имя *любопрителенъ*, въ томъ же смыслѣ употребляемое: *Ненависть воздвигаетъ распрю, всѣхъ же нелюбопрительныхъ покрываетъ любовь* (Притч. Соломон. глава 10).

Мышца, въ просторѣчіи *мышка*, или чужеязычное *мускулъ*. Подъ именемъ мышцей или мышекъ разумѣются составы тѣла, служащіе орудіями тѣлесной силѣ, и потому часто берутся за самую силу, и означаютъ власть, могущество, или руку, яко членъ сильнѣйшій въ тѣлѣ человѣческомъ: *И сня*

водоносъ на мышца своя, и напои его: elle ôta sa crûche de dessus son épaule, et l'a prit en sa main, et elle lui donna à boire, то есть: Ревекка сняла кувшинъ съ водою съ плеча своего, и взявъ оный въ руки, напоила Исаака (Быт. глава 24). — Іовъ, Царь, въ главѣ 31 книги, подъ именемъ его извѣстной въ Священномъ Писаніи, разсуждая о усердіи своемъ къ благу народному, говоритъ о себѣ съ клятвою: *Аще воздвигохъ на сироту руку, надѣяся, яко многа помощь мнѣ есть, да падетъ убо рамо мое отъ состава, мышца же моя отъ локтя да сокрушится.* Здѣсь весьма ясно сказано, какая часть руки нашей разумѣлась подъ именемъ *рамо*, и какая подъ именемъ *мышца*. — *Сотвори державу мышцею своею:* il a déployé avec puissance la force de son bras (Ев. отъ Луки гл. 1). — *И мышцею высокою изведе ихъ изъ нея* (то есть людей изъ земли Египетскія. Дѣян. глава 13). — *Избавилъ еси мышцею Твоею люди Твоя* (Псал. 76). — *Ты смирилъ еси, яко язвена, гордаго: мышцею силы Твоея расточилъ еси враги Твоя* (Псал. 88, 11). — *Отъ множества оклеветаемія возозовутъ, возопіютъ отъ мышцы многихъ:* то есть отъ притѣсненія, отъ угнѣтенія, отъ руки сильной. Во Француской Библіи сказано: à cause de la violence des grands. (Іовъ глава 35). И у Ломоносова въ письмѣ къ Шувалову:

Напрягся мышцами и рамена подвигнулъ,
И тяготу земли превыше облакъ вскинулъ.

Отсюду происходитъ слово *мышчица*, то есть ручка у креселъ, или у чего инаго: *мышчицы двѣ туду и сюду надъ престоломъ сѣдалища, и два льва стояша близь мышчицей* (Парал. глава 9).

Наказаніе, пріемлется часто за наставленіе: *И нынѣ Царіе разумѣйте, накажитеся* (recevez l'instruction) *вси судящіи земли. Пріимите наказаніе, да не когда прогнѣвается Господь, и погибнете отъ пути праведныхъ.* (Псал. 2). — *Премудрость и наказаніе нечестивіи уничижатъ:* les fous méprisent la sagesse et l'instruction (Притч. 1, 8). — *Како возненавидѣхъ наказаніе, и отъ обличеній уклонися сердце мое? Не послушахъ гласа наказующаго мя, и ко учащему мя не прилагахъ уха моего* (тамъже глава 5, 12). — *Сыне не пренебрегай наказанія Господня, ниже ослабѣвай отъ Него обличаемый* (тамъже глава 3).

Наслаждаться. Глаголъ сей сочинялся прежде съ родительнымъ падежемъ: *наслаждаться духовныхъ словесъ;* нынѣ же сочиняется съ творительнымъ: *наслаждаться духовными словесами.*

Непоступенъ, твердъ, непоколебимъ (inebranlable, Франц. unbeweglich, Нѣм.): *Тѣмъ же братія моя возлюбленная, тверди бывайте, непоступни* (Коринѳян. 15, 8). Примѣ-

шимъ, какой многознаменательной и богатой смыслъ содержитъ въ себѣ слово сіе: *будьте непоступны*, то есть стойте твердо, берегитесь ступить, шагнуть, двигнуться, тронуться съ мѣста. Естьли мы, вмѣсто *будьте непоступны*, скажемъ *будьте непоколебимы*; то хотя и кажутся слова сіи однознаменательными, однако разбирая прямой или коренной разумъ ихъ, найдемъ мы великую между оными разность. Въ словѣ *непоколебимъ* изъемлется понятіе о волѣ, и потому собственно принадлежитъ оное къ бездушнымъ вещамъ: домъ, столпъ, истуканъ суть *непоколебимы*, то есть неподвижны, не колеблются, не шатаются; но когда мы говоримъ о человѣкѣ: *духъ его непоколебимъ*, тогда заимствуемъ понятіе сіе отъ бездушной и переносимъ оное къ одушевленной вещи, разумѣя подъ симъ, что, какъ столпъ или истуканъ мертвою вещественностію своею, такъ подобно и человѣкъ твердостію живаго духа своего могутъ быть *непоколебимы*. Слѣдовательно слово сіе употреблено здѣсь въ заимствованномъ или иносказательномъ смыслѣ. Иносказанія или метафоры нужны намъ бываютъ тамъ, гдѣ нѣтъ настоящаго, прямо выражающаго мысль, слова; но когда оное есть, тогда въ иносказаніи часто нѣтъ никакой надобности. Слово *непоступенъ* прилично человѣку,

потому что воля въ немъ, свойственная животному, не токмо не исключается, но паче показуется, утверждается. Можно сказать: *человѣкъ непоступенъ*, то есть твердъ въ намѣреніяхъ своихъ, упоренъ, неподатливъ, непреклоненъ; но не можно сказать: *столпъ непоступенъ*. Въ семъ-то полагаю я многознаменательность и богатство слова сего. Въ самомъ дѣлѣ: слову *непоколебимъ* точно соотвѣтствуютъ иностранныя слова: inebranlable Француское, и unbeweglich Нѣмецкое; но слову *непоступенъ* я не нахожу въ ихъ языкахъ равносильнаго.

Непщевать, мнить, мыслить, почитать: *Непщую бо ничимъ же лишитися преднихъ Апостолъ:* mais j'estime que je n'ai été en rien inférieur aux plus exellens Apôtres (Послан. къ Коринѳ. 2, глава 11, ст. 6). — *Непщую себе блаженна быти:* je m'estime heureux (Дѣян. 26, 2). — *Аще убо что благое въ сій день сотворилъ еси, не отъ себе сіе быти, но отъ самаго Бога вся благая намъ дарующаго непщуя, Тому, сіе восписуй, и благодари: и да тя въ семъ благомъ утвердитъ, и прочая совершити пособитъ, молися* (молитва). — *Мы по худому нашему разуму, таковыя на сіе непщуемъ быти вины* (Патерик. листъ 19). — *Князь же Ростиславъ слышавъ то, не положи на сердцѣ своемъ силы словесъ Преподобнаго* (какое прекрасное выраженіе вмѣсто сего

простаго: *не уважилъ, не послушалъ словъ его*), *и непщуя укоризну его глаголати, а не пророчество, разгнѣвася зѣло* (тамъже).

Низвратить, собственно значитъ опрокинуть, поворотить верхъ-дномъ, (renverser, Франц.) Въ инословномъ же смыслѣ значитъ погубить, ввергнуть въ бѣду, въ нещастіе: *Не убіетъ гладомъ Господь душу праведную, животъ же нечестивыхъ низвратитъ* (Притч. Соломон. глава 10). Маттафія умирая, и оставляя семейство свое посреди разврата и пороковъ, тако увѣщаваетъ оное къ твердому храненію добродѣтелей: *Нынѣ укрѣпися гордыня и обличеніе, и время низвращенія, и гнѣвъ ярости. Мужайтеся убо чада, и возревнуйте закону, и дадите души ваша за завѣтъ отецъ нашихъ* (Маккав. глава 2).

Обонять. Также не всегда страданіе, какъ-то: *Ноздри имутъ и не обоняютъ* (сирѣчь не ощущаютъ запаха Псал. 113); но иногда самое дѣйствіе значитъ, какъ изъ слѣдующихъ примѣровъ явствуетъ: *Благодаряше Бога въ скорбехъ, и къ томужде своихъ сродниковъ поучаше, аки ливанъ во огни обоняющъ представляя* (Патер. житіе Симон. Еписк.). Здѣсь *обоняющъ* значитъ тоже, что *благоухающъ*. Въ предисловіи къ Патерику сказано: *Обаче отъ тѣлесъ лежащихъ нетлѣнно въ пещерахъ, ни едино ароматъ земныхъ обоняніе слышится, кромѣ своего имъ отъ*

Бога даннаго благоуханія: ни едино убо и помазаніе на нихъ есть; но аще бы прежде и было (еже поистиннѣ николи же бѣ), то уже нынѣ обонянію и дѣйству его преставшу, не могли бы доселѣ пребывати нетлѣнны. Здѣсь также обоняніе въ обѣихъ вышепомянутыхъ мѣстахъ значитъ самый запахъ, а не чувствованіе запаха.

Овъ, ово, иной, иное: *Овому талантъ овому два.* — Примѣтимъ мимоходомъ здѣсь, что нѣкоторыя несвойственныя намъ слова, хотя и отъ худаго, но частаго употребленія оныхъ, дѣлаются почти уже общими, и обращаются въ грамматическія для насъ правила; напротивъ того подобныя симъ, каковы суть: *ово*, *зане*, *поне*, *убо*, *иже*, *яко* и проч., вышли совсѣмъ изъ обыкновенія, такъ что кромѣ Славенскаго слога не можемъ, или лучше сказать, не смѣемъ ихъ употреблять. Вопрошаю: пріобрѣтаемъ ли мы чрезъ то, или теряемъ? Сіе поселившееся въ насъ презрѣніе къ нимъ, отъ разсужденія ли происходитъ, основаннаго на разумѣ, или отъ насильства обычая? Чему лучше послѣдовать, разсудку, или привычкѣ? Естьли сіи вопросы не подлежатъ прѣнію; то кажется мнѣ лучше всегда обращаться къ кореннымъ словамъ своимъ, нежели прилѣпляться къ чужимъ, которыя заводятъ насъ въ странныя нелѣпости, и нечувстви-

тельно пріучаютъ и слухъ и умъ нашъ къ онымъ. Считая за невозможность употреблять тѣ слова, кои употребляемы были предками нашими, мы часто принуждены бываемъ чувствовать въ нихъ недостатокъ. Таковыхъ примѣровъ много бы показать можно было, но покажемъ здѣсь хотя одинъ: *Егда же во вся страны изыде о немъ слава, стекахуся къ нему вси, не точію близь живущіи, и отъ странъ далекихъ, имъ же многіе дни путь творити потребно бяше. Иніи несуще къ нему больныя своя, иніи же больнымъ въ домѣхъ лежащимъ просяще здравія, иніи напастьми и скорбьми одержими, иніи же отъ бѣсовъ мучими, и кійждо ихъ не тощъ возвращашеся, но пріимаше овъ цѣльбу, овъ утѣшеніе, овъ пользу, овъ иную кую помощь, и съ радостію отхождаху восвояси, прославляюще Бога* (Чет. мин. житіе Симеона Столпника). Скажемъ сіе нынѣшнимъ нашимъ слогомъ: *Когда же во всѣ стороны слава о немъ разнеслася, тогда собирались къ нему всѣ, не токмо близко живущіе, но и тѣ, которые далеко жили, такъ что имъ надлежало многіе дни быть въ пути. Иные несли къ нему больныхъ своихъ, иные больнымъ въ домахъ лежащимъ просили здравія, иные были изъ нихъ напастьми и скорбьми одержимы, иные недугами мучимы, и каждой не безъ успѣха назадъ возвращался; но иной получалъ исцѣленіе,*

иной утѣшеніе, иной пользу, иной иную какую помощь, и съ радостію отходили домой, прославляя Бога. Мы видимъ, что слово *овъ* здѣсь не лишнее, и что безъ онаго мѣстоименіе *иной*, будучи многократно повторено, могло бы наскучить. Также и въ слѣдующемъ примѣрѣ слово сіе не безобразіе дѣлаетъ, но красоту: *Послѣ жестокихъ оныхъ волненій и обуреваній, колебавшихъ, но не опровергшихъ Церковь Христову, даровалъ онъ ей миръ и тишину отъ внѣшнихъ непріятелей, явилъ новыхъ своихъ въ ней подвижниковъ. Возсіяли свѣтила, украшающія мысленное сіе небо, ово ученіемъ и проповѣдію слова Божія, ово святостію житія и наставленіемъ другихъ къ добродѣтели, ово постомъ и самовольнымъ удрученіемъ тѣла и страстей своихъ, ово различными трудами и подвигами* (Патер.) Тожъ самое можно сказать и о словахъ *зане*, *поне*: первое изъ нихъ значитъ *для того что*, второе *по крайней мѣрѣ*. Оба онѣ по причинѣ краткости своей были бы весьма полезны, естьлибъ мы пріучили къ нимъ слухъ свой; ибо мы не можемъ ихъ никакими другими словами замѣнить, а особливо въ стихахъ, въ которыхъ краткость словъ чрезвычайно нужна, и притомъ не токмо въ оныхъ, но и въ прозѣ въ высокомъ слогѣ слова *по крайней мѣрѣ* и *для того что* не могутъ и не должны быть употребляемы, поелику дѣла-

ютъ стихъ шершавымъ и прозаическимъ. Ломоносовъ, избѣгая многосложныхъ словъ; *который*, *которая*, *которое*, и можетъ быть не довольно смѣлый, чтобъ ввести старинное *иже*, началъ первый вмѣсто оныхъ писать *что*:

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь человѣкъ!

Естьли бы онъ не употребилъ сего средства, отнюдь ни разуму, ни слуху не противнаго, то можетъ быть многія бы прекрасныя выраженія и мысли принужденъ былъ перемѣнить или оставить за тѣмъ, что онѣ въ стихѣ не вмѣщаются. Естьли бы мы отрясши отъ себя мракъ предразсудка, и напитавши умъ свой чтеніемъ Славенскихъ, а не Французскихъ книгъ, начали языкъ свой болѣе любить, то всѣ настоящія и коренныя наши слова перестали бы намъ казаться странными и дикими.

Одождить (faire pleuvoire, Франц.), осыпать чѣмъ, послать что либо въ такомъ изобиліи, какъ дождь: *Одождитъ на грѣшники сѣти: огнь и жупелъ, и духъ буренъ, часть чаши ихъ*: il faira pleuvoir sur les méchans des piéges; du feu et du souffre; et un vent de tempête sera la portion de leur breuvage (Псалм. 11). *И одожди на ня яко прахъ плоти, и яко песокъ морскій птицы пернаты*: et il fit pleuvoire sur

eux de la ch^r abondamment comme de la poussierè, et des oiseaux ailés comme le sable de la mer (Псал. 77). Для чегожъ послѣдуя сему не употреблять сего знаменательнаго слова, какъ напримѣръ: откупъ принесъ имъ великія богатства и одождилъ ихъ золотомъ? Здѣсь хотя Россійскій глаголъ *одождить* имѣетъ точное знаменованіе Французскаго pleuvoir, однако мы не изъ подражанія къ нимъ перевели оный съ ихъ языка, но такъ сказать понятія наши въ семъ случаѣ встрѣтились съ ихъ понятіями. Индѣ же оныя не встрѣчаются, и тогда не по свойству ихъ языка, но по свойству собственнаго своего надлежитъ о словахъ и выраженіяхъ умствовать. Въ доказательство сего смотри въ примѣчаніи подъ словомъ *прозябать* толкованіе о словѣ *сокровище*.

Опасно, значитъ иногда прилѣжно, тщательно: *тѣмже ятся опасно пастырскихъ трудовъ, уча и моля христолюбивое стадо утвержденнымъ быти въ вѣрѣ, и христоподражательно жити* (Патер. листъ 80). — *Исправленіе прологовъ поручено было ученымъ изъ духовнаго чина мужемъ, какъ въ богословіи и церковной исторіи, такъ въ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ искуснымъ съ такимъ наставленіемъ, дабы оныя помянутыя книги разсмотрѣли со всякимъ опаснымъ наблюденіемъ, не имѣется ли въ нихъ чего противнаго*

слову Божію, догматомъ вѣры, и преданіямъ церковнымъ, такожъ сумнительнаго и невѣроятнаго: и ежели что таковое обрящется, представляли бы съ мнѣніемъ Святѣйшему Синоду на разсмотрѣніе.

Огребаться, воздерживаться, уклоняться, избѣгать, удаляться отъ чего: *Возлюбленніи молю яко пришельцы и странники, огребатися* (de vous abstenir) *отъ плотскихъ похотей, яже воюютъ на душу* (Посл. Петр. 1, гл. 2). — *Благъ, кротокъ, смиренъ, и отгребайся отъ всякія злыя вещи* (Чет. мин. листъ 50).

Персть, прахъ, пыль, мѣлкая земля, (Poudre, Фр. staub, Нѣм.): *и будетъ яко персть отъ колесе богатство нечестивыхъ, и аки прахъ летяй.* (Исаія 29, 5). *Созда Богъ человѣка, персть land вземъ отъ земли* (Быт. 11, 7). *Посыпа перстію главу свою, и падъ на землю поклонися Господеви* (Іовъ 1, 22). Отсюду происходитъ слово *перстный*, то есть созданный изъ земли, изъ персти: *Воскресеніе мертвыхъ сѣется въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніе* (le corps est semé corruptible, il ressuscitera incorruptible): *сѣется не въ честь* (il est semé meprisable), *востаетъ въ славѣ: сѣется тѣло душевное* (il est semé corps animal), *востаетъ тѣло духовное* (il ressuscitera corps spirituel). *Есть тѣло душевное, и есть тѣло духовное, тако и писано есть, бысть первый человѣкъ*

Адамъ въ душу живу (le premier homme, Adam, a été fait avec une ame vivante), *последній Адамъ въ духъ животворящъ* (mais le dernier Adam est un esprit vivifiant, Франц. lebendigmachender geist, Нѣм.), *потомъ же духовное* (geistliche). *Первый человѣкъ отъ земли перстенъ*, (то есть отъ праха земнаго: terrestre Фр. irdisch, Нѣм.) *Второй человѣкъ: Господь на небеси*, (то есть небесный, имѣющій власть на небесахъ: le Second homme, qui est le Seigneur, est du ciel, Франц. der ander mensch ist vom himmel, а въ другихъ переводахъ: herr vom himmel, herr aus dem himmel, und ist himmlisch, Нѣм.). *Якòвъ перстный, такови и перстніи; и якòвъ небесный, тацыже и небесніи, и якоже облекохомся во образъ перстнаго, да облечемся и во образъ небеснаго* (Посл. къ Кор. 1, гл. 15). *Человѣкъ есть перстенъ и смертенъ* (Чет. мин. листъ 18).

Поприще. Имя сіе происходитъ отъ слова *пря*; поелику означало опредѣленной длины мѣсто, на которомъ древніе Греки и Римляне собирались подвизаться въ тѣлесныхъ движеніяхъ, споря между собою, или имѣя прю о первенствѣ въ бѣганьи, такъ какъ мы нынѣ конское поприще называемъ *бѣгъ*. Длина, каковую обыкновенно имѣло мѣсто сіе, служила и къ исчисленію разстоянія между двумя извѣстными мѣстами, такъ какъ мы нынѣ исчисляемъ оное посредствомъ верстъ. Протяженіе, называемое поприщемъ

содержало въ себѣ тысячу шаговъ. *Аще кто тя поймѣтъ по силѣ поприще едино, иди съ нимъ два* (Ев. отъ Маѳ. гл. 5). Иногда же подъ словомъ симъ разумѣется и разстояніе времени, какъ изъ слѣдующаго примѣра видѣть можно: *сподоби же насъ и нощное поприще* (то есть всю ночь) *прейти, не искушены отъ злыхъ, и избави насъ отъ всякаго смущенія.* (Молит. на сонъ грядущимъ).

Почить или почивать. Глаголъ сей, пріемлемый въ смыслѣ *покоиться, спать, пребывать безбоязненно или безпечно*, часто съ великою красотою употребляется въ Славенскихъ книгахъ, какъ напримѣръ: *многаго ради милосердія твоего, никогда же отлучайся отъ мене, но всегда во мнѣ почивай, добрый пастырю твоихъ овецъ* (молитва ко Христу святаго Антіоха). *Въ сердцѣ блазѣ мужа почіетъ премудрость.* (Притч. Солом. гл. 14). *Аще убо будетъ ту сынъ міра, почіетъ на немъ міръ вашъ* (Патер. принош. Петру Великому), то есть: спокойствіе, тишина ваша, утвержденная на немъ, аки на не сокрушимомъ столпѣ, надежно пребывать будетъ, какъ бы спящая, или почивающая беззаботно. Сирахъ во гл. 5, увѣщевая закоснѣвшаго во грѣхахъ и не помышляющаго о покаяніи человѣка, говоритъ ему: *не рцы* (о Богѣ): *щедрота его многа есть, множество грѣховъ моихъ очиститъ. Милость бо и гнѣвъ*

у него, и на грѣшницахъ почіетъ ярость его. Здѣсь съ выраженіемъ *почіетъ* сопрягается понятіе, что гнѣвъ или ярость Божія пребудетъ къ грѣшникамъ не умолима, какъ бы уснувшая и не возбуждаемая гласомъ милосердія.

Прелесть. Слово сіе имѣетъ два различныхъ знаменованія. Собственно значитъ оно красоту, пригожество, благообразіе; но какъ не рѣдко бываетъ, что пріятная наружность, приманивая и соблазняя насъ, не даетъ намъ видѣть сокрывающейся подъ нею худой, или гнусной внутренности; того ради подъ тѣмъ же самымъ названіемъ часто разумѣемъ мы обманъ, соблазнъ, коварство, хитрость: *и всю сатанину прелесть отжени отъ мене* (Молит.). Отсюду *прелестными звѣздами* называются тѣ воздушные огни, которые, доколѣ сіяніе ихъ продолжается, кажутся намъ быть ниспадающими звѣздами, кои потомъ исчезаютъ. Іуда въ соборномъ посланіи своемъ, глава 1, говоритъ о нечестивыхъ людяхъ: *сіи суть въ любвахъ вашихъ скверпители, съ вами ядуще, безъ боязни себя пасуще* (se repaissant sans aucune retenue): *Облаци безводни, отъ вѣтръ приносими: древеса Есенна, безплодна, дважды умерша, искоренена: волны свирѣпыя моря, воспѣняюще своя стыдѣнія* (se sont de vagues furieuses de la mer qui jettent l'écume de leurs im-

puretés): *Звѣзды прелестныя, имже мракъ тьмы во вѣки блюдется* (ce sont des étoiles errantes, aux quelles l'obscurité des ténèbres est réservée pour l'éternité). Въ противомысліе сему подъ именемъ *непрелестныхъ звѣздъ* разумѣются настоящія, не обманчивыя звѣзды: *Просіяша преподобніи отцы наши житіемъ своимъ небеснымъ посредѣ песка пещернаго, аки звѣзды непрелестныя.* (Патер. предисловіе къ читателю).

Преподобіе. Кругъ знаменованія слова сего, также какъ и многихъ другихъ, весьма стѣсненъ. Нынѣ оное иначе не употребляется, какъ токмо въ смыслѣ привѣтственнаго названія духовнымъ особамъ, какъ напримѣръ: *Ваше Преподобіе, Преподобный Отецъ* и проч. Корень сего названія происходитъ отъ имени *доба* *). Прежъ сего знаменованіе онаго было гораздо обширнѣе: оно значило *честность, святость, благочестіе, правоту,* и вездѣ въ семъ смыслѣ употреблялось, какъ изъ слѣдующихъ примѣровъ видѣть можно: *въ злобѣ своей отринется нечестивый, надѣяйся же на Господа своимъ Преподобіемъ* (то есть правотою души своей, par son integrité) *праведенъ* (Притч. Солом. гл. 14). — *Совѣтъ добръ сохранитъ тя, помышленіе же преподобное* (то есть честное, праводушное) *соблюдетъ тя* (гл. 2). — *Утвержденіе преподоб-*

*) См. слово сіе въ Академич. Извѣстіяхъ Кн. III, стран. 76.

ному страхъ Господень, сокрушеніе же творящимъ злая : la voie de l'Eternel est la force de l'homme integre ; mais elle est la ruine des ouvriers d'iniquité (гл. 8). Отсюду слова *не преподобное, не подобное*, противное сему имѣютъ знаменованіе, какъ то слѣдующіе примѣры показываютъ: *и разбери прю мою отъ языка непреподобна*, (то есть отъ языка лживаго, неправеднаго). *Отъими отъ насъ всякое мечтаніе неподобное* (то есть лукавое, злое), *и похоть вредну*. Нынѣ конечно многимъ бы показалось странно, ежели бы кто написалъ:

Будь добродѣтеленъ, чуждъ зависти, незлобенъ,
Дѣлами праведенъ, душою преподобенъ.

Но что же есть причиною тому, что слово сіе показалось бы странно? Не иное что, какъ отвычка отъ употребленія онаго. Знаменованіе слова сего соотвѣтствуетъ точно знаменованію Французскаго слова intégrité: почемужъ по Французски integre хорошо, а по Руски *преподобенъ* худо? На какомъ разсужденіи умствованіе сіе основано? На томъ ли, что въ чужемъ языкѣ каждое слово кажется намъ прекрасно, а въ своемъ каждое безобразно? Или на томъ что мы не читая старинныхъ книгъ своихъ не знаемъ всей обширности знаменованія словъ, и потому не умѣемъ ихъ употреблять по пристойности? Обѣ сіи причины весьма сильны и убѣдительны!

Препоясать. Глаголъ сей употребляется въ слѣдующихъ смыслахъ: *Богъ препоясуяй мя силою:* c'est le Dieu fort qui m'environne de force, (Франц. der mich mit Kraft umgürtet, Нѣм. (Псал. 17. 33). — *И препоясалъ мя еси силою на брань:* tu m'a revêtu de force pour le combat.

Прещеніе или запрещеніе. Слово сіе въ обыкновенномъ, что есть въ новѣйшихъ книгахъ наиболѣе употребляемомъ смыслѣ, значитъ возраженіе, не позволеніе; но въ Священномъ Писаніи чаще означаетъ оно гнѣвъ, ярость, угрозы; и хотя оба сіи понятія кажутся одно отъ другаго весьма различествующими, однакожъ они имѣютъ нѣкоторое между собою сходство: ибо и въ первомъ смыслѣ *запрещать*, что есть не позволять, заключаетъ уже въ себѣ мысль о гнѣвѣ, о угрозахъ; поелику несвойственно запрещать что нибудь съ веселымъ и ласковымъ видомъ. Мы увидимъ второе знаменованіе онаго въ слѣдующихъ примѣрахъ: *Увѣровавшимъ убо догматомъ, и заповѣди хранящимъ, будущая благая обѣщаваютъ:* не *увѣровавшимъ же догматомъ, или заповѣди не хранящимъ, будущими претятъ муками.* (Предисл. къ Евангел. отъ Матѳ.). Или: *Господь же Богъ истиненъ есть, той Богъ живущій, и Царь вѣчный: отъ гнѣва Его подвигнется земля, и не стерпятъ языцы прещенія Его:* la terre sera ébranlée par sa colere, et les nations ne pourront

soûtenir son indignation (Iep. гл. 10). Здѣсь не можно оставить безъ примѣчанія красоты и силы сей рѣчи, и какъ слово *подвигнется* знаменательно и важно; — гораздо сильнѣе, нежели потрясется, поколеблется (sera ébranlée); ибо подвигнуться, то есть отступить отъ ужаса назадъ, заключаетъ уже въ себѣ понятіе о трепетѣ, о дрожаніи; напротивъ того поколебаніе, потрясеніе, хотя и означаетъ страхъ, однакожъ не сопрягаетъ вмѣстѣ съ собою понятія о толь естественномъ движеніи, которое мы при возчувствованіи ужаса дѣлаемъ, то есть съ трепетомъ отступаемъ вспять. Въ девятой главѣ дѣяній Апостольскихъ, сказано: *Саулъ дыхая прещеніемъ и убійствомъ.* Ломоносовъ весьма прилично слово сіе въ семъ знаменованіи употребилъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Претящимъ окомъ Вседержитель
Воззрѣвъ на полкъ вечерній, рекъ:
О дерзкій мира нарушитель,
Ты мечъ противъ меня извлекъ!

Естьли бы здѣсь выраженіе *претящимъ окомъ* не соединяло въ себѣ обѣихъ вышесказанныхъ понятій, а значило бы токмо одно первое, сирѣчь *непозволяющимъ,* то бы сила сего перваго стиха гораздо была слабѣе; ибо восклицаніе третьяго стиха: *о дерзкій мира нарушитель!* показываетъ такой пылъ гнѣва, которому слово *претящій*,

естьлибъ оно значило токмо *непозволяющій*, недовольно бы соотвѣтствовало; и когда бы Ломоносовъ не зналъ всей обширности знаменованія сего слова, тогда бы вмѣсто онаго принужденъ былъ искать равносильное ему, какъ напримѣръ: *гнѣвнымъ*, или *грознымъ*, или *ярóстнымъ*; но всѣ сіи слова, будучи Хореи, не могли бы составить начала Ямбическаго стиха; *сердитымъ же* было бы низко: и такъ не научась знаменованію словъ изъ Священнаго Писанія, долженъ бы онъ былъ по неволѣ, и можетъ быть съ худшимъ успѣхомъ, перемѣнить прекрасный составъ сего стиха. Сіе одно уже показываетъ, сколь нужно стихотворцу и всякому въ словесности упражняющемуся писателю почерпать силу и красоту слога изъ церковныхъ или старинныхъ Славенскихъ книгъ, а не изъ Французскихъ авторовъ, которые могутъ насъ научить по Французски; но нѣтъ ничего безумнѣе и смѣшнѣе, какъ учиться у нихъ красотѣ Россійскаго языка.

Примириться. Глаголъ сей употребляется съ предложнымъ падежемъ: *примириться съ кѣмъ*; однако же можетъ оный сочиняться и съ дательнымъ падежемъ: *примириться кому*, какъ изъ слѣдующаго примѣра видѣть можно: *аще бо врази бывше примирихомся Богу смертію Сына Его, мно-*

жае паче примиривщеся, спасемся въ животѣ его. (Рим. гл. 5).

Притчникъ, кто притчами говоритъ, притчи пишетъ: *вѣнецъ премудрыхъ богатство ихъ, Притчникъ глаголетъ* (Патер. житіе Св. Еразма).

Прозябать. Глаголъ сей, толико прекрасный и многозначущій, нынѣшними писателями рѣдко употребляется, потому, что разумъ онаго заключенъ въ предѣлы гораздо тѣснѣйшіе, нежели въ какихъ мы его въ Священномъ Писаніи находимъ. Нынѣ наиболѣе извѣстенъ онъ въ самомъ токмо простомъ смыслѣ своемъ, то есть: быть проницаему отъ стужи. Другія же знаменованія онаго новомоднымъ писателямъ, учащимся краснорѣчію Россійскаго языка изъ книгъ Францускихъ, мало или со всѣмъ не извѣстны. Въ Славенскихъ книгахъ употребляется онъ иногда въ дѣйствительномъ залогѣ, а иногда въ среднемъ или страдательномъ. Въ первомъ случаѣ значитъ: дѣлать землю плодородною, производить одну какую либо вещь изъ другой какой либо вещи; во второмъ произрастать, исходить изъ земли, или изъ чего инаго. Примѣры первому: *одѣвающему небо облаки* (пойте Богу), *уготовляющему земли дождь, прозябающему на горахъ траву скотомъ* (qui fait produire le foin aux montagnes), *и злакъ на службу человѣкомъ*

(Псал. 146). И въ другомъ мѣстѣ: *яко земля растящая цвѣтъ свой, и яко вертоградъ сѣмена своя прозябаетъ* (et comme un jardin fait germer les choses qui y sont semées): *тако возраститъ Господь правду* (Исаія гл. 61). Такъже и въ молитвѣ къ Богоматери: *что тя наречемъ, о благодатная? Небо, яко возсіяла еси Солнце правды; Рай, яко прозябла еси цвѣтъ нетлѣнія.* Примѣры второму: *Яко листъ расплоцаяся на древѣ частѣ, овъ убо спадаетъ, другій же прозябаетъ* (Сир. гл. 14). У Исаіи Богъ глаголетъ Іакову: *наложу духъ Мой на сѣмя твое, и благословенія Моя на чада твоя, и прозябнутъ аки трава посредѣ воды, и яко верба при водѣ текущей* (гл. 44). Въ притчахъ Соломоновыхъ вмѣсто, чтобъ сказать: жизнь человѣка, любящаго истину и благими дѣлами себя украшающаго, процвѣтаетъ на подобіе древа, въ тучной землѣ растущаго — сказано: *отъ плода правды древо жизни прозябаетъ.* Какое краткое и прекрасное выраженіе! — Въ вышесказанныхъ примѣрахъ глаголъ сей употребленъ, говоря о земныхъ произрастѣніяхъ; но понятіе онаго распространяется и на другія вещи, какъ изъ слѣдующихъ примѣровъ видѣть можно: *сердца моего струпы, отъ многихъ грѣховъ прозябшія ми, исцѣли, Спасе, яко душъ и тѣлесъ врачъ, и подая просящимъ прегрѣшеній прощеніе* (молитвен.). И въ дру-

гомъ мѣстѣ: *а понеже по сихъ хотяху ереси прозябнути,, и обычаи наши растлити, благоволи написатися благовѣстіямъ, да отъ сихъ учими истинѣ, не прельщаемся отъ ложныхъ ересей, ниже всеконечно растлятся обычаи наши* (предисл. къ Еван. отъ Матѳ.). Здѣсь *прозябнуть* хотя тоже самое значитъ, что и прежде, сирѣчь: *возникнуть, возрасти;* но относится уже не къ растѣніямъ, а къ *ересямъ*, то есть, къ безтѣлеснымъ вещамъ или страстямъ, и слѣдовательно смыслъ онаго увеличенъ или распространенъ. Разсматривая силу слова сего всякъ согласится, что оно въ семъ смыслѣ подходитъ весьма близко къ тому понятію, которое Французы изображаютъ словами éclore, se developer. — Мы нынѣ послѣднее изъ сихъ чужестранныхъ названій переводимъ нововымышленнымъ словомъ *развитіе*. Откулѣ взято оное и отъ какихъ началъ происходитъ? — Есть ли отъ одного произволенія, не основаннаго ни на какомъ разсудкѣ, такъ это не послѣдованія, но посмѣянія достойно; буде же бы кто сталъ утверждать, что слово сіе нужно въ нашемъ языкѣ и есть точный переводъ Французскаго глагола developer, то во первыхъ дѣлать таковые переводы не значитъ ли учиться Рускому языку изъ книгъ Французскихъ? Во вторыхъ надлежитъ доказать, что во всемъ Россійскомъ языкѣ нѣтъ

ни одного названія, которое бы заключающееся въ словѣ developer понятіе выражать могло; иначе было бы сіе не знать языка своего и гоняться за чужимъ, похоже на то, какъ бы кто, имѣя у себя полныя житницы хлѣба, и не вѣдая о томъ, сталъ у бѣднаго сосѣда своего просить подаянія. Естьли мы, не разсуждая о знаменованіяхъ и производствахъ коренныхъ словъ своихъ, станемъ переводить ихъ по точному составу Французскихъ словъ, и рѣчи свои располагать по ихъ рѣчамъ; то вмѣсто чистоты и обогащенія языка своего, будемъ оный портить; ибо défiler, dénicher etc. станемъ переводить: *разпрясть*, *разгнѣздить* и проч. — вмѣсто *страстный игрокъ*, un joueur déterminé, станемъ писать *игрокъ опредѣленный*: кто жъ будетъ разумѣть насъ? Французы глаголомъ своимъ déveloper изображаютъ перемѣну состоянія вещи, бывшей прежде envelopé. Когда они говорятъ: l'ésprit se dévelope; то воображаютъ, что онъ прежде былъ envelopé dans un certain chaos, и потомъ мало по малу началъ оказываться, или распускаться, на подобіе цвѣтка. Переводя слово сіе *развитіемъ*, и говоря: *разумъ его начинаетъ развиваться*, по смыслу слова сего должны мы воображать, что онъ прежде былъ *свитъ*; естественно ли представить себѣ *свитой* разумъ? Для чего Фран-

цузы не говорятъ: son esprit commence à se détordre? Для того, что сіе не употребительно, и слѣдовательно не будетъ имѣть ни силы той, ни смысла. Но глаголъ détordre ближе подходитъ къ нашему глаголу *развивать*, нежели глаголъ déveloper; какъ же вводимъ мы съ Французскаго языка въ Руской такое выраженіе, которое сами Французы на своемъ языкѣ употреблять сочли бы за безобразіе? — По истиннѣ разумъ и слухъ мой страдаютъ, когда мнѣ говорятъ: *Ночныя бесѣды, въ которыхъ развивались первыя мои метафизическія понятія;* напротивъ того я весьма охотно слушаю, когда въ простой пѣснѣ поютъ:

Заплѣтися, плѣтень, заплѣтися,
Ты развѣйся камка хрущетая.

Здѣсь развиваніе камки я понимаю; но чтобъ постигнуть *развиваніе понятій*, признаюсь, что на этотъ разъ умъ мой *не развивается*, и остается тѣмъ же *свитымъ*, какимъ прежде былъ. Ломоносовъ употребилъ слово претящій (см. прещеніе) въ такомъ смыслѣ, въ какомъ никто изъ новѣйшихъ писателей не употреблялъ оное; однако онъ не изъ Французскихъ книгъ перевелъ его, а взялъ изъ Священнаго Писанія. Слова получаютъ силу отъ долговременнаго употребленія ихъ; изобрѣтать и распростра-

нять знаменованіе оныхъ есть дѣло искусныхъ писателей, знающихъ корни языка своего и умѣющихъ производить отъ нихъ сродныя имъ отрасли, которыя, хотя при первомъ появленіи своемъ и кажутся для отвыкшихъ отъ нихъ ушей нѣсколько странны, но вскорѣ, по отысканіи источника ихъ, становятся понятны разуму и пріятны слуху. Для чего въ вышесказанной рѣчи: *ночныя бесѣды, въ которыхъ развивались первыя мои метафизическія понятія*, вмѣсто *развивались*, не сказать: въ которыхъ первыя мои понятія *прозябали*? — Мы выше сего видѣли, что слово прозябать тоже самое значитъ; ибо естьли о ересяхъ говорится прозябаютъ, то и о понятіяхъ тоже сказать можно. Буде сочиняя Рускія книги надобно непремѣнно не по своему думать, но по Французски, и все свое вниманіе токмо на то устремлять, какъ бы какое ихъ слово или понятіе выразить ближе, какъ будто не знавъ языка ихъ, не возможно намъ быть краснорѣчивыми писателями; то по крайней мѣрѣ не льзя же сколько нибудь не помышлять и о своемъ языкѣ. Пусть такъ, что лишь только примемся мы за перо; то первая встрѣчающаяся намъ мысль есть сія, или сему подобная: какъ перевесть глаголъ développer? какъ прославившагося подвигами своими мужа, послѣдуя Французскимъ

писашелямъ, уподобишь *актеру* вышедшему *на сцену*, играющему *тонкую* или *занимательную роль* и всѣхъ взоры въ себѣ *сосредотогивающему*? Не льзя ли во всякую строку, къ сшашѣ или не къ сшашѣ, помѣсшишь *вкусъ*, *предметъ*, *картина*, *моральность*, *потребность*? И наконецъ какъ бы сказашь: abbé, madame, papa, mama и проч.? *). Когда уже

*) Не дивно, что худые писашели, изъ сочиненій которыхъ видно, что они о грамашическихъ правилахъ не имѣюшъ ни малѣйшаго понятія, и съ роду никакой Руской книги не читывали, наполняюшъ писанія свои симъ нелѣпымъ съ Францускаго языка переводомъ рѣчей; но удивительно, что примѣчаюшся у насъ шакіе сочинишели, которымъ надлежишъ отдать справедливость, что они отъ природы одарены краснорѣчіемъ, и вообще слогъ ихъ гладокъ, плавенъ и чисшъ; но и шѣ не могушъ воздержашься, чшобъ иногда чуждое и несвойсшвенное намъ не принять за прекрасное и свое. Толико-шо излишнее упоеніе ума своего чтеніемъ иностранныхъ книгъ отнимаетъ у сочинителя способность быть совершенно сильну на своемъ языкѣ! Между шѣмъ, сіи хошя и впадаюшъ иногда въ погрѣшносши, однакожъ во многихъ другихъ мѣсшахъ сочиненій своихъ награждаюшъ они недосташки свои природнымъ краснорѣчіемъ и плавносшію слога; но сожалѣнія досшойно что шѣ, въ кошорыхъ горишъ охоша къ словесносши, не имѣя еще шакого, какъ они, дара писашь, подражаюшъ имъ не въ шомъ, что въ нихъ похвально, а въ шомъ, что въ нихъ предосудишельно. Переводишь не шокмо цѣлыя рѣчи, но даже и однѣ слова, по шочному ихъ знаменованію на чужомъ языкѣ, есшь безобразишь языкъ свой, ошнимашь у него всю красошу, силу и дѣлашь его невразумишельнымъ; ибо есшьли мы хошя нѣсколько разсудимъ, шо увидимъ, что каждой народъ въ сосшавленіи языка своего умсшвовалъ по собсшвеннымъ своимъ поняшіямъ, весьма различнымъ ошъ другаго народа: мы напримѣръ слово *сокровище* произвели ошъ глагола *сокрывать*, разсуждая, что

пристрастіе наше ни коимъ образомъ не можетъ миновать сего камня претыканія, то по малой мѣрѣ надлежитъ хоть изрѣдка заглядывать въ свои книги, сообразоваться съ употребленіемъ, и прежде, нежели приступимъ мы къ выдумыванію новыхъ словъ, посмотрѣть: нѣтъ ли старыхъ, тотъже самый смыслъ въ себѣ заключающихъ? Понятіе глагола developer не есть такое особ-

---

чѣмъ драгоцѣннѣе какая вещь, тѣмъ рачительнѣе стараются сохранять, или сокрывать оную. По сему понятію нашему всякое богатство или рѣдкую и драгоцѣнную вещь называемъ мы *сокровищемъ*. Французы напротивъ того, умствуя иначе, произвели названіе сіе отъ имени *or*, *золото*, сложа оное съ предлогомъ *tres*, соотвѣтствующимъ нашему предлогу *пре*, или нарѣчію *весьма*. Итакъ по ихъ понятію *tresor*, то есть сокровище, есть вещь превосходнѣйшая или дражайшая золота. — Намъ свойственно отъ нашего названія *сокровище* произвести глаголъ *сокровиществовать*, котораго они отъ своего названія произвести не могутъ. Имъ же свойственно отъ ихъ названія *tresor* произвести имя *tresorier*, котораго мы отъ нашего названія произвести не можемъ. Отсюду явствуетъ, что не токмо отрасли, происходящія отъ корней словъ, но и самыя соотвѣтствующія въ двухъ языкахъ слова, хотя одно и тожъ понятіе выражаютъ, но по различнымъ умствованіямъ составлены и отъ разныхъ источниковъ проистекаютъ. Можетъ ли же быть обогащеніемъ языка и красотою слога, когда мы не своихъ словъ знаменованіе толковать, не отъ нихъ сродныя имъ отрасли производить, но по точности смысла чужестранныхъ словъ переводить ихъ и въ нашъ языкъ принимать будемъ? — Хорошо, что слово сокровище часто въ книгахъ и въ простыхъ разговорахъ употребляется, и потому знаменованіе онаго извѣстно всякому даже и безграмотному человѣку; но естьли бы оно по причинѣ рѣдкаго въ простыхъ разговорахъ употребленія своего, такъ напримѣръ, какъ

ливое, которое бы одному шокмо Французу пришло въ голову; оно есть весьма общее. Мало ли у насъ шакихъ словъ, которыя совершенно его выражаютъ? Мы говоримъ: лѣсъ *раскидывается*, цвѣтокъ *распускается*. Въ приведенномъ выше сего примѣрѣ изъ Сираха сказано: *Яко листъ расплощаяся на древѣ частѣ, овѣ убо спадаетъ, другій же прозябаетъ.* Что значитъ здѣсь *расплощаться?* Листъ

слова *угобзиться, непщевать, доблесть, прозябать, водчество, свѣтоносный* и сему подобныя, токмо тѣмъ извѣстно было, которые прилѣжно въ языкѣ своемъ упражняются; то какимъ бы надлежало счесть того переводчика, которой бы нашедъ во Французской книгѣ слово *tresor*, по не искусству своему въ природномъ языкѣ своемъ, не знавъ о малоупотребительномъ словѣ *сокровище*, вздумалъ перевесть его точно противъ Французскаго, *презлато?* Надлежало ли бы въ томъ ему послѣдовать и принимать слогъ его за образецъ краснорѣчія? Но что я предполагаю такова переводчика, которой бы не знавъ слова *сокровище*, назвалъ, или перевелъ его *презлатомъ?* Предположеніе сіе какъ ни странно, однакожъ оно не есть пустое мечтаніе, но дѣло на яву совершающееся. Въ книгѣ, называющей себя *опытомъ всеобщей словесности, и первою классическою на Рускомъ языкѣ*, читаемъ мы слѣдующее: „*слово Литтература будетъ на Рускомъ не столько Словесность сколько Любословіе, наука Письменъ, и чи ближе къ переводу, если позволятъ назвать, Письменность; наука, которая посредствомъ литтеръ (то есть буквъ или письменъ) изображаетъ заимственные предметы изъ природы усовершенствованной, вкуса, воображенія. Принявъ слово сіе, можно назвать Литтератора письменнымъ человѣкомъ.* Не ясно ли изъ сего видѣть можно, что мы съ такимъ затмѣніемъ ума привязываемся къ переводу словъ съ чужестраннаго языка, что тѣ названія наши, которыя не одинакій имѣютъ корень съ чужестранными названіями, кажутся уже намъ не имѣющими никакой силы. Французское съ Латин-

расплощается, то есть изъ свернутаго пучка развертывается, становится плоскимъ. Всѣ сіи понятія не суть ли тѣ самыя, которыя Французы изображаютъ глаголомъ developer? На чтожъ намъ онъ, и какая нужда вводить для него новое слово *развивается*, со всемъ не выражающее той мысли, которую мы выразить хотимъ, и которая во многихъ писаніяхъ по свойству языка

скаго языка взятое ими слово *литтература*, происходящее отъ имени *litterae*, письмена или буквы, изображаетъ въ ихъ языкѣ тожъ самое понятіе, какое въ нашемъ языкѣ изображаемъ мы названіемъ словесность: на чтоже намъ чужое слово, когда у насъ есть свое? Но мы не довольствуемся еще тѣмъ, что имѣя свое названіе употребляемъ чужое; нѣтъ! мы даже не хотимъ въ своемъ названіи признавать ни какого знаменованія, ни силы; потому токмо, что оно не отъ одинакаго происходитъ корня съ Французскимъ названіемъ, и для того выдумываемъ новое слово *письменность*, которое въ Россійскомъ языкѣ столь же обширный смыслъ имѣетъ, какъ *полотняность*, *бумажность*, *грибовность*, и проч. *Любословіе* ни когда не можетъ значить *словесность*, но *любовь къ словесности*, или паче *словоохотливость*, *говорливость*. По свойству языка нашего *письменный человѣкъ* и *пшеничный пирогъ* не иное что значитъ, какъ то, что одинъ изъ нихъ составленъ изъ письменъ или буквъ (естьли бы то возможно было), а другой сдѣланъ изъ пшеницы. Удивительно, въ какое заблужденіе заводитъ насъ слѣпая наша привязанность къ Французскому языку! Какъ не подумаемъ мы, что естьли наше названіе *словесность* не имѣетъ полнаго знаменованія, заключающагося въ словѣ *литтература*, потому что происходитъ отъ имени *слово*, а не отъ имени *письмо*; то и Французское названіе *литтература* не имѣетъ полной силы нашего названія *словесность*, потому что происходитъ отъ имени *письмо*, а не отъ имени *слово*: для чегожъ Французы не перемѣняютъ сво-

нашего давно уже выражена и долговременнымъ употребленіемъ утверждена? Можетъ быть въ возраженіе скажутъ мнѣ: не ужъ ли писать: *умъ расплощается?* Не спорю, что выраженіе сіе покажется дико, но меньше ли дико: *умъ развивается?* Въ Икосѣ къ Богородицѣ сказано о Христѣ: *изъ безсѣменныя прозябъ утробы:* не ужъ ли лучше и понятнѣе будетъ, ежели мы скажемъ: *изъ*

его названія, и вмѣсто литтературы, послѣдуя имъ, не пишутъ *пароллетура*, производя оное отъ имени *parole, слово?* — Вся надобность переименованія *словесности* на *письменность* состоитъ, по словамъ самого вышеупомянутыхъ строкъ сочинителя, въ томъ, чтобъ *подойти ближе къ переводу*. Да какая нужда подходить ближе къ переводу? Не ужъ ли должно намъ всѣ слова свои по ихъ словамъ передѣлать? Письмо называть буквою для того, что у нихъ называется оно *lettre?* Слова: *писать, писарь,* и *писаніе* оставить по прежнему, для того что у нихъ говорится; *ecrire, ecrivaine, écriture*; а слова: *писецъ, писака, письмоводитель писатель*, выключить изъ языка для того, что у нихъ не могутъ они происходить отъ глагола *ecrire?* — Я не знаю, изображаетъ ли словесность *заимственные предметы изъ природы усовершенствованной, вкуса, воображенія?* — Это опредѣленіе для неутонченнаго ума моего слишкомъ глубокомысленно; но вѣдаю, что слова не иное что суть, какъ общенародные мыслей нашихъ знаки, подъ которыми каждый народъ принялъ или условился разумѣть видимыя имъ тѣлесными или умственными очами вещи. Напримѣръ: свѣтило дня всему міру видно. Французы, увидя оное, назвали его *soleil;* Нѣмцы, *sonne;* Рускіе *солнце*. Всѣ сіи три слова изображаютъ одну и тужъ самую вещь; слѣдовательно и знаменованіе сихъ словъ, или понятіе, заключающееся въ оныхъ, есть совершенно одинакое. Итакъ можно ли, безъ страннаго и слѣпаго къ Французскому языку предубѣжденія, думать и утверждать, что въ словѣ *soleil* заключается нѣчто больше, чемъ въ словѣ *солнце?*

безсѣменныя развился утробы? Когда хочешь быть писателемъ, умѣй употреблять слова такъ, чтобъ оныя не казались дики. Одно и тожъ самое понятіе въ одномъ мѣстѣ прилично изобразить такимъ, а въ другомъ мѣстѣ другимъ словомъ. Языкъ нашъ богатъ: скудость знанія нашего въ немъ не есть скудость языка. Совѣтуйся съ разсудкомъ, съ знаменованіемъ словъ, съ употребленіемъ оныхъ, съ свойственными намъ оборотами рѣчей; совѣтуйся и выбирай. Впрочемъ для выраженія какой либо мысли лучше поставить, хотя и старое, но коренное Россійское слово, нежели новопереведенное съ Французскаго или инаго языка. Естьли читатель не будетъ тебя разумѣть, онъ виноватъ, а не ты: отвычка отъ чтенія книгъ своихъ и незнаніе природнаго языка своего, есть такое же невѣжество, какъ и рабственное чужому языку подражаніе. Прилично и нужно наблюдать равенство слога, то есть не смѣшивать низкихъ словъ съ высокими, шутливыхъ рѣчей съ важными, замысловатыхъ выраженій съ весьма простыми; но не должно никогда смотрѣть на тѣхъ, которые нашедъ въ книгѣ какое нибудь неизвѣстное имъ слово, востаютъ противъ него, не утверждаясь ни на какомъ другомъ разсужденіи, кромѣ того, что имъ нигдѣ не случалось онаго

слышать; но мудрено ли сіе? Во первыхъ таковыя слова никогда въ обыкновенныхъ разговорахъ не употребляются. Во вторыхъ, не токмо тотъ, кто мало читаетъ, или читаетъ Французскія книги, а не свои; но и тотъ, кто много упражняется въ чтеніи, по причинѣ великаго изобилія и богатства языка нашего, не скоро получитъ въ немъ глубокій искусъ и свѣденіе. Выше сего разсуждали мы, что какъ знаменованіе каждаго слова, чрезъ долговременное въ разныхъ смыслахъ употребленіе онаго, распространяется на подобіе круга, раждающагося отъ брошеннаго въ воду камня; такъ напротивъ того, чрезъ всегдашнее употребленіе онаго въ одномъ, и весьма рѣдкое въ другомъ смыслѣ, сей послѣдній смыслъ его приходитъ въ забвеніе, и слѣдовательно кругъ знаменованія сего слова уменьшается. Напримѣръ всякому понятно слово *безпутный*, но чтожъ разумѣетъ онъ подъ симъ? *Худой*, *негодный*, какъ-то: *безпутный человѣкъ*, *безпутная женщина*, и проч. Въ семъ смыслѣ, говорю, всякому извѣстно оное потому, что часто употребляется; но когда мы вдругъ прочитаемъ: *въ безпутныя пустыни скрыться*; тогда рѣдкое въ семъ смыслѣ употребленіе сего слова останавливаетъ понятіе наше, какъ бы при услышаніи чего нибудь необыкновеннаго или страннаго. Между тѣмъ,

когда мы вникнемъ въ коренной составъ сего слова, то оное отнюдь не будетъ намъ казаться дико; ибо что значитъ оно въ семъ смыслѣ? Не иное что, какъ необитаемую, непроходную пустыню, въ которой нѣтъ путей, ни слѣдовъ человѣческихъ. Малая весьма привычка познакомитъ насъ съ симъ знаменованіемъ его, и вскорѣ *безпутная пустыня* столько же будетъ намъ вразумительно, какъ и *безпутный человѣкъ*. Слово *зодчій* есть настоящее Руское, происходящее отъ глагола *созидать*; но ежели бы кто въ разговорахъ сказалъ: *я нанялъ зодчаго строить домъ*, то вѣрно бы многіе нашлись у насъ такіе, которые бы спросили: ково онъ нанялъ? а другіе бы съ насмѣшкою сказали: онъ говоритъ страннымъ языкомъ! Итакъ разговаривая съ Рускими и по Руски, надлежитъ непремѣнно употреблять иностранныя слова: *я нанялъ архитектора строить домъ*. Сія ненависть къ языку своему (а съ нимъ по немногу, постепенно, и къ родству и къ обычаямъ и къ вѣрѣ и къ отечеству) уже такъ сильно вкоренилась въ насъ, что мы видимъ множество отцевъ и матерей радующихся и утѣшающихся, когда дѣти ихъ, не умѣя порядочно грамотѣ, лепечутъ полурускимъ языкомъ; когда они вмѣсто зданіе говорятъ *едифисъ*; вмѣсто меня удивило, меня *фрапировало* и проч.

Я самъ слышалъ одного дядю, которой племянника своего, называвшаго людей его слугами, училъ, чтобъ онъ впредь отъ этова простонароднаго названія отвыкалъ, утверждая, что между знающими свѣтское обращеніе людьми, никогда не говорится *слуга*, а всегда *лакей*. Какъ нынѣ смѣшонъ и страненъ покажется тотъ пріѣзжій, развѣ изъ глухой деревни отецъ, которой съ неосторожностію молвитъ: *у меня дѣтей моихъ грамотѣ обучаетъ Руской Попъ, а воспитываю ихъ я самъ!* Напротивъ того, какъ благороденъ и просвѣщенъ тотъ, которой съ остроуміемъ скажетъ: *какъ я щастливъ! я отдалъ севодни дѣтей моихъ на воспитаніе Французскому Аббату.* — Я чувствую, что здѣсь въ тысячу голосовъ возопіютъ на меня: сумасшедшій! что ты бредишъ? да есть ли у насъ такіе учители, которымъ бы воспитаніе дѣтей поручить можно было? — Изъ сихъ тысячи голосовъ я отвѣчаю токмо нѣкоторымъ: во первыхъ, я подъ именемъ воспитанія разумѣю больше *полезный отечеству духъ*, нежели *ловкое тѣлодвиженіе*, во вторыхъ, доколѣ не перестанемъ мы ненавидѣть свое и любить чужое, до тѣхъ поръ ничего у насъ не будетъ. Англичанинъ не гоняется за Французскимъ воспитаніемъ и за языкомъ ихъ, не нанимаетъ кучеровъ ихъ учить себя, но онъ Англичанинъ: дѣ-

лами искусенъ, словами краснорѣчивъ, нравомъ добръ, и свѣтскимъ обращеніемъ пріятенъ по своему. Народъ, которой все перенимаетъ у другаго народа, его воспитанію, его одеждѣ, его обычаямъ послѣдуетъ; такой народъ уничижаетъ себя и теряетъ собственное свое достоинство; онъ не смѣетъ быть господиномъ, онъ рабствуетъ, онъ носитъ оковы его, и оковы тѣмъ крѣпчайшіе, что не гнушается ими, но почитаетъ ихъ своимъ украшеніемъ. — Я отступилъ нѣсколько отъ того, о чемъ рѣчь была, и для того снова къ тому обращаюсь. Употребленіе чужестранныхъ названій препятствуетъ распространенію знаменованія собственныхъ словъ нашихъ, и даже приводитъ ихъ въ бабвеніе: напримѣръ, ежели бы кто сказалъ: *этотъ домъ стоитъ лицомъ на улицу,* мы бы разумѣли, что онъ *не задомъ и не бокомъ* стоитъ на улицу; слѣдовательно въ семъ разумѣ слово *лице* весьма бы ясно понимали; но ежели бы кто написалъ: *лице дома,* или *домъ этотъ имѣетъ шестьдесятъ саженъ въ лицѣ,* многимъ бы показалось сіе, ежели не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ не такъ вразумительно, какъ *фасадъ дома,* или *домъ этотъ имѣетъ шестьдесятъ саженъ въ фасадѣ.* Отъ чегожъ происходитъ сіе? Отъ привычки къ употребленію чужестранныхъ словъ, которая обыкновенно соединена бы-

ваетъ съ отвычкою отъ своихъ собственныхъ. Естьлибъ мы оставя чужое слово *фасадъ*, стали употреблять свое собственное *лице*; то бы смыслъ онаго во всѣхъ оборотахъ рѣчей сдѣлался и обширнѣе и знаменательнѣе. Введеніе въ свой языкъ иностранныхъ словъ, а еще болѣе составленіе своихъ новыхъ по образу и понятіямъ чуждаго народа, всегда будетъ безобразно, хотя бы общее употребленіе и утвердило ихъ; напротивъ того возвращеніе къ кореннымъ словамъ своимъ, и употребленіе оныхъ по собственнымъ своимъ о вещахъ понятіямъ, всегда обогащаетъ языкъ, хотя бы оныя по отвычкѣ отъ нихъ нашей сначала и показались намъ нѣсколько дики. До заведенія Намѣстничествъ мы не употребляли словъ: *Намѣстникъ*, *Исправникъ*, *Приставъ*, *Засѣдатель*, *Предсѣдатель* и проч. Тогда они были нѣсколько новы, но теперь кто не употребляетъ ихъ даже и въ самыхъ простыхъ разговорахъ? Естьли бы кто нынѣ *Фельдмаршала* началъ называть *Воеводою*, то конечно, по отвычкѣ нашей отъ сего слова, сначала показалось бы оное нѣсколько странно; но при малѣйшемъ употребленіи онаго странность сія тотчасъ бы исчезла; ибо когда мы вникнемъ въ сложеніе сего чужестраннаго названія, происходящаго отъ Нѣмецкаго слова feld, поле, и отъ Французскаго

marcher, ходить; то безъ сомнѣнія почувствуемъ, что Россійское имя *Воевода*, составленное изъ словъ *водитъ полки* или *вои*, выражаетъ несравненно лучше то понятіе, которое заключается въ словѣ *Фельдмаршалъ*. Итакъ что, кромѣ одной привычки, убѣждаетъ насъ предпочитать иностранное названіе своему собственному, знаменованіемъ гораздо сильнѣйшему онаго? Но должна ли привычка, вещь удобопремѣнная и неоснованная ни на какомъ разумѣ, торжествовать надъ здравымъ разсудкомъ? Подобныхъ примѣровъ можно бы было привесть здѣсь множество. Сія-то безразсудная привычка наша къ употребленію чужестранныхъ словъ и рѣчей есть причиною, что многія неизвѣстныя намъ, по не упражненію нашему въ чтеніи книгъ церковныхъ, слова, весьма впрочемъ сильныя и знаменательныя, кажутся намъ неудобоупотребительными и странными; но мы весьма худо разсуждать будемъ, ежели неприличность или худость словъ станемъ доказывать отвычкою нашею отъ оныхъ. Вольно намъ вмѣсто: *плясать въ ладъ*, говорить: *танцовать въ такту*. Вольно намъ оставить краткое слово *зане*, и вмѣсто онаго употреблять три слова: *для того что*. Вольно намъ пренебрегать слово *гонецъ*, и вмѣсто онаго говорить *курьеръ*. Вольно намъ книго-

хранишельницу называшь *библіотекою*, бойницу *батареею*, бойца или единоборца *гладіаторомъ*, писателя *авторомъ*, повѣрье *модою* и проч. Вольно намъ съ Французскаго языка накропать кучу новыхъ, мнимо Рускихъ, ничего незначащихъ словъ; а многія старыя, многозначащія, прекрасныя и сильныя слова, или совсѣмъ оставить, или обширное знаменованіе ихъ, содержащее въ себѣ множество смѣжныхъ и близкихъ между собою понятій, заключить въ тѣсные и скудные предѣлы. Всѣ таковыя слова одичали для насъ и кажутся намъ не довольно знаменательными отъ того, что мы вмѣсто ихъ употребляемъ чужестранныя. Естьли бы истребилась въ насъ сія постыдная зараза; естьлибъ мы въ обществахъ и на улицахъ стыдились разговаривать не своимъ языкомъ; естьли бы вперяли въ дѣтей своихъ, что всякъ знающій чужой языкъ основательно, а свой поверхностно, есть не иное что, какъ попугай; тогда бы мы силу языка своего лучше знали, нежели нынѣ ее знаемъ; тогда бы можетъ быть и другія многія глупости и обезьянства отъ насъ отстали. Духъ честолюбія воспрянулъ бы въ насъ, и мы бы свергнувъ съ себя иго подражанія, сказали: мы сами хотимъ быть образцомъ для другихъ.

Разорять. Глаголъ сей значащій разломать, разрушить, употребляется говоря какъ о вещественныхъ, такъ и невещественныхъ вещахъ: *разорить городъ, стѣну, башню* и проч.; также *разорить надежду, сомнѣніе, страхъ* и проч. *Молю, Дѣво, душевное смущеніе и печали моея бурю разорити* (Молитва Богородицѣ). — *Но какое единство сохраняетъ, какую любовь соблюдаетъ, или помышляетъ той, который безумствуя неистовствомъ несогласія, раздираетъ церковь, вѣру разоряетъ, миръ возмущаетъ, любовь растогаетъ, таинство оскверняетъ* (избран. сочиненія Кипріяна стран. 25).

Растворять, разводить одну какую нибудь жидкость другою, смѣшивать двѣ или многія вещи во едино, отъ чего качества или свойства ихъ получаютъ нѣкоторую перемѣну, поелику каждая изъ нихъ заимствуетъ нѣчто отъ качества другой, напримѣръ: вода влитая въ вино растворяетъ оное, сирѣчь, смѣшивая прѣсныя частицы свои съ кислотами или острыми частицами вина дѣлаетъ его слабѣе. Теплота смѣшенная со стужею и влажность съ сухостію растворяютъ воздухъ, сирѣчь, дѣлаютъ его больше или меньше пріятнымъ, больше или меньше здоровымъ, плодотворнымъ и проч. *Зане пепелъ яко хлѣбъ ядяхъ и питіе мое*

съ плачемъ растворяхъ: et je mêlè *) ma boisson de pleur (Псаломъ 102). — *Пріидите, ядите мой хлѣбъ и пійте вино, еже растворихъ вамъ,* que je prepare (Притч. глава 9). — *Буди мнѣ по глаголу твоему* (отвѣчаетъ Марія Ангелу, благовѣствующему Ей о рожденіи отъ Ней Іисуса Христа) *и рожду Безплотнаго, плоть отъ Мене заимствовавшаго, яко да возведетъ человѣка, яко единъ всесиленъ, въ первое достояніе, съ раствореніемъ:* то есть съ нѣкіимъ еще поправленіемъ, съ прибавленіемъ блага (молитва). — *Тогда при отшествіи жена бросясь мнѣ на шею, сіи печальныя слова своими растворяла слезами: не разлучишся со мною: купно, ахъ! купно пойдемъ! говорила: послѣдую за тобою, и изгнаннаго изгнанная буду женою* (Трудолюб. Пчела, переводъ Кондратовича третіей Овидіевой Элегіи). — *Понеже царство мудростію растворенное Богоугодно и благополучно устрояемо бываетъ* (Патер. приношеніе Петру Великому).

Растлить. Нынѣ глаголъ сей мало и почти въ одномъ токмо смыслѣ употребляется: разрушить дѣвство; но въ Славенскихъ книгахъ знаменованіе его есть гораздо обширнѣе: оный значитъ повредить, иска-

*) Французскій глаголъ *meler* и Нѣмецкій *vermischen* не выражаютъ точно знаменованіе глагола растворять, которому у нихъ нѣтъ соотвѣтствующаго и равносильнаго.

зить, испортить. *Пастыріе мнози растлиша виноградъ мой: plusieurs bergers ont gâté ma vigne* (Iерем. гл. 12). *Гнилость бо ничто же ино есть, по наученію любомудрыхъ, точію лишеніе теплоты внутреннія въ мокротѣ, и растлѣніе тояжде мокроты отъ теплоты внѣшнія* (Патер. предисловіе къ читателю). Для дальнѣйшаго истолкованія разума слова сего, противузнаменательнаго слову *нетлѣніе,* смотри примѣры употребленія онаго въ словахъ строптивый, прозябать.

Сказать, въ Священномъ Писаніи употребляется иногда вмѣсто показать, дать знать: *Сказалъ еси въ людехъ силу Твою: tu a fait connoitre ta force parmi le peuple* (Псал. 76).

Сокровище, не всегда значитъ богатство или собраніе рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ вещей, но употребляется иногда въ настоящемъ или коренномъ смыслѣ своемъ, и тогда означаетъ нѣкую сокровенную отъ насъ вещь или мѣсто, какъ изъ слѣдующихъ примѣровъ явствуетъ: *путіе адовы домъ ея* (блудницы) *низводящія въ сокровища смертныя:* то есть, въ безвѣстныя намъ пропасти, бездны: *aux profondeurs de la mort* (Притч. глава 7). — *Аще взыщеши премудрость и якоже сокровища* (то есть тайныя сокровенныя мѣста) *испытаеши ю, тогда уразумѣеши страхъ Господень и познаніе Божіе обрящеши*

(Тамъже глава 2). — *И изведе вѣтръ отъ сокровищъ своихъ: et tire le vent hors de ses tresors,* Франц. *und führest den wind aus seinen verborgenen orten,* а по другимъ переводамъ: *aus heimlichen örtern, von seine behältnis,* Нѣм. Въ Голландской Библіи сказано: *ende doet den wint voortkomen uyt süine schatkameren.* Здѣсь примѣтишь должно, что Россійское слово *сокровище* и Голландское *schat kamer,* такожъ и Нѣмецкое *verborgene; heimliche ort, oder behältnis,* весьма хорошо выражаютъ мысль, *что вѣтры пребываютъ въ сокровенныхъ неизвѣстныхъ смертному мѣстахъ, хранилищахъ, затворахъ;* но Францускiе слово *tresor* совсѣмъ не выражаетъ сей мысли, поелику оное будучи составлено изъ словъ *tres, весьма,* и *or, золото,* не заключаетъ въ коренномъ знаменованіи своемъ ни малѣйшаго понятія о *сокровенности.* Изъ сего примѣра можемъ мы видѣть, сколь нужно для ясности слога, а особливо для обогащенія языка своего новыми выраженіями, знать силу коренныхъ словъ своихъ. Безъ сего будемъ мы весьма худые изобрѣтатели и вводители новостей. — Отсюду происходитъ глаголъ *сокровиществовать,* то есть собирать, скоплять: *неправедное лихоимства собраніе въ прибытокъ праведнаго на небеси мздовоздаянія измѣнивый, мене на мытницѣ тѣлесныхъ страстей сокровиществующа* (то есть скопляюща, соби-

рающа, приготовляюща себѣ) *вѣчный огнь*, *измѣни молитвами твоими* (молитва Апостолу Тимоѳею). — *Сокровиществуется праведнымъ богатство нечестивыхъ*: то есть собирается для праведныхъ, достанется праведнымъ: *les richesses du pécheur seront réservés au just* (Притчей глава 12).

Стирать. Сей глаголъ, кромѣ простыхъ или общенародныхъ знаменованій своихъ, часто съ великою красотою употребляется въ разумѣ глаголовъ *сокрушать*, *низлагать*, *истреблять*, *уничтожать*, какъ изъ слѣдующихъ примѣровъ явствовать будетъ: *и оскудѣ ратуяй ихъ на земли, и цари сотрошася во дни оны*. То есть: и не осталося никого на земли, кто бы поднялъ на нихъ оружіе свое, и цари ополчавшіеся противу нихъ въ сіе время всѣ, или побѣждены, или низложены были. (Маккав. гл. 14). *Истрыетъ* (то есть сотретъ, искоренитъ, *brisera*, Франц.) *Господь кедры Ливанскія, и истнитъ я, яко тельца Ливанска* (Псаломъ 28). — *Порази же градъ во всей земли Египетстѣй отъ человѣка до скота, и всяку траву и вся древа, яже на поляхъ, сотре градъ*. То есть побилъ, сокрушилъ (Чет. мин. листъ 23). — *Сіе слышавъ Максиміанъ, повелѣ емши его каменіемъ въ лице и во уста бити за таковое къ Царю глаголаніе. Избиша же ему и зубы, сокрушиша видъ его, сотроша языкъ Христа исповѣдающъ*,

наконецъ еле жива изведше изъ града, усѣкоша святую его главу по повелѣнію Цареву (тамъже листъ 15, въ житіи Св. Анфима). Часто въ сочиненіяхъ случается, что при разныхъ рѣчахъ надлежитъ неоднократно повторить тотъже самый глаголъ. Таковое повтореніе наскучиваетъ слуху: того ради однознаменательныя слова въ семъ случаѣ дѣлаютъ великое пособіе и украшеніе слогу, какъ и здѣсь сказано: *сокрушиша зубы, сотроша языкъ*. Ломоносовъ во многихъ мѣстахъ съ успѣхомъ употреблялъ глаголъ сей, какъ напримѣръ:

Я вящши усилю премѣны,
Когда градовъ пространны стѣны
Безъ пагубы людской сотру.

Или:

Въ немъ ребра какъ литая мѣдь;
Кто можетъ рогъ его сотреть?

Строить. Глаголъ сей сверхъ настоящаго знаменованія своего, какъ то: *строить храмъ, домъ,* церьковь и проч., употребляется во многихъ иносказательныхъ смыслахъ, какъ напримѣръ: *совѣтую убо тебѣ возвратитися въ міръ, и Богъ да устроитъ спасеніе твое, якоже хощетъ* (Чети мин. житіе Святыя Феодоры). — *Иду убо* (говоритъ Евдоксій женѣ своей и дѣтямъ отходя на мученіе), *и якоже Господь мой хощетъ о мнѣ, да*

устроитъ, и поможетъ ми, васъ же Богу оставляю. Заповѣда же и устрои вся яже о домѣ, о чадѣхъ и о рабѣхъ (Чет. мин. житіе Романа и Евдоксія).

Богъ все на пользу нашу строитъ,
Казнитъ кого, или локонитъ (Ломоносовъ).

Строптивый, худый, развратный, бѣшеный, злый. *Вси непослушни ходящіи строптиво, мѣдь и желѣзо, вси растлѣни суть: tous sont rebelles; ils agissent frauduleusement; ils sont comme de l'airain et du fer; ce sont tous des enfans qui se perdent l'un l'autre* (Іерем. гл. 6). — *Раби, повинуйтеся во всякомъ страсѣ владыкамъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ* (Послан. Петр. 1, глава 2). — *Съ преподобнымъ преподобенъ будеши, и съ мужемъ неповиннымъ неповиненъ будеши, и со избраннымъ избранъ будеши, и со строптивымъ развратишися* (Псал. 17). — *Иже осташа отъ племени сего строптиваго: à tout le reste de ceux qui seront restès de cette mechante race* (Іерем. гл. 8). — *И не услышаша Мене и не внятъ ухо ихъ: но пойдоша въ похотѣхъ и въ строптивствѣ сердца своего лукаваго* (тамъ же глава 7). Сумароковъ въ переводѣ вѣстника изъ Расиновой трагедіи Федры говоритъ:

Коней строптивыхъ сихъ, что были иногда
Взыванію его послушны завсегда.

Здѣсь строптивыхъ значитъ бѣшеныхъ, ярыхъ, необузданныхъ. Слово *иногда* поставлено здѣсь въ смыслѣ *нѣкогда;* ибо въ обыкновенномъ знаменованіи своемъ, то есть *въ иныя времена*, противорѣчило бы оно слову *завсегда*.

Тощь, тощій, сверхъ обыкновеннаго знаменованія своего, значущаго пустой, сухощавый, порожній, праздный, какъ напримѣръ: *тощій желудокъ*, *тощая лошадь* и пр., пріемлется еще въ знаменованіи тщетнаго, напраснаго, безполезнаго, суетнаго, безплоднаго: *Тѣмже, братія моя возлюбленная, тверди бывайте, непоступни, избыточествующе въ дѣлѣ Господни всегда, вѣдяще, яко трудъ вашъ нѣсть тощъ предъ Господемъ:* *sachant que votre travail ne sera point vain aupres du Seigneur* (Посл. 1 къ Коринѳ. гл. 15, 58). — *Господи Боже мой, аще сотворихъ сіе, аще есть неправда въ руку моею, аще воздахъ воздающимъ ми зла, да отпаду убо отъ врагъ моихъ тощъ:* то есть слабъ, немощенъ, преодоленъ ими: *so müsse ich billig für meinen feinden zu boden fallen*, Нѣмец. (Псаломъ 7, 5). — *Тогда Симонъ поклонився до земли, рече: отче, не изыду тощъ* (то есть неудовлетворенъ въ желаніи моемъ) *отъ тебе, аще написаніемъ не извѣстиши ми* (Патер. листъ 59). — *Сія вся діавольская суть начинанія, тощъ буди таковыхъ:* то есть не вдавайся въ нихъ,

будь чуждъ, далекъ отъ оныхъ (тамъже листъ 152). — *Тіи же не обрѣтше искомаго, возвратишася къ пославшему ихъ тщи:* то есть безъ успѣха (Чет. мин.) — *И ни во что вмѣниша* (народы) *слово Навуходоносора Царя Ассирійска, и возвратиша посланниковъ его тщихъ* (*sans nul effet*, Франц.) *съ безчестіемъ отъ лица своего* (Іудиф. гл. 1, 11).

Треба. Тоже что жертва, однако больше разумѣется о жертвѣ кровной, приносимой идоламъ: *Храните себе отъ требъ идольскихъ* (Іоан. послан. 1, гл. 5). — *Идѣже кровавыя скверныя діаволу творяхуся требы, тамо безкровная чистая нача приноситися Богу жертва* (Чети минеи, воспоминаніе Собора Пресв. Богор. въ Міасійстѣй области). Отсюду происходятъ слова: *требище*, то есть капище или храмъ языческій, въ которомъ идолопоклонники приносили жертву кумирамъ, или паче жрецамъ, поелику сіи съѣдали оную. *Аще бо кто видитъ тя, имуща разумъ, въ требищи возлежаща, не совѣсть ли его немощна сущи созиждется идоложертвенная ясти? Car si quelqu'un d'eux te voit, toi qui as de la connoissance, assis à table dans le temple des idoles, la conscience de celui qui est foible, ne sera t'elle pas déterminée à manger de ce qui est sacrifiè a l'idole?* (Послан. 1 къ Коринѳ. гл. 8). *Дѣйствующей же Святаго Духа благодати, много въ странѣ той людей отъ заблужденія*

и погибели избави, возглашеніемъ словесъ своихъ требища идольская разоряя, и созидая духовныя въ сердцахъ человѣческихъ Святому Духу храмы (Чет. минеи житіе Автонома). Иногда же, равно какъ и слово *требникъ*, значитъ олтарь или жертвенникъ: *И создаша требище Тафефу, еже есть во юдоли сына Еномля: et ils ont bati les hauts lieux de topeth, qui est dans la vallée du fils de Hinnom.* (Іерем. глава 7). — *Всесожженія ихъ и жертвы ихъ будутъ пріятны на требницѣ моемъ: leurs holocaustes et leurs sacrifices seront agréables sur mon autel* (Исаія глава 56). Впрочемъ слово *треба* по тому понятію, что жертвы необходимо нужны или надобны, безсомнѣнія имѣетъ одинакій корень съ словами *требовать, требованіе, потребно* и проч.

Туга, скорбь, печаль, тѣснота духа: *Отъ печали многія и туги сердца* (*dans une grande afflicton et le coeur serré de douleur*) *написахъ вамъ многими слезами* (Послан. 2 къ Коринѳ. глава 2, 4). Отсюду происходитъ глаголъ *стужать*, употребляющійся въ разныхъ знаменованіяхъ, какъ изъ слѣдующихъ примѣровъ явствовать будетъ: *Посемъ видѣвъ блаженный сей безмолвникъ смятеніе сущее въ Князехъ Россійскихъ, изгнану бывшу Изяславу изъ Кіева, и сѣдшу тамо брату его Святославу, стужи о семъ не могій терпѣти мятежа* (Патер. житіе Никона). Здѣсь *сту-*

жи о семъ значитъ запечалился, соболѣзновалъ, тужилъ. — *Возскорбѣхъ печалію моею, и смятохся отъ гласа вражія, и отъ стуженія грѣшнича* (Псаломъ 54). Здѣсь *отъ стуженія грѣшнича* значитъ отъ нападковъ, отъ досадъ причиняемыхъ злыми людьми: *à cause de l'oppression du méchant.* — *Мнози бо человѣцы многажды начинаютъ доброе дѣло со усердіемъ, скоро же стуживши* (то есть наскуча) *престаютъ отъ добраго начинанія, и лѣнивѣйшіи бываютъ* (Четии мин. житіе Св. Өеодоры). — *Не стужай ми мати моя:* то есть не тоскуй, не сожалѣй о мнѣ (Чет. мин. житіе Симеона Столпника). — *Увидимъ бо слышателіе, аще не стужительно* (то есть безскучно) *услышимъ и прилѣжно разсмотримъ* (Феофанъ въ словѣ о дѣлѣ Божіи) — *Господи, что ся умножиша стужающіи ми?* То есть злодѣи мои, нападающіе на меня, зложелательствующіе мнѣ: *qui me persécutent,* Франц. (Псал. 3).

Тѣснота. Собственно значитъ узкость мѣста, иносказательно же пріемлется въ знаменованіи скорби, печали, угнѣтенія, бѣды, напасти: *Господи Вседержителю Боже Израилевъ, душа въ тѣснотѣ и духъ въ стуженіи* (*l'ame qui est dans l'angoisse, et l'esprit accablé d'ennui*) *возопи къ тебѣ* (Варух. гл. 3). — *Кто ны разлучитъ отъ любве Божія? скорбь ли, или тѣснота* (*l'affliction, l'angoisse*), *или го-*

неніе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечь? (Послан. къ Римлян. глава 8, 35). — *И что вельми дивно, сами непріятели тѣсноту свою, истинною понуждени, засвидѣтельствовали, когда на монетахъ недавно въ память падшаго Короля своего изданныхъ, льва вервіемъ обвязаннаго изпечатали* (Феофанъ въ похвальномъ словѣ о флотѣ). Отсюду происходитъ, что поелику слова: *пространство, обширность* или *широта*, значатъ противное *тѣснотѣ*, въ собственномъ ихъ знаменованіи, того ради часто и въ иносказательномъ смыслѣ противное же означаютъ, то есть *утѣшеніе, освобожденіе отъ бѣдъ и печалей*, какъ изъ слѣдующихъ примѣровъ видѣть можно: *Въ скорби распространилъ мя еси:* то есть утѣшилъ, далъ силу мнѣ переносить печаль, послалъ ко мнѣ отраду: *quand j'etois pressé, tu m'as mis au large*, Франц. *der du mich tröstest in angst*. Нѣм. (Псал. 4). — *Уширилъ еси стопы моя подо мною, и не изнемогостѣ плеснѣ мои: tu m'as fais marcher au large, et mes talons n'ont point glissé* (Псал. 17). — *И изведе мя на широту:* то есть вывелъ меня изъ бѣды, изъ напасти, стѣсненному духу моему далъ отраду (Псал. 17). — *И нѣси мене затворилъ въ рукахъ вражіихъ, поставилъ еси на пространнѣ нозѣ мои: tu ne m'a point livré entre les mains de mon ennemi, mais tu as fait tenir mes pies au large*, Франц. *du hast mich in die*

hände des feinds nicht beschlossen, meine füsse hast du auf einen raumen plan gesetzt, Нѣмец. (Псаломъ 30).

Тяжа. Тоже что тяжба. Слово сіе означаетъ искъ, споръ объ имѣніи, разбирательство судомъ, имѣетъ одинакій корень съ словами: *тяжесть, тягаться, стязаться, истязать, сутяга* и проч.; ибо всѣ оныя происходятъ отъ понятія, заключающагося въ глаголѣ *тянуть*. Названіе *тяжесть* или *тягость* произошло отъ воображенія, *что сила тянетъ вещь къ низу*. Подъ словами тягаться, стязаться, состязаться, разумѣется: *тянуть другъ друга, пытаться кто кого перетянетъ*. Слово истязаніе значитъ: *вытянуть изъ кого сокровенную мысль его посредствомъ хитрыхъ вопросовъ, или угрозъ, или мученій*. Названіе сутяга означаетъ охотника судиться, тягаться, всегда исполненнаго, чреватаго тяжбами, наподобіе того, какъ говорится о носящей въ брюхѣ своемъ ягнятъ овцѣ, или поросятъ свиньѣ, *суягна, супороса*. Поелику же одинъ изъ тяжущихся соперниковъ пріобрѣтаетъ имѣніе, того ради отъ того же самаго корня произведенное слово *стяжаніе* значитъ имущество, собственность, пріобрѣтеніе. Такимъ образомъ одно понятіе производитъ другое, и отъ одного слова раждаются многія другія, въ разныхъ знаменованіяхъ употребляемыя

слова, какъ мы то изъ слѣдующихъ примѣровъ увидимъ. Тяжа или тяжба: *да не исходитъ изъ отчизны ни которымъ судомъ, ни тяжею не отъемлютъ и не выкупаютъ* (Судебн. стран. 208). Тяжаніе или стяжаніе: *Божіе тяжаніе, Божіе зданіе есте: vous êtes le champe que Dieu cultive, l'ediffice de Dieu,* (Франц. *Gottes land-gut, Gottes gebäu seid ihr,* Нѣмец. (Посланіе 1 къ Коринѳ. глава 3). То есть: поелику вы вѣруете въ Бога и сохраняете заповѣди Его, то вы собственно Ему принадлежите, наподобіе поля, которое принадлежитъ тому, кѣмъ оно обработано, или чьи сѣмена въ него посѣяны; Богъ господствуетъ въ сердцахъ вашихъ, и потому вы можете называться Его стяжаніемъ, Его имѣніемъ, Его достояніемъ. Тяжатель или стяжатель: *Посла къ тяжателемъ во время раба, да отъ тяжатель пріиметъ отъ плода винограда* (Еван. отъ Марка, глава 12). То есть: послалъ къ хозяевамъ, къ владѣльцамъ того винограда. *Позна волъ стяжавшаго и: le boeuf connoit son possesseur* (Исаія глава 1). Стяжать значитъ получить, достать, набрать. Христосъ посылая учениковъ своихъ проповѣдовать Евангеліе, говоритъ имъ: *На путь языкъ не идете, и во градъ Самаритянскій не внидите. Идите же паче ко овцамъ погибшимъ дому Израилева. Ходяще же проповѣдуйте, глаголюще, яко приближися цар-*

ствіе небесное. Болящія исцѣляйте, прокаженныя очищайте, мертвыя воскрешайте, бѣсы изгоняйте. Туне пріясте, туне дадите (*vous l'avez reçu gratuitement, donnez le gratuitement*). *Не стяжите* (то есть не носите съ собою, не собирайте) *злата, ни сребра, ни мѣди, при поясѣхъ вашихъ, ни пиры въ путь* (*ni sac pour le voyage*), *ни двою ризу, ни сапогъ, ни жезла* (Евангел. отъ Матѳ. глава 10). — *Сей убо стяжалъ село отъ мзды,* то есть нажилъ деревню отъ лихоимства, отъ взятокъ. Пристяжаніе, тоже что пріобрѣтеніе, присовокупленіе: *Аще жрецъ пристяжетъ душу, пристяженную сребромъ:* то есть: ежели жрецъ будетъ имѣть собственнаго человѣка своего, купленнаго на свои деньги (Левит. гл. 12). — *Онъ же мысль благу воспріемъ и достойну возраста и старости преимущества* (*digne de son age, de l'excelence de la vieillesse*) *и пристяжанія лѣпотныя сѣдины* (то есть полученнаго отъ сѣдыхъ волосъ украшенія): *et de l'honneur de ses cheveux blancs* (Маккав. 2, глава 6). — *Ты же сыне человѣчь, возьми себѣ мечъ остръ паче бритвы стригущаго, притяжи его себѣ* (*prens le*), *и возложи его на главу твою, и на браду твою* (Iезек. гл. 5, 1). Любостяжаніе значитъ любовь къ лихоимству, къ собиранію, къ пріобрѣтенію имѣнія. Нестяжаніе напротивъ того есть безкорыстіе, презрѣніе къ собиранію богатствъ:

и нестяжаніе паче суетнаго міра возлюбилъ еси (Кондакъ Ноября 11). — *Дню же приспѣвшу со всякимъ смиреніемъ, нестяжаніемъ, чистотою, терпѣніемъ, постомъ, любовію, Богомышленіемъ, прилѣжаше рукодѣлію* (Патер. житіе Олимпія иконописца). Стязаніе: *Пріидетъ часъ той, когда общій нашъ Господь, страшный и неумытный Судія, вопроситъ насъ не о родѣ, не о имени; но о дѣлѣ, и о данныхъ всякому талантѣхъ стязатися начнетъ* (Феоф. въ проповѣди говоренной въ день Александра Невскаго). Истязаніе иногда значитъ мученіе, иногда же просто извѣдываніе, вопрошеніе: *Имѣяй страшному Твоему предстати престолу Слове, и дѣяній моихъ истязаемѣй быти винѣ, который обрящу отвѣтъ окаянный?* (Молитва).

Углѣбать. Вѣроятно происходитъ отъ слова *глубина*, значитъ погрязать, утопать: *Углѣбоша языцы въ пагубѣ, юже сотвориша: les nations ont été enfoncées dans la fosse qu'elles avoient faite*, (Франц. *die heyden sind in das verderben gesuncken, das sie zugerichtet haben*, Нѣмец. (Псаломъ 9, стихъ 16).

Ужикъ, ужика. Родственникъ, родственница. Происходитъ отъ слова *узы*: *Мы же идуще, пояхомъ съ собою други и ужики своя* (Патер. листъ 60).

Уметъ. Происходитъ отъ глагола *метать*, значитъ всякой соръ, навозъ, нечи-

стопу: *И вмѣняю вся* (красная и богатая) *уметы быти, да пріобрящу Христа*: *et je ne les regarde que comme des ordures, pourvû que je gagne christ* (Филип. глава 3, 8).

Уне, унее, уншій. То есть: хорошо, лучше, лучшій, или: полезно, полезнѣе, полезнѣйшій: *Бѣ же Каіафа давый совѣтъ Іудеамъ, яко уне есть единому человѣку умрети за люди*: *qu'il étoit à propos qu'un seul homme mourut pour le peuple*, (Франц. *es wäre gut*, Нѣмец. (Евангел. отъ Іоан. глава 18, 14). — *Уне ми есть умрети въ гробищахъ сихъ, неже въ такихъ грѣсѣхъ жити въ мірѣ* (Прологъ). — *Горе тому, кто соблазна ради приходитъ: унее ему было бы* (*il vaudroit mieux pour lui*), *аще жерновъ осельскій облежалъ бы о выи его, и ввերженъ въ море, неже да соблазнитъ отъ малыхъ сихъ единаго* (Лук. глава 17). — *Не пять ли птицъ цѣнится пѣнязма двѣма? и ни едина отъ нихъ нѣсть забвенна предъ Богомъ: но и власы главы вашея вси изочтени суть. Не убойтеся убо: множѣхъ птицъ унши есте вы*: *vous valez plus que beaucoup de passeraux* (Луки глава 12).

Усыренный. Прилагательное, происходящее отъ существительнаго *сырость*, значитъ упитанный, растворенный влажностію: *Гора Божія, гора тучная, усыренная* (Псаломъ 67, 16). То есть не сухая, не безплодная, но изобильная соками, плодоносная

(*ein feles, ein fruchlbar berg*, Нѣм.). — *Вскую нелщуете горы усыренныя?* (тамъже). — *Когда Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества въ Орлѣ Матерь Божія съ сыномъ своимъ пребываетъ, гора то Божія, Духомъ Святымъ усыренная, гора каменная, отъ нея же нерукосѣчный камень отсѣчеся Христосъ. И сія то гора Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества Орла съ собою горѣ возвышаетъ, да ближайшій будетъ къ солнцу мысленному невечернему Богу Отцу присносущному, иже свѣтлостію и теплотою милости своея Ваше Царское Пресвѣтлое Величество согрѣваетъ и просвѣщаетъ* (Патер. приношеніе Петру Великому).

Утварь. Всякаго рода приборы, наряды и украшенія: *такожде и кони сущія во утвари* (то есть въ убранствѣ) *постави предъ нимъ* (Патер. листъ 75). — *Повелѣ же и женѣ украсити себе во утварь всяку на прельщеніе блаженнаго* (тамъже). — *И да не прельстятся умы, видяще идолы златы и сребряны, и сущую окрестъ ихъ утварь: en voyant les images d'or et d'argent, et leurs ornemens* (Маккав. книга 2, гл. 2, 2). Отсюду происходитъ глаголъ *утварять* то есть украшать: *И се тако творяху средѣ дому моего, и посылаху къ мужемъ грядущимъ издалеча, къ нимъ же пословъ посылаху, и егда приходити имъ, абіе умывалася еси, и утваряла еси очи твои* (*tu as fardé ton visage*, Фр. *und shminktest deine*

augen, Нѣм.), *и украшалася утварію, и сѣдѣла еси на одрѣ постланнѣ* (Іезек. гл. 23, 40).

Уханіе, тоже что обоняніе: *Ежели речетъ нога, яко нѣсмь отъ тѣла, поелику нѣсмь рука: еда сего ради нѣсть отъ тѣла? Аще все тѣло око, гдѣ слухъ, гдѣ уханіе?* (Послан. къ Коринѳ. глава 14). Отсюду происходятъ слова благоуханіе, сладкоуханіе: *Радуйся сладкоуханный крине* (Акаѳистъ Пресвятѣй Богородицѣ).

Ходить, значитъ иногда дѣлать что либо по своей волѣ, поступать: *Не сохраниша завѣта Божія, и въ законѣ Его не восхотѣша ходити*, то есть, не хотѣли по закону Его поступать (Псал. 77). — *Аще бо всѣмъ спасеніе предложено, не смотря на различіе чиновъ, то что иное остается, развѣ да всякъ по званію своему ходитъ:* то есть по долгу званія своего поступаетъ (Ѳеоф. въ словѣ говоренномъ въ день Александра Невскаго). — *Храняй завѣтъ и милость рабу твоему, ходящему предъ Тобою всѣмъ сердцемъ своимъ* (Книга царствъ, глава 8). — *Аще въ повелѣніихъ Моихъ ходите, и заповѣди Моя сохраните, и сотворите я: и дамъ дождь вамъ во время свое, и земля дастъ плоды своя: и дамъ миръ въ земли вашей, и поженете враги ваша, и призрю на васъ и благословлю васъ, и не возгнушается душа Моя вами: и похожду въ васъ* (то есть: и

буду съ вами или между вами: *et je marcherai au mileu de vous*) *и буду вамъ Богъ, и будете ми людіе, глаголетъ Господь* (Левит. гл. 26). — *Возсія бо солнце со зноемъ, и изсуши траву, и цвѣтъ ея отпаде, и благолѣпіе лица ея погибе: сице и богатый въ хожденіи своемъ* (то есть въ дѣлахъ, въ намѣреніяхъ своихъ: *dans ses entreprises*) *увянетъ* (Посланіе Іаковле, глава 1). Отсюду происходитъ сложное имя *правоходящій*, то есть справедливость любящій (*l'homme droit*). *Жертвы нечестивыхъ мерзость Господеви, обѣты же правоходящихъ пріятны Ему* (Притч. Солом. гл. 15).

Краткой сей опытъ Словаря, какъ и выше уже сказано, есть весьма недостаточная малоупотребительныхъ словъ и рѣчей выписка, сдѣланная для одного токмо примѣра; ибо составленіе таковаго Словаря требуетъ великихъ и долговременныхъ трудовъ, не одного человѣка, но цѣлаго общества. Во первыхъ надлежитъ употребить нѣсколько лѣтъ на прочтеніе со вниманіемъ всѣхъ, или по крайней мѣрѣ многихъ Славенскихъ книгъ, дабы выписать изъ нихъ всѣ тѣ мѣста, которыя весь знаменованія кругъ каждаго нынѣ мало употребительнаго слова достаточно опредѣлить могутъ. Во вторыхъ, показать всѣ примѣры сильныхъ и богатыхъ

рѣчей и выраженій, коихъ мы нынѣ въ новѣйшихъ нашихъ сочиненіяхъ совсѣмъ не находимъ, или находимъ весьма рѣдко, и потому отчасу болѣе отвыкаемъ отъ оныхъ. Въ третьихъ, надлежитъ воспользоваться тѣми изъ нихъ, кои въ общенародный языкъ, безъ нарушенія чистоты слога онаго, приняты быть могутъ *). Всѣ сіи, требующія великаго упражненія, искуства въ языкѣ и размышленія, трудности, а притомъ и малыя способности мои, не позволили сдѣлать мнѣ лучшаго и пространнѣйшаго Словарю сему опыта; однакожъ, не взирая на великой недостатокъ онаго, въ семъ, такъ сказать, малѣйшемъ образчикѣ, можно довольно усмотрѣть, сколь много есть такихъ словъ, которыхъ кругъ знаменованія или стѣсненъ, или забытъ, или совсѣмъ неизвѣстенъ. Отъ инаго слова остались вѣтви, но погибъ корень; отъ другаго корень остался цѣлъ, но посохли многія вѣтви. Можетъ ли вниканіе во все оное, можетъ ли краснорѣчіе, какое находимъ мы въ Священныхъ Писаніяхъ, быть безполезно для того, кто

---

*) Здѣсь должно больше призывать на помощь разумъ, нежели слухъ; ибо не всегда худо бываетъ то, чего слухъ нашъ отвыкшій сначала не пріемлетъ, а потомъ привыкая не токмо терпитъ, но и прельщается тѣмъ. Напротивъ того никогда не можетъ быть хорошо то, чего разумъ нашъ не утверждаетъ, хотя бы слухъ нашъ по привычкѣ и терпѣлъ оное.

въ Россійской словесности подвизаться желаетъ? Должны ли мы слушать простаго, ни на какихъ доказательствахъ не основаннаго мнѣнія тѣхъ, которые по привязанности къ иностраннымъ языкамъ, и по незнанію своего собственнаго, противно сему думаютъ? Вникнемъ, вникнемъ поглубже въ красоту Славенскаго языка, и тогда мы увидимъ, что онъ во второмъ-надесять вѣкѣ уже столько процвѣталъ, сколько Французской языкъ сталъ процвѣтать во времена Людовика XIV, то есть въ седьмомъ-надесять вѣкѣ. По красотѣ, съ какою предки наши переводили славныхъ Греческихъ проповѣдниковъ, и по высотѣ словъ и мыслей, каковыми повсюду въ переводахъ своихъ гремятъ они и блистаютъ, достовѣрно заключить можно, колико уже и тогда былъ ученъ, глубокомысленъ народъ Славенскій. Мы знаніемъ и краснорѣчіемъ ихъ не умѣли достаточно воспользоваться, не умѣли въ подвигѣ словесности, заимствуя отъ нихъ, идти достойно по стопамъ ихъ, потому, что когда сообщеніемъ своимъ сближились съ чужестранными народами, а особливо Французами, тогда вмѣсто занятія отъ нихъ единыхъ токмо полезныхъ наукъ и художествъ, стали перенимать мѣлочные ихъ обычаи, наружные виды, тѣлесныя украшенія, и часъ отчасу болѣе дѣлаться совер-

шенными ихъ обезьянами. Все то, что собственное наше, стало становиться въ глазахъ нашихъ худо и презрѣнно. Они учатъ насъ всему: какъ одѣваться, какъ ходить, какъ стоять, какъ пѣть, какъ говорить, какъ кланяться, и даже какъ сморкать и кашлять. Мы безъ знанія языка ихъ почитаемъ себя невѣждами и дураками. Пишемъ другъ къ другу по Французски. Благородныя дѣвицы наши стыдятся спѣть Рускую пѣсню. Мы *кликнули кличь*, кто изъ Французовъ, какова бы роду, званія и состоянія онъ ни былъ, хочетъ за дорогую плату, сопряженную съ великимъ уваженіемъ и довѣренностію, принять на себя попеченіе о воспитаніи нашихъ дѣтей? Явились ихъ престрашныя толпы; стали насъ брить, стричь, чесать. Научили насъ удивляться всему тому, что они дѣлаютъ; презирать благочестивые нравы предковъ нашихъ, и насмѣхаться надъ всѣми ихъ мнѣніями и дѣлами *). Однимъ словомъ, они запрягли

*) Вотъ что сами Французы о насъ пишутъ: бывшій при посольствѣ въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны съ Посломъ Французскимъ Опиталемъ господинъ Мессельеръ, между прочимъ, описывая пребываніе свое въ Петербургѣ, говоритъ: „*nous fumes assaillis par une nuée de Français de toutes les couleurs, dont la plupart, apres avoir eu des demélés avec la police de Paris, sont venus investir les régiones septentrionales. Nous fumes etonnés et affligés de trouver ches beaucoup de grands seigneurs des deserteurs, des banqueroutiers, des libertins, et beaucoup de femmes du*

насъ въ колесницу, сѣли на оную торжественно и управляютъ нами — а мы ихъ возимъ съ гордостію, и тѣ у насъ въ посмѣяніи, которые не спѣшатъ отличать себя честію возить ихъ! Не могли они истребить въ насъ свойственнаго намъ духа храбрости; но и тотъ не защищаетъ насъ отъ нихъ: мы учителей своихъ побѣждаемъ оружіемъ; а они побѣдителей своихъ побѣждаютъ комедіями, романами, пудрою, гребенками. Отъ сего то между прочими вещами родилось въ насъ и презрѣніе къ Сла-

---

même genre, qui, par la prévention que l'on a en faveur des Français, étaient chargés de l'éducation des enfans de la plus grande inportance." То есть: мы обступлены были тучею всякаго рода Французовъ, изъ коихъ главная часть, поссорясь съ Парижскою Полиціею, пришли заражать сѣверныя страны. Мы поражены были удивленіемъ и сожалѣніемъ, нашедъ у многихъ знатныхъ господъ бѣглецовъ, промотавшихся, распутныхъ людей, и множество такогожъ рода женщинъ, которымъ, по предубѣжденію къ Французамъ, поручено было воспитаніе дѣтей самыхъ знаменитѣйшихъ. (*Voyage à Petersbourg, ou nouveaux mémoires sur la Russie, par M. de la Messeliere, page* 124). — Вообразимъ себѣ успѣхи сей заразы, толь издавна водворившейся между нами и отчасу болѣе распространяющейся! Когда и самый благоразумный и честный чужестранецъ не можетъ безъ нѣкотораго вреда воспитать чужой земли юношу, то какойже произведутъ вредъ множество таковыхъ воспитателей, изъ коихъ главная часть состоитъ изъ невѣждъ и развращенныхъ правилъ людей? Съ нравственностію не то дѣлается, что съ естественностію: курица высиженная и вскормленная уткою останется курицею, и не пойдетъ за нею въ воду; но Руской, воспитанной Французомъ, всегда будетъ больше Французъ, нежели Руской.

венскому языку; сіе то есть причиною, что мы въ нынѣшнихъ сочиненіяхъ нашихъ находимъ таковыя и подобныя симъ о книгахъ толкованія: „*Слогъ нашего переводчика можно назвать изряднымъ; онъ не надутъ Славянщизною, и довольно чистъ.*" Естьли бы сочинитель сказалъ: *Славенскія выраженія могутъ иногда быть не у мѣста, когда оныя безъ разбора употребляемы будутъ*, тогда бы всякой съ нимъ согласился; но онъ, разсуждая о слогѣ, говоритъ: *не надутъ Славянщизною.* Что иное значитъ слово сіе, какъ не презрѣніе ко всему Славенскому языку? Естьли бы кто, говоря о почтенномъ старикѣ, назвалъ его *старичищемъ*, или говоря о Россіи, назвалъ ее *Россіишкою*, то не показалъ ли бы онъ къ нимъ презрѣнія своего? Впрочемъ излишне сіе доказывать: большая часть нынѣшнихъ писателей нашихъ и словами и слогомъ своимъ, сообразнымъ ихъ мнѣнію, стараются всѣхъ увѣрять, что древній нашъ Славенскій языкъ никуда негоденъ. Возможно ли не сожалѣть о таковомъ ихъ заблужденіи? Оное совращаетъ насъ съ истиннаго пути, и ведетъ по весьма кривой дорогѣ. Простите мнѣ, милостивые государи мои! Я отнюдь не имѣю ни малѣйшаго желанія досаждать вамъ, но больно и несносно *Рускому* слышать, когда вы явными словами и слогомъ писанія своего

увѣряете, *что милая чужеязычщина ваша должна лучше, чѣмъ постылая Славянщизна, развивать умъ, выходящій на сцену авторства для игранія интересной роли.* Воля ваша, гнѣвайтесь на меня, какъ хотите; но не повѣрю я этому, не повѣрю никогда. Пригожіе цвѣтки, являющіеся иногда въ сочиненіяхъ вашихъ не препятствуютъ видѣть мнѣ растущую вездѣ между ими крапиву. Я когда читаю васъ и нахожу промежутками такія мѣста, гдѣ вы природнымъ языкомъ своимъ говорите, безъ всякихъ обезображивающихъ слогъ вашъ новоизобрѣтеній и не свойственныхъ намъ подражаній, тамъ всегда съ сожалѣніемъ думаю: Боже мой! для чего сіи люди привязались къ чужеязычію? для чего не вникаютъ они въ красоту собственнаго языка своего? они бы вмѣсто развращенія молодыхъ писателей, научили ихъ писать. Иногда, прочитавъ съ пріятностію какое нибудь мѣсто, прихожу я въ нѣкоторое сомнѣніе, колеблюсь въ прежнихъ моихъ заключеніяхъ и размышляю самъ въ себѣ: можетъ быть я строго сужу. Прочитаемъ снова со вниманіемъ. Начну читать и всякая пріятность моя разрушается десятью встрѣчающимися непріятностями: тамъ вездѣ наткнусь я на иностранное слово, вездѣ вмѣсто явленія нахожу *сцену;* вмѣсто дѣйствія, *актъ;* вмѣ-

сто унынія или задумчивости *меланхолію*; вмѣсто баснословія, *мифологію*; вмѣсто вѣры, *религію*; вмѣсто стихотворческихъ описаній, *дескриптивную или описывательную поэзію*; вмѣсто согласія частей, *гармоническое цѣлое*; вмѣсто предмѣстія, *форштадъ*; вмѣсто разбойниковъ, *бандидовъ*; вмѣсто возницы или извощика, *фурмана*; вмѣсто осмотра, *визитацію*; вмѣсто досмотрщика, *визитатора*; вмѣсто соборной церкви, *катедральную*; вмѣсто разсматриванія книгъ *рецензію*; вмѣсто добледушія, *героизмъ* и пр. Фу пропасть! думаю, на что такою расточительною рукою и безъ всякой нужды сыплютъ они въ языкъ нашъ столько иностранныхъ словъ? Стану читать далѣе и вижу, что набивъ голову свою десятью долями чужеземной и одною долею своей словесности, и перемѣшавъ это вмѣстѣ, часто бываютъ они и тогда непонятны, когда кажется говорятъ собственнымъ языкомъ своимъ. Читаю Рускія слова и не понимаю ихъ: *главное дѣйствіе* (въ драмѣ) *возмутительно, но не менѣе того естественно*. Что значитъ здѣсь: *возмутительно?* — *Годъ траура былъ для меня возрастомъ*. Что значитъ здѣсь: *возрастъ?* — Индѣ, чтобъ разумѣть Руское слово, должно мнѣ приводить себѣ на память Француской языкъ. Какъ можно положить себѣ въ голову, что когда Французы

женъ своихъ называютъ: *ma moitie*, то и мы своихъ можемъ называть: *моя половина?* Гдѣ Французы скажутъ: *objet*, *goût*, *tableau*, тамъ и у насъ должно говорить: *предметъ*, *вкусъ*, *картина*, нимало не разсуждая о томъ, хорошо ли и свойственно ли то нашему языку, или нѣтъ? — Можетъ ли это служить намъ оправданіемъ, когда мы наполняя сочиненія свои несвойственными намъ выраженіями, ссылаемся на то, что такъ сказано у *Канта*, *Оссіяна*, *Лафатера*, *Стерна*, и проч. Это ихъ языкъ. Да чей бы онъ ни былъ, надобно, чтобъ онъ былъ вразумителенъ и ясенъ; а безъ того имя сочинителя не оправдаетъ переводчика. Ежели бы Оссіянъ, изображая красавицу, написалъ: *она пришла на берегъ, и въ слезахъ обращала красное око свое;* я бы подумалъ: какаяжъ это красавица, когда у ней одинъ глазъ, и тотъ красной, слѣдовательно больной? Часто Оссіаны въ переводахъ далеки бываютъ отъ подлинниковъ. Часто Шакеспиры и Метастазіи на нашемъ языкѣ весьма на себя не похожи. Часто прекрасныя мысли ихъ, переведенныя изъ слова въ слово, не токмо теряютъ всю свою красоту, но и совсѣмъ невразумительны бываютъ. Итакъ надобно прежде за свой языкъ взяться, своему языку хорошенько научиться, вникнуть въ него, почувствовать всю его красоту, обогатить-

ся знанїемъ словъ, и потомъ уже говорить намъ о Шакесперахъ и Метастазїяхъ. Когда я читаю Оссїана, или кого другаго, по Руски, то хочу, чтобъ онъ на моемъ языкѣ былъ уменъ, а не на своемъ. Мнѣ мало пользы, что мысль его на его языкѣ хороша, когда на моемъ она худа. Сами ли Оссїаны, Стерны, и проч., говорятъ непонятно, или переводчики дѣлаютъ ихъ таковыми, я сего не разбираю; но когда читая ихъ нахожу: *юноши отъ племени отечественныхъ рѣкъ его*, съ истолкованїемъ, что это на языкѣ Оссїановомъ значитъ: *единоземцы*; тогда, не изыскивая кто правъ, кто виноватъ, имѣю всякое право сказать, что рѣчь эта не годится, Оссїанова ли она, или того, кто выдаетъ мнѣ оную за его языкъ: ибо *рѣки не могутъ имѣть племени*. Когда я читая далѣе нахожу: *битвы юности, траву стѣнъ, облако запада* (сїе можно сказать токмо о важныхъ вещахъ, какъ напримѣръ: *врата востока, сынъ отечества, дщерь неба*; но не смѣшно ли говорить: *дерево лѣса, рыба рѣки, кустъ поля*, и тому подобное)? Когда нахожу: *гордую чувствительность, кудри старости*: (къ чувствительности столькоже нейдетъ прилагательное *гордая*, сколько *кудри* не пристали старости, или *сѣдина* молодости). — Когда нахожу: *рѣчами мира соблюсти жизнь воина*, и другїя многїя подобныя симъ выра-

женія, то хотя бы всѣ мнѣ кричали: вѣрь во имя Оссіана, Лафатера, Стерна, Бонета, Волтера, и всѣхъ ученыхъ мужей, что это весьма хорошо, весьма прекрасно! Я стою въ томъ, что это очень худо 10). Когда я

10) Можетъ быть я слишкомъ много наговорилъ здѣсь объ Оссіянѣ; однакожъ и нынѣ, разсуждая о немъ, не могу отступить отъ тогдашнихъ моихъ мыслей, что онъ во многихъ мѣстахъ, или въ самомъ дѣлѣ, или въ переводѣ на нашемъ языкѣ, не чистъ, ни мыслями, ни выраженіями. Пѣснопѣнія его обратили на себя вниманіе ученаго свѣта. Многіе равняютъ его съ Гомеромъ. Но мы не иначе можемъ объ немъ судить, какъ только по переводамъ. Гомеровы книги существуютъ; онѣ писаны на языкѣ извѣстномъ ученому свѣту; Оссіяновъ же подлинникъ есть нѣкая загадка. Мы его не знаемъ, а только видимъ одни переводы, часто въ мысляхъ и выраженіяхъ весьма между собою различныя, а потому и не можемъ угадать, кто изъ переводчиковъ подошелъ ближе къ Оссіяну. Я видѣлъ два Рускихъ перевода. Возмемъ въ сличеніе съ ними третій на Италіянскомъ языкѣ знаменитаго ихъ писателя Чезаротти. Мы не для того помѣщаемъ здѣсь въ маломъ образчикѣ сіе сравненіе, чтобъ опорочить которой либо изъ сихъ переводовъ; они всѣ вообще могутъ быть хороши; но между тѣмъ не худо видѣть ихъ разность. Сверхъ сего Оссіянъ славится; многія выраженія его почитаются новыми, прекрасными. Переводчики наши (я бы сказалъ тоже и о чужестранныхъ, но мнѣ до языка ихъ нѣтъ никакой нужды) увлекаемые сею мыслію, часто для выраженія красоты Оссіяновой, употребля-

почти на каждой страницѣ нахожу сей или подобный сему слогъ: *избрать невѣсту въ предметъ своихъ желаній.* — *Она бываетъ*

ютъ его обороты, преступая свойство языка своего, точно такъ, какъ бы кто, переводя Рускую нашу пѣсню, вздумалъ, что когда у насъ хорошо: *зазнобушка ты моя;* или: *младъ ясенъ соколъ,* то будто и на другомъ языкѣ тѣжъ самыя слова тожъ будутъ хороши. Отнюдь нѣтъ. Правду говоритъ сей стихъ: *Творецъ даруетъ мысль, но не даруетъ словъ.* Въ хорошемъ переводѣ не только выраженія, но даже и мысли должны быть соображаемы съ своимъ языкомъ. Часто одна перестановка словъ, одно удареніе, одно пріисканіе приличнѣйшаго имени или глагола, даетъ силу мысли. Погрѣшности противъ сего тѣмъ вреднѣе и заразительнѣе для словесности, что будучи иногда смѣшены съ хорошимъ и чистымъ слогомъ, не только уходятъ отъ вниманія читателя, но еще и привлекаютъ молодыхъ писателей къ подражанію онымъ. Сличеніе сихъ переводовъ покажетъ намъ, сколько надлежитъ опасаться, чтобъ чужой языкъ, не отвлекалъ насъ отъ ясности и чистоты мыслей на своемъ языкѣ.

СЛИЧЕНІЕ.

Первый переводъ.	Вторый переводъ.
,,Вечерняя звѣзда, любезная подруга ночи, ,,возвышающая блистательное чело свое изъ ,,облаковъ запада, ты шествуешъ величественными стопами по лазори небесной.“	,,Звѣзда ниспускающейся ночи! прекрасенъ ,,свѣтъ твой на западѣ. ,,Ты подъемлешъ изъ облака блистающую главу свою; шествуешъ ,,величественно по холму.“

внимательна. — Она бываетъ игрaвма. — Сопровождать мораль свою плѣнительными образами. — Сообщать нравоученія въ Миѳоло-

Третій переводъ.

Stella maggior della cadente notte,
Deh come bella in occidente splendi!
E come bella la chiomata fronte
Mostri fuor delle nubi, e maestosa
Poggi sopra il tuo colle!

то есть:

„Главная звѣзда *) упадающей ночи! Какъ свѣт-
„ло сіяніе твое на западѣ! Съ какою красотою
„являешъ ты косматое чело свое, и съ какимъ
„величествомъ возлежишъ на твоемъ холмѣ.“

Примѣчаніе.

Таковыя выраженія, какъ *блистающая глава* и *косматое чело,* не составляютъ существенной разности; ибо хотя оныя и различны между собою, но мысль въ нихъ одинакая. Солнце обыкновенно изображается въ видѣ человѣческаго лица, написаннаго въ кругѣ, отъ котораго во всѣ стороны исходятъ лучи. Сіе изображеніе подало поводъ лучи уподоблять волосамъ, и потому *косматое чело свѣтила* есть тоже, что *испускающее отъ себя блистающіе лучи.* Итакъ не о сихъ выраженіяхъ будемъ мы разсуждать, но о тѣхъ, въ которыхъ одна мысль совершенно разнствуетъ отъ другой, напримѣръ, когда одинъ переводчикъ говоритъ о звѣздѣ, что она *шествуетъ по лазори небесной;* другой, что она *шествуетъ по холму;* третій, что она *возлежитъ на своемъ холмѣ.* Каждое изъ сихъ выра-

*) Сочинитель говоритъ о звѣздѣ, называемой Венерою. Примѣч. Италіанскаго переводчика.

гической одеждѣ — Сочинять моральныя диссертаціи — Гармонировать другъ съ другомъ — Писать въ Шакеспе見ровомъ духѣ, и пр. и пр.—

женій содержитъ въ себѣ особую мысль, и трудно угадать, которая изъ нихъ есть подлинно Оссіянова. Мнѣ кажется послѣдняя, потому что древніе стихотворцы часто описывали природу въ томъ видѣ, какъ она взорамъ ихъ представлялась. Когда человѣкъ ночью смотритъ на высокой холмъ и видитъ блистающую надъ вершиною его звѣзду, то представляя себѣ въ ней нѣкое свѣтящееся лице, легко можетъ возмечтать, что холмъ этотъ есть ея собственный, и что она, какъ бы облокотясь, возлежитъ на немъ и смотритъ въ долину. Мысль сія весьма естественна, и при томъ ниже слѣдующій вопросъ ясно оную подтверждаетъ. (Замѣтимъ здѣсь еще мимоходомъ, что кажется въ первомъ переводѣ къ слову *столы* нейдетъ прилагательное *величественныя*).

первый:

„Что привлекаетъ „взоръ твой на долинѣ?"

вторый:

„Что видишъ ты въ „долинѣ?"

третій:

E che mai guati nella pianura?

то есть:

„На что смотришъ (или что такое разсматри-„ваешъ) ты въ долинѣ?"

Примѣчаніе:

Разсматривать, или смотрѣть на что нибудь со вниманіемъ, естественнѣе лицу пребывающему на одномъ мѣстѣ, или *возлежащему на своемъ холмѣ*, какъ сказано въ третьемъ переводѣ, нежели *шествующему*, какъ сказано въ двухъ первыхъ.

То сличая слогъ сей, наполненный подобными выраженіями, съ стариннымъ нашимъ слогомъ, какимъ писаны, напримѣръ, сочи-

---

первый:

„Бурные дня вѣтры „молчатъ; шумъ источ„ника удалился; усми„ренныя волны ласкают„ся у подножія скалы.“

второй:

„Умолкли бурные вѣт„ры. Издалека слышно „журчаніе потока. Шу„мящія волны далеко „бьются о берегъ камен„ный.“

третій:

i tempestosi venti
Di già son cheti, e 'l rapido torrente
S'ode soltanto strepitar da lungi,
Che con l'onde sonanti ascende e copre
Lontane rupi.

т. е.

„Уже бурные вѣтры умолкли, и одинъ только „быстрый потокъ, ліющій воды свои съ камени„стыхъ утесовъ, шумитъ вдали.

Примѣчаніе:

Третій переводъ разнится съ двумя первыми, которые также между собою несходны, и для того разсмотримъ каждый изъ нихъ подробно. Въ первомъ переводѣ встрѣчаются *вѣтры дня*, или еще *дня вѣтры*. На что тутъ *день?* Да естьлибъ и нужно было сдѣлать сіе между вѣтрами различіе, такъ надлежало бы сказать: *дневные вѣтры*, а не *дня вѣтры:* таковое выраженіе въ языкѣ нашемъ странно. Притомъ же какъ можетъ изъ того, что *бурные вѣтры утихли*, слѣдовать, что *шумъ источника удалился?* Напротивъ, онъ долженъ былъ приближиться, то есть сдѣлаться слышнѣе, потому

ненія Ѳеофана Прокоповича, Димитрія Ростовскаго, и проч., хотя и нахожу его *новымъ*, но не могу прельщаться сею новостію,

---

что шумъ вѣтровъ не заглушаетъ его болѣе. Послѣдняя рѣчь: *усмиренныя волны ласкаются у подножія скалы*, хотя и есть слѣдствіе умолкшихъ вѣтровъ, однакожъ и она не хорошо выражена: *усмиренныя* потому не должно сказать, что волны, послѣ утихшаго вѣтра, не другимъ кѣмъ, но сами собою усмиряются. Глаголъ *ласкаться* употребляется съ предлогомъ *къ*: ласкаюсь къ тебѣ, а не у тебя. Естьли же рѣчь сію принять въ томъ смыслѣ, что волны ласкались не къ скалѣ, но между собою у скалы, то по Руски вмѣсто: *изъявлять взаимныя ласки*, не говорится: *ласкаться другъ съ другомъ*.

Во второмъ переводѣ изображеніе составлено изъ трехъ мыслей, изъ которыхъ первая есть: *умолкли бурные вѣтры*. Двѣ послѣднія, то есть *изъ далека слышно журчаніе потока и шумящія волны далеко* *) *бьются о берегъ каменный*, обѣ суть послѣдствія, произшедшія отъ сей первой мысли. Сіи послѣдствія состоятъ изъ двухъ шумовъ, изъ которыхъ одинъ другому необходимо мѣшать долженъ: *шумящія волны* въ море, препятствуютъ мнѣ слышать *журчаніе потока* на берегу. Сверхъ сего волны *шумятъ* во время дѣйствія вѣтра, но когда вѣтръ утихъ, тогда и онѣ перестаютъ быть, или по крайней мѣрѣ становятся меньше *шумящими*. Одно ли и тоже говорятъ два перевода, изъ которыхъ одинъ называетъ ихъ *усмирен-*

---

*) Не пропустимъ безъ разсмотрѣнія и самыхъ малыхъ вещей; ибо мы не осуждаемъ, но токмо даемъ на замѣчаніе, какъ трудно наблюдать вездѣ ясность и чистоту языка. На что здѣсь слово *далеко*, и къ чему относится оное: *далеко шумящія*, или *далеко бьются о берегъ каменный?*

основанною на совершенномъ отдаленіи отъ своего языка, и на точномъ подражаніи чужому, то есть Французскому языку. Сіе по-

---

ными и ласкающимися, а другой *шумящими и бьющимися*? которому изъ нихъ върить, и какъ угадать точную мысль подлинника? Всѣ сіи обстоятельства запутываютъ мое понятіе, и не даютъ ему представляемыхъ изображеній ясно и чисто видѣть.

Сличая оба наши перевода съ третьимъ, Италіянскимъ, мы не находимъ въ немъ подобнаго смѣшенія мыслей, и потому должно отдать ему преимущество.

первый:

,,Насѣкомыя, быстро
,,носимыя на легкихъ
,,своихъ крылахъ, напол-
,,няютъ жужжаніемъ без-
,,молвную тишину воз-
,,духа.“

второй:

,,Мухи вечернія на сла-
,,быхъ своихъ крыльяхъ
,,летаютъ и жужжатъ
,,въ полѣ.“

третій:

Già i notturni insetti
Sospesi stanno in su le debili ale,
E di grato susurro empiano i campi.

т. е.

,,Уже вечернія мошки, вися на слабыхъ крыль-
,,яхъ своихъ, пріятнымъ жужжаніемъ наполняютъ
,,воздухъ.“

Примѣчаніе.

Въ первомъ переводѣ: *насѣкомыя, быстро носимыя на легкихъ своихъ крылахъ*, есть изображеніе совсемъ противное *летанію* или *висѣнію на слабыхъ своихъ крыльяхъ* (какъ сказано въ двухъ послѣднихъ переводахъ), и мало приличное мошкамъ или насѣко-

дражаніе, отклоняющее насъ отъ свойствъ языка своего, отъ вниканія въ силу словъ, и сіе желаніе отличиться новостію выра-

---

мымЪ. СверхЪ сего *безмолвная тишина* есть почти тоже, что *тихая тишина*.

Во второмЪ переводѣ выраженіе: *мухи летаютъ*, грубѣе Италіянскаго: *мошки висятъ* (sospesi stanno). *Мухи* и вЪ горницѣ *летаютъ;* но *мошки* на слабыхЪ крыльяхЪ своихЪ *висѣть* или *толпиться* могутЪ только вЪ полѣ. Природа изображена здѣсь живѣе и пріятнѣе.

первый:

„Лучезарная! что при-
„влекаетЪ взорЪ твой
„на долинѣ? но я вижу
„ты сЪ нѣжною усмѣш-
„кою преклоняешься на
„края горизонта. Волны
„радостно стекаются
„во кругЪ тебя, и омы-
„ваютЪ твои блестящіе
„власы.“

вторый:

„Что видишЪ ты, свѣ-
„тило любезное? но ты
„улыбаешься и заходишЪ.
„Волны сЪ радостію о-
„кружаютЪ тебя, и о-
„мываютЪ прекрасные
„власы твои.“

третій:

E che mai guati, o graziosa stella?
Ma tu parti e sorridi; ad incontrarti
Corron l'onde festose, e bagnan liete
La tua chioma lucente.

т. е.

„На кого смотришЪ ты, прелестное свѣтило?
„Но ты отходишЪ и улыбаешся; ликующія волны
„текутЪ во срѣтеніе тебѣ, и омываютЪ сЪ весе-
„ліемЪ власы твои блистающіе.“

женій, часто невольнымъ образомъ вовлекаетъ насъ въ темноту и невразумительность. Примѣромъ сему можетъ служить

Примѣчаніе.

Здѣсь всѣ три перевода и мыслями и выраженіями сходны. Замѣтимъ токмо, что въ первомъ переводѣ *я вижу* суть излишнія слова, и что выраженіе *преклоняешся на края горизонта* не имѣетъ чистаго смысла; ибо что такое *края горизонта?* — Кругъ, называемый симъ именемъ, есть самъ предѣлъ или край пресѣкающагося съ землею видимаго намъ неба: чтожъ такое *край края?* Буде же мы, не согласно съ астрономическимъ опредѣленіемъ слова *горизонтъ,* возмемъ оное за зримую нами поверхность земли, то хотя окружный предѣлъ ея и можемъ назвать *краемъ,* но и тогда не избѣгнемъ отъ запутанности мыслей, поелику не о такой вещи говоримъ, которая движется по землѣ къ сему краю, но о звѣздѣ или свѣтилѣ, опускающемся *къ горизонту;* а не *къ краямъ горизонта.* Сверхъ сего въ Оссіяновыхъ пѣсняхъ астрономическія слова не у мѣста.

первый:

„Прости молчаливая „звѣзда! Пусть огонь „моего духа сіяетъ вмѣсто лучей твоихъ. Я „чувствую онъ возраждается во всей своей „силѣ, при его сіяніи „вижу я тѣни друзей „моихъ, собравшихся на „холмѣ Лоры.“

второй:

„Прости лучь тихій! „Да возсіяетъ свѣтъ „души Оссіяновой! и „возсіялъ онъ въ силѣ „своей! я вижу умершихъ друзей моихъ, „собирающихся на Лорѣ, „гдѣ они во дни прошедшіе собирались.“

слѣдующій переводъ: „*Мудрый отличается „отъ слабоумнаго только средствами само-„чувствованія. Чѣмъ простѣе, вездѣсущнѣе,*

третій:

Addio soave
Tacito raggio: ah disfavilli omai
Nell' alma d'Ossian la serena luce.
Ecco già sorge, ecco s'avviva; io veggo
Gli amici estinti, il lor congresso é in Lora,
Come un tempo già fu.

т. е.

„Прости пріятный тихій лучь! Ахъ возблистай „снова, о свѣтазарный лучь, въ душѣ Оссіяновой! „се уже возгарается, се возсіяваетъ онъ: я вижу „тѣни усопшихъ друзей моихъ. Они собираются „въ Лорѣ, какъ бывало въ прежнія времена."

Примѣчаніе.

Хотя въ каждомъ изъ сихъ трехъ переводовъ есть нѣкоторая разность въ выраженіяхъ, но какъ сіе не дѣлаетъ главной разности въ мысляхъ, то и могутъ они оставаться каждый въ своемъ видѣ.

первый:
„Я зрю тамъ Фингала, „посреди своихъ силь-„ныхъ."

вторый:
„Является Фингалъ, „подобно влажному стол-„пу тумана.

третій:

Fingal sen viene
Ad acquosa colonna somigliante
Di densa nubbia che sul lago avanza.

т. е.

„Фингалъ идетъ, подобенъ густому столпу ту-„мана, движущемуся по озеру."

„всенаслаждительнѣе, постояннѣе и благодѣ-
„тельнѣе есть средство или предметъ, въ ко-
„торомъ или черезъ которой мы сильнѣе су-

Примѣчаніе.

Въ первомъ переводѣ прекрасное уподобленіе Фингаловой тѣни густому столпу тумана совсемъ выпущено, и вмѣсто онаго сказано: *я зрю Фингала посреди своихъ сильныхъ.*

Во второмъ переводѣ прилагательное *влажный*, говоря о туманѣ, далеко уступаетъ прилагательному *густый* (denso); притомъ же подобіе не докончано, и чрезъ то оно слабѣе, чемъ въ третьемъ, Италіянскомъ. Туманъ на водѣ гораздо виднѣе, и потому изображеніе, что онъ въ видѣ густаго столпа движется по озеру, много мечтанію сему придаетъ силы.

первый:

„Я вижу бардовъ, мо-
„ихъ сотрудниковъ:
„тамъ почтенный Улинъ,
„величественный Рино,
„сладкогласный Альпинъ,
„нѣжная и жалостная
„Минона."

вторый:

„Герои окружаютъ его
„и барды пѣнія: Улинъ
„сѣдовласый, величавый
„Рино, Альпинъ сладко-
„гласный и кроткая, пе-
„чальная Минона."

третій:

Gli fan cerchio gli eroi: vedi con esso
I gran figli del canto, Ulin canuto,
E Rino il maestoso, e 'l dolce Alpino
Dall' armonica voce, e di Minona
Il soave lamento.

т. е.

„Храбрые воины и знаменитые пѣснопѣвцы
„окружаютъ его: Улинъ сѣдовласый, и величе-

,,ществуемъ, тѣмъ существеннѣе мы сами,
,,тѣмъ вреднѣе и радостнѣе бытіе наше —
,,тѣмъ мы мудрѣе, свободнѣе, любящѣе, лю-

,,ственный Рино, и сладкогласный Альпинъ, и уны-
,,вно поющая Минона."

Примѣчаніе.

Мы не станемъ говорить о разностяхъ, таковыхъ, какъ въ одномъ переводѣ Улинъ названъ *лоттенкымъ*, а въ другихъ *сѣдовласымъ*, хотя и оныя должны означать нѣкоторую неточность съ подлинникомъ; но замѣтимъ гораздо бо́льшія сихъ, а имянно: въ двухъ первыхъ переводахъ Минона названа, въ однюмъ *нѣжною* и *жалостною*, а въ другомъ *кроткою* и *печальною*: всѣ сіи названія показываютъ нравственныя ея свойства; но Оссіянъ, по мнѣнію Италіянскаго переводчика, не о томъ разсуждаетъ: онъ хочетъ только показать искуство и образъ ея пѣнія. Чезаротти въ примѣчаніяхъ своихъ говоритъ, что Оссіянъ сими словами означаетъ сію пѣвицу: *Minona dotata di voce soavemente lamentevole*, то есть: Минона одаренная пріятно-унылымъ голосомъ. — Замѣтимъ еще во второмъ переводѣ, что выраженіе *Барды пѣнія* Рускому языку совсемъ не свойственно, иначе какъ развѣ слово *Барды* взять за *учителей*, даже и въ такомъ случаѣ лучше сказать: *учать пѣть*, нежели *учители пѣнія*.

первый:

,,О друзья мои! сколь
,,много перемѣнились вы
,,съ тѣхъ щастливыхъ
,,дней, какъ среди тор-
,,жествъ Сельмы состя-
,,зались мы, кому вѣн-
,,чаться наградою пѣнія,

вторый:

,,Какъ перемѣнились
,,вы, друзья мои, со дней
,,Сельмскаго пиршества,
,,когда мы спорили въ
,,пѣніи, подобно вѣтер-
,,камъ весенним, несу-
,,щимся вдоль по холму

„бимѣе, живущѣе, оживляющѣе, блаженнѣе, че-
„ловѣчнѣе, Божественнѣе, съ цѣлію бытія на-
„шего сообразнѣе.“ — То могу ли я съ усла-

„подобны весеннимъ зе-
„фирамъ, которые по-
„перемѣнно возлетаютъ
„на холмъ, и съ пріят-
„нымъ шумомъ нѣжатъ
„и колеблютъ раждаю-
„щуюся траву.“
„и колеблющимъ по пе-
„ремѣнно тихо - шепчу-
„щую траву.“

третій:

Oh quanto, amici,
Cangiati siete dal buon tempo antico
Del convito di Selma, allor che insieme
Faceam col canto graziose gare!
Siccome i venticelli a primavera,
Che volando sul colle alternamente
Piegan l'erbetta dal dolce susurro.

т. е.

„О какъ перемѣнились вы, друзья мои, отъ
„тѣхъ блаженныхъ, старыхъ временъ, когда бы-
„вало на Сельмскихъ празднествахъ въ пріятномъ
„спорѣ, кто лучше споетъ, пѣвали мы, подобно
„весеннимъ вѣтеркамъ, вѣющимъ по холму, играя
„по перемѣнно съ сладко-шепчущею травою.“

Примѣчаніе.

Здѣсь много различія, и для того разсмотримъ каждый переводъ. Въ первомъ: *среди торжествъ Сельмы,* не хорошо; лучше: *среди Сельмскихъ торжествъ.* Выраженіе: *вѣнчаться наградою лѣнія,* также не хорошо, первое потому, что награду не можно, какъ вѣнокъ, надѣть на голову. Иносказаніе должен-ствуетъ быть ясное, не затрудняющее понятія.

жденіемъ читать то, чего не разумѣю, и не вѣрю, чтобъ другой кто разумѣть могъ? Я не знаю Лафатеръ ли взлетѣлъ выше пре-

---

Второе, *награда пѣнія* есть столько же не по Руски, какъ *Барды пѣнія*. Въ рѣчи: *подобны весеннимъ вѣтеркамъ*, слово *подобны* относится къ мѣстоименію *мы*; но какъ же Оссіянъ говоритъ: мы, то есть стихотворцы, подобны зефирамъ? Иное голосъ или пѣніе стихотворца уподоблять весеннимъ вѣтеркамъ или зефирамъ, иное самого стихотворца. Можно бы счесть сіе опечаткою, и вмѣсто *подобны* поставить *подобно*, однако нѣтъ; тогда смыслъ будетъ еще хуже: *кому вѣнчаться наградою пѣнія, подобно весеннимъ зефирамъ?* Слѣдовательно выдетъ, что *весенніе зефиры вѣнчались наградою пѣнія*. Въ окончаніи сказано: *подобны весеннимъ зефирамъ, которые попеременно возлетаютъ на холмъ, и съ пріятнымъ шумомъ нѣжатъ и колеблютъ раждающуюся траву*: колебать то, что раждается! Всякъ, кто сличитъ рѣчь сію съ тѣмъ, какъ она сказана въ двухъ другихъ переводахъ, легко почувствуетъ находящуюся между ими разность. Въ чтеніи таковыя погрѣшности суть непримѣтныя крупинки, но въ разборѣ большіе камни. Для того то сочиненія и переводы рѣдко цѣнятся по достоинству.

Во второмъ переводѣ сказано: *какъ перемѣнились вы, друзья мои, со дней Сельмскаго пиршества:* въ семъ мѣстѣ нѣтъ Италіянскаго выраженія *dal buon tempo antico* (отъ тѣхъ блаженныхъ, старыхъ временъ), которое дѣлаетъ рѣчь сію гораздо чувствительнѣе въ устахъ жалующагося на сію перемѣну: *Когда мы спорили въ пѣніи:* спорить въ пѣніи, больше значитъ *спорить во время пѣнія*, нежели *спорить о превосходствѣ пѣнія*, въ выраженіи: *подобно зефир-*

дѣловъ моего ума, или переводчикъ его туда поднялъ, но дѣло въ томъ, что я изъ нихъ ни того ни другаго не понимаю. Положимъ,

---

камъ весеннимъ, несущимся вдоль по холму, замѣтить можно первое, что *несущійся* прилично говорить о крѣпкомъ вѣтрѣ: туча, буря *несется;* но о весеннихъ вѣтеркахъ должно говорить нѣжнѣе: *летаютъ, вѣютъ.* Второе, лучше просто сказать: *несущимся по холму,* нежели: *несущимся вдоль по холму,* потому что у *холма* нѣтъ *длины;* онъ имѣетъ только вершину, подошву, и пологость или крутизну.

первый:

„Во едино изъ сихъ
„торжествъ зрѣли мы
„нѣжную Минону, гряду-
„щую въ полномъ сіяніи
„своихъ прелестей. Ея
„поникшія къ долу очи
„окроплялись слезами."

вторый:

„Выступила Минона
„въ красотѣ своей съ
„потупленнымъ взоромъ
„и очами слезящими.

третій:

Suonami ancor nella memoria il canto:
Ricordanza soave. Usci Minona,
Minona adorna di tutta beltade,
Ma il guardo ha basso, e lagrimoso il ciglio.

т. е.

„Еще сіи пѣсни отзываются въ памяти моей:
„сладкое воспоминаніе! Вышла Минона, Минона
„всѣми прелестями украшенная; но взоры ея были
„потуплены, изъ очей капились слезы."

Примѣчаніе.

Въ первомъ переводѣ вмѣсто сей прекрасной и нужной для вступленія рѣчи: *еще сіи пѣсни отзываются въ памяти моей: сладкое воспоминаніе!* сказано

что я по тупости моего ума (хотя уже лѣтъ десятка три и по больше упражняюсь въ наукахъ) не могу понимать высокихъ

простое увѣдомленіе: *во едино изъ сихъ торжествъ зрѣли мы*, и проч.

Во второмъ переводѣ введеніе или приступъ сей совсѣмъ выпущенъ и повѣствованіе начинается сими словами: *выступила Минона въ красотѣ своей*: выраженіе, *выступить въ красотѣ своей*, какъ будто въ какомъ одѣяніи, по Руски не хорошо, и далеко не можетъ сравниться съ сею величавою и важною рѣчью, сказанною въ первомъ переводѣ: *грядущая въ полномъ сіяніи своихъ прелестей.* Здѣсь слово *грядущая*, по важности другихъ сопряженныхъ съ нимъ словъ, весьма прилично. — Читая многія нынѣшнія книги можно на подобныя высокія слова находить вмѣстѣ и гоненіе и употребленіе ихъ совокупно съ простонародными, такъ что скоро, послѣдуя худому навыку, не будемъ мы чувствовать странности въ выраженіяхъ: *отверзъ ротъ* и *разинулъ уста.* Къ сему неприличному смѣшенію важныхъ словъ съ простыми ведетъ насъ тожъ самое подражаніе Французскому языку. Молодые писатели наши, вмѣсто познанія языка своего изъ старинныхъ, а особливо священныхъ книгъ, ополчаются противъ важнаго, величественнаго въ нихъ слога, которой называютъ они славенскимъ, вооружаются противъ многихъ коренныхъ словъ, изгоняютъ ихъ, и на мѣсто оныхъ переводятъ буквально чужія, или составляютъ противусвойственно языку свои собственныя, утверждая, что это будетъ очищенный Руской языкъ, тотъ, подобный Французскому, на которомъ мудрецъ, вельможа и простолюдинъ пишутъ и говорятъ въ бесѣдахъ съ равною простотою. Но простота имѣетъ свое искуство:

мыслей; но я не разумѣю словъ, то какъ же требовать отъ меня, чтобъ я разумѣлъ мысль, которая безъ словъ существовать

разломать великолѣпныя зданія, и на мѣсто ихъ, или рядомъ съ ними построить хижины, есть худая простота.

первый:	второй:
. . . .	„Порывистый вѣтръ
. . . .	„отъ холма несущійся,
. . . .	„тихо развѣвалъ ея во-
. . . .	„лосы."

третій:

E lento lento le volava il crine
Sopra l'auretta, che buffando a scosse
Uscia del colle.

т. е.

„И вырывающійся изъ за холма вѣтерокъ тихо „тихо развѣвалъ ея власы."

Примѣчаніе.

Въ первомъ переводѣ слова сіи совсѣмъ пропущены. Во второмъ замѣтить можно, что *порывистый вѣтръ несущійся*, означаетъ великую силу вѣтра, которому уже не свойственно развѣвать волосы *тихо*.

первый:	второй:
„Сердца героевъ смяг-	„Печалію наполнились
„чились, когда возвыси-	„души героевъ, когда она
„ла она сладостный свой	„сладостнымъ голосомъ
„голосъ. Часто видали	„запѣла. Часто видали
„они гробъ Сальгара, и	„они гробъ Сальгаровъ и
„мрачное жилище неща-	„мрачное жилище бѣло-
„стной Кольмы, Кольмы,	„грудой Кольмы. Оста-

не можетъ? Напримѣръ: что значитъ *вездѣсый* или *вездѣсущій?* Тотъ, который вездѣ и повсюду пребываетъ. Я не могу никого

„которой Сальгаръ обѣ„щалъ возвратиться при „концѣ дня; но мракъ „ночи ее окружаетъ; она „зритъ себя оставленну „на холмѣ.“ „лась Кольма едина на „холмѣ, едина съ своею „пѣснію. Салгаръ обѣ„щалъ пріити къ ней; „темная ночь ниспуска„лась. Внимайте пѣнію „Кольмы, когда она еди„на на холмѣ сидѣла.“

третій:

Degli Eroi nell' alma
Scese grave tristezza, allor che sciolse
La cara voce; che di Salgar vista
Spesso aveano la tomba, e 'l tenebroso
Letto di Colma dal candido seno.
Colma sola sedea su la collina
Con la musica voce: a lei venirne
Salgar promise; ella attendealo, e intanto
Giu dai monti cadea la notte bruna.
Già Minona incomincia: udite Colma,
Quando sola sedea su la collina.

т. е.

„Глубокая печаль овладѣла сердцами витязей, „когда унылый гласъ ея раздался: они часто ви„дали гробъ Салгаровъ и мрачное ложе бѣлогрудой „Кольмы. Кольма одна съ сладкозвучнымъ гласомъ „своимъ сидѣла на холмѣ. Салгаръ обѣщалъ прид„ти къ ней; но между тѣмъ ночь темная ниспу„скалась уже съ горъ.“

вообразить себѣ таковымъ, кромѣ Бога. Чтожъ такое: *вездѣсущій предметъ или средство?* И какъ *вездѣсущій* можетъ быть *вез-*

Примѣчаніе.

Во всѣхъ сихъ переводахъ нѣтъ разности въ смыслѣ. Итакъ замѣтимъ только, хотя и мелочи, но и онѣ подаютъ поводъ къ сужденію. Въ первомъ переводѣ: *сердца героевъ смягчились, когда она возвысила голосъ,* оба глагола *смягчились* и *возвысила* не тѣ, которымъ бы тутъ быть надлежало; ибо *смягчаются* только ожесточенныя или гнѣвныя сердца; но герои, слушавшіе сіе пѣніе, не были въ семъ расположеніи. — *Возвысила голосъ* значитъ больше *стала пѣть громче,* нежели *запѣла.* Вопросимъ здѣсь, которое выраженіе правильнѣе: *гробъ Салгара* (какъ сказано въ первомъ переводѣ, или: *гробъ Салгаровъ* (какъ сказано во второмъ)? Безсомнѣнія сіе послѣднее. Между тѣмъ не льзя сказать, чтобъ оба сіи выраженія не были свойственны языку нашему; но дѣло въ томъ, гдѣ и когда свойственны? Языкъ имѣетъ свои законы, иногда положительные, иногда разбору предоставленные, въ которые надлежитъ тщательно вникать, дабы чрезъ смѣшеніе ихъ не портить оный. Иногда *гнѣвъ царя,* иногда *царскій гнѣвъ* лучше, смотря по смыслу и составу рѣчи. Французы не могутъ сего различать, но мы можемъ и должны; ибо худо сдѣлаемъ, естьли вмѣсто *видъ моря* скажемъ *морской видъ,* но еще хуже, естьли вмѣсто *морская рыба* скажемъ *рыба моря.* Таковыя погрѣшности нынѣ, какъ мы то ниже сего увидимъ, часто примѣчаются. — Во второмъ переводѣ можно замѣтить, что отъ подобнаго сему непріятнаго стеченія одинакихъ звуковъ: *она едина на* холмѣ, должно стараться избѣгать.

дѣсущнѣе? Что такое: *простой, всенасладительной, благодѣтельной, постоянной предметъ?* Какимъ образомъ пойму и разберу я

Кольма поетъ.

первый:

„Уже ночь, я одна на
„семъ холмѣ, гдѣ соеди-
„няются бури."

вторый:

„Пришла ночь; — я одна
„на бурномъ холмѣ оста-
„вленная."

третій:

E notte: io siedo abbandonata e sola
Sul tempestoso colle.

т. е.

„Се ночь; я одна, оставленная, сижу на холмѣ
„вѣтрами обуреваемомъ."

Примѣчаніе.

Въ первомъ переводѣ выраженіе: *холмъ, гдѣ соединяются бури,* не хорошо. Бури никогда и нигдѣ не соединяются. Выраженіе сіе не естественно и странно. — Во второмъ переводѣ *пришла ночь* хорошо, когда что нибудь расказываешь, и расказываешь просто; но Кольма начинаетъ пѣть, и хочетъ положеніе свое представить страшнымъ, ужаснымъ; а потому *се ночь* (é notte) гораздо приличнѣе и важнѣе, нежели *пришла,* или *настала,* или *наступила* ночь. Также одно причастіе безъ глагола не составляетъ полнаго смысла: *я одна на бурномъ холмѣ оставленная,* не говорится; надлежитъ сказать или *оставлена,* или *оставленная сижу, пребываю.* Теперь разсмотримъ свойственно ли выраженіе *бурный холмъ* нашему языку: что разумѣемъ мы подъ словами *бурный вѣтръ, бурное дыханіе?* Вѣтръ съ великою силою дующій. А подъ словами *бурный мечь* или *бурный гнѣвъ?* Мечъ или гнѣвъ, дѣйствую-

всѣ сіи прилагательныя имена? Что такое: *сильно существовать?* Существо можетъ ли быть *существеннѣе?* Тѣло можетъ ли быть

щій на подобіе бури. Можно ли сказать: *я плыву по бурному морю?* можно; ибо море представляется намъ тогда волнующимся, кипящимъ, или, какъ говаривали предки наши, вреющимъ. Но можно ли сказать: *я плыву на бурномъ кораблѣ?* Нѣтъ, для того, что корабль не самъ дышетъ бурею, но буря на него дышетъ, и потому онъ не есть *бурный*, но *обуреваемый*, то есть колеблемый или потрясаемый бурнымъ вѣтромъ или моремъ. — Можно ли сказать: *бурный камень?* Можно, когда камень сей представляется намъ въ образѣ дѣйствующаго орудія. Напримѣръ: *онъ сильною рукою бросилъ тяжелый камень, и бурная громада сія засвистѣла по воздуху.* Такъ Гомеръ говоритъ иногда о своихъ Греческихъ богатыряхъ. Здѣсь камень по тому *бурный*, что онъ летитъ и тягостію или огромностію своею все, во что ударяется, наподобіе бури ломаетъ, сокрушаетъ. Но можно ли сказать: *я сижу на бурномъ камнѣ?* отнюдь нѣтъ; потому что камень тогда неподвиженъ, и ни мало не представляется мнѣ *бурнымъ*. По тойже причинѣ *бурный холмъ, бурной пригорокъ, бурная кочка*, суть пустыя выраженія. Скажутъ: такъ у Оссіяна сказано; тамъ стоитъ слово соотвѣтствующее нашему *бурный*. Можетъ быть. Сошлются также на Италіянской переводъ, гдѣ сказано *tempestoso colle*. Не спорю, но въ Италіянскомъ *tempestoso* значитъ вмѣстѣ и *бурный* и *обуреваемый*. Они не различаютъ сихъ двухъ понятій, а мы различаемъ. Искусному переводчику должно вникать въ свойство языка своего, и не располагать его по чужимъ выраженіямъ, хотя бы онѣ были Оссіяновы или Гомеровы.

тѣлеснѣе, мясо *мяснѣе*, дерево *деревяннѣе*? Говоримъ ли мы когда: *я тебя любящѣе, ты меня ненавидящѣе, онъ его глядящѣе*? Также

Гомеръ, писавъ по Руски, можетъ быть не употребилъ бы того слова или выраженія, какое на своемъ языкѣ употребилъ.

первый:

„Я слышу гремятъ „яростные въ ребрахъ „горы вѣтры; источ„никъ, наводненный до„ждемъ, шумитъ по кру„тизнѣ скалы. Я не вижу „никакова убѣжища, гдѣ „бы могла скрыться. „Увы! я одна оставлена.“

вторый:

„Шумитъ вѣтръ на „горѣ; стремительно „потокъ мчится внизъ „по утесу. Некуда мнѣ „отъ дождя укрыться.— „Мнѣ, оставленной на „бурномъ холмѣ!“

третій:

Il vento freme
Sulla montagna, e romoreggia il rivo
Giù dalle rocce, nè capanna io veggo
Che dalla pioggia mi ricopri: achi lasso!
Che far mai deggio abbandonata e sola
Sopra il colle de' venti?

т. е.

„Вѣтръ воетъ на горѣ; шумитъ быстрая съ „крутой скалы рѣка. Не вижу убѣжища, куда у„крыться отъ дождя. Нещастная! что мнѣ дѣ„лать одной, оставленной на холмѣ ярыми вѣтра„ми обуреваемомъ?

Примѣчаніе.

Здѣсь въ Италіянскомъ переводѣ не употреблено больше прилагательное *tempestoso*, но сказано:

можемъ ли сказать: *я тебя живуцѣе?* Можемъ, но вотъ въ какомъ разумѣ: *эта собака живуща, не скоро ее убить можно, а эта веще*

---

sopra il colle de'venti (на холмѣ вѣтровъ). Я привожу сіи подробности для показанія, что хотя бы на тысячи языкахъ сказали: *сидѣть на бурномъ холмѣ,* или *на холмѣ вѣтровъ,* но въ нашъ языкъ вводить сіи выраженія несвойственно. Замѣтимъ еще здѣсь, что въ первомъ переводѣ рѣчь: *гремятъ яростные въ ребрахъ горы вѣтры,* хотя и громозвучна, однако есть одно только напыщенное пустословіе. Первое, глаголъ *гремитъ* не весьма приличествуетъ вѣтрамъ, которые паче шумятъ, бушуютъ, нежели *гремятъ*. Второе, просто *ребра* не означаютъ утробы или внутренности горы боками или ребрами обьемлемой. Третье, здѣсь не говорится о горахъ огнедышущихъ, у коихъ во внутренности или утробѣ ихъ слышенъ бываетъ шумъ; но просто о вѣтрѣ, шумящемъ на горахъ или между горъ.

Я прекращаю замѣчанія мои, потому что можно ими наскучить читателю; но между тѣмъ изъ сего сличенія довольно явствуетъ, что переводы, съ какихъ бы они славныхъ сочинителей ни были дѣланы, должны принаравливаемы быть къ своему языку. Не столько вреда въ томъ, что переводчикъ худо выразитъ мысль сочинителеву, сколько въ томъ, что, углубленный въ достоинство переводимаго имъ писателя, забывъ самого себя, безъ разсужденія будетъ вводить его выраженія. Отъ сего портится языкъ и дѣлается изъ чистаго и яснаго страннымъ и невразумительнымъ. Нѣтъ нужды, что найдемъ мы въ переводѣ Оссіяновой пѣсни (называемой Картонъ): *солнечный лучъ изливаетъ предъ нимъ свѣтлость свою,* вмѣсто: *солнце предшествуетъ*

живущѣе. Свойственно ли намъ отъ глагола *оживлять*, производить уравнительный степень *оживляющѣе?* По этому я могу ска-

---

ему и разливаетъ предъ нимъ лучину свѣта: (lo precede il sole e sgorga lucidissimo torrente innanzi ad esso). Здѣсь ничего нѣтъ противъ языка, кромѣ что одно изображеніе слабѣе другаго. Но когда мы въ той же пѣснѣ найдемъ: *кто, кромѣ сына Комгалова, царя великихъ дѣлъ?* Тогда не знающій хорошо языка своего можетъ подумать, что *царь великихъ дѣлъ*, есть прекрасное выраженіе. Естьли же по навыку къ *старому слогу* и покажется оно ему не хорошимъ, то не посмѣетъ въ томъ усумниться, слыша, что повсюду въ журналахъ твердятъ о *новомъ слогѣ*, о *вкусѣ*, *объ изящномъ*, и проч., и проч. Но разберемъ смыслъ сего выраженія, и тогда мы противное тому увидимъ. Когда мы называемъ кого царемъ, то симъ означаемъ или власть его надъ чемъ нибудь, какъ напримѣръ *Нептунъ царь морей*, или преимущество его надъ тѣми животными или существами, которыя одинакаго съ нимъ рода, какъ напримѣръ *левъ царь звѣрей*, или *роза царица цвѣтовъ;* но *человѣкъ* и *дѣло* суть вещи совсѣмъ различныя, между которыми не льзя вообразить ни связующей ихъ власти и повиновенія, ни преимущества существующаго между ими, и потому *царь дѣлъ, царь мечей* *), суть такія же пустыя выраженія, какъ *царь шалокъ* или *царь благоуханій*. Для чего бы вышеупомянутой рѣчи не сказать по Руски: *кто, кромѣ сына Комгалова, царя великими дѣлами свѣтлаго*, или тому подобнымъ образомъ? Разсмотримъ еще нѣкоторыя выраженія въ сихъ переводахъ. Мы не отнимемъ чрезъ то славы у пе-

---

*) *Я никогда не покорялся, царь мечей.* См. въ тойже пѣсни.

зать: *ты умѣешь копить деньги, а я еще и тебя копящѣе?* Свойственно ли намъ изъ имени *человѣкъ* дѣлать уравнительный сте-

---

реводчиковъ, но между тѣмъ, изобличая нѣкоторыя ихъ погрѣшности, принесемъ ту пользу, что молодые люди, начинающіе упражняться въ словесности могутъ остеречься и не принимать въ нихъ худое за хорошее. Читая далѣе вышеприведенные нами переводы Сельмской пѣсни находимъ мы въ нихъ слѣдующія выраженія. Въ первомъ: *юный ратникъ! въ величественной высотѣ своей прекраснѣе ты всѣхъ сыновъ равнины.* Во второмъ: *внимайте моему гласу сыны любви моей. — Онъ пришелъ въ одеждѣ сына морскаго — Одинъ сынъ скалы отвѣтствовалъ ей,* и проч. — Я бы могъ изъ обоихъ переводовъ еще гораздо болѣе выписать сихъ *сыновъ*, естьли бы захотѣлъ. Что значатъ всѣ сіи *сыны?* Между тѣмъ не льзя отрицать, чтобъ выраженіе сіе не было свойственно языку нашему, равно какъ и всѣмъ другимъ. И въ священномъ писаніи правовѣрные называются сынами Божіими, а грѣшники сынами человѣческими. Краснорѣчивый нашъ Платонъ весьма хорошо въ проповѣди своей сказалъ: *преображаетъ молитва невѣрующаго въ правовѣрнаго, и изъ сына тьмы творитъ сыномъ свѣта.* Не худо также, когда кто, желая означить грознаго или свирѣпаго воина, скажетъ: *сынъ брани, чадо гнѣва,* и тому подобное. Но надлежитъ разсматривать, чтобъ такое иносказаніе имѣло должную силу и приличіе. Къ таковымъ важнымъ словамъ, каковы суть: *тьма, свѣтъ, брань, гнѣвъ,* оно прилично. Когда же мы, не разбирая вещей, станемъ ко всякой изъ нихъ прикладывать сіе названіе и говорить: *сынъ любви, сынъ морской, сынъ скалы, сынъ равнины, сынъ камня, сынъ древа,* и проч., и проч., то наконецъ въ сло-

пень *человѣчнѣе?* По этому могу я говорить: *моя лошадь лошадинѣе твоей*, *моя корова*

весности нашей народится столько *дѣтей*, что и дѣвать ихъ будетъ не куда; ибо сіи *сыны любви* весьма плодовиты: отъ нихъ тотчасъ произошло новое поколѣніе выраженій, доселѣ нигдѣ, во всемъ пространствѣ языка нашего не существовавшихъ, а имянно: мы находимъ въ тѣхъ же самыхъ переводахъ: *елень холма*, *пещера камня*, *супруга любви*, и проч. Почему Еленю въ вѣчное и потомственное владѣніе пожалованъ холмъ? Мы въ описаніяхъ животныхъ не видимъ, чтобъ олени раздѣлялись на два рода, изъ которыхъ одни жили бы всегда на холмахъ, а другіе на поляхъ; да естьли бы и сіе было, такъ однихъ, для различія родовъ ихъ, называли бы горными или нагорными, а другихъ полевыми, и отнюдь не говорили бы: *олень холма*, *олень поля*. На какомъ разумѣ основано право вмѣсто *каменная пещера* говорить *пещера камня?* гдѣ въ книгахъ своихъ найдемъ мы тому примѣры, и позволитъ ли языкъ нашъ вмѣсто *деревянной домъ*, *золотое кольцо*, *мѣдной котелъ*, говорить: *домъ дерева*, *кольцо золота*, *котелъ мѣди?* Отнюдь нѣтъ; потому что *мѣдный котелъ* значитъ у насъ *изъ мѣди сдѣланный*, а *котелъ мѣди*, подобно какъ *рюмка вина*, *стаканъ воды*, и проч., значитъ котелъ *наполненный мѣдью или мѣдными вещами*. Равнымъ образомъ вмѣсто *любезная*, *милая супруга* въ языкѣ нашемъ несвойственно говорить *супруга любви*. Подъ словами *супруга пѣтуха* всякъ разумѣетъ у насъ курицу, такъ и подъ словами *супруга любви* долженъ будетъ разумѣть тоже, но весьма странное, то есть любовь на комъ-то женатую. Начто въ богатый и сильный языкъ нашъ вводить такія не нужныя ему новости, которыя больше безобразятъ его, нежели украшаютъ?

коровнѣе твоей? Вотъ, милостивые государи мои, въ какой мракъ заводитъ насъ ненависть къ *славянщизнѣ* и любовь къ чужеязычію! Корни словъ нашихъ всѣ въ Славенскомъ языкѣ; а не знавъ корней словъ, не будемъ мы знать силы оныхъ; не научимся пристойно выражать ими свои мысли, прилично и съ ясностію употреблять ихъ въ иносказательныхъ смыслахъ. Все сіе почерпнемъ мы изъ чужеязычныхъ книгъ и будемъ писать, какъ уже и пишемъ, Руско-Французскимъ, или Руско-Нѣмецкимъ слогомъ. Можетъ быть на сіе скажутъ мнѣ: свѣтскихъ превосходнаго сочиненія книгъ у насъ не много, а Священныя книги скучно читать. Въ Библіи слогъ весьма древенъ, и во многихъ мѣстахъ невразумителенъ; въ Прологахъ и Четиминеяхъ нѣтъ разнообразности: вездѣ одинакимъ слогомъ описывается житіе и страданіе Святыхъ отецъ. Очень хорошо! Но во первыхъ, охотникъ и любитель словесности найдетъ и въ свѣтскихъ нашихъ книгахъ довольно для ума своего пищи; во вторыхъ Священныя книги читай не для забавы, читай ихъ для того, чтобъ вникнуть въ знаменованіе коренныхъ словъ нашихъ, примѣниться къ свойственному намъ слогу. Ты хочешь быть писателемъ, познай изъ нихъ силу языка своего и пріучи разумъ свой къ собственнымъ своимъ выра-

женіямъ, дабы не было тебѣ нужды гонять-ся за переводомъ чужихъ словъ: тогда можешь ты читать иностранныя книги; тогда можешь переводить ихъ и сочинять самъ; тогда, естьли при глубокомъ знаніи языка своего, одаренъ ты остротою ума и силою воображенія, можешь, подобно Цицерону, Расину, Ломоносову, изобрѣтать и вводить новости: они конечно основаны будутъ на свойствѣ языка нашего и послужатъ къ обогащенію и украшенію онаго; тогда, въ случаѣ недостатка какого либо собственнаго названія, и избѣгая, чтобъ не ввести слишкомъ странную новость, каковы суть нынѣшнія *вліянія*, *развитія*, *отпечатки*, *трогательности* и проч., можешь ты употребить и иностранное слово, а особливо давно уже употребляемое, и которому дѣйствительно въ нашемъ языкѣ нѣтъ равносильнаго; однакожъ дѣлай сіе не иначе, какъ по самой крайней нуждѣ, и отнюдь не переводи изъ слова въ слово цѣлую иностранную рѣчь, какъ скоро оная хоть чуть понятію затруднительна; ибо каждому народу свой составъ рѣчей свойственъ. И Французы тоже говорятъ: *la proposition est toujours la même chez tous les peuples. La frase est particulière chez chacun d'eux, et formée d'après le génie de chaque langue* (*elem. de grammaire generale par Sicar, tome I, page 40*). — И въ другомъ мѣ-

стѣ: *il est si vrai que chaque langue a ses métaphores propres et consacrées par l'usage, que si vous en changez les termes par les équivalens même qui en approchent le plus, vous vous randez ridicule* (*Encyclopedie*). Можетъ быть найдутся многіе изъ нынѣшнихъ писателей, которые возопіютъ противъ меня, и скажутъ, что я брежу; но не ужъ ли не повѣрятъ они и самимъ наставникамъ своимъ Французамъ? — Дѣлайте и говорите, что вамъ угодно, господа любители чужой словесности; но сія есть непреложная истина, что доколѣ не возлюбимъ мы языка своего, обычаевъ своихъ, воспитанія своего, до тѣхъ поръ во многихъ нашихъ наукахъ и художествахъ будемъ мы далеко позади другихъ. Надобно жить своимъ умомъ, а не чужимъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Написавъ разсужденіе мое о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка, давалъ я оное читать нѣкоторымъ изъ моихъ пріятелей, дабы узнать ихъ о томъ мысли, и между тѣмъ, какъ оное изъ рукъ въ руки ходило, получилъ я отъ двухъ неизвѣстныхъ мнѣ людей два письма, которыя при семъ прилагаю.

ПИСЬМО I.

Государь мой!

Нечаянно случилося мнѣ прочитать сочиненіе ваше подъ названіемъ: *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка.* Признаюсь вамъ, что сначала наименованіе сіе показалось мнѣ странно: я часто слыхалъ о старыхъ и новыхъ модахъ, но никогда не приходило мнѣ въ голову, чтобъ слогъ языка нашего могъ быть старой и новой. Я подумалъ, что вы или нѣчто иное подъ сими словами разумѣете, или что вы сочиненію своему неприличное дали заглавіе. Любопытствуя однакожъ узнать содержаніе сего разсужденія, прочиталъ я оное до конца, и тутъ увидѣлъ я, что вы правы. Хотя уже и прежде васъ большою частію нынѣшнихъ писателей, въ разсужденіи страннаго слога ихъ, былъ я недоволенъ, и для того мало ихъ читалъ; однако не имѣлъ о семъ такого полнаго понятія, какое по прочтеніи сочиненія вашего получилъ. Во первыхъ собраніемъ во едино сихъ чуждыхъ и несвойственныхъ языку нашему рѣчей и выраженій привели вы мнѣ на память, что я многія изъ нихъ въ новѣйшихъ нашихъ книгахъ дѣйствительно самъ находилъ; но какъ я же употреблялъ на то особливаго вниманія,

то и не были они мнѣ такъ примѣтны. Во вторыхъ, послѣ разсужденія о томъ вашего, хотя и находилъ я оное довольно истиннымъ, однако оставался въ тѣхъ мысляхъ, что вы, называя сіе распространяющеюся ко вреду языка нашего заразою, больше сіе увеличили, нежели оное въ самомъ дѣлѣ есть: мнѣ казалось, что нѣсколько человѣкъ худыхъ писателей, каковые во всѣхъ земляхъ и во всѣ времена бываютъ, не могутъ потрясть основаніе такого зданія, которое толикими вѣками утверждалось, и что временные шмели не испортятъ никогда работу трудолюбивыхъ пчелъ. Въ семъ намѣреніи, желая паче опровергнуть, нежели утвердить ваше мнѣніе, сталъ я нарочно читать выдаваемыя нынѣ сочиненія и переводы. Чтожъ вышло изъ того? Скажу чистосердечно, безъ всякаго желанія вамъ угодить, что чѣмъ больше бралъ я книгъ въ руки, тѣмъ больше находилъ, что вы имѣли всю справедливость раздѣлить слогъ нашъ на *старой* и *новой*. Вездѣ переводное, вездѣ несвойственное, несходное съ здравымъ разсудкомъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ подлинно нѣтъ уже и слѣдовъ Рускаго языка, такъ что естьли бы праотцы наши, которые не болѣе, какъ лѣтъ сто назадъ тому умерли, воскресли; то бы они не могли разумѣть безъ перевода, да и съ онымъ многое не рас-

толковали бы, потому что *бредъ* ни на какомъ языкѣ не можетъ быть *ясенъ*. Однимъ словомъ, видя увеличивающееся число таковыхъ писателей, видя рвеніе, съ какимъ молодые сочинители перенимаютъ у нихъ, видя не токмо непогасающую, но отчасу усиливающуюся страсть составлять слогъ свой по слогу Французскаго языка, чѣмъ больше я вникалъ въ сіе, тѣмъ больше къ сожалѣнію моему и противъ воли моей, долженъ я былъ соглашаться съ вами. Однакожъ, такъ какъ я люблю утѣшать себя сими мыслями, что всякое заблужденіе, рано ли или поздо, изобличится, и всякое худо исправится, то и обращаюсь къ прежнему моему мнѣнію, надѣясь, что предстоящая прекрасному языку нашему опасность, не взирая на умноженіе таковыхъ сочиненій, не такъ велика, какъ вы себѣ воображаете; ибо есть ли съ одной стороны слабые разумы, послѣдуя примѣру худыхъ писателей, заражаются ихъ нелѣпостями, то съ другой стороны твердые и основательные умы напояютъ себя красотою слога изъ хорошихъ Россійскихъ сочиненій. Часто худой писатель упражняющемуся въ словесности человѣку полезенъ бываетъ: онъ, сравнивая его съ хорошими писателями, яснѣе видитъ превосходство ихъ предъ нимъ, и дѣлаетъ изъ него такое употребленіе, какое Сумароковъ приписываетъ пчелѣ:

И посѣщающа благоуханну розу,
Беретъ въ свои соты частицы и съ навозу.

Впрочемъ весьма несправедливо разсуждаютъ тѣ, которые думаютъ, что недостатокъ на нашемъ языкѣ изящныхъ творцовъ есть виною малыхъ успѣховъ нашихъ въ словесности. Франція до временъ Корнелія и Расина не больше насъ имѣла ихъ. Отнюдь немалочисленность превосходныхъ писателей, но, какъ вы говорите, безразсудное прилѣпленіе наше къ Французскому языку есть истинною и единственною тому причиною. Дабы тѣмъ, которые такъ мыслятъ, показать, что мы имѣемъ довольно протоптанную дорогу, но не хотимъ по ней ходить, разсудилось мнѣ привесть здѣсь въ примѣръ образцы разныхъ сочиненій и переводовъ нашихъ, въ которыхъ слогъ естьли не вездѣ превосходенъ, то по крайней мѣрѣ чистъ, гладокъ, вразумителенъ и непохожъ на нынѣшній. Я выбиралъ оные безъ всякаго особливаго тщанія изъ разныхъ случайно попадавшихся мнѣ книгъ, а потому и не выдаю сего собранія за такое полное, въ которомъ бы всѣ лучшія мѣста изъ всѣхъ лучшихъ нашихъ сочинителей, стихотворцевъ и переводчиковъ, выписаны были, но токмо за такое сокращенное, и изъ однихъ отрывковъ состоящее, въ которомъ нѣкоторая часть писателей нашихъ, для пока-

занія хорошаго и достойнаго подражанія слога ихъ, вкупѣ собрана. Я тѣмъ паче счелъ за нужное сдѣлать сію выписку, что не всякому, кто захочетъ, удобно сличить разныхъ писателей нашихъ, потому что естьли бы мы осмотрѣли всѣ домы зажиточныхъ дворянъ нашихъ, то между тысячію Француских книгохранительницъ, конечно не нашли бы двухъ Руских.

Выписка изъ разныхъ книгъ.

Переводъ Казицкаго изъ сочиненій Віона.

Я оплакиваю Адонида, нѣтъ прекраснаго Адонида: Адонидъ прекрасный погибъ; плачь мои повторяютъ Ероты. Богиня острова Кипра не спи болѣе на покровенномъ порфирою одрѣ, встань нещастливая, облекися въ плачевную одежду, терзай грудь твою, и вѣщай предъ всѣми: нѣтъ прекраснаго Адонида. Я оплакиваю Адонида, плачь мой повторяютъ Ероты. Лежитъ прекрасный Адонидъ на горахъ, бѣлымъ клыкомъ въ бѣлую лядвею уязвленный, и Венеру печалью сокрушающій. Онъ уже едва дышетъ, а черная кровь льется по тѣлу его подобному снѣгу; глаза подъ бровями мертвѣютъ, роза устъ увядаетъ, а съ оною купно исчезаютъ

и цѣлованія, отъ коихъ Киприда отстать никогда не можетъ. Афродитѣ пріятны цѣлованія и мертваго Адонида; но Адонидъ уже не знаетъ, кто его при смерти цѣлуетъ. Я оплакиваю Адонида, плачь мой повторяютъ Ероты. Великую, великую язву имѣетъ на лядвеѣ Адонидъ; но Киферія еще большую въ сердцѣ ощущаетъ. Любимые псы сего юноши около него воютъ. Нимфы горныя плачутъ, а Венера растрепавъ волосы, по горамъ, по лѣсамъ бродитъ боса, вся въ слезахъ, съ растрепанными косами: ее ходящую терніе уязвляетъ, и священною омокается кровію и проч. *).

Переводъ Кондратовича изъ Овидіевыхъ элегій.

Боги моря и небесъ! (ибо что уже мнѣ кромѣ молитвъ осталось?) не допустите развалиться частямъ корабля волнами поврежденнаго, и не соглашайтеся, молю, на гнѣвъ великаго Кесаря. Часто когда одинъ богъ утѣсняетъ, другой подаетъ помощь. Вулканъ ополчался противу Трои, а Аполлонъ за Трою стоялъ. Венера была Тевкрамъ доброжелательна, а Паллада на нихъ враждо-

*) Читая побольше таковыхъ переводовъ, можетъ быть пересталь бы я сожалѣть, что не знаю по Гречески.

вала. Ненавидѣла Сатурнова дочь, будучи Турну милостива, Енея; однако онъ подъ защищеніемъ Венеринымъ безопасенъ пребывалъ. Часто жестокой Нептунъ на осторожнаго нападалъ Улисса, но неоднократно его Минерва отъ своего дяди избавляла. И хотя я себя съ ними не равняю, однако что препятствуетъ, чтобы и при мнѣ не присутствовало какое нибудь божество, когда на меня одинъ изъ боговъ прогнѣвался? Вотще я бѣдный погубляю безплодныя слова: свирѣпыя воды забрызгиваютъ уста мои сіе вѣщающія, и ужасный полуденный вѣтръ развѣваетъ мои рѣчи, и молитвамъ моимъ возбраняетъ летѣть къ тѣмъ богамъ, къ которымъ я оныя возсылаю. Итакъ тѣ же вѣтры, чтобъ мнѣ не въ одномъ страдать, невѣдомо куда и парусы и моленія мои несутъ. Ахъ бѣдной я! Коликія горы водъ валятся! Почти уже до высоты звѣздъ досягаютъ. Коликія въ разступившемся морѣ являются долины! Почти уже темнаго тартара касаются. Куда ни посмотришь, нѣтъ ничего кромѣ моря и воздуха; одно волнами надменно, другой грозенъ облаками и проч. *).

---

*) Можетъ быть Овидіевы стихи пріятнѣе, но ежели бы онъ писалъ прозою, то бы прочитавъ подобный сему переводъ, можно было не имѣть желанія читать подлинника.

Ломоносовъ въ похвальномъ словѣ Елисаветѣ.

Благополучна Россія, что единымъ языкомъ едину вѣру исповѣдуетъ, и единою Благочестивѣйшею Самодержицею управляема, великій въ ней примѣръ къ утвержденію въ православіи видитъ. Видитъ повсюду какъ звѣзды небесныя блистающія и ею сіяніе свое умножающія церкви; съ удивленіемъ взираетъ, что толь многихъ Государствъ Повелительница, которой земля, море и воздухъ къ удовольствію служатъ, часто твердостію вѣры укрѣпляема строгимъ пощеніемъ и сухоядѣніемъ тѣло свое изнуряетъ; которой не токмо великолѣпныя колесницы и избранные кони, но и руки и главы сыновъ Россійскихъ къ ношенію готовы, вперенна усердіемъ, купно съ подданными, далекій путь къ мѣстамъ Священнымъ пѣшешествуетъ. Коль горячимъ усердіемъ воспаляются сердца наши къ Вышнему, и коль несомнѣнно милосердія Его себѣ ожидаемъ, когда купно съ нами предстоящую и молящуюся съ крайнимъ благоговѣніемъ свою Самодержицу предъ очами имѣемъ! Коль мужественно дерзаютъ противъ сопостатовъ Россійскіе воины, зная, что Богъ крѣпкій во брани, Богъ Благочестивѣйшую ихъ Государыню любящій, купно съ ними на сраженіе выходитъ! Коль великою радо-

стію восхищаются мѣста священныя, посѣщаемыя часто Ея богоугоднымъ присутствіемъ! Украшенная святымъ Ея усердіемъ аки невѣста въ день брачный торжествующая Россійская церковь, блистая порфирою и златомъ, и паче радостію сіяя, возвышается окруженна славою къ пресвѣтлому Жениха своего престолу, и показуя Ему свое великолѣпіе вѣщаетъ: такъ украшаетъ меня на земли возлюбленная Твоя Елисавета: украси державу и вѣнецъ Ея неувядающею добротою славы; возноситъ рогъ мой въ поднебесной: вознеси Ея надъ всѣми обладателями земными; посѣщаетъ меня посѣщеніемъ усерднымъ: посѣти Ее благодатію Твоею неотступно; утверждаетъ столпы мои въ Россіи: утверди здравіе Ея непоколебимо; споспѣшествуетъ мнѣ въ побѣжденіи невѣрія: споспѣшествуй Ей въ побѣжденіи гордыхъ и завистливыхъ супостатовъ, и благословеніемъ Твоимъ и силою Твоею свыше осѣни Ея воинство и проч. *).

---

*) О Ломоносовѣ нѣчего много разсуждать: кто желаетъ быть силенъ въ языкѣ, тотъ долженъ всѣ стихотворенія, и почти всю прозу его, знать наизусть.

Херасковъ въ Россіядѣ.

Алчба, прикованна корыстей къ колесницѣ,
Въ Россійской сѣяла уныніе столицѣ;
О благѣ собственномъ вельможи гдѣ рачатъ,
Тамъ пользы общія законы замолчатъ;
Москва разимая погибелію внѣшной,
Отъ скорбей внутреннихъ являлась безутѣшной.
Сокрылась истинна на время отъ Царя;
Лукавство, честь поправъ, на собственность смотря,
Въ лицѣ усердія въ чертогахъ появилось,
Вошло и день отъ дня сильнѣе становилось.
Тамъ лесть явилася, въ притворной красотѣ,
Котора во своей природной наготѣ,
Мрачна какъ нощь, робка, покорна, тороплива,
Предъ сильными низка, предъ низкимъ горделива,
Лежащая у ногъ владѣтелей земныхъ,
Дабы служити имъ ко преткновенью ихъ. (и пр.) *)

Разсужденіе о двухъ славныхъ добродѣтеляхъ, которыя писателю Исторіи имѣть необходимо должно, то есть объ искренности и не суевѣрномъ Богопочитаніи, сочиненіе Николая Матониса.

Слѣдовательно называю я несуевѣрнымъ въ сочинителѣ Богопочитаніемъ ту долж-

---

*) Прочитайте описаніе зимы въ Россіядѣ, прочитайте многія другія мѣста, прочитайте разныя сочиненія сего знаменитаго писателя, и вы должны будете почувствовать, что у насъ есть стихотворцы.

ность, которую обязанъ онъ отдать Творцу всея вселенныя, исполняя всѣ Его Святые, премудрые и душеспасительные законы, и не приписывая Ему ничего, что противно свойствамъ Его быть можетъ. Довольно уже я изъяснилъ, что подъ именемъ обоихъ помянутыхъ добродѣтелей разумѣется; теперь надлежитъ подумать, имѣю ли я причину назвать ихъ главными. Сіе столь смѣло могу я утверждать, сколь ясно вижу, что въ которомъ сердцѣ они вкоренились, въ томъ всѣ добродѣтели царствуютъ, а изъ коего сіи предводители изгнаны, въ томъ пороки обитаютъ. Употребимъ не много прилѣжанія, и разсудимъ, кто ополчаетъ сочинителя исторіи неустрашимостію, не искренность ли? Кто рождаетъ въ немъ презрѣніе награжденія и пользы? Искренность. Кто научаетъ его быть праведнымъ судіею, не взирать на вражду, ни на дружбу, не любить слѣпо свойственниковъ, или одноземцовъ своихъ? Воистинну всему сему причиною одна его искренность. О добродѣтель достойная златой статуи! Достойна, чтобъ тебѣ жители всего земнаго круга въ храмахъ и домахъ, на стогнахъ и распутіяхъ, сооружали олтари и ежедневно въ жертву сердца свои съ благоговѣніемъ приносили! Гдѣ тебя нѣтъ, тамъ страхъ, желаніе награжденія и пользы, ласкательство

присутствуютъ; тамъ ложь, неправосудіе, лицепріемство, раболѣпство торжествуютъ. Да можемъ ли и отъ зараженнаго суевѣріемъ писателя чего нибудь лучшаго ожидать? По моему мнѣнію какъ злое дерево не приноситъ добраго плода, какъ волчецъ и терніе не раждаютъ пшеницы, да когда произрастетъ, удавляютъ оную: такъ и суевѣръ не можетъ не только ни мало читателя пользовать, но еще въ состояніи утушить и послѣднюю въ немъ искру добродѣтели, и пр.

Филотова рѣчь, когда онъ обвиняемъ былъ въ злоумышленіи на жизнь Цареву. Сочиненіе Квинта Курція о дѣлахъ Александра Великаго, переводъ Крашенинникова.

Теперь къ одной истинной винѣ моей надлежитъ мнѣ обратиться. Для чего я извѣтъ утаилъ? Для чего оной такъ безопасно слушалъ? Въ семъ, каково оно ни есть, я тебѣ, Великой Государь! повинился, и гдѣ ты ни находишься, получилъ отъ тебя прощеніе; облобызалъ десницу твою въ знакъ примиренія со мною, и къ столу твоему допущенъ былъ. Ежели ты мнѣ повѣрилъ, то я свобожденъ: ежели простилъ, разрѣшенъ: не перемѣни хотя мнѣнія твоего. А въ про-

шедшую ночь, отшедъ отъ стола твоего, что я сдѣлалъ? Какое новое объявленное дѣло перемѣнило сердце твое? Я спалъ крѣпкимъ сномъ, когда меня посреди бѣдствія моего покоящагося непріятели мои наложа оковы разбудили. Отъ чего и убійцѣ и оговоренному такой глубокой сонъ? Злодѣи отъ обличенія совѣсти спать не могутъ, и не токмо по совершеніи, но и по умышленіи убійства безпокоятся фуріями. А мнѣ въ началѣ невинность моя, потомъ десница твоя причиною были безопасности: не боялся я, чтобъ злоба другихъ милость твою преодолѣла; но чтобъ ты не каялся о томъ, что мнѣ повѣрилъ. Оное дѣло доносилъ мнѣ малолѣтной, и не имѣя ни свидѣтельства, ни довольнаго доказательства, которой бы всѣхъ въ страхъ привелъ, ежелибъ я слушать его началъ. Думалъ я злощастной, что доносится мнѣ двухъ блудниковъ ссора; и не вѣрилъ для того, что не самъ извѣщалъ, но чрезъ своего брата. Опасался, чтобъ онъ не заперся, будтобъ того Кебалину не приказывалъ, и чтобъ о мнѣ не подумали, будто бы я вводилъ въ бѣдствіе многихъ друзей царскихъ. Итакъ хотя я не учинилъ никому вреда; однакожъ нашлись такіе люди, которые погибнуть мнѣ паче, нежели сохранену быть, желаютъ. Въ какую бы я ненависть у всѣхъ пришелъ, еже-

либъ коснулся невинныхъ? Что же Димнъ самъ себя убилъ, могъ ли я то напередъ узнать? Никакъ. Итакъ почему оказалось, что доносъ справедливъ, оное меня не могло понудить въ то время, когда Кебалинъ приходилъ ко мнѣ съ извѣтомъ. Но ежелибъ я заподлинно Димну сопричастенъ былъ, то мнѣ въ оныя двои сутки не надлежало таить, что на насъ есть доносители. Самого Кебалина можно было погубить мнѣ безъ всякой трудности. Напослѣдокъ послѣ доносу, отъ котораго мнѣ надлежало погибнуть, входилъ я одинъ въ царскіе покои и при саблѣ: для чего было мнѣ отлагать оное дѣло? Такъ онъ былъ предводителемъ бунта, а я, которой царствомъ Македонскимъ овладѣть домогаюсь, за нимъ крылся? Кого же я изъ васъ прельстилъ дарами? Котораго полководца и начальника почиталъ чрезмѣрно? Мнѣ въ вину причитается, что я отеческимъ языкомъ гнушаюся, что ненавижу Македонскихъ обычаевъ. Такимъ ли образомъ стараюсь я похитить Македонское царство, что презираю оное? Уже давно мы отъ природнаго языка ради обхожденія съ другими народами отвыкли; какъ побѣдителямъ, такъ и побѣжденнымъ должно учиться чужестранному языку. Сіе меня столь же мало вредить можетъ, какъ и то, что Аминтъ Пердиккинъ сынъ искалъ

царской погибели. Что же я съ нимъ въ дружбѣ жилъ, за то страдать неотрицаюсь, когда намъ не надлежало любить брата Царева; а буде въ разсужденіи тогдашняго его достоинства и почитать его должно было, то потому ли я виновенъ, что не могъ предвидѣть? Развѣ друзья злочестивыхъ и неповинные смерти достойны? И ежели справедливость того требуетъ, для чего я такъ долго живу? А ежели нѣтъ, чего ради меня нынѣ на смерть осуждаютъ? Что же я писалъ, что сожалѣю о тѣхъ, которые принуждены будутъ жить подъ властію такого человѣка, которой себя сыномъ Юпитеровымъ почитаетъ: вѣрное дружество, бѣдственное безпристрастіе въ совѣтахъ, вы меня прельстили! Вы меня понудили объявить мысль мою! Я не отпираюсь, что оное писалъ къ Царю, но не о Царѣ къ другому. Ибо я не приводилъ его въ ненависть, но опасался, дабы Царь въ оную не пришелъ. Мнѣ казалось, что приличнѣе Александру почитать себя въ тайнѣ Юпитеровымъ сыномъ, нежели всенародно тѣмъ тщеславиться. Но понеже Оракулу вѣрить безъ сумнѣнія должно; я Бога представляю въ дѣлѣ моемъ свидѣтеля. Содержите меня въ узахъ, пока увѣдомитесь отъ Аммона о тайномъ и неизвѣстномъ злодѣяніи. Которой Царя нашего удостоилъ принять въ усыновленіе,

тотъ ни одному злодѣю своего рода не попуститъ укрыться. Ежели вы мучительныя орудія достовѣрнѣйшими Оракула почитаете, то я, для показанія моей невинности, и оныхъ не отрицаюсь. За осужденныхъ на смерть обыкновенно предстательствуютъ у васъ сродники. Я двухъ братей за нѣсколько времени лишился; отца и показать не могу, и на помочь призывать, яко въ толь важномъ дѣлѣ приличившагося, не дерзаю. Ибо недовольно того, чтобъ многочадной отецъ, одного только уже сына имѣющій на утѣшеніе, лишился и послѣдняго, но чтобъ и онъ погибъ купно со мною. И того ради любезнѣйшій мой родитель и для меня, и купно со мною умрешь. Я тебя лишаю жизни, я старость твою погашаю! Почто ты противъ воли боговъ родилъ меня злополучнаго? Развѣ для сихъ отъ меня плодовъ, которые тебѣ готовятся. Не знаю, младость ли моя, или старость твоя нещастливѣе. Я въ самой крѣпости силъ моихъ умираю; тебя мучитель живота лишитъ, котораго бы и натура не вдолгѣ потребовала, ежели бы нещастіе не ускорило и проч. *).

---

*) Изъ писателей и переводчиковъ нашихъ Матонисы, Крашенинниковы, Полѣтики, Лепехины, Румовскіе и подобные имъ, писали и переводили Рускимъ слогомъ, переводили прекрасно, и нигдѣ не найдемъ мы въ ни[illegible]шняго чужеязычія. Изъ стихотворцевъ (сверхъ [illegible]

Рѣчь отъ лица малолѣтныхъ Царевенъ, Анны и Елисаветы, къ родителю ихъ Петру Великому, возвратившемуся въ Россію по долговременномъ Его странствованіи, сочиненіе Феофана Прокоповича.

Не смотри на сіе, Державнѣйшій родителю, яко тихимъ и легкимъ шествіемъ исходимъ въ срѣтеніе твое: творитъ то кротость возрасту и полу нашему приличная, а радость хотѣла бы исполинскимъ поскокомъ ускорити. Аще бо и прочіихъ всѣхъ, то насъ наипаче ублажаетъ приходъ твой; понеже прочіи Царя своего пріемлютъ, мы же и родителя нашего объемлемъ. О сладкаго благополучія! И что о немъ достойно изречемъ? Вѣру имѣй намъ, яко тебѣ возвратившуся, возвращаются сердца наша къ намъ. Лучшею самыхъ насъ частію, тамо мы доселѣ были, гдѣ не были: тѣломъ въ дому, духомъ же въ странствіи съ тобою пребывали. О которыхъ мѣстахъ твоего путешествія сказывала намъ вѣдомость, тамъ всегда и мысли наши. Но не удоволялася любовь умнымъ онымъ видѣніемъ, невидящи

стихотворенія приведены здѣсь въ примѣры) Петровы, Майковы, Нелединскіе, Капнисты, Дмитріевы и другіе имъ подобные, сколько мнѣ ихъ читать случалось, также нигдѣ не потчивали меня Рускими щами, по Французски изготовленными.

шебе очима шѣлесныма, и потому непріятно было намъ что либо утѣшенію служащее видѣти: не свѣтлы палашы, не веселы вертограды, не сладки шрапезы: самое сіе новопрестольнаго града швоего мѣсто дивное, сугуболичное, воднымъ и земнымъ позоромъ очи на себе влекущее, мнилося намъ быти не тое, которое было при тебѣ, и аще бы не имя твое на себѣ имѣло, было бы весьма нелюбое. Едина неложная была утѣха живый образъ швой, прелюбезнѣйшій братъ нашъ Петръ: въ его лицѣ, аки въ зерцалѣ, самаго тебе видѣли мы, и нѣчто забывали печали нашея. Обаче егожъ безъ родителей стужение и сію намъ отраду отнимало, и тако все утѣшеніе наше оставалось во ожиданіи; но въ колицѣмъ ожиданіи, довольное искуство имѣемъ, какъ то долгіе часы ожидающимъ бываютъ. Кому бо скорое, а намъ вельми лѣнивое было солнечное теченіе, и двулѣтнее удаленія твоего время вмѣняемъ себѣ за многолѣтнее. Но се уже доспѣло въ конецъ свой желаніе наше! Видимъ возвращенное намъ лице отеческое, и туги прежднѣй забываемъ. Все при тебѣ лучшій видъ пріемлетъ, и солнце свѣтитъ веселѣе, и дни осенніи пріятнѣйшіи намъ паче весенних и лѣтнихъ мимошедшихъ: лучи очесъ родительскихъ вся намъ видимая предивнѣ позлащаютъ. Внийди же въ побѣдоносный домъ

твой, преопочій на престолѣ твоемъ, здравъ, радостенъ, благополученъ. Мы же всеусердно толикаго гостя привѣтствующи, сіе къ Богу (еже и непрестанное намъ есть) возсылаемъ моленіе: да сподобитъ насъ видѣти тебе тако царствующа и побѣждающа въ долгая лѣта.

Платонъ, въ рѣчи говоренной имъ въ Успенскомъ Соборѣ въ день Коронаціи Его Императорскаго Величества Государя Императора АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

Вселюбезнѣйшій Государь! Сей вѣнецъ на главѣ Твоей есть слава наша: но Твой подвигъ. Сей Скипетръ есть нашъ покой: но Твое бдѣніе. Сія Держава есть наша безопасность: но Твое попеченіе. Сія Порфира есть наше огражденіе: но Твое ополченіе. Вся сія утварь Царская есть намъ утѣшеніе: но Тебѣ бремя.

Бремя поистиннѣ и подвигъ! Предстанетъ бо лицу Твоему пространнѣйшая въ свѣтѣ Имперія, каковую едва ли когда видѣла Вселенная: и будетъ отъ мудрости Твоея ожидать во всѣхъ своихъ членахъ и во всемъ тѣлѣ, совершеннаго согласія и благоустройства. Узриши сходящіе съ небесъ вѣсы правосудія, со гласомъ отъ Судіи неба

и земли: да судиши судъ правый, и вѣсы Его да не уклониши ни на шуее ни на десное. Узриши въ лицѣ благаго Бога сходящее къ Тебѣ милосердіе, требующее, да милостивъ будеши ко вручаемымъ Тебѣ народамъ. Достигнутъ бо престола Твоего вдовицы и сироты, и бѣдные, утѣсняемые во зло употребленною властію, и лицепріятіемъ и мздоимствомъ лишаемые правъ своихъ, и вопить не престанутъ, да защитиши ихъ, да отреши ихъ слезы, и да устроиши ихъ вездѣ проповѣдовать Твою промыслительную державу. Предстанетъ и самое человѣчество въ первородной своей и нагой простотѣ, безъ всякаго отличія порожденій и происхожденій: взирай, возопіетъ, общій Отецъ! на права человѣчества. Мы равно всѣ чада Твои. Никто не можетъ быть предъ Тобою извергомъ, развѣ утѣснитель человѣчества, и подымающій себя выше предѣловъ его. Наконецъ благочестію Твоему предстанетъ и Церковь, сія мать возродившая насъ духомъ, облеченная во одежду обагренную кровію единороднаго Сына Божія. Сія Августѣйшая дщерь неба, хотя довольно для себя находитъ защиты въ единой главѣ своей Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, яко огражденная силою Креста Его; но и къ Тебѣ, Благочестивѣйшій Государь, яко къ первородному Сыну Своему, прострeтъ она

свои руки, и ими объявъ Твою любезнѣйшую выю, умолять не престанетъ, да сохранишь залогъ вѣры цѣлъ и невредимъ: да сохранишь не для себя токмо, но паче да явиши собою примѣръ благочестія: и тѣмъ да заградиши нечестивыя уста вольнодумства, и да укротиши злый духъ суевѣрія и невѣрія.

Но съ Ангелами Божіими не усумнятся предстать и духи злобы. Отважатся окрестъ престола Твоего пресмыкатися и ласкательство, и клевета, и пронырство, со всемъ своимъ злымъ порожденіемъ: и дерзнутъ подумать, что, аки бы, подъ видомъ раболѣпности, можно имъ возодладать Твоею прозорливостію. Откроетъ безобразную главу свою мздоимство и лицепріятіе, стремясь превратить вѣсы правосудія. Появится безстыдно и роскошь со всѣми видами нечистоты, къ нарушенію святости супружествъ, и къ пожертвованію всего единой плоти и крови, въ праздности и суетѣ.

При таковомъ злыхъ полчищъ окруженіи, объимутъ Тя истина и правда и мудрость и благочестіе, и будутъ охраняя державу Твою, вкупѣ съ Тобою желать и молить, да воскреснетъ въ Тебѣ Богъ, и расточатся врази Твои. *).

---

*) Естьли въ подобныхъ сочиненіяхъ, каковы суть сіи двѣ рѣчи, Феофанова и Платонова, не будемъ мы находить

Клеона къ Цинею.

Переводъ Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова.

Прошу только одного слова; дождусь ли того когда? Или вѣчно мнѣ быть въ страхѣ, мученіи, и молчать? Ахъ! Циней, сердца своего болѣе я удержать не могу; горесть онаго наконецъ изливается. Жалобы и слезы есть послѣдняя отрада нещастныхъ; ежели ты не хочешь самъ подать мнѣ утѣшенія; то по крайней мѣрѣ не отнимай сего послѣдняго облегченія въ моей печали.

Люблю тебя, сладко мнѣ и теперь твое воспоминаніе; тщетно я старалась истребить къ тебѣ мою любовь, всѣ пролитыя мною слезы не могли ее угасить. Прости мнѣ, естьли я похищаю у тебя минуты, въ которыя могъ бы ты вкушать сладкое восхищеніе въ объятіяхъ другой любовницы; но можно тебѣ оставить и для меня минуту. Я имѣю право сего отъ тебя требовать: увы! сколь великою цѣною пріобрѣла я сіе право: оное стоитъ спокойствія моей жизни. Не можно тебѣ того забыть; день, котораго я не могла сдѣлать для тебя пріятнѣйшимъ, хотѣла бы я исключить изъ

достаточныхъ къ подражанію примѣровъ краспорѣчія; то я уже не знаю, какіе вамъ образцы и примѣры надобны.

числа дней моей жизни. Судьбы своей искала я въ твоихъ глазахъ, читала въ нихъ свою радость и печаль, жизнь и смерть. Въ воздаяніе толикой любви, о Циней! Прошу у тебя одной минуты, одного вздоха.

Не бойся взглянуть на сіе письмо; и чего тебѣ бояться отъ любовницы, которая тебя обожаетъ? Не буду жаловаться на твою невѣрность, не отягчу тебя клятвами оставленной любовницы. Какъ могу я тебя проклинать? тебя, которой одинъ можетъ сдѣлать меня щастливою. . . . . Сладкая и лестная надежда! Ты исчезла; но любовь со мною осталась. Сія любовь разлилась по всей моей крови, она течетъ въ каждой каплѣ слезъ моихъ, живетъ въ каждомъ вздохѣ. . . . Дай мнѣ жаловаться, дай мнѣ омокать перо мое во слезахъ, дай мнѣ начертать трепещущею рукою, чѣмъ сердце мое наполнено. Горести цѣлаго года собрались въ семъ удрученномъ сердцѣ, оно бѣдное не можетъ болѣе сдержать сего бремени; такъ, цѣлой годъ уже тому, какъ нещастная Клеона заблуждаетъ въ сей пустыни. Желаю, страшусь, надѣюсь, отчаяваюсь. . . .

Не знаю, живъ ли ты? Ахъ! ежели ты и живъ; но Клеона забвенію предана. . . . . Какое участіе живымъ съ мертвыми, щастливому съ безщастнымъ? Можетъ быть по-

виновался ты повелѣнію жестокосердой своей матери; можетъ быть вкушаешь во объятіяхъ щастливѣйшей любовницы. . . . Циней, да будетъ благополучно новое твое сочетаніе! не прошу тебя, чтобъ ты возвратился въ мои объятія, буде почитаешь, что единая любовь недовольна сдѣлать тебя щастливымъ; но я, что тебѣ могу представить, кромѣ горячности, кромѣ любви?...

Не прошу, чтобъ ты возвратился въ мои объятія! Что я сказала бѣдная? Солгала и слезы мои за то меня наказуютъ. . . . Циней! я всего лишилась, чести, покоя, друзей, родителей; возврати мнѣ мое сердце, и все ко мнѣ возвратится. Но естьли должно мнѣ тебя отрещись, то отрицаюсь щастія, надежды, жизни. . . . И что я буду дѣлать въ свѣтѣ, гдѣ Циней живетъ не для меня? Увы! Для чего ты меня любилъ? Но ты любилъ; наши родители и сами небеса, согласовали любви нашей. Уже Гименъ возжигалъ брачный свѣтильникъ, уже олтарь былъ уготованъ, намъ позволено было желать и надѣяться. . . . Но сколь кратка была сія надежда! Сколь опасна для моей невинности! Сколь бѣдственна моему покою! День щастія наступаетъ. . . . О горькое воспоминаніе! Лейтеся слезы; прекраснѣйшій день моей жизни обратился въ ненастный день бѣдствія. . . . Жестокой слу-

чай погасилъ внезапу брачный свѣтильникъ и низверглъ съ головы моей вѣнецъ брака. Восторгъ, веселіе, щастіе, все сокрылось..... О какъ скоро ты исчезло сладкое и нѣжное упражненіе мыслей! Весенніе дни моей жизни, въ какую ужасную темноту вы погрузились! Одна минута премѣнила въ страшную пустыню сей рай веселія и утѣхъ, гдѣ мысли мои сладостно заблуждали. . . . Любовь! . . . . Увы! Отъ нея ожидала я своего блаженства; любовь низвергла меня въ бездну стыда и отчаянія. Тщетно я ищу утѣшенія, утѣшеніе далеко отъ меня убѣгаетъ, воспоминаніе минувшаго благополучія больше растравляетъ мои раны. Возвожу орошенные глаза слезами къ сей высотѣ, съ которой я низпала, и не вижу кромѣ пропасти, въ которой погребенна пребываю, и пр. *).

*) Какую мягкость, какую нѣжность чувствъ неспособенъ изображать Руской языкъ! Вѣрьте послѣ сего симъ сказкамъ, *что у насъ мало истинныхъ писателей, что надобно утвердить вкусъ, что мы не имѣемъ образцовъ, что намъ должно еще языкъ свой воспитывать, выдумывать новыя выраженія, обогащать его новыми идеями, и что мы обо многихъ предметахъ должны еще говорить такъ, какъ напишетъ человѣкъ съ талантомъ*. Скажемъ лучше, что предразсудокъ и слѣпая привязанность наша къ Францускому языку не допускаютъ насъ чувствовать красоту языка своего; что естьли бы мы разсматривая чаще богатство, силу и великолѣпіе его, вникали въ оное, читали собственныя книги свои, любили языкъ свой; то могли бы, по важности и способности онаго, въ словесности и краснорѣчіи превзойти всѣхъ другихъ народовъ. Но по нещастію мы восхищаемся токмо Францускимъ языкомъ; счи-

Изъ Горацiевыхъ Сатиръ, переводъ Филиппа Геннингера.

По какой причинѣ, Меценатъ, никто тою частiю доволенъ не бываетъ, которую онъ либо самъ себѣ по своему разсужденiю избралъ, либо судьба ему опредѣлила? Для чего всякъ другихъ нещастливѣе себя почитаетъ? О коль благополучны купцы! говоритъ воинъ, лѣтами отягченный, у котораго уже всѣ члены отъ многаго труда разслабѣли. Напротивъ того купецъ полуденными вѣтрами носимый по морю: военная служба лучше. Ибо что? сражаются: во мгновенiе ока или скорая тебя смерть постигнетъ, или радостную одержишь побѣду. Искусный въ правѣ и законахъ, когда въ куроглашенiе требующiе его совѣтовъ въ двери стучатся, хвалитъ земледѣльца; а сей, давъ поруки, изъ села во градъ влекомый, вопiетъ: одни градскiе жители благополучны. Прочихъ симъ подобныхъ жалобъ толь много, что исчисленiе оныхъ можетъ уто-

---

таемъ за единственное украшенiе свое, за необходимую надобность погублять лучшiя лѣта возраста своего на обученiе онаго въ совершенствѣ; читаемъ, пишемъ, поемъ, думаемъ, говоримъ на яву и во снѣ по Французски. Какъ же намъ знать Руской языкъ? Знанiе онаго требуетъ времени, охоты и прилѣжанiя. Не ужъ ли воображаемъ мы, что скорѣе можно сдѣлаться искуснымъ писателемъ, чѣмъ хорошимъ сапожникомъ?

мить и говорливаго Фабія. Но чтобъ тебя не задержать, послушай, къ чему моя рѣчь клонится. Естьли бы какой богъ сказалъ: я ваши желанія исполню; ты, воинъ, будь купцемъ; а ты, стряпчій, селяниномъ. Вы отсюда, а вы оттуда, получивъ перемѣну своихъ состояній, отходите. Ну! что медлите? Нѣтъ; не захотятъ. Вить имъ дозволяется быть благополучными? Льзя ли, чтобъ Юпитеръ по справедливости на нихъ не вспылалъ, и обѣ щеки надувъ, не сказалъ бы, что онъ впредь уже не будетъ такъ милостивъ, чтобы къ прошенію ихъ преклонять ухо. Впрочемъ, чтобы мнѣ сего, какъ будто шутокъ смѣхомъ не представлять; хотя и въ смѣхѣ говорить правду, что препятствуетъ? Такъ какъ ласковые учители ребятамъ даютъ пирожки, чтобы скорѣе азбуку выучили. Однако мы оставимъ шутки, станемъ дѣло говорить. Тотъ, кто твердую землю тяжкимъ разсѣкаетъ раломъ, и сей обманомъ живущій корчемникъ, также воинъ и пловцы, дерзостно всѣ моря обтекающіе, говорятъ: что они съ тѣмъ намѣреніемъ трудъ сей претерпѣваютъ, чтобы пріобрѣвъ себѣ довольное пропитаніе, въ старости дни свои спокойно и безпечально провождать могли; и представляютъ въ примѣръ маленькаго трудолюбиваго муравья, который ртомъ своимъ все, что можетъ,

волочетъ, и въ собираемую кучу кладетъ, разсуждая и промышляя о будущемъ. Но лишь только водолей подастъ печальный видъ къ концу обратившемуся году, то уже онъ никуды не выпалзываетъ, и благоразумно пользуется тѣмъ, что прежде собралъ: а тебя ни чрезмѣрный жаръ, ни зима, ни огнь, ни море, ни оружіе, отъ корысти отвратить не могутъ; всѣ бѣды презираешь, лишь бы только тебя никто богатѣе не былъ. Что пользуетъ, когда въ вырытой тайно землѣ со страхомъ погребаешь несмѣтное множество серебра и золота? А ежели оное разочтешь, сойдетъ на бѣдной пѣнязь. Но естьли того не будетъ, что утѣхи въ собранной кучѣ? Хотя бы на твоемъ гумнѣ по сту тысячъ мѣръ хлѣба молотили; однако твое чрево не болѣе вмѣститъ моего. Такъ какъ будучи слугою, ежели бы ты мѣшокъ съ хлѣбами своего хозяина на плечахъ несъ, не больше получишь, какъ тотъ, которой не несъ ничего. Или что разности живущему въ предѣлахъ естества взорать сто четвертей земли или тысячу? Но пріятно изъ великой кучи брать. Когда намъ изъ малой столькоже брать можно, то для чего ты свои житницы предпочитать будешь нашимъ кошамъ? Такъ какъ естьли бы тебѣ стаканъ или кружка воды надобны были, и ты бы сказалъ, я лучше

изъ большой рѣки, нежели изъ сего малаго источника, столькоже почерпнуть хочу. Изъ чего бываетъ, что ежели кто изобиліемъ больше потребнаго наслаждаться желаетъ, тѣхъ быстрый Афидъ оторвавъ купно со брегами уноситъ. А кто столько требуетъ, сколько надобно, тотъ ни мутной съ иломъ воды не черпаетъ, ни жизни въ водахъ не лишается, и проч.

Изъ Кантемировыхъ Сатиръ.

(Мы увидимъ здѣсь подражаніе Россійскаго Сатирика Латинскому *).

Изъ 8 Сатиры.

Несчестныхъ страстей рабы! отъ дѣтства до гроба
Гордость, зависть мучитъ васъ, лакомство и злоба,
Съ самолюбіемъ вещей тщетныхъ гнусна воля;
Къ свободѣ охотники, впилась въ васъ неволя.

---

*) Въ нѣкоторой книгѣ случилось мнѣ прочитать слѣдующее: „Есть непремѣнно и должно быть искуство писать. Это „искуство не можетъ существовать, поддерживать себя „безъ природнаго дарованія; но оно можетъ недоставать „природному дарованію. Доказательствомъ сему послужатъ „многіе писатели, родившіеся съ самыми щастливыми расположеніями къ стихотворству, и которые однакожъ „никогда не знали *искусства писать стихи*. — Таковы „безспорно были *Князь Кантемиръ* и *Тредьяковскій*. У обоихъ было довольно *Поэтическаго ума*, довольно *Энтузіасму*, охоты, однакожъ полвѣка проходитъ, какъ они осуждены совершенно не имѣть читателей.“ Хотя сочинитель

Такъ какъ легкое перо, коимъ вѣтръ играетъ,
Летуча и различна мысль ваша бываетъ.
То богатства ищете, то деньги мѣшаютъ,
То грусно быть одному, то люди скучаютъ;
Не знаете сами, что хотѣть; теперь тое
Хвалите, потомъ сіе, съ мѣста на другое

сихъ строкъ говоритъ о семъ весьма утвердительно, какъ то показываетъ употребленное имъ слово *безспорно*, однакожъ (съ позволенія его) я весьма различнаго съ нимъ мнѣнія о сихъ двухъ Россійскихъ писателяхъ. Мнѣ кажется Тредьяковскій и Кантемиръ не токмо несходны, но даже совсѣмъ противны между собою. Я не знаю довольно ли было въ нихъ Поэтическаго ума и Энтузіазму (слово сіе въ Россійскомъ языкѣ я худо понимаю), но вѣдаю, что между ими есть превеликая разность, а именно: Тредьяковскій былъ трудолюбивый переводчикъ, посредственный Сочинитель, довольно искусный въ знаніи словъ языка своего, но не знавшій въ чемъ состоитъ приличность, сила и красота слога. Въ разсужденіи же стихотворства былъ онъ хотя и весьма худой Стихотворецъ, однакожъ такой, которой ввелъ стопосложеніе въ Россійскіе стихи, и первый писалъ анапестами и дактилями. Кантемиръ напротивъ того былъ весьма хорошій Стихотворецъ, но сочинялъ Сатиры свои въ такое время, когда еще у насъ стопосложеніе и мѣра въ стихахъ не наблюдались. Итакъ въ семъ случаѣ ни мало не похожи они другъ на друга; теперь посмотримъ, естьли какое сходство въ произведеніяхъ ума ихъ? У кого Ахиллесъ говоритъ Деидаміи:

Царевна, приступить позволеноль къ вамъ смѣло?
Я зрю, что углубленъ умъ въ тайное вашъ дѣло.
Не лучше ль, какъ и мню, вамъ быть на единѣ?
И сей ли вашъ приказъ, чтобъ отлучиться мнѣ?
Я здѣсь предъ васъ предсталъ для должнаго поклона,
Не зналъ, что будетъ вамъ чрезъ мой приходъ препона,
Но что! вы на меня не взводите очей,
Ни хощете притомъ сподобить и рѣчей:
Васъ мысль къ себѣ одной весьма знать пригвоздила.
Я щастливъ бы, когдабъ я вещь былъ ей и сила.

Перебѣгая мѣсто; и что паче дивно,
Вдругъ одно желаніе другому противно.
Малый въ лѣто муравей потѣетъ, томится,
Зерно за зерномъ таща, и наполнять тщится
Свой амбаръ; когда же міръ унывать безплоденъ
Мразами начнетъ, съ гнѣзда станетъ неисходенъ,

У кого, говорю, въ Трагедіи Ахиллесъ изъясняется любовницѣ своей такимъ смѣшнымъ и страннымъ слогомъ, похожъ ли сей на того, кто въ Сатирѣ описываетъ вѣстовщика и болтуна сими прекрасными и остроумными стихами:

Съ зорею вставши Менандръ вездѣ побываетъ,
Развѣситъ уши вездѣ, вездѣ примѣчаетъ,
Что въ домахъ, что въ улицѣ, въ дворѣ и въ приказѣ
Говорятъ и дѣлаютъ. О всякомъ указѣ
Вновь выданномъ, о всякой перемѣнѣ чина
Онъ извѣстенъ прежде всѣхъ; такъ всему причина,
Какъ Отче нашъ наизусть. Три дни брюху дани
Лучше не дастъ, нежъ не знать, что привезъ съ Гиляни
Вчера прибывшій гонецъ; гдѣ кто съ кѣмъ подрался,
Сватается кто на комъ, гдѣ кто проигрался,
Кто за кѣмъ волочится, кто выѣхалъ, въѣхалъ,
У кого родился сынъ, кто на тотъ свѣтъ съѣхалъ.
О когдабъ дворяне такъ наши свои знали
Дѣла, какъ чужіе онъ! не столькобъ ихъ крали
Дворецкой съ прикащикомъ, и жирнѣебъ жили,
И должниковъ за собою толпыбъ не водили.
Когда же Менандръ новизнъ наберетъ нескудно,
Недавно то влитое ново вино въ судно
Кипитъ, бродитъ, обручь рветъ, доски расширяетъ,
И выбивъ втулку быстро устьемъ вытекаетъ.
Встрѣтитъ ли тебя, тотчасъ въ уши вѣстей съ двѣсти
Нажужжитъ, и поймалъ тѣ изъ вѣрныхъ рукъ вѣсти,
И тебѣ съ любви своей оны сообщаетъ,
Прося, держать про себя. Составить онъ знаетъ
Мнѣнію окружности своему прилично;
Рѣдко двумъ тужъ вѣдомость скажетъ одноличвно,
И самъ своей наконецъ повѣритъ онъ бредни,
Ежели прейдетъ къ нему изъ знатной передни.

Въ зиму наслаждаяся тѣмъ, что нажилъ лѣтомъ.
А вы, что мнитесь ума одаренны свѣтомъ,
Въ темнотѣ вѣкъ бродите; не въ время прилѣжны,
Въ не нужномъ потѣете, а въ потребномъ лежни.
Коротокъ жизни предѣлъ, велики затѣи,
Своей сами тишинѣ глупые злодѣи,

Сказавъ, тебя какъ судья бѣжитъ осторожный
Проситель, у кого карманъ ужъ порожный,
Имѣя многимъ еще въ городѣ наскучить.
Искусенъ и безъ вѣстей голову распучить
Тебѣ Лонгинъ; стерегись, стерегись сосѣдомъ
Лонгина не завтракавъ имѣть за обѣдомъ.
Отъ жены, дѣтей своихъ долгое посольство
Отправитъ тебѣ, потомъ свое недовольство
Явитъ, что ты у него давно не бываешь,
Хоть больну быть новыми зубами дочь знаешь.
Четвертой уже зубокъ въ деснахъ показался;
Ночь всю и день плачется; жаръ вчера унялся.
Другую замужъ даетъ, женихъ знатенъ родомъ,
Богатъ; красивъ, и жены старѣе лишъ годомъ.
Приданое дочерне опишетъ подробно,
Прочтетъ рядную всю сплошъ, и всяку особно
Истолкуетъ въ ней статью. Сынъ меньшой недавно
Начавъ азбуку, теперь чтетъ склады исправно.
Въ деревнѣ своей началъ онъ копать прудъ новый,
Тому изъ кармана планъ вытаща готовый
Тотъже часъ подъ носъ тебѣ разсмотрѣть положитъ,
Иль на ту стать ножики и вилки разложитъ.
Сочтетъ, сколько въ ней земли, что беретъ оброку,
Къ какому у него овощь спѣетъ сроку,
И владѣльцевъ всѣхъ ея другъ за другомъ точно
Отъ потопа самаго, и какъ она прочно
Изъ рукъ въ руки къ нему дошла съ приговору
Судей, положа конецъ долгу съ дядей спору.
Милуетъ же тебя Богъ, буде онъ осаду
Азовску еще къ тому не прилѣпитъ сряду;
Рѣдко минуетъ ея, и день нуженъ цѣлый
Выслушать всю повѣсть ту. Полководецъ зрѣлый
Много онъ тамъ почудилъ, всегда готовъ къ дѣлу,

Состояніемъ своимъ всегда недовольны.
Купецъ, у кого амбаръ и сундуки полны
Богатствъ всякихъ, и можетъ жить себѣ въ покоѣ
И въ довольствѣ, вотъ не спитъ и мыслитъ иное,
Думая, какъ бы ему сдѣлаться судьёю:
Куды де хорошо быть въ людяхъ головою.

Всегда пагубенъ врагу. Тутъ то ужъ безъ мѣлу,
Безъ верви кроить обыкъ безъ аршина враки,
Правды гдѣ, гдѣ крошечны увидишь ты знаки.

В стихахъ сихъ конечно не соблюдены тѣ правила, каковыя обыкновенно въ стихотворствѣ наблюдаются. Не сохранено въ нихъ той пріятности, какую даетъ имъ правильное паденіе слоговъ, опредѣленная мѣра полустишій, и окончаніе смысла въ стихѣ безъ переноса въ другой; но мы великому заблужденію подвергнемся, когда согласный звукъ словъ предпочитать будемъ содержащемуся въ оныхъ разуму. Искусные въ живописи знатоки удивляются болѣе однимъ безпорядочно набросаннымъ рукою великаго художника чертамъ, нежели выработанной съ отмѣннымъ тщаніемъ посредственнаго мастера картинѣ. Кантемиръ, можетъ быть, не хотѣлъ дать себѣ тяжелаго труда заключать мысли свои въ правильную и опредѣленную мѣру стиховъ; онъ свободное и ясное предложеніе ихъ предпочелъ невольному и часто темному, какъ и самъ о томъ говоритъ:

Избравъ силамъ моимъ трудъ равный и способный,
Пущу перо, но въ уздѣ; херить не лѣнюся;
Многоль, малоль напишу стишковъ, не пекуся;
Но смотрю, чтобъ здравому смыслу рѣчь служила,
Не нужда мѣры слова безпутно лѣпила,
Чтобъ всякое въ своемъ мѣстѣ стоя слово,
Не слабо казалося, ни столь лишно ново,
Чтобъ въ безплодномъ звукѣ умъ не могъ понять дѣло.

(Сатира VIII).

О естьли бы всѣ стихотворцы наблюдали сіе правило! они бы меньше писали; но ихъ бы больше читали. Трудность сложенія стиховъ состоитъ въ томъ, что естественному и порядочному расположенію словъ часто препятствуетъ наблюденіе порядка въ удареніи слоговъ, и

И чтятъ тебя, и даютъ; постою не знаешъ;
Много ль мало ль, для себя всегда собираешъ.
Ставъ судьею, ужъ купцу не мало завидитъ,
Когда по нещастiю пусто въ мѣшкѣ видитъ,
И слыша просителей у дверей вздыхати,
Долженъ встать не выспавшись съ теплыя кровати:

обратно: наблюденiю порядка въ ударенiи слоговъ часто препятствуетъ естественное и порядочное расположенiе словъ. Щастливъ тотъ Стихотворецъ, который можетъ украшать стихи свои тѣмъ и другимъ! Но естьли сiи два дарованiя несовмѣстны въ немъ, естьли одинъ изъ сихъ недостатковъ долженъ непремѣнно существовать въ стихахъ его; то лучше желаю я, чтобъ слухъ мой оскорблялся имъ, нежели разумъ. Прозаическими разумно составленными стихами, хотя бы оные не украшены были ни стопою, ни рифмою, можно услаждаться; но самое сладкогласнѣйшее для уха сборище словъ, когда не заключаетъ оно въ себѣ никакаго смысла, развѣ тому токмо нравиться можетъ, кто любитъ безъ размышленiя пѣть, а не читать съ размышленiемъ. Не можно никакъ повѣрить, чтобъ тотъ, кто хотя нѣсколько знаетъ Руской языкъ, и хотя нѣкоторое имѣетъ понятiе о стихотворствѣ, могъ Тредьяковскаго съ Кантемиромъ поставить на одну доску. Даже естьлибъ и чужестранецъ какой, разсуждая о словесности нашей, написалъ сiе, то бы и тому непростительно было; поелику, когда онъ берется о чемъ судить, то и долженъ имѣть достаточное въ томъ знанiе. Впрочемъ естьли вышепомянутое изреченiе, что *полвѣка проходитъ, какъ Тредьяковскiй и Кантемиръ осуждены совершенно не имѣть читателей*, справедливо, то въ разсужденiи Кантемира не служитъ сiе къ чести и славѣ сего *полвѣка;* ибо въ Кантемировыхъ стихахъ, не взирая на вышеписанной недостатокъ ихъ, весьма много прекрасныхъ выраженiй и остроумныхъ мыслей: и такъ ежели мы не читаемъ ихъ; то сiе не отъ того происходитъ, чтобъ они были худы, такъ какъ Тредьяковскаго стихи; но отъ того, что мы углубляя умъ свой въ чтенiе иностранныхъ, или ихъ слогомъ переводимыхъ полу-Рускихъ книгъ, не разбираемъ въ языкѣ своемъ ни красотъ, ни погрѣшностей.

Боже мой! говоритъ онъ, что я не посадской?
Чортъ бы взялъ и чинъ и честь, въ коихъ животъ адской.
Пахарь соху ведучи, иль оброкъ щитая,
Не однажды привздохнетъ, слезы отирая:
За что-де меня Творецъ не сдѣлалъ солдатомъ?
Не ходилъ бы въ сѣрякѣ, но въ платьѣ богатомъ.
Зналъ бы лишъ одно ружье свое да капрала,
На правежѣ бы нога моя не стояла,
Для меня бъ свинья моя только поросилась,
Съ коровы мнѣ бъ молоко, мнѣ бъ куря носилась;
А то все прикащицѣ, стряпчицѣ, Княгинѣ
Понеси на поклонъ, а самъ жирѣй на мякинѣ.
Пришолъ поборъ, пахаря вписали въ солдаты,
Не однажды дымныя вспомнитъ ужъ палаты,
Проклинаетъ жизнь свою въ зеленомъ кафтанѣ,
Десятью заплачетъ въ день по сѣромъ жупанѣ:
Толь не житье было мнѣ, говоритъ, въ крестьянствѣ?
Правда, тогда не ходилъ я въ такомъ убранствѣ;
Да лѣтомъ въ подклѣтѣ я, на печи зимою
Сыпалъ, въ дождикъ изъ избы я вонъ ни ногою;
Заплачу подушное, оброкъ господину,
Какую жъ больше найду я тужить причину!
Щей горшокъ, да самъ большой, хозяинъ я дома,
Хлѣба у меня чрезъ годъ, а скотамъ солома.
Дальна ѣзда мнѣ была съѣздить въ торгъ для соли,
Иль въ праздникъ пойти въ село, и то съ доброй воли:
А теперь чортъ не житье, волочись по свѣту,
Все бы рубашка бѣла, а вымыть чѣмъ нѣту;
Ходи въ штанахъ, возися за ружьемъ пострѣлымъ,

И гдѣ до смерти всѣхъ бьютъ, надобно быть смѣ-
лымъ;
Ни выспаться нѣкогда, часто нѣтъ, что кушать,
Наряжать мнѣ все собой, а сотерыхъ слушать.
Чернецъ тотъ, кой день назадъ чрезмѣрну охоту
Имѣлъ ходить въ клабукѣ, и всяку работу
Къ церкви легку оказывалъ, прося со слезами,
Чтобъ и онъ съ небесными былъ въ щотѣ чинами,
Сего дня не то поетъ, радъ бы скинуть рясу
Скучили ужъ сухари, полетѣлъ бы къ мясу:
Радъ къ чорту въ товарищи, лишь бы бѣльцомъ
быти,
Нѣтъ мочи ужъ Ангеломъ въ слабомъ тѣлѣ слыти,
(и проч.)

Изъ 3 Сатиры.

За излишество Хрисиппъ пищи суетится,
Собирая, чѣмъ бы жить, что за нимъ тащится
Дряхла жена и дѣтей куча малолѣтныхъ,
Что тѣ суть его трудовъ причина примѣтныхъ.
Да не то; ужъ сундуки мѣшковъ не вмѣщаютъ,
И въ нихъ уже ржавыя почти истлѣваютъ
Деньги; а всей у него родни за душою
Одинъ лишь внукъ, да и тотъ гораздо собою
Не убогъ, дѣда хотя убожѣе вдвое.
Скупость, скупость Хрисиппа мучитъ, не иное;
И прячетъ онъ и копитъ денежныя тучи,
Думая, что изъ большой пріятно брать кучи.
Но естьли изъ малой я своей получаю
Сколько нужно, для чего большую, не знаю,
Предпочитаетъ? Тому подобенъ мнѣ мнится
Хрисиппъ, кто за чашею одною тащится

Воды на пространную рѣку, хотя можетъ
Въ ручейкѣ чисту достать. Что ему поможетъ
Излишность, когда рѣка, берегъ подъ ногами
Подмывъ, съ пескомъ и его покроетъ струями (и пр.)

Захаровъ въ похвальномъ словѣ своемъ
ЕКАТЕРИНѢ Второй.

Но что? Польша подъ Хоругвію Костюшки дерзаетъ оскорблять Повелительницу свою? Дерзаетъ тайно убивать сыновъ ея? Дерзаетъ угрожать рушеніемъ Посполитымъ? — Суворовъ, рекла Екатерина, накажи! — Какъ бурный вихрь взвился онъ отъ стрегомыхъ имъ границъ Турецкихъ; какъ соколъ низпалъ на добычу. Кого увидѣлъ — расточилъ; кого напекъ — побѣдилъ; въ кого бросилъ громъ — истребилъ. Пала Прага — изгладилось отъ лица земли Королевство Польское — было — и нѣтъ! — Европа содрогнулась — Княжество Литовское влилось въ Россію и составило двѣ ея Губерніи: — се Екатерина! — Но воззримъ съ благоговѣніемъ на ея образъ; изочтемъ, естьли возможно, прекрасныхъ свойствъ ея сокровища. — Сановитый ростъ являлъ Царицу; великія небеснаго цвѣта очи — проницаніе и милость; отверстое чело — престолъ ума; полныя руки — щедроты сим-

волъ: осанка, поступь, гласъ — премудрости богиню. Во всѣхъ движеніяхъ ея видима была величественная непринужденность; въ украшеніяхъ простота; во вкусѣ изящность. Во всѣхъ разсужденіяхъ обитало особенное свойство сладостнаго убѣжденія; въ глаголахъ Аттическая соль, Латинская краткость, Славенское великолѣпіе. Какая въ велѣніяхъ кротость! Какая нѣжность въ привѣтствіяхъ! Какая въ ожиданіи терпѣливость! — Повелѣвая, казалась просящею; даруя — одолженною; наставляя — пріемлющею совѣты. Гнѣвъ Ея былъ тайна кабинета; милость — обрадованныхъ гласъ трубный. Никогда величіе не являлось съ благодушіемъ подобнымъ; ни единый изъ Монарховъ толикаго уваженія, ни едина изъ Царицъ толикія любви не привлекала. Когда окруженная блистательнымъ дворомъ своимъ являлася собранію чиновъ, всякъ мнилъ тогда видѣти святая святыхъ. Когда принимала пословъ въ облеченіи Императорскаго велелѣпія, казалась окруженною и благостію небесъ, и священнымъ ужасомъ силы, могущества и власти, въ единой Ей совокупленныхъ, и отъ единыя происходящихъ. Когда удостоивала кого своей бесѣды, величіе слагала, робѣющаго ободряла, скромную нужду предваряла, самые недостатки вѣщающаго Ей не примѣтившею казалась. — Титло че-

ловѣка всегда предшествовало въ понятіяхъ Ея титлу Самодержца. Нарицаніе Россіянъ чадами — именованію подданнаго; любовь ихъ — повиновенію предпочитала. Стражу свою въ седцахъ народныхъ — славу въ блаженствѣ ихъ поставляла. Въ наградахъ щедра — какъ мать природа; въ наказаніяхъ милостива — яко отецъ небесный. — Колико нещастныхъ, коихъ злодѣянія умѣли прогнѣвить ангельское Ея сердце, оставлены были грызенію совѣсти, или естественному постиженію смерти, безъ утвержденія Ею осудившаго ихъ приговора! Колико благополучныхъ, кои немощи ради человѣческой извинены были. Колико таковыхъ, которые исправленіемъ погрѣшностей своихъ паки сердце Ея къ себѣ приклонили! Отъ самаго вступленія своего на престолъ сохранила она равномѣрный блескъ славы до послѣдняго дня своея жизни: никогда не изнемогла въ превратностяхъ фортуны; никогда въ неудачахъ своенравія не оказала; даже въ болѣзненныхъ припадкахъ ни жалобъ, ни унынія не изъявила. Отягчена будучи игомъ правленія толь обширной державы, никогда бременемъ своимъ нескучала; никогда многозаботливымъ теченіемъ онаго не затруднялась. Будучи осторожна, никогда тщетнымъ сомнѣніемъ сердца своего не терзала; благонадежна — никогда неосла-

била престола своего безопасности. Любя людей, всегда имъ недовѣряла; — недовѣряя — никогда любви своей къ нимъ не уменьшила. — Таковыми ограждена правилами всегда была одинакова, премудра, велика; всегда себѣ единой подобна. Подражая Высочайшему Существу, въ соцарствованіе съ собою посадила правду; подпорами престола своего милость и судъ поставила; безпристрастіе мѣриломъ всѣхъ своихъ дѣяній учинила. Любя во всемъ изящное, не обременяла себя маловажными дѣлами; любя правосудіе, не терпѣла самовластія преимуществъ; любя человѣковъ, гнушалась тайныхъ доносовъ, и сихъ толико же подлыхъ, колико и злостныхъ извергговъ, кои изъ заугла наносятъ согражданамъ своимъ въ тылъ удары. Она считала ихъ пружиною правленія малоумнаго и вкупѣ жестокаго, которое развращаетъ одну для погибели другой согражданъ половины; которое сыну на отца, женѣ на мужа, брату противъ брата, другу на друга даетъ кинжалъ; которое награждаетъ для того клевету, чтобъ не воздать заслугамъ; которое утѣшается исчисленіемъ наказанныхъ мнимо-виновныхъ, отвращаясь внушенія несравненнаго удовольствія награждать добродѣтель; которое мнитъ быть правосуднымъ, наказуя безъ суда; мнитъ быть проницательнымъ, видя глазами чудовищнаго

клеветника; которое наконецъ усмотря себя обманутымъ, терзается раскаяніемъ, и на оскорбленнаго напрасно подданнаго незазорными очами взирать не смѣетъ (и проч.)

Суворовъ въ словѣ на торжество мира.

И воистинну, бывало ли когда народодержавіе долговременно? Оно едва возстаетъ, уже и погибаетъ: яко быліе возникшее на каменіи или на пескѣ, вмалѣ мимоходитъ; едва нѣколикіе годы высочайшую его славу созерцати могутъ; ибо сѣмена своего разрушенія въ самомъ себѣноситъ, — сѣмена плодоносящія зависть, властолюбіе, несогласіе, мятежи. Во что же оно претворяется? Паки во единоначаліе. Сіе убо начало, сіе и конецъ, всякаго правленія. Отверземъ книгу минувшихъ вѣковъ, отверземъ книгу человѣчества: сіе всегда найдемъ быти тако; ибо хотя человѣки и преходятъ, яко же волны моря, и днесь суть единые, заутра другіе, но родъ ихъ, и свойство, и естество ихъ всегда остается непремѣнное и тое же: по чему всегда тоже и быти долженствуетъ; и прошедшія времена суть образъ и примѣръ временъ грядущихъ. Убо надлежитъ чтити мудрость праотцевъ, и неудобь себе мыслити превыше ихъ разума,

превыше ихъ свѣденій и искуса. — Что? како помыслимъ о просвѣщеннѣйшемъ и славнѣйшемъ во Европѣ народѣ Французскомъ, приводящемъ насъ днесь во ужасъ и содроганіе? Что таковое съ нимъ творится? Се страна изобильная, совокупная, многолюдная, просвѣщенная; лежащая толико же способно на всякую потребу на единомъ краю великой суши, колико на другомъ пресловутый Китай, — сія страна расточенна, растерзана, безъ власти, безъ законовъ, безъ подчиненія. Како сіе? Государь ея не имѣлъ силы быть отцемъ ея. Онъ поруганъ, попранъ; — супруга его, толикихъ и толь неисчетныхъ Императоровъ дщерь и внука.... Отвратись сердце мое, заградитесь уста мои; да не повѣдаю ужасовъ, разящихъ человѣчество паче грома. Тамо царствуютъ днесь неистовые, неблагословенные кровопійцы. — Но сему, мню, едва не подобало и быти тако. Давно уже народъ сей упражняется въ безчисленныхъ новоумышляемыхъ суетахъ, совращающихъ Европу: коснулся благочестія, коснулся правительства: пренебрегъ древніе, пренебрегъ живые примѣры: мечтаетъ изобрѣтать, и непрестанно гласитъ новое просвѣщеніе, новые составы всего, новыя права человѣчества: умы и сердца многихъ неразумныхъ ядоуноилъ погибельнымъ своимъ ученіемъ. Се убо погибель

его возвращается на главу его! — Воззри великій, но не благоусмотрительный, писатель Фернейскій! воззри, прославленный, но не истинный, другъ человѣчества, гражданинъ Женевы, возмнѣвшій искати славы отъ замысловатыхъ, и чрезъестественныхъ, и неожидаемыхъ писаній паче, нежели отъ твердыхъ, созидающихъ сердце! Воззрите, вы, и прочіе немалочисленные, чему вы научили соотчичей вашихъ? Вы превратили правила, нравъ правленій; поколебали учрежденное вѣрою, отъяли сладчайшее упованіе, сладчайшее утѣшеніе человѣчества: вы породили дерзостнѣйшія и пагубнѣйшія мнимо-вдохновенныхъ, мнимопросвѣщенныхъ, общества: тьмы тѣмъ человѣковъ вами совращены: но се наипервѣе совращено и разрушено собственное отечество ваше! — О колико паче зубовъ зміевыхъ язвительнѣйшій, не сыновній, не отечественный духъ! — И ты, премудрый Творецъ духа законовъ преселившагося въ писанія и учрежденія Екатерины, честь разуму человѣческому, вящше же человѣческому сердцу честь! Мню, яко гнушаешися и отрицаешися почестей, тебѣ соотечественниками твоими, во храмѣ великихъ мужей, нѣкогда послѣ многихъ, опредѣляемыхъ. Твое ученіе не безначаліе, не народодержавіе въ пространнѣйшей и сильнѣйшей области Европы, владычеству-

ющей во всѣхъ частяхъ свѣта; не неистовое и ярящееся властительство нощныхъ сонмищъ, дерзающихъ поставляти престолъ свой въ поруганныхъ и святыни обнаженныхъ храмахъ Божіихъ, и злоумышляющихъ тамо неслыханныя продерзости и беззаконія. Мудрость твоя, почерпнутая изъ всѣхъ странъ земли, и изъ всѣхъ вѣковъ человѣчества, подвигъ двадесяти лѣтъ драгой твоей жизни отечеству твоему днесь не на пользу. *).

Изъ Хемницеровыхъ басенъ, куры и голубка.

Какой - то мальчикъ птицъ любилъ,
Дворовыхъ, всякихъ безъ разбору;
И крошками кормилъ.
Лишь голосъ дастъ ко збору,
То куры *тутъ какъ тутъ*, *)
Отвсюду набѣгутъ.
Голубка тоже прилетѣла
И крошекъ поклевать хотѣла;
Да той отваги не имѣла
Чтобъ подойти къ крохамъ. Хоть къ нимъ и подойдетъ,
Бросая мальчикъ кормъ, рукою лишь взмахнетъ,
Голубка *прочь; да прочь;* и крохъ *какъ нѣтъ, какъ нѣтъ*: *)
А куры между тѣмъ съ отвагой наступали,
Клевали крохи, да клевали. *)

*) Сіи два похвальныя слова, предъидущее и сіе, всегда будутъ въ почтеніи у тѣхъ, кои любятъ Руской языкъ.

***) Подобныя симъ простыя, но прямо Рускія выраженія за-

На свѣтѣ часто такъ идетъ,
Что щастія иной отвагой доступаетъ;
И смѣлой тамъ найдетъ,
Гдѣ робкой потеряетъ.

Изъ второй Гораціевой Сатиры, переводъ Баркова.

Когда стараются порока избѣжать,
Въ противной дураки обыкли попадать.
Иной привыкъ ходить раздувшись долгополымъ;
Хоть скачетъ фертикомъ другой, но равенъ
съ голымъ;
Тотъ нѣженъ черезъ чуръ, а сей щоголеватъ;
Мастьми душистъ Руфиллъ, козлу Горгоній братъ.
Благопристойная жъ посредственность забвенна
У тѣхъ, которыхъ мысль страстямъ порабощенна.
Бываетъ въ склонности одной не безъ отмѣнъ;
Есть, коихъ веселитъ любовь замужнихъ женъ,
Другіе жъ тѣмъ себя отъ оныхъ отмѣняютъ,
Что страсти тамъ предѣлъ, гдѣ должно, полагаютъ.
Увидѣвъ юношу неподлаго Катонъ,
Что изъ безчестнаго выходитъ дому онъ,
Изрядно дѣлаешъ, дружокъ, сказалъ безъ брани:
Въ чужія не садись никто отважно сани,

кую даютъ пріятность слогу! Смѣнимъ ихъ съ нынѣшнимъ нелѣпымъ чужесловіемъ, и мы увидимъ какъ одно знаменательно и хорошо, и какъ другое невразумительно и худо!

Но лучше на простой наемной клячѣ сѣсть
Тому, въ комъ сильная къ ѣздѣ охота есть.
Подобной похвалы Купеній не желаетъ,
Кой правилу сему противно поступаетъ.
Послушайте, каковъ прелюбодѣйства плодъ,
Которымъ мерзокъ есть сластолюбивыхъ родъ,
Сколь полны горести бываютъ, бѣдствъ и плача,
Утѣха краткая и рѣдкая удача.
Тотъ съ кровли полумертвъ скочилъ, иль изъ окна.
Другому до костей изсѣчена спина;
Иной бѣжа съ двора несчетны видѣлъ страхи,
И на воровъ попавъ, облупленъ до рубахи;
Тотъ деньгами едва отсыпаться возмогъ,
Другой обруганъ весь отъ головы до ногъ.
Не рѣдко дорогà и тѣмъ любовь приходитъ,
Что послѣ жизнь иной скопцемъ по смерть про-
водитъ.
Всякъ праведнымъ такой о сихъ чтитъ приго-
воръ, и проч. *)

Письмо Горація Флакка о стихотворствѣ къ Пизонамъ, переводъ Поповскаго.

Увидѣвъ женской ликъ на шеѣ лошадиной,
Шерсть, перья; чешую на кожѣ вдругъ единой;

---

*) Стихи сіи, естьли несовершенно гладки и плавны, то по крайней мѣрѣ слогъ въ нихъ чистой, удобовразумительной, и во многихъ мѣстахъ настоящими Рускими выраженіями украшенный. Читая ихъ, нигдѣ не находимъ мы несвойственныхъ намъ новостей; но судя по многимъ попадающимся въ нихъ собственно языку нашему сроднымъ рѣчамъ, забываемъ, что это переводъ, и думаемъ, что оное есть Россійское сочиненіе.

Чтобы красавицей то чудо началось,
Но въ черной рыбій хвостъ внизу оно сошлось:
Моглибъ ли вы тогда, Пизоны, удержаться,
Чтобъ мастеру такой картины не смѣяться?
Я увѣряю васъ, что гнусной сей уродъ
Во всемъ съ тѣмъ слогомъ схожъ, пустыхъ гдѣ
мыслей сбродъ.
Несходно ни съ концемъ ниже съ собой начало,
Піитѣ, знаю я, и живописцу съ нимъ
Возможно вымысломъ представить все своимъ.
Сей вольности себѣ и отъ другихъ желаемъ,
И сами то другимъ охотно позволяемъ;
Но ей предѣлы въ томъ природою даны,
Чтобъ съ бурей не смѣшать любезной тишины,
Чтобъ тигра не впрягать къ однимъ санимъ съ
овцею,
И не сажать скворца въ тужъ клѣтку со зміею.
Начавши что нибудь великое писать,
И важности хотя стихамъ своимъ придать,
Мы часто въ оныхъ храмъ Діянинъ представляемъ,
Иль Рена быстроту и шумъ изображаемъ,
Иль радугу съ дождемъ и нѣжные луга,
Гдѣ шумомъ сладкой сонъ наводятъ берега.
Но здѣсь о семъ писать прикрасы нѣтъ нималой,
Какъ на кафтанѣ быть заплатѣ цвѣтомъ алой!
Пускай ты дерево такъ можешь начертать,
Что съ подлиннымъ отнюдь его не распознать;
Но естьли описать далъ слово въ договорѣ,
Какъ борется съ волной пловецъ разбитой въ морѣ,
То дереву стоять пристанетъ ли при семъ?
Почто начавъ съ орла, кончаешь воробьемъ?
О чемъ кто сталъ писать, того ужъ и держися,
И въ постороннее безъ нужды не вяжися.

О чемъ бы ни хотѣлъ ты пѣть стихи, воспой,
Лишь сила словъ былабъ одна и слогъ простой.
Піитовъ больша часть обманута бываетъ,
Когда о добротѣ по виду разсуждаетъ.
Одинъ за краткостью весь замыслъ свой темнитъ,
Другой для чистоты не живо говоритъ,
Кто любитъ высоту, тотъ пышенъ чрезвычайно,
Кто просто написалъ, тотъ подлъ и низокъ крайно.
Кто тщался скрасить слогъ свой разностью вещей,
Дельфиновъ тотъ въ лѣсахъ, въ водѣ искалъ ве-
прей, и проч. *)

ХАРИТЫ

(Изъ сочиненій Державина).

По слѣдамъ Анакреона
Я хотѣлъ воспѣть Харитъ;
Фебъ во гнѣвѣ съ Геликона
Мнѣ предсталъ и говоритъ:
Какъ, и ты уже небесныхъ
Дѣвъ желаетъ воспѣвать?
Столько прелестей безсмертныхъ
Хочетъ смертный описать!
Но бывалъ ли на высокомъ
Ты Олимпѣ у боговъ?
Обнималъ ли бреннымъ окомъ

*) Таковые стихи, хотя и не могутъ равняться съ славными Горацієвыми стихами; однакожъ они такъ хороши, что даже и по прочтеніи самого подлинника не безъ пріятности можно прочитать переводъ онаго.

Ты веселье ихъ пировъ?
Видѣлъ ли Харитъ предъ ними,
Какъ подъ звукъ пріятныхъ лиръ
Плясками онѣ своими
Восхищаютъ горній миръ;
Какъ съ протяжнымъ, тихимъ тономъ,
Важно павами плывутъ;
Какъ съ веселымъ, быстрымъ звономъ,
Голубками воздухъ вьютъ;
Какъ вокругъ онѣ спокойно
Величавый мещутъ взглядъ;
Какъ ихъ всѣ движенья стройно
Взору, сердцу говорятъ;
Какъ хитоны ихъ эфирны,
Льну подобные власы,
Очи свѣтлыя, сафирны,
Помрачаютъ всѣхъ красы;
Какъ богини всѣмъ соборомъ
Признаютъ: имъ равныхъ нѣтъ,
И Минерва съ важнымъ взоромъ
Улыбается имъ въ слѣдъ? . . . .
Словомъ: *зрѣлъ ли ты картины*
Непостижныя улиц? —
Видѣлъ внукъ Екатерины,
Я отвѣтствовалъ Ему.
Богъ Парнасса усмѣхнулся,
Давъ мнѣ лиру отлетѣлъ —
Я струнамъ ея коснулся
И младыхъ Харитъ воспѣлъ *).

*) Прочитаемъ сочиненія сего знаменитаго стихотворца, и мы во многихъ мѣстахъ увидимъ пылкое воображеніе, находящее не въ чужеязычности, но въ природномъ языкѣ своемъ, огонь и силу выражать себя.

Богдановичъ въ Душинькѣ описываетъ путешествіе Венеры.

Богиня, учредивъ старинный свой парадъ,
И въ раковину сѣвъ, какъ пишутъ на картинахъ,
Пустилась по водамъ на двухъ большихъ Дельфинахъ.
Амуръ, простря свой властный взоръ,
Подвигнулъ весь Нептуновъ дворъ.
Узря Венеру рѣзвы волны,
Текутъ за ней весельемъ полны.
Тритоновъ водяной народъ
Выходитъ къ ней изъ бездны водъ,
Иной вокругъ ея ныряетъ,
И дерзки волны усмиряетъ;
Другой, крутясь во глубинѣ,
Сбираетъ жемчуги на днѣ,
И всѣ сокровищи изъ моря
Тащитъ повергнуть ей къ стопамъ;
Иной съ чудовищами споря,
Претитъ касаться симъ мѣстамъ,
Другой на козлы сѣвъ проворно,
Со встрѣчными бранится вздорно,
Раздаться въ стороны велитъ,
Возжами гордо шевелитъ,
Отъ камней далѣ путь свой правитъ,
И дерзостныхъ чудовищъ давитъ.
Иной съ трезубчатымъ жезломъ,
На Китѣ впереди верхомъ,
Гоня далече всѣхъ съ дороги,
Вокругъ кидаетъ взоры строги,
И чтобы всякъ то вѣдать могъ,
Въ коральной громко трубитъ рогъ;

Имѣя у себя весьма недостаточную библіотеку Руских книгъ, а притомъ и опасаясь сіе мое письмо чрезмѣрно увеличить, прерываю я здѣсь выписки мои изъ такихъ писателей и переводчиковъ, которые хорошимъ слогомъ своимъ обогащают нашу словесность. Мы найдемъ ихъ довольно, когда станемъ ихъ искать. Впрочемъ хотя бы число превосходныхъ сочиненій на языкѣ нашемъ и не было такъ велико, какъ на другихъ языкахъ; то конечно сіе не отъ того происходитъ, что языкъ нашъ невычищенъ, или не откуда намъ почерпать; но отъ того, что мы въ чужомъ языкѣ свой языкъ узнать хотимъ. Я видалъ называющихъ себя любителями Россійской словесности такихъ писателей, которые, зная почти всего Расина и Волтера наизусть, едва ли удостоили когда прочитать нѣкоторыя оды Ломоносова, и то безъ всякаго вниманія. Мудрено ли, что съ таковымъ расположеніемъ, принимаясь писать по Руски, находимъ мы языкъ свой бѣднымъ и недостаточнымъ къ выра-

---

немъ жаловаться на скудость его и недостатокъ образцовъ, возлюбимъ его, начнемъ упражняться въ немъ, бросимъ чужеземный составъ рѣчей, придержимся собственнаго своего слога и станемъ новыя мысли свои выражать стариннымъ предковъ нашихъ складомъ: тогда появятся у насъ много подобныхъ симъ стиховъ, тогда любители читать произведутъ любителей писать, и тогда неуступимъ мы никому въ словесности.

женію нашихъ мыслей? Мудрено ли, будучи больше Французами, нежели Рускими, не умѣть намъ писать по Руски? Однакожъ не взирая на сіе важное обстоятельство, препятствующее прозябать талантамъ, имѣемъ мы довольное число хорошихъ стихотворцевъ и писателей, которымъ послѣдовать можемъ. Итакъ, кто любитъ пѣть съ пріятностію, тотъ будетъ слушать и примѣняться къ голосу настоящихъ соловьевъ, а не тѣхъ чижиковъ, которые, примѣшивая къ пѣснопѣнію своему какое-то странное чирканье, увѣряютъ насъ, что такъ поютъ соловьи въ чужихъ краяхъ. Я вѣрю этому, но въ своемъ лѣсу пріятны мнѣ свои соловьи, къ голосу которыхъ и слухъ и разумъ мой привыкъ.

Я предоставляю сіе мое письмо въ полную вашу волю; вы можете сдѣлать изъ него такое употребленіе, какое вамъ угодно. Пребываю съ истиннымъ почитаніемъ вашъ, государя моего, покорный слуга Безъимяновъ.

ПИСЬМО II.

Государь мой!

Я читалъ разсужденіе ваше о старомъ и новомъ слогѢ. Какую странность взяли вы себѢ за предметъ? Видно, что вы человѢкъ безъ всякаго вкусу. Какъ можно хвалить грубое и порочить тонкое? Заставлять насъ идти по слѢдамъ предковъ нашихъ съ бородами, и хотѢть, чтобъ просвѢщенныя націи не имѢли никакова надъ нами вліянія? Знаете ли вы, что вы вздоръ говорите, и что на сценѢ прекрасныхъ буквъ (*belles lettres*) никто не сочтетъ васъ прекраснымъ духомъ (*belle ésprit?*) Вы этакъ захотите насъ обуть въ онучи и одѢть въ зипуны! Вы смѢшны! Вы безъ всякой модификаціи глупой господинъ! Вы не имѢете никакой моральности; мысли ваши, какъ у молодова робенка, совсѢмъ не развиты; васъ надобно снова воспитать. Какая идея защищать *аще и бяше!* Ха, ха, ха! Вы бы еще побольше привели примѢровъ изъ Прологовъ и часовниковъ! Ха, ха, ха! Это право хорошей образчикъ вашего ума! Ха, ха, ха! Я сроду моего не видывалъ этакъ разсуждать! Ха, ха, ха! Впрочемъ вы напрасно говорите, что нынѢшніе писатели, въ числѢ которыхъ и я имѢю честь вамъ кланяться,

не читают никогда Руских книгъ: я самъ перелистывалъ, то есть фельіотировалъ Ломоноса и перебѣгалъ или паркурировалъ Сумарока *), чтобъ имѣть объ нихъ идею. Оба они весьма посредственные писатели. Я еще меньше авантажнаго былъ объ нихъ мнѣнія, когда ихъ читалъ; но послѣ, читая Левека, узналъ, что одинъ изъ нихъ хорошо писалъ оды, а другой басни; да и то я думаю, что Левекъ имъ пофлатировалъ, или сказалъ это объ нихъ въ такомъ смыслѣ, что они на нашемъ только языкѣ изрядно писали, а на Францускомъ ничего бы не значили. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ случилось на Францускомъ языкѣ читать письмо Ломоноса къ Шувалу, о пользѣ стекла; оно изрядно, только въ немъ никакого отмѣннаго элегансу нѣтъ. Этакихъ писателей у нихъ тысячи. Недавно случилось мнѣ быть въ Сосіетѣ съ нашими нынѣшними утонченнаго

*) Вы небось станете критиковать, для чего я не написалъ *Ломоносова*, *Сумарокова* и съ обыкновенною своею грубостію скажете, что я не по Руски пишу? Такъ ли сударь? По вашему я это худо дѣлаю. Пожалуйте спрячте насмѣшливую минку свою въ карманъ. Я побольше васъ знаю вкусу въ Литературѣ. Вы можетъ быть и не слыхивали, что просвѣщеннѣйшій изъ всѣхъ авторовъ, Волтеръ, когда бывало писывалъ къ Шувалову, то никогда не называлъ его *Шуваловъ*, а всегда *Шувало*, сказывая, что Руской слогъ *овъ*, равно какъ и Турецкое слово *Фетфа*, пахнутъ варварствомъ, склавствомъ, и досаждаютъ деликатнымъ его ушамъ. Ну сударь, смѣйтесь теперь. Кому изъ васъ больше вѣрить, вамъ или Волтеру?

вкуса авторами; они резонировали о Ломоносѣ, что онъ въ стихахъ совсѣмъ не геній, и что въ прозѣ его нѣтъ ни элегансу, ни гармоніи, для того, что онъ писалъ все длинными періодами. Эта критика очень справедливая и тонкая. Въ самомъ дѣлѣ, когда всѣ носятъ короткіе кафтаны, то не смѣшонъ ли будетъ тотъ, кто выдетъ на сцену въ длинномъ кафтанѣ? Также случилось мнѣ отъ подобнаго вамъ вкусу людей слышать, что они, потерявши на этомъ предметѣ умъ, будто Руской языкъ богатъ и ко всякому сорту писаній удобенъ, приводили въ примѣръ какое-то описаніе соловья изъ Ломоноса. — Постойте! у меня изъ большой доставшейся мнѣ по наслѣдству Руской библіотеки, осталась одна только завалившаяся гдѣ-то его Риторика: я это мѣсто выпишу вамъ изъ ней, коли оно невыдрано. Вотъ оно: *Коль великаго удивленія сіе достойно! Въ толь маленькомъ горлышкѣ нѣжной птички толикое напряженіе и сила голоса! Ибо когда вызванъ теплотою вешняго дня взлетаетъ на вѣтвь высокаго дерева, внезапно то голосъ безъ отдыху напрягаетъ, то различно перебираетъ, то ударяетъ съ отрывомъ, то крутитъ къ верху и къ низу, то вдругъ пріятную пѣснь произноситъ, и между сильнымъ возвышеніемъ урчитъ нѣжно, свиститъ, щелкаетъ, поводитъ, хрипитъ,*

дробитъ, *стонетъ*, *утомленно*, *стремительно*, *густо*, *тонко*, *рѣзко*, *тупо*, *гладко*, *кудряво*, *жалко*, *порывно*. Какъ можно эту галиматію хвалить? Къ чему весь этотъ вербіяжъ? Переведите его изъ слова въ слово на Французской языкъ, вы увидите, какой вздоръ выдетъ, и тогда вы узнаете, что вашъ господинъ Ломоносо никуда негодится. Правда, нынѣшніе писатели начинаютъ вводить вкусъ въ Руской языкъ, но все далеко еще отъ Французкаго. Напримѣръ: весь этотъ кортежъ словъ, надъ которымъ бѣдной Ломоносо столько потѣлъ, не пришелъ бы никому изъ нихъ въ голову; они тужъ самую идею изъяснили бы двумя или тремя словами: *какъ занимательно поетъ Филомела: сколько въ голосѣ ея трогательныхъ оттѣнокъ и варіяцій!* Ну не лучше ли это всего сборища глупыхъ вербовъ его: *урчитъ*, *свиститъ*, *щелкаетъ*, *поводитъ*, *хрипитъ*, *дробитъ*, *стонетъ*, и прочее? Одно слово *оттѣнки* всѣхъ ихъ замѣняетъ. Драгоцѣнное слово, изобрѣтенное самимъ Геніемъ, ты ко всему пригодно! *Оттѣнки моего сердца*, *оттѣнки моего ума*, *оттѣнки моей памяти*, и даже можно сказать: *оттѣнки моей жены*, *оттѣнки моего табаку*. Оно такъ замысловато, что кажется ничего не значитъ; однако сколько подъ нимъ предметовъ вообразить себѣ можно! Также на этихъ дняхъ попа-

лась мнѣ какимъ-то образомъ въ руки Руская книга. Я развернулъ ее и прочиталъ въ заглавіи: *Трудолюбивая Пчела, печатана въ 1759 году.* Я хотѣлъ было ее бросить, зная, что въ это время писали безъ вкусу и набивали слогъ свой Славеньщизною. Однако я былъ въ хорошемъ нравѣ, и захотѣлося мнѣ посмѣяться надъ писателями того періода. Итакъ я началъ эту книгу перелистывать. Во первыхъ заглавіе ея мнѣ не полюбилось: я никогда не слыхивалъ, чтобъ на Французкомъ языкѣ была какая нибудь книга, которая бы называлась: *abeille laborieuse.* Во вторыхъ попалась мнѣ басня господина Сумарока, названная *Старикъ, сынъ его и оселъ.* Тутъ нашелъ я:

Прохожій встрѣтившись смѣялся мужику,
Какъ будто дураку,
И говорилъ: конечно братъ ты шуменъ,
Или безуменъ;
Самъ ѣдешъ ты верьхомъ,
А мальчика съ собой волочишъ ты пѣшкомъ.
Мужикъ съ осла спустился,
А мальчикъ на осла и такъ и сякъ,
Не знаю какъ,
Вскарабкался, взмостился.
Прохожій встрѣтившись смѣялся мужику,
Какъ будто дураку,
И говорилъ: на глупость это схоже,
Мальчишка помоложе;
Такъ лучше онъ бы шелъ, когдабъ ты былъ уменъ,

А ты бы ѣхалъ старой хренъ!
Мужикъ осла еще навьютилъ,
И на него себя и съ бородою взрютилъ,
А парень таки тамъ (и проч.)

Какъ можно это терпѣть? *Шуменъ, вскарабкался, взмостился, навьютилъ, взрютилъ, парень, старой хренъ:* все это такія экспресіи, которыя только что грубымъ ушамъ сносны; но въ такомъ человѣкѣ, котораго уши привыкли къ утонченному вкусу, производятъ онѣ такое въ мозговыхъ фибрахъ содроганіе, которое, сообщаясь чертамъ лица, физическимъ образомъ разрушаетъ природную его гармонію, и коснувшись областей чувствительнаго, рисуетъ на немъ гримасъ презрѣнія. Въ другой книгѣ, сочиненія тогожъ Автора, случилось мнѣ видѣть, что онъ также, какъ Буало, вздумалъ учить людей наукѣ стихотворства. Тамъ между прочими наставленіями, какъ сочинять пѣсни, есть у него стихи:

Не дѣлай изъ богинь красавицѣ примѣра,
И въ страсти не вспѣвай: прости моя Венера!
Хоть всѣхъ собрать богинь, тебя прекраснѣй нѣтъ;
Скажи прощаяся: прости теперь мой свѣтъ!

Вотъ какіе назидательные у насъ въ предметѣ поэзіи наставники! Это называется разсуждать по Руски? Будто *моя Венера* хуже, нежели *мой свѣтъ?* Французы прощаясь съ красавицами весьма часто гово-

рятъ: *adieu ma belle Venus!* Это очень элеганъ. Напротивъ того они бы хохотать начали, ежели бы у нихъ кто сказалъ: *adieu ma lumiere!* Французы побольше насъ имѣютъ въ этомъ вкусу, такъ имъ и подражать должно. Послѣ того перелистывалъ я еще ту книгу, о которой прежде говорилъ, и нашелъ въ ней тогожъ Автора эклоги: мнѣ хотѣлось посмотрѣть, имѣлъ ли онъ въ любовной нѣжности какую нибудь тонкость; однако нѣтъ, и этова я въ немъ не вижу. Напримѣръ, какъ бы вы подумали? Онъ описываетъ сходбище пастуховъ точно съ такою же важностію, какъ будто бы онъ описывалъ *la societé du beau monde*, и думаетъ этимъ интересовать. Вотъ его стихи:

И нѣкогда какъ день уже склонялся къ нощи,
Гуляли пастухи въ срединѣ красной рощи,
Котору съ трехъ сторонъ лугъ чистый украшалъ,
Съ четвертой хладный токъ ліяся орошалъ.
Пастушки сладкія тутъ пѣсни воспѣвали,
Тутъ нимфы, кроясь въ водахъ, ихъ гласъ внимали,
Сатиры изъ лѣсовъ съ верховъ высокихъ горъ,
Прельщаяся на нихъ метали въ рощу взоръ,
Пріятный пѣсенъ гласъ по рощамъ раздавался,
И эхомъ разносимъ въ долинахъ повторялся.
Всѣхъ лучше голосовъ Филисинъ голосъ былъ,
Или влюбившійся въ нее пастухъ такъ мнилъ.
По многихъ ихъ играхъ сокрылось солнце въ воды,
И темность принесла съ собой покой природы.
Отходятъ къ шалашамъ оттолѣ пастухи,

Препровождаютъ ихъ въ лугахъ цвѣтовъ духи,
Съ благоуханіемъ ихъ липы сокъ мѣшали,
И сладостью весны весь воздухъ наполняли.
Одинъ пастухъ идетъ влюбившись съ мыслью сей,
Что близко видѣлся съ возлюбленной своей,
И отъ нее имѣлъ въ тотъ день пріятство ново;
Другой любовное къ себѣ услышалъ слово:
Тотъ полонъ радости цвѣтокъ съ собой несетъ,
Пріявъ изъ рукъ тоя, въ комъ духъ его живетъ,
И порученный сей подарокъ съ нѣжнымъ взглядомъ,
Начавшейся любви хранитъ себѣ закладомъ.
Иной размолвившись съ любезной передъ симъ,
Что отреклась она поцѣловаться съ нимъ,
Гуляя въ вечеру съ любезной помирился,
И удоволясь тѣмъ, за что онъ осердился;
Ликуетъ, что опять пріязнь возобновилъ.
Итакъ изъ рощи всякъ съ покоемъ отходилъ (и пр.)

Можно ли все это насказать о пастухахъ и пастушкахъ? Развѣ это *des géns comme il faut?* — Въ другомъ мѣстѣ пастушка его, изъявляя любовнику своему тоску, которую она безъ него ощущала, говоритъ:

Источники сіи томясь тогда плескали,
И на брегахъ своихъ тебя не обрѣтали.
По рощамъ, по лугамъ бродила я стеня,
Ничто ужъ не могло увеселять меня.
Я часто муравы журчащей этой рѣчки
Кропила токомъ слезъ. А васъ, мои овечки,
Когда вы бѣгали вокругъ меня блея,
Трепещущей рукой не гладила ужъ я.

Какія простыя идеи! *По лугамъ бродить, овечку гладить!* Естьли тутъ что нибудь

такое, которое бы было *ingenieux*, *élegant*, *sublime?* Такъ ли нынѣшніе наши писатели, которые формировали вкусъ свой по Французкому образу мыслей, пишутъ и объясняются? Прочитайте: изъ жалости къ грубому вашему понятію, и въ надеждѣ, что вы еще можете исправиться, посылаю я къ вамъ элегію, которую сочинилъ одинъ изъ моихъ пріятелей. Вы увидите какой штиль, какая гармонія, какой выборъ словъ, и какая тонкость мыслей и выраженій въ ней господствуетъ! Естьли же вы сего не почувствуете, естьли эфирное это пламя не сдѣлаетъ никакого впечатлѣнія на симпатію души вашей; то надобно васъ оставить безъ вниманія, какъ такова человѣка, котораго грубоотвердѣлыя понятія неизлѣчимы.

ЭЛЕГІЯ.

(Читатель предувѣдомляется, что сочиненіе сіе писано нынѣшнимъ просвѣщеннымъ слогомъ, въ которомъ сохраненъ весь Французскій элегансъ; а напротивъ того вся варварская Славянщизна и весь старинный предковъ нашихъ слогъ ногами попранъ).

Потребностей моихъ единственный предмѣтъ!
Красотъ твоей души моральной, милой свѣтъ,
Всю физику мою приводитъ въ содраганье:
Какое на меня ты дѣлаешъ вліянье!
Утонченный твой вкусъ съ любезностью смѣсясь,

Межъ мною и тобой улучшиваютъ связь.
Когдабъ ты въ Лондонѣ, въ Парижѣ, или въ Вѣнѣ,
Съ твоими грасами явилася на сценѣ,
Сосредоточилабъ ты мысли всѣхъ умовъ,
Возобладала бы гармонiей духовъ,
И въ отношенiи всѣхъ чувствъ и осязанiй,
Была бы цѣлiю всѣхъ тайныхъ воздыханiй.
Ково я приведу съ тобою въ паралель:
Венеру? Юлiю? Ахъ нѣтъ! Vous etes plus belle *)!
Ты занимательна, какъ милая богиня,
И ароматна такъ, какъ ананасъ, иль дыня.
Сколь разумъ твой развитъ, сколь трогательна ты,
О томъ я ни одной не проведу черты.
Своею магiей, своими ты словами,
Какъ будто щепками, всѣхъ двигаетъ душами,
И къ разговорамъ ты когда откроешъ ротъ,
Въ сердцахъ безчувственныхъ творишъ переворотъ;
Холодной человѣкъ тебѣ дастъ тотчасъ цѣну,
Дѣятельность его получитъ перемѣну:
Онъ меланхолiей своей явитъ примѣръ,
Какой ему дала ты нѣжной характеръ.
Хотябъ онъ грубостью похожъ былъ на медвѣдя,
Тобою размягченъ, страсть пламенну увѣдя,
Усовершенствовавъ своихъ всѣхъ мыслей строй,
Со вкусомъ, съ тонкою хорошихъ словъ игрой,
Любовные тебѣ начнетъ онъ строить куры;
Чего не могъ надъ нимъ *эфоръ* самой натуры,
Чтобъ посмотрѣлся онъ когда нибудь въ трюмо,
Чтобъ вырвалось когда изъ устъ его бонмо,
Чтобъ у него когда идеи были гибки,

---

*) Этова уже я не могъ выразитъ по Руски. Всего вдругъ сдѣлать не льзя: потребно время, дабы языкъ привести въ совершенство.

То сдѣлаешь ты все *a force* твоей улыбки.
Кто можетъ всѣ твои таланты очертить,
И всѣ оттѣнки ихъ перомъ изобразить?
Какъ волосы твои волнистыя сіяютъ,
Между ресницами амуры какъ играютъ,
Какъ извивается дуга твоихъ бровей,
Какъ въ горлышко твое закрался соловей,
Какъ живо на губахъ алѣютъ розъ листочки,
Какъ пухло дуются пурпуровыя щочки!
Взглянувши на тебя, или на твой портретъ,
Кто мнѣнья моего своимъ не подопретъ?
Кого магнитное словцо твое коснется.
Тотъ отъ движенія какъ можетъ уцѣлѣться *)?
Чью грудь не соблазнитъ Эмалъ прекрасна лба?
Самъ камень, на тебя взглянувъ, сказалъ бы: ба!
Кто не найдетъ въ тебѣ той хитронѣжной минки,
Къ которой льнутъ сердца, какъ къ паштакѣ пылинки?
На дышущихъ твоихъ амброзіей устахъ,
Ктобъ свой не захотѣлъ послѣдній сдѣлать ахъ!

Прощайте, государь мой, остаюсь вашъ покорный слуга — я не подписываю никогда своего имени. Впрочемъ вы можете письмо сіе напечатать, естьли не постыдитесь того, что я демонстраціями моими такъ васъ террасировалъ.

---

*) Старинные писатели скажутъ, что это не по Руски, и что должно говорить: *уцѣлѣть*, а не *уцѣлѣться*. Они всякую новую идею называютъ не Рускою. Такъ-таки, не Руская! Невѣжи! вы ничего не знаете: это называется esprit createur.

КОНЕЦЪ.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ СОЧИНЕНІЮ, НАЗЫВАЕМОМУ

РАЗСУЖДЕНІЕ О СТАРОМЪ И НОВОМЪ СЛОГѢ РОССІЙСКАГО ЯЗЫКА,

ИЛИ

СОБРАНІЕ КРИТИКЪ,

изданныхъ на сію книгу,

съ примѣчаніями на оныя.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Я бы не отвѣтствовалъ на изданныя въ журналахъ Сѣверномъ Вѣстникѣ, а особливо Московскомъ Меркуріѣ, противъ книги моей паче злонамѣренныя брани, нежели основанныя на пользѣ словесности сужденія, естьлибъ не надѣялся въ отвѣтахъ моихъ на оныя присовокупить еще нѣчто къ прежнимъ разсужденіямъ моимъ о старомъ и новомъ слогѣ нашего языка. Желаніе быть полезнымъ, а не побужденіе оскорбленнаго самолюбія, которое подобными возраженіями, скорѣе тщеславиться нежели оскорбляться можетъ, есть причиною изданія сей книги.

ПРИМѢЧАНІЯ

на письмо

ДЕРЕВЕНСКАГО ЖИТЕЛЯ.

Въ новоиздающемся журналѣ подъ названіемъ *Сѣвернаго Вѣстника*, на страницѣ 17, подъ заглавіемъ *Словесность*, напечатано нижеслѣдующее письмо:

КАДОМЪ 30 Ноября 1803.

Письмо отъ неизвѣстнаго.

Милостивые государи!

Извините деревенскаго жителя, которой утруждаетъ васъ своею прозьбою помѣстить письмо сіе въ вашемъ журналѣ *). — Нѣ-

*) Естьли письмо сіе дѣйствительно прислано отъ неизвѣстнаго къ издателямъ сего журнала, и естьли журналъ сей издается для пользы словесности, какъ-то всѣ журналы о себѣ говорятъ, то кажется господамъ издателямъ онаго надлежало бы сказать о немъ что нибудь одобрительное. Ибо безъ сего всякъ справедливо заключать будетъ, что или сами они письмо сіе сочинили, или когда помѣстили его въ своихъ сочиненіяхъ и ничего о немъ не говорятъ, то слѣдовательно находятъ содержащіяся въ немъ примѣчанія дѣльными и достойными занимать мѣсто въ ихъ журналѣ. Читатель по прочтеніи сихъ примѣчаній моихъ на оное лучше меня усмотритъ какого роду сіе письмо, такого ли, чтобъ приносить пользу, или чтобъ только наполнять листки.

сколько лѣтъ уже какъ оставилъ я шумную столицу и живу въ тихомъ уединеніи, провождая лѣтнее и осеннее время съ земледѣльцами, а зимнее въ кабинетѣ передъ каминомъ съ умершими и живыми писателями. Библіотека моя состоитъ, не только изъ иностранныхъ отборныхъ, но и изъ Рускихъ книгъ; ибо люблю смотрѣть на постепенное возвышеніе нашего просвѣщенія. Корреспонденты мои немедленно присылаютъ ко мнѣ изъ обѣихъ столицъ всякую книгу, выходящую на свѣтъ. На дняхъ получилъ я отъ нихъ:

Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка, напечатанное въ С. П. Б. въ Императорской Типографіи 1803 *года.*

(Здѣсь надлежитъ предъувѣдомить читателя, что продолженіе сего письма, дабы напечатаніе онаго не повторять два раза, раздѣлено на части, изъ которыхъ послѣ каждой слѣдуетъ примѣчаніе на оную. Читая по порядку сіи раздробленія или части выдетъ цѣлое письмо безъ всякаго исключенія).

Письмо. Сочинитель хочетъ, кажется, обратить насъ къ древнему нашему нарѣчію.

Примѣчаніе. Господинъ деревенскій житель! Когда кто хочетъ судить чью книгу, то кажется необходимо должно ему напередъ прочитать ее и понять. Вы же, какъ видно, мою или не читали, или худо поняли. Разогните ее, вы вездѣ найдете въ ней подобныя сему разсужденія: *простой, средній*

и даже высокой слогъ Россійской конечно не долженъ быть точный Славенскій, однако же сей есть истинное основаніе его, безъ котораго онъ не можетъ быть ни силенъ, ни важенъ *) (стран. 65). И въ другомъ мѣстѣ: „*мнѣніе, что Славенскій языкъ различенъ съ Россійскимъ, и что нынѣ слогъ сей неупотребителенъ, не можетъ служить къ опроверженію моихъ доводовъ: я не то утверждаю, что должно писать точно Славенскимъ слогомъ, но говорю, что Славенскій языкъ есть корень и основаніе Россійскаго языка; онъ сообщаетъ ему богатство, разумъ, силу, красоту. Итакъ въ немъ упражняться и изъ него почерпать должно искуство краснорѣчія, а не изъ Бонетовъ, Волтеровъ, Юнговъ, Томсоновъ, и другихъ иностранныхъ сочинителей, о которыхъ писатели наши на каждой страницѣ твердятъ, и учась у нихъ Рускому на бредъ похожему языку, съ гордостію увѣряютъ, что нынѣ образуется токмо пріятность нашего слога.*" (стр. 81). Вездѣ, говорю, найдете вы въ книгѣ моей подобныя сему разсужденія, сопровождаемыя примѣрами, изъ которыхъ одними показываю я нелѣпой слогъ, въ какой по незнанію языка своего заводитъ насъ невѣжественное подражаніе чужимъ языкамъ; а другими открываю богатство, силу и красоту собственнаго языка своего, къ стыду нашему оставляемаго и пренебрегаемаго нами. Итакъ естьли бы вы хотя съ малѣйшимъ вниманіемъ прочитали меня, то могли ли бы сказать: *сочинитель, хочетъ, кажется, обратить насъ къ древнему нарѣчію?*

*) Въ самомъ дѣлѣ, естьли Славенскій языкъ отдѣлишь отъ Россійскаго, то изъ чего же сей послѣдній состоять будетъ? Развѣ изъ однихъ Татарскихъ словъ, какъ-то: *лошадь, кушакъ, колпакъ, сарай*, и проч.; да изъ площадныхъ и низкихъ, какъ-то: *калякать, чечениться, хохлиться*, и тому подобныхъ; да изъ чужестранныхъ, какъ то: *гармонія, элоквенція, серіозно, авантажно*, и проч.? Вподлинну, удаляясь отъ Славенскаго языка, краснорѣчіе наше будетъ безподобное!

Государь мой! показывать красоты природнаго языка своего и обращать къ источникамъ онаго, не есть обращать къ неупотребительному нарѣчію. Конечно худой и не искусный писатель столько же обезобразитъ слогъ свой Славенскими не къ статѣ употребленными выраженіями, сколько и Французскими фразами; но гдѣ вы въ книгѣ моей нашли, что я совѣтую писать худо, да только худо не по Французски, а по Славенски? Вы говорите, вамъ *кажется* это; но виноватъ ли я, когда я говорю то, а вамъ кажется иное?

Пис. Не жалѣя о трудѣ, который столько лѣтъ прилагали наши новѣйшіе писатели къ очищенію своего языка.

Примѣч. Кто такіе сіи новѣйшіе писатели, и какой трудъ прилагали они къ очищенію языка своего? Я въ книгѣ моей почти всѣхъ лучшихъ писателей нашихъ привелъ въ примѣръ, и ссылаясь на слогъ ихъ доказывалъ, что они почерпали его изъ книгъ Славенскихъ, а не изъ чужестранныхъ сочинителей, у которыхъ многіе нынѣшніе писатели наши, по незнанію собственнаго языка своего, заимствуютъ чуждые намъ обороты рѣчей. Итакъ о какихъ же вы новѣйшихъ писателяхъ говорите, и для чего не потрудились показать намъ примѣры, въ чемъ состоитъ сіе очищеніе языка?

Пис. Признаться, мнѣ весьма странно показалось желаніе его, чтобы мы бросили читать книги на нынѣшнемъ Рускомъ и другихъ языкахъ, принялись бы за старину, и начали объяснять мысли свои на языкѣ Славенскомъ.

Прим. Подобное сему несправедливое укореніе я уже не отъ перваго васъ слышу: нѣкто въ письмѣ своемъ, наполненномъ таковыми же неоспоримыми истинами, какъ и ваше, говоритъ мнѣ *). *Я читалъ разсужденіе ваше о старомъ и новомъ слогѣ. Какую странность взяли вы себѣ за предметъ? Видно, что вы человѣкъ безъ всякаго вкусу. Какъ можно хвалить грубое и порочить тонкое? заставлять насъ идти по слѣдамъ предковъ нашихъ съ бородами, и хотѣть, чтобъ просвѣщенныя націи не имѣли никакова надъ нами вліянія? Знаете ли вы, что вы вздоръ говорите, и что на сценѣ прекрасныхъ буквъ никто не сочтетъ васъ прекраснымъ духомъ? Вы этакъ захотите насъ обуть въ онучи и одѣть въ зипуны! вы смѣшны! вы безъ всякой модификаціи глупой господинъ!* и проч." Нѣтъ, государи мои! напрасно одинъ изъ васъ думаетъ, будто я хочу обуть всѣхъ въ онучи и одѣть въ зипуны; а другой будто я не велю читать ни своихъ, ни иностранныхъ книгъ. Со всемъ не похоже на это! Я въ книгѣ моей, какъ и выше уже сказалъ, многихъ хорошихъ писателей нашихъ привожу въ примѣръ, и указуя на нихъ говорю: вотъ чистой Руской слогъ, въ которомъ нѣтъ чужестраннаго состава рѣчей. Будто сіи слова мои значатъ: *не читайте на нынѣшнемъ Рускомъ языкѣ книгъ?* Отнюдь нѣтъ. Онѣ значатъ: *сличите сей лучшихъ писателей нашихъ слогъ съ нынѣшнимъ, недавно появившимся, но скоро, на подобіе саранчи расплодившимся, Руско-Французскимъ слогомъ, и познайте нелѣпость и бредъ сего послѣдняго.* Въ разсужденіи же чужестранной словесности, я самъ нѣкоторые языки знаю, и многихъ писателей на нихъ съ великимъ услажденіемъ читаю; но говорилъ и говорю всегда, что всякой Россіянинъ долженъ отечество свое и отечественный языкъ свой любить и знать гораздо больше,

---

*) Читатель можетъ видѣть письмо сіе при концѣ моей книги.

нежели какуюбЪ то ни было чужую землю и чужой языкЪ: то ли это, что я запрещаю читать иностранныя книги? Государи мои! вы обвиняете меня такими мыслями, какихЪ у меня вЪ головѣ никогда не бывало. ЭтакЪ вамЪ не мудрено сдѣлать меня невѣждою, когда вы, не понявЪ меня, собственныя ваши мысли мнѣ приписывать будете.

Пис. Какъ безпристрастный человѣкъ скажу, что сочинитель справедливо вооружается противъ чрезвычайной привязанности нѣкоторыхъ молодыхъ нашихъ писателей къ Француским словамъ и оборотамъ. Неопытность и мода наводнили книги наши безчисленными иностранными выраженіями.

Прим. Вы сами это и чувствуете и не чувствуете, хвалите меня и браните. Недавно сказали вы, *что сидя въ кабинетѣ за Рускими книгами любите смотрѣть на постепенное возвышеніе нашего просвѣщенія.* — Разумѣется вЪ словесности; ибо рѣчь идетЪ у насЪ о языкѣ, а не о наукахЪ или художествахЪ. — Теперь говорите, *что книги наши наводнены безчисленными иностранными выраженіями.* КакимЪ же образомЪ согласить сіе *постепенное возвышеніе* сЪ симЪ *великимъ наводненіемъ?* Я думаю вЪ сихЪ словахЪ мало будетЪ смысла, когда кто скажетЪ: *я люблю смотрѣть на чистоту сего сада, изрытаго кротами и поросшаго терновникомъ и крапивою.*

Пис. Таковая, можно сказать, дерзость достойна самой строгой критики. Но строгость худой имѣетъ успѣхъ, если основательность не составляетъ ея подпоры, которой — не къ огорченію автора скажу — не нашелъ я во многихъ мѣстахъ.

Прим. И я не къ огорченію вашему, но для пользы словесности и къ оправданію моему, (хотя противъ подобныхъ возраженій и не имѣю никакой нужды оправдываться), изъ собственныхъ примѣчаній вашихъ доказываю, что вы во многихъ мѣстахъ, можетъ быть поверхностно книгу мою прочитавъ, весьма худо ее поняли. Я бы отъ чистаго сердца былъ вамъ благодаренъ, естьлибъ вы вподлинну показали мнѣ мои погрѣшности; но малость замѣчаній вашихъ на нѣкоторыя мѣста моей *книжки*, какъ вы ее называете, и въ самой малости совершенный въ истинахъ недостатокъ, препятствуютъ мнѣ съ должною благодарностію наставленія ваши принять и воспользоваться оными.

Пис. Безстыдно было бы думать, что и я не ошибаюся; по крайней мѣрѣ всякъ властенъ судить о такихъ предметахъ какъ хочетъ. По сей самой свободѣ помѣщаю здѣсь на нѣкоторыя мѣста сей книжки мои замѣчанія, съ таковыми же побужденіями, какія имѣлъ сочинитель, то есть, чтобъ быть сколько нибудь полезнымъ для любителей Россійской словесности.

Прим. Судить книги хорошо и полезно для словесности; но надобно то, что судиь, прочитать со вниманіемъ, и то, что оговариваешь, оговаривать съ разсудкомъ. А безъ того больше принесешь словесности вреда, чѣмъ пользы; ибо умножишь число худыхъ сочиненій.

Пис. Авторъ говоритъ на стр. 2: ,,кто бы подумалъ, что мы, оставя сіе многими вѣками утвержденное основаніе языка сво-

его, начали вновь созидать оный на скудномъ основаніи Французскаго языка?“ — Признаюсь, что сія мысль показалась мнѣ новою. Я всегда думалъ, что лучшіе наши писатели и переводчики заимствуютъ изъ Французскаго и другихъ языковъ только нѣкоторыя слова и даже выраженія, которыя ни мало не оскорбили бы нашихъ прадѣдовъ, если бы они жили въ наши времена, и что къ сему принуждаются они утонченіемъ понятій нынѣшнихъ просвѣщенныхъ народовъ и недостаткомъ на нашемъ языкѣ словъ къ выраженію оныхъ.

Прим. Здѣсь, съ позволенія вашего сказать, я со всемъ васъ не понимаю. Подъ словами: *созидать языкъ свой на скудномъ основаніи Французскаго языка,* разумѣю я, какъ и вездѣ въ книгѣ моей толкую: *не имѣть достаточнаго свѣденія въ природномъ языкѣ своемъ, и по незнанію силы собственныхъ словъ своихъ, вводить въ него чужестранныя слова, или еще хуже, по подобію чужихъ словъ и выраженій, безразсудно кропать новыя не свойственныя намъ имена и глаголы, необходимымъ образомъ вовлекающіе насъ въ то, что мы и всѣ рѣчи свои должны уже располагать по составу рѣчей чужихъ языковъ: слѣдовательно принимая чужое — не лѣпое и скудное, оставлять свое богатое и сильное.* Загляните въ книгу мою, вникните хотя нѣсколько въ нее, и скажите, то ли я говорю, или нѣтъ? Чтожъ значитъ возраженіе ваше: *я всегда думалъ, что лучшіе наши писатели и переводчики заимствуютъ изъ Французскаго и другихъ языковъ только нѣкоторыя слова и даже выраженія,* и проч.? Сами вы признались прежде, что книги наши наводнены чужеязычіемъ,

котораго не токмо прадѣды наши, но и мы, современники, разумѣть не можемъ. Какъ же теперь и предкамъ нашимъ не велите оскорбляться, и писателей нашихъ, заимствующихъ слова и выраженія съ чужихъ языковъ, называете лучшими? Я въ книгѣ моей, хотя не всѣхъ, однако многихъ привелъ изъ нихъ въ примѣръ, доказывая изъ сочиненій и переводовъ ихъ совсемъ противное мнѣнію вашему, то есть, что въ слогѣ ихъ отнюдь нѣтъ сего безобразнаго заимствованія. Для чего же и вы изъ вашихъ писателей не привели доказывающихъ мнѣніе ваше примѣровъ? Для чего не объяснили, въ чемъ состоятъ сіи *утонченныя понятія*, о которыхъ вы упоминаете? Для чего не показали недостатка въ языкѣ нашемъ словъ къ выраженію оныхъ? Мнѣ кажется, когда вы принялись о томъ говорить, такъ надлежало бы уже и ясно это вывести. Или вы придержались пословицѣ: *легче сказать, чѣмъ доказать?* Государь мой! заимствовать мысли изъ знаменитыхъ иностранныхъ писателей весьма хорошо; идти во слѣдъ Гомеру и Виргилію, то есть силу краснорѣчія ихъ соблюдать на своемъ языкѣ, сколько трудно, столько и похвально; никто противъ сего спорить не будетъ; но заимствовать изъ нихъ однѣ токмо слова и выраженія, не смотря на то, свойственны ли онѣ языку нашему или нѣтъ, сколько легко, столько же и худо, потому что сила словъ и выраженій ихъ не составляетъ силы словъ и выраженій нашихъ. Вы тщетно будете противное сему утверждать: никто вамъ въ томъ не повѣритъ.

Пис. Стран. 4. „Ежели Французское слово élegance перевесть по Руски *чепуха*" — благородный вкусъ! — далѣе: „то можно сказать, что мы дѣйствительно и въ краткое

время слогъ свой довели до того, что *погрузили* въ него *всю полную силу* и знаменованіе сего слова!“ — Удивительное полновѣсіе! сколько *элегансу* вижу я въ сихъ словахъ: *погрузили полную силу* и при томъ *всю* — это весьма счастливо выражаетъ мысль автора.

Прим. Вижу, что господинъ деревенской житель восклицаніями своими: *благородной вкусъ! удивительное полновѣсіе!* хочетъ сказать мнѣ что-то бранное; но не понимаю ни разума сихъ словъ, ниже того, за что онъ меня бранитъ. Съ мнѣніемъ моимъ, *что худые писатели часто Французскимъ словомъ élegance называютъ такой слогъ, которой приличнѣе назвать вздоромъ и чепухою,* можно не согласиться; но приписывать ему *благородство или неблагородство* вкуса, съ позволенія сказать, есть нѣкое невразумительное пустословіе. И что еще страннѣе: господинъ деревенскій житель не давно самъ соглашался со мною въ наводненіи языка нашего чужеязычіемъ, распространяемымъ подъ именемъ элеганса, и теперь бранитъ меня за то, для чего я это говорю! находитъ въ словахъ моихъ какое-то *полновѣсіе,* и въ рѣчи моей: *то можно сказать, что мы дѣйствительно и въ краткое время слогъ свой довели до того, что погрузили въ него всю полную силу и знаменованіе сего слова,* не знаю для чего не нравится ему выраженіе: *погрузить всю полную силу!* — Охотно бы желалъ я воспользоваться его наставленіями, естьлибъ оныя сколько нибудь были понятны.

Пис. Стран. 8. „Кратко сказать, чтеніе книгъ на природномъ языкѣ, есть единствен-

ный путь, ведущій насъ во храмъ словесности." — По этому книги на природномъ языкѣ наставляютъ насъ и въ тѣхъ частяхъ словесности, для которыхъ нѣтъ еще у насъ никакихъ образцовъ?

Прим. Могли ли бы вы сдѣлать мнѣ сей вопросъ, когда бы книгу мою со вниманіемъ прочитали? Вы приводите здѣсь рѣчь мою, начинающуюся словами: *кратко сказать.* Самое сіе начало рѣчи моей показываетъ уже, что оная есть заключеніе изъ предъидущихъ разсужденій моихъ. Какъ же вы, не упоминая ничего о предъидущемъ, дѣлаете вопросъ на послѣдующее? Что могу я вамъ отвѣчать на оной, какъ не то: прочитайте предъидущее? Когда вы противно мнѣ мыслите, такъ надлежало бы вамъ разсужденія мои своими разсужденіями опровергнуть, а не о томъ вопросъ мнѣ дѣлать, на что я давно уже отвѣчалъ; поелику вездѣ въ книгѣ моей говорю и толкую, что изъ чтенія иностранныхъ книгъ, не читая никогда своихъ (помните! не читая никогда своихъ), не можемъ мы ни въ какомъ родѣ писанія на собственномъ языкѣ своемъ прославиться. Мы можемъ изъ Гомера, Виргилія, Расина, Мильтона, и другихъ иностранныхъ писателей, заимствовать мысли, почерпнуть правила, обогатить понятія наши; но можемъ ли научиться изъ нихъ краткости и плавности слога, свойственному намъ составу рѣчей, силѣ выраженій, приличному употребленію словъ? Положимъ, что вы долговременно упражняясь въ чтеніи великихъ иностранныхъ писателей, пріобрѣли всѣ нужныя въ словесности познанія; но можете ли вы показать ихъ на языкѣ своемъ, когда худо его знаете? Естьли бы самъ краснорѣчивый творецъ Танкреда и Заиры былъ

когда нибудь въ Россіи, и выучась нѣсколько языку нашему захотѣлъ бы разговаривать съ нами наономъ, можетъ быть мы услышали бы отъ него: *мой севодня былъ на Руска спектакель и видѣлъ играть мой Магометъ.* Итакъ не странно ли, не чудно ли думать и утверждать, что для отличенія себя въ Рускомъ слогѣ, надлежитъ не въ языкѣ своемъ упражняться, но смотрѣть на какіе-то *образцы* иностранныхъ писателей? Сперва надлежитъ напитать и обогатить умъ свой знаніемъ языка своего, и потомъ уже примѣняться къ тому, что вы называете *образцами.* Руской обыкновенной портной можетъ по образцу Францускаго портнова сшить точно такой кафтанъ; но Руской обыкновенной стихотворецъ не можетъ по образцу Францускаго стихотворца сочинить точно такую же поэму. Итакъ, государь мой, я не взирая на вопросъ вашъ говорю и утверждаю, что *чтеніе книгъ на природномъ языкѣ есть единственный путь ведущій насъ во храмъ словесности.*

Пис. **Кажется словесность взята здѣсь нѣсколько въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, нежели какъ надобно. Стран. 8: „Для вящшаго въ языкѣ своемъ развращенія.“ — Развращать людей можно, а языкъ никакъ не льзя; дурные писатели портятъ его.**

Прим. Ежели *развращать людей* можно, какъ вы сами утверждаете, то для оправданія моего предъ вами остается мнѣ только попросить васъ, чтобъ вы, когда впредь случится вамъ слова мои толковать, пожаловали получше въ нихъ вразумлялись. *Для вящшаго въ языкѣ своемъ развращенія* — кого? тѣхъ, о которыхъ я выше говорилъ: слѣдовательно людей, а не языка. Безсомнѣнія можно въ книгѣ

моей найти погрѣшности, но не такимъ образомъ, какъ вы ихъ ищете.

Пис. Тамъже: „Я уже не говорю, что молодому человѣку, на подобіе управляющаго кораблемъ кормщика, надлежитъ съ великою осторожностію вдаваться въ чтеніе Французскихъ книгъ, дабы чистоту нравовъ своихъ въ семъ преисполненномъ опасностію морѣ не преткнуть о камень.“ — Это правда; молодому человѣку вездѣ нуженъ путеводитель. Но по чему въ чтеніи однихъ Французскихъ книгъ?

Прим. Какъ? вамъ и это надобно растолковать? По тому, что Французской языкъ есть общій и болѣе всѣхъ у насъ употребительный. По тому, что мы почитаемъ себя худо воспитанными, когда не умѣемъ на немъ болтать. По тому, что изо ста нашихъ молодыхъ дворянъ четыре или пять человѣкъ разумѣютъ нѣсколько по Англински, по Италіянски, или по Нѣмецки; а семьдесять или восемьдесять человѣкъ никакихъ другихъ книгъ, кромѣ Французскихъ, не читаютъ. Наконецъ по тому, что нигдѣ столько нѣтъ ложныхъ, соблазнительныхъ, суемудрыхъ, вредныхъ и заразительныхъ умствованій, какъ во Французскихъ книгахъ.

Пис. Книга противная нравственности равно опасна какъ на Французскомъ, такъ и на всѣхъ языкахъ.

Прим. Какую вы премудрость сказали! Но книга противная нравственности на Китайскомъ или Халдейскомъ языкѣ много ли въ Россіи развратитъ нравовъ?

Пис. У Французовъ есть вредныя и соблазнительныя книги; но есть онѣ и у Англичанъ, у Нѣмцовъ и другихъ народовъ. — Я уже не стану раздроблять красотъ выраженія: *чистоту нравовъ преткнуть о камень.*

Прим. Корабль, идущій по морю, весьма можетъ *претыкаться о камень.* Итакъ по общимъ правиламъ и понятіямъ, кажется ни въ рѣчи сей, ни въ употребленіи семъ, нѣтъ ничего страннаго. Естьли же по какимъ нибудь особливымъ, вамъ однимъ извѣстнымъ, правиламъ и понятіямъ, находите вы сіе выраженіе худымъ, то жаль, что вы сего *особеннаго* мнѣнія своего не объяснили.

Пис. Стран. 14. „Вмѣсто обогащенія языка своего новыми почерпнутыми изъ источниковъ онаго красотами, *растлѣваемъ* его не свойственными ему чужестранными рѣчами и выраженіями.“ — *Растлѣвать* языкъ также можно, какъ и *развращать* оный.

Примѣч. Въ книгѣ моей (см. первое изданіе *Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка*), приложенъ маленькой опытъ Словаря, гдѣ между прочими словами и слово *растлить* истолковано, въ какихъ смыслахъ оное употребляется. Итакъ естьли бы господинъ деревенской житель прочиталъ меня и понялъ, такъ бы онъ и увидѣлъ на какомъ правилѣ основываясь употребилъ я здѣсь глаголъ *растлѣвать.*

Пис. Стр. 15. Сочинитель, въ доказательство, какъ Ломоносовъ умѣлъ въ высокомъ слогѣ помѣщать низкія мысли и слова, не унижая ими слога и сохраняя всю важность

онаго, приводитъ въ примѣръ слѣдующіе стихи изъ его поэмы ПЕТРЪ Великій:

„Текущу видя кровь рыкаютъ: *любо! любо!*
„Пронзеннаго поднявъ гласятъ сіе сугубо.

И стран. 16.

„О коль велико въ немъ движеніе сердечно!
„Геройско рвеніе, досада, гнѣвъ и *жаль*,
„И для погибели удалыхъ главъ печаль.

Я имѣю уваженіе къ великому нашему лирику; но признаюсь, никогда не думалъ, чтобы сіи стихи были слишкомъ хороши: они всегда казались мнѣ слишкомъ посредственны и я не узнавалъ въ нихъ Ломоносова.

Прим. Здѣсь вы опять, не вразумясь хорошенько въ мысль мою, дѣлаете мнѣ возраженіе не на то, о чемъ я говорилъ, но на то, о чемъ я ни слова не сказалъ. Кто прочитаетъ сіе примѣчаніе ваше, тотъ подумаетъ, что я вышепомянутые приведенные вами здѣсь изъ Ломоносова стихи выдаю за самое превосходнѣйшее ума его произведеніе. Ничего не бывало! Я говорю только, что помѣщенныя въ нихъ мысли и слова, таковыя какъ *рыкать, рыпать, тащить за волосы, подпнѣтъ, удалая голова*, и проч., умѣлъ онъ употреблять въ высокомъ слогѣ, не унижая ими онаго *). Виноватъ ли

*) Дѣйствительно главная разность между великими и малыми писателями состоитъ въ томъ, что первые изъ нихъ самыя простыя слова и выраженія умѣютъ такъ прилично употреблять, что возвышаютъ и украшаютъ ими рѣчь свою; другіе напротивъ того не приличнымъ помѣщеніемъ высокихъ и великолѣпныхъ словъ отнимаютъ у нихъ всю важность и обезображиваютъ ими слогъ свой. Часто одинъ писатель тѣмъ самымъ словомъ восхи-

я въ томъ, что вы одну вещь принимаете за другую? Говорить о приличности помѣщенія словъ, не есть разсуждать о красотѣ стиховъ; ибо легко случиться можетъ, что стихи сами по себѣ не хороши, а нѣкоторыя слова употреблены въ нихъ счастливо и пристойно. Итакъ естьли вы не согласны со мною, то надлежало бы вамъ опровергать вышепомянутое мнѣніе мое, а не въ томъ дѣлать мнѣ возраженіе, о чемъ вы еще и мыслей

шитъ насъ, которымъ другой разсмѣшитъ. Одно глубокое знаніе языка своего можетъ, такъ сказать, уму нашему дать глаза видѣть и различать сіе. Нѣгдѣ случилось мнѣ прочитать касающееся до сего весьма справедливое примѣчаніе, на слѣдующіе Корниліевы стихи въ трагедіи его, называемой Отонъ. Дѣйств. 1. Явл. 1.

O t h o n.

Je les voyais tous trois se hâter sous un maître
Qui chargé d'un long âge a peu de tems à l'être;
Et tous trois à l'envie s'empresser ardement
À qui dèvorerait ce règne d'un moment.

Волтеръ въ примѣчаніяхъ своихъ на сіи стихи говоритъ:

Corneille n'a jamais fait quatre vers plus forts, plus pleines, plus sublimes. La beauté de ce vers:

à qui dèvorerait ce règne d'un moment,

Consiste dans cette métaphore rapide du mot *dévorer*. Tout autre terme eût été faible: c'est là un de ces mots que Déspréaux apellait *trouvés*. Racine est plein de ces expressions, dont il a enrichi la langue. Mais qu'arrive-t-il? Bientôt ces termes neufs et originaux, employés par les écrivains les plus médiocres, perdent leur premier éclat qui les distingait; ils deviennent familiers; allors les hommes de génie sont obliges de chercher d'autres expressions, qui souvent ne sont pas si heureuses. C'est ce qui produit le stile forcé et sauvage dont nous sommes inondés. Il en est à-peu-près comme des modes: on invente pour une Princesse une parure nouvelle, toutes les femmes l'adoptent; on veut ensuite rencherir, et on invente du bizarre plutôt que de l'agréable.

моихЪ не знаете. ВпрочемЪ, хотя я вЪ книгѣ моей и не входилЪ вЪ разсужденіе о красотѣ сихЪ стиховЪ, однакожЪ весьма далекЪ отЪ того, чтобЪ находить ихЪ по вашему *слишкомъ* не хорошими, или *слишкомъ* посредственными. Вы говорите, что не узнаете вЪ нихЪ Ломоносова: никто не снимаетЪ сЪ васЪ вЪ томЪ воли; на это есть у насЪ Руская пословица: *свой умЪ царь вЪ головѣ*.

Пис. Слово *жаль* никто, думаю, не почтетъ иначе какъ за нарѣчіе, которое частію употребляется за безличный глаголъ; а тутъ употреблено оно вмѣсто существительнаго имени: *жалость, сожалѣніе*, и вставлено, какъ видно, для рифмы.

Прим. МожетЪ быть, что безличный глаголЪ или слово *жаль*, употребленное вЪ семЪ стихѣ вмѣсто существительнаго имени *жалость* или *сожалѣніе*, по подобію слова *печаль* или *боль*, есть, буде не совершенная погрѣшность, то по крайней мѣрѣ стихотворческая вольность; но во первыхЪ, таковая вЪ одномЪ стихѣ вольность, весьма впрочемЪ удобопонятная и вразумительная, отнюдь не затмѣваетЪ смысла другихЪ сопряженныхЪ сЪ нимЪ стиховЪ. Во вторыхЪ, когда употребилЪ оную ЛомоносовЪ, котораго стихотворенія не подражаемы и безсмертны, то да позволено мнѣ будетЪ вЪ знаніи языка больше повѣрить ему, нежели господину деревенскому жителю, котораго труды, кромѣ сего состоящаго изЪ примѣчаній на мою книгу письма, нѣсколько уступающаго письму Ломоносова о пользѣ стекла, мнѣ совсѣмЪ неизвѣстны.

Пис. Впрочемъ храбрыхъ, мужественныхъ воиновъ, я не смѣлъ бы назвать *удалыми*.

Слово удалый означаетъ у насъ буяна, повѣсу, и значило ли когда нибудь другое что либо, сомнѣваюсь.

Прим. Слово *удалый* такъ различно съ словами *буянъ* и *повѣса*, какъ день съ ночью. Самое коренное знаменованіе онаго ясно то показываетъ: оно происходитъ отъ глагола *удасться*, и заключаетъ въ себѣ мысль: *одинъ удался изъ многихъ*, то есть: отлично смѣлый, предпріимчивый, храбрый. Сіе понятіе весьма далеко отъ того, которое заключается въ словѣ *буянъ*, происходящемъ отъ одного корня съ словами *буйность*, *буйство*, и проч. Прочитайте старую пѣсню:

Во славномъ городѣ Кіевѣ,
У Князя у Владимира,
У солнышка Святославича,
Было пированіе почетное,
Почетное и похвальное,
Про князей и про бояръ,
Про сильныхъ могучихъ богатырей,
Про всю поляницу *удалую*.

По вашему толкованію о словѣ *удалый* выдетъ, что Владимиръ угощалъ столомъ своимъ буяновъ и повѣсъ. Итакъ, господинъ деревенскій житель, естьли знаменованія многихъ Рускихъ, а особливо славенскихъ словъ, не болѣе вамъ извѣстны, какъ знаменованіе сего слова, то вы безсомнѣнія благоразумно сдѣлаете, когда смѣлость свою въ употребленіи оныхъ соразмѣрять будете силамъ своимъ и знанію въ языкѣ. Отважность тогда токмо бываетъ благоуспѣшна, когда сопровождается искуствомъ. Не всякаго живописца кисть удивитъ насъ тѣми смѣлыми чертами, которымъ удивляемся мы въ Рафаиловой кисти.

Пис. Сверхъ того вообще низкія слова не принадлежатъ къ эпопеи; онѣ унижаютъ важность и достоинство оной.

Прим. Благодарю за поученіе! Но гдѣ вы въ книгѣ моей нашли, что я совѣтую *въ эпопеи* употреблять низкія слова? Долго ли мнѣ будетъ повторять, что вы оговаривая книгу мою почерпаете изъ ней мысли, какихъ въ ней нѣтъ? Я думаю излишно было бы толковать, что низкое слово, помѣщенное прилично, не есть уже тамъ низкое, иначе не было бы оно прилично помѣщено.

Пис. Стран. 21. „Таковъ Ломоносовъ въ стихахъ, таковъже онъ въ переводахъ и въ прозаическихъ сочиненіяхъ. Мы видѣли разумъ его и глубокое знаніе; покажемъ теперь примѣръ осторожности и наблюденія ясности въ рѣчахъ. Въ подражаніи своемъ Анакреону говоритъ онъ о Купидонѣ:

„Онъ чуть лишь ободрился,
„Каковъ-то, молвилъ, лукъ;
„Въ дождѣ *чать* повредился,
„И съ словомъ стрѣлилъ вдругъ.

„Потребно сильной въ языкѣ имѣть навыкъ, дабы чувствовать самомалѣйшее обстоятельство, могущее ослабить силу слога, или сдѣлать его двусмысленнымъ и недовольно яснымъ. Въ просторѣчіи обыкновенно вмѣсто *чаять должно*, говорятъ сокращенно: *чай*. Ломоносовъ тотчасъ почувствовалъ, что выдетъ изъ сего двусмысліе

глагола *чай* съ именемъ *чай*, то есть, Китайской травы, которую мы по утрамъ пьемъ, и для того сокращая глаголъ *чаять* поставилъ *чать*."

Доказательство не скажу слабое, а смѣшное! и не умѣющій читать пойметъ тотчасъ по смыслу пѣсни, что тутъ не означается напитокъ; а знающій Исторію знаетъ также, что во время Анакреона, чаю не только еще не пивали, но онъ былъ и не извѣстенъ; слѣдственно въ дождѣ ему повредиться никакъ не льзя было.

Прим. Господинъ деревенской житель! я говорю о чистотѣ языка, о правилахъ сочиненія и о томъ, что должно избѣгать двусмыслія въ словахъ. Нарочно для сего взялъ я изъ Ломоносова такой примѣръ, въ которомъ бы маловажность стихотворческой вольности наименѣе чувствительна была, для показанія, съ какою тщательностію, даже и въ самыхъ малыхъ вещахъ наблюдалъ онъ силу и несомнительность смысла. Вамъ показалось это смѣшно, и вы въ доказательство, что *двусмысленной* стихъ *не двусмысленъ*, приводите нѣкую историческую, странную, и уповательно вамъ самимъ худо извѣстную вещь, пивали ль во времена Анакреоновы чай или нѣтъ. Какъ? ежели бы кто сказалъ: *Демосѳенъ говоритъ, мой этотъ калпакъ*, и я бы сталъ утверждать, что рѣчь эта двусмысленна, то есть неизвѣстно, *присвояетъ ли* себѣ Демосѳенъ этотъ калпакъ, или велитъ его *мыть*; а вы бы для рѣшенія, двусмысленна ли рѣчь сія или нѣтъ, велѣли мнѣ справляться по исторіямъ, были ли въ Демосѳеново время калпаки, и такіе ли, которые можно было *мыть!* Пре-

красное и совсѣмъ новое для словесныхъ наукъ правило! Подлинно я смѣшонъ послѣ этова!

Пис. Больше думать можно, что Ломоносовъ занялъ сіе слово отъ простолюдиновъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, употребляли оное.

Стран. 22. „Подобная сему осмотрительность показываетъ, съ какимъ тщаніемъ старался онъ (Ломоносовъ) наблюдать ясность и чистоту слога.“ А мнѣ кажется, что поставивъ *чать* вмѣсто *чай*, онъ затмилъ смыслъ, потому что частичку *чать* не многіе теперь понимаютъ и она всякаго останавливаетъ.

Прим. Частичка *чать*, точно также какъ и глаголъ *чай*, въ просторѣчіи и нынѣ употребляется. Впрочемъ я единожды навсегда скажу, что дабы имѣть право поправлять въ языкѣ Ломоносова, надлежитъ напередъ сочиненіями своими показать, что я столькоже силенъ въ немъ, какъ и онъ былъ, иначе сбудется пословица: *яицы курицу учатъ*.

Пис. — Къ тому же мысль Автора, что Ломоносовъ всегда старался избѣгать двусмыслія, не всегда оное доказываетъ.

Прим. Сіи слова я худо понимаю. *Мысль моя и не хотѣла того доказывать*, а привелъ я изъ него одинъ примѣръ, для показанія съ какимъ раченіемъ старался онъ наблюдать въ слогѣ чистоту и ясность; трудъ, отъ котораго по видимому вы себя часто освобождаете.

Пис. На прим. на 19 стран. Авторъ приводитъ слѣдующіе стихи:

— „Отъ всѣхъ къ тебѣ простерты взоры,
„Тобой всѣхъ полны разговоры,
„Къ тебѣ всѣхъ мысль, къ тебѣ всѣхъ трудъ,
„Дитя родившихъ вопрошаетъ:
„*Не тая ли* на насъ взираетъ,
„Что матерію всѣ зовутъ?"

Естьли авторъ выше сего утверждаетъ, что Ломоносовъ тотчасъ почувствовалъ двусмысліе въ частичкѣ *чай*, то для чего онъ не почувствовалъ тогоже и въ сихъ стихахъ? ибо *не тая ли* можно принять за причастіе глагола *таять*.

Прим. Какъ ни убѣдителенъ исторической вашъ примѣръ, что во времена Анакреоновы не пивали чаю, однакожъ не взирая на сію великую истину никакъ не можно отрицать, чтобъ въ стихѣ: *въ дождѣ чай повредился,* не было двусмыслія. Худо ли, хорошо ли сдѣлалъ Ломоносовъ, но также и сего опровергнуть не льзя, что онъ двусмысліе сіе чувствовалъ; и для того глаголъ *чай*, дабы кто не принялъ онаго за имя *чай,* или по крайней мѣрѣ не обвинилъ бы его за малое о ясности смысла попеченіе, замѣнилъ частицею *чать*. Теперь остается разсмотрѣть, для чего по мнѣнію вашему, не почувствовалъ онъ тогожъ двусмыслія въ стихѣ: *не тая ли на насъ взираетъ.* Хотя обязанность моя въ томъ единственно состояла, чтобъ показать читателю примѣръ, какимъ образомъ тщательной стихотворецъ или писатель старается соблюдать ясность и чистоту слога, а не въ томъ, чтобъ защищать Ломоносова, ко-

торому защищеніе мое столькоже мало принесетъ пользы, сколько нападеніе ваше вреда; но если бы и то можно было поставить мнѣ въ вину, для чего не замѣтилъ я каждаго слова въ стихахъ Ломоносова, то и тутъ мудрено мнѣ было укорить его въ нечувствованіи двусмыслія тамъ, гдѣ и самъ я, не только при первомъ чтеніи сего стиха, но даже и теперь, когда устремляю все мое на то вниманіе, не чувствую и не нахожу онаго по двумъ слѣдующимъ причинамъ: во первыхъ славенское мѣстоименіе *тая* не можно принять здѣсь за причастіе глагола *таять* по тому, что когда возмемъ мы одно изъ нихъ за другое, то въ словахъ сихъ: *тая или таявши на кого взирать*, не будетъ никакова смысла. Во вторыхъ, естьли бы и можно было, оставя ясное и простое понятіе, заключающееся въ семъ стихѣ, вывесть изъ него какую нибудь чрезвычайно натянутую мысль, то и тогда по грамматическому составу рѣчей, не доставало бы полнаго смысла въ сей рѣчи: *не тая ли* (то есть не таючи ли) *на насъ взираетъ, что матерію всѣ зовутъ?* Чегожъ бы не доставало въ оной? Мѣстоименія, котораго болѣе уже нѣтъ въ ней, поелику оное взято за причастіе. Слѣдовательно для дополненія смысла надлежало бы сіе мѣстоименіе прибавить и сказать: *не тая ли* (то есть не таючи ли) *на насъ взираетъ тая* (то есть та), *что матерію всѣ зовутъ*. Итакъ сколько надобно мучить себя, дабы найти какую нибудь претрудную, не складную мысль въ томъ, что само по себѣ такъ вразумительно и ясно. Можетъ ли сіе назваться двусмысліемъ, и въ одинакихъ ли сей стихъ обстоятельствахъ съ вышеупоминаемымъ стихомъ: *въ дождѣ чай повредился*, гдѣ хотя по смыслу и можно догадаться, что слово *чай* значитъ глаголъ, а не имя Китайской травы, однакожъ безъ употребленія на то особливаго вниманія

легко при первомѣ воображеніи можно принять одно за другое? Двусмыслія бываютѣ двоякаго рода: однѣ такія, вѣ которыхѣ совсѣмѣ не возможно добраться, что онѣ значатѣ; оныя свойственны однимѣ токмо оракуламѣ, и такимѣ писателямѣ, которые подобно имѣ пишутѣ. Вѣ другихѣ хотя и можно угадать настоящую мысль, однакожѣ сѣ нѣкоторымѣ, смотря по темнотѣ ихѣ, бóльшимѣ или меньшимѣ напряженіемѣ ума. Не брегущіе о ясности слога писатели часто впадаютѣ вѣ первыя изѣ нихѣ, а вѣ послѣднія еще и того чаще; рачительные же напротивѣ того никогда не обезображиваютѣ слога своего первыми, и даже отѣ послѣднихѣ стараются какѣ возможно избѣгать. Впрочемѣ и самаго величайшаго писателя умѣ вѣ словесности не больше можетѣ дѣлать, какѣ солнце вѣ освѣщеніи мѣстѣ: оно разливаетѣ свѣтѣ свой повсюду, и не можетѣ быть виновато, когда одному зрѣнію тамѣ свѣтло, гдѣ другому темно кажется.

Пис. Утверждая что нибудь, надобно быть увѣрену въ справедливости доказательствъ и осторожну въ выборѣ примѣровъ.

Прим. Государь мой! какѣ вы щедры на поученія другимѣ: раздаете ихѣ расточительною рукою, не оставляя ничего для себя самихѣ!

Пис. Стран. 23. Авторъ примѣчаетъ, что наши писатели изъ Рускихъ словъ стараются дѣлать не Рускіе. Я согласенъ, что у насъ есть такіе писатели; но чтобъ со временемъ стали писать вмѣсто: настоящее время *настоящность*, вмѣсто времени прошедшаго *прошедшность*; вмѣсто человѣ-

ческое жилище по подобію съ голубятнею, *человѣчатня;* вмѣсто березовое или дубовое дерево, по подобію съ тѣлятиною, *березятина, дубовятина* и проч., это невѣроятно.

Прим. Господинъ деревенскій житель принимаетъ и выдаетъ меня здѣсь за предсказывающаго съ важностію пророка: я смѣясь надъ словами *будущность, насмотренность, трогательность,* и тому подобными, говорю, что худые писатели, кропая такимъ образомъ чудесныя и неслыханныя слова, наконецъ дойдутъ до того, что станутъ писать *человѣчатня, дубовятина,* и проч.; а онъ принимаетъ шутку мою за важное увѣреніе!

Пис. Стр. 24). „Французскія имена, глаголы и цѣлыя рѣчи переводятъ изъ слова въ слово на Руской языкъ; самопроизвольно принимаютъ ихъ въ томъже смыслѣ изъ Французской литературы въ Россійскую словесность, какъ будто изъ ихъ службы офицеровъ тѣмижъ чинами въ нашу службу, думая, что онѣ въ переводѣ сохранятъ тожъ знаменованіе, какое на своемъ языкѣ имѣютъ. На прим: influance переводятъ *вліяніе,* и не смотря на то, что глаголъ *вливать* требуетъ предлога *въ,* располагаютъ нововыдуманное слово сіе по Французской грамматикѣ, ставя его по свойству ихъ языка, съ предлогомъ *на.* Подобнымъ сему образомъ переведены слова: *переворотъ, развитіе, утонченный, сосредоточить, трогательно, занимательно,* и множество другихъ.“

Я согласенъ съ Авторомъ, что слово *вліяніе* употребляется у насъ не съ настоящимъ предлогомъ; но не могу согласиться съ нимъ, чтобы *influance* можно было перевести *наитіемъ, наитствованіемъ.* — Славенское *наитіе* означаетъ болѣе *нашествіе*, нежели *вліяніе*. *Наитіе Св. Духа*, хорошо; но *наитствовать на дѣла*, не знаю лучше ли *имѣть вліяніе на дѣла.*

Прим. Въ сей рѣчи: *но наитствовать на дѣла,* не знаю лучше ли *имѣть вліяніе на дѣла,* пропущенъ союзъ *чѣмъ,* которой даетъ ей совсѣмъ иной разумъ. Ежели бы сказано было: но *наитствовать на дѣла,* не знаю лучше ли чѣмъ *имѣть вліяніе на дѣла,* тогда бы смыслъ былъ ясенъ. Но я подобныхъ мѣстъ не замѣчаю; ибо гдѣ весь домъ построенъ косо и криво, тамъ кривизну одной ступеньки у крыльца примѣчать не должно. Итакъ станемъ говорить о другомъ. Господинъ деревенской житель согласенъ со мною, что слово вліяніе употребляется у насъ не съ настоящимъ предлогомъ? слѣдовательно употребленіе составляемой симъ образомъ рѣчи осуждаетъ или отрицаетъ. Потомъ тотчасъ послѣ сего говоритъ, что лучше сказать: *вліяніе на дѣла,* нежели *наитствованіе на дѣла.* Слѣдовательно употребленіе тойже самой рѣчи одобряетъ или утверждаетъ. Отрицаніе и утвержденіе могутъ ли быть вмѣстѣ? Я говорю о словѣ *наитіе* или *наитствованіе,* что оно въ священныхъ книгахъ часто въ томъже самомъ смыслѣ употребляется, въ какомъ Французы употребляютъ слово свое influance, и въ доказательство тому привожу слѣдующіе изъ молитвъ примѣры: *сохрани душу мою отъ наитствованія страстей:* и въ другомъ

мѣстѣ: *напастей ты прилоги отгоняеши, я страстей находы, Дѣво.* Говорю, что сіе понятіе и въ просторѣчіе введено; мы говоримъ: *на него дурь находитъ,* такъ какъ бы по нынѣшнему сказать: *безумїе имѣетъ влїянїе на его разумъ.* Далѣе привожу еще примѣръ изъ Ѳеофана, которой похваляя правосудное ПЕТРА Великаго правленіе говоритъ: *кто нынѣ немощенъ и убогъ сый трепещетъ сильныхъ крѣпости, или богатыхъ наважденїя?* Показываю, что тожъ самое слово и въ просторѣчіи употребляется, ибо мы говоримъ: *дьявольское наважденїе.* Изъ всѣхъ сихъ примѣровъ утверждаю (и кажется кто разумѣетъ Руской языкъ, тотъ согласится со мною), что слова: *наитствованїе, находъ, наважденїе,* здѣсь, въ приведенныхъ мною примѣрахъ, тожъ самое понятіе означаютъ, какое Французы изображаютъ словомъ *influance.* Подобнымъ образомъ, толкуя знаменованіе глагола *прозябать,* изъ многихъ примѣровъ показалъ я, что оный употреблялся у насъ точно въ такомъ разумѣ, въ какомъ Французы употребляютъ глаголъ свой *développer,* которой переводимъ мы нынѣ новымъ словомъ *развитїе.* Къ чему привелъ я всѣ сіи примѣры? Къ тому, чтобъ показать, что мы не читая книгъ своихъ, и слѣдовательно не вникая въ знаменованія словъ, напрасно жалуемся на недостатокъ оныхъ, или лучше сказать, недостатокъ знанія своего въ языкѣ называемъ недостаткомъ языка, и отъ сего часто бываетъ, что мы вмѣсто изображенія мыслей своихъ коренными словами, по невѣденію о нихъ, считаемъ за необходимую нужду кропать съ Французскаго и вводить въ языкъ свой новыя безобразныя слова, которыя по неволѣ принуждаютъ уже насъ и всѣ рѣченія наши располагать не по свойству нашего, но по свойству ихъ языка. Въ книгѣ моей читатель найдетъ тысячу тому

примѣровъ и доказательствъ. Но чтожъ мнѣ дѣлать, когда меня не понимаютъ, и думаютъ, что довольно меня опровергнутъ, когда скажутъ: *наитіе больше значитъ нашествіе, нежели вліяніе.* Да кто противъ этова споритъ? Господинъ деревенской житель, прочитайте со вниманіемъ приведенные выше сего мною примѣры, такъ вы и увидите, что слову *influance* индѣ соотвѣтствуетъ въ нихъ слово наитствованіе, какъ то: *сохрани душу мою отъ наитствованія страстей (de l'influance de passions);* индѣ нашествіе или находъ, какъ то: *на него дурь находитъ,* или: *напастей ты прилоги отгоняєши, и страстей находы, Дѣво; индѣ* наважденіе, *какъ то можно видѣть* въ примѣрѣ изъ Ѳеофана и въ простонародномъ рѣченіи: *дьявольское наважденіе.* Итакъ я не о томъ говорю, что слово *influance* должно вездѣ и непремѣнно переводить словомъ *наитствованіе,* а не словомъ *вліяніе;* но о томъ, что сіе послѣднее слово, неизвѣстное намъ прежде, перевели мы точно по разуму Французскаго слова *influance,* а не потому, чтобъ вподлинну не доставало у насъ словъ къ изображенію сего понятія, и что переведя оное съ Французскаго принуждены мы уже теперь по неволѣ, то есть силою обычая, употреблять его, по образу состава Французскихъ рѣчей, съ несвойственнымъ намъ предлогомъ *на* *).

---

*) Можно сказать: *вліяніе, втеченіе въ дѣла; наліяніе, наитіе на дѣла,* но говорить *вліяніе на дѣла* несходно ни съ разумомъ ни съ грамматикою. Слова *наліяніе* и *наитствованіе* или *нашествіе,* взятыя въ иносказательномъ смыслѣ, одинакое или почти одинакое изображаютъ понятіе; ибо *наліяніе* почерпается отъ подобія съ потопомъ отъ воды, а *наитствованіе* отъ подобія съ набѣгомъ отъ непріятелей. Оба сіи приключенія одинакое раждаютъ въ умѣ нашемъ понятіе, то есть: наливаться, натекать, наитствовать, нашествовать.

Подобнымъ образомъ и другія, переводимыя съ Французскаго слова, заводятъ насъ въ таковыя же нелѣпости, и отчасу болѣе удаляютъ отъ знанія собственнаго и природнаго языка своего. Вотъ о чемъ я въ книгѣ моей пространно говорилъ, толковалъ, и теперь говорю и толкую. Какъ же господинъ деревенской житель, принимаясь судить ее, ни малѣйше въ нее не вникнулъ, и вмѣсто опроверженія мыслей моихъ своими равносильными доводами, наставляетъ только меня въ знаменованіи тѣхъ словъ, которыхъ знаменованіе могъ онъ видѣть въ приведенныхъ мною примѣрахъ? Такимъ образомъ не судятъ чужихъ сочиненій. Этотъ способъ весьма легокъ. Надлежало бы ему надъ доводами и разсужденіями своими нѣсколько болѣе потрудиться, потому что я надъ моими долго сидѣлъ и думалъ. Со мною случилось, что въ одномъ мѣстѣ, читая при мнѣ книгу мою, нѣкоторые изъ присутствовавшихъ стали говорить: для чего не употреблять *вліяніе на*? И когда я просилъ ихъ прочитать напередъ прописанныя въ книгѣ моей доказательства, и притомъ присовокупилъ еще, что ни въ комъ изъ лучшихъ нашихъ писателей не найдемъ мы сего несвойственнаго намъ выраженія, и также нигдѣ не сыщемъ другаго подобнаго состава рѣчи, гдѣ бы глаголъ, соединенный съ предлогомъ *въ*, принималъ къ себѣ частицу *на*, какъ напримѣръ мы не говоримъ: *влить вино на бочку, вложить гвоздь на дыру, впрячь лошадь на коляску*, и проч., тогда нѣкто изъ нихъ сказалъ: *а по мнѣ что хочешъ говори, я все таки буду писать вліяніе на разумы*. На подобныя сему доказательства какой лучшей можно сдѣлать отвѣтъ, какъ не тотъ, которой нѣкто изъ древнихъ мудрецовъ сдѣлалъ одному нѣкоторой секты философу, начавшему доказывать ему, что въ мірѣ *нѣтъ движенія*. Мудрецъ, въ доказательство, что *есть движеніе*, не

давъ ему докончить рѣчи отворотился отъ него и пошелъ прочь.

Пис. Не знаю по чему не нравятся Автору слова: *развитіе*, *утонченный*, *сосредоточить*, *трогательно*, *занимательно*, хотя онѣ не носятъ на себѣ иностраннаго мундира.

Прим. Кажется бы господину деревенскому жителю надлежало здѣсь опровергнуть меня, а не говорить: *не знаю по чему не нравятся Автору сіи слова.* — Не льзя не знать, естьли онъ книгу мою читалъ: я въ ней вездѣ объ этомъ толкую. Онъ говоритъ, *что слова сіи не носятъ на себѣ иностраннаго мундира.* Напротивъ: для того-то онѣ и не нравятся мнѣ, что *носятъ на себѣ иностранной мундиръ* (я бы не употребилъ сего выраженія, естьли бы не долженъ былъ повторять чужія слова), или лучше сказать, не мундиръ, но сѣрой кафтанъ съ лацканами и обшлагами. Это еще хуже настоящаго иностраннаго платья.

Пис. Для чего не сказать *развитіе* ума, *утонченный* вкусъ, *сосредоточить* мысли, *трогательная* повѣсть, *занимательная* книга?

Прим. Какимъ образомъ могу я отвѣчать вамъ на этотъ вашъ вопросъ? Когда изъ всѣхъ моихъ доказательствъ и разсужденій, изъ всѣхъ приведенныхъ въ книгѣ моей примѣровъ, не почувствовали вы странности слога, въ какой заводятъ насъ сіи самыя слова, то какимъ образомъ двумя строками могу я растолковать здѣсь то, чего я четырьмя стами страницъ растолковать вамъ не могъ? Да и то не совсѣмъ такъ; ибо индѣ вы сами признаетесь, *что неопытность и мода наводнили языкъ нашъ безчисленными иностранными выраженіями,*

и что таковая можно сказать дерзость достойна самой строгой критики; а индѣ опять говорите для чего, по причинѣ какова-то *утонченія понятій,* не вводить иностранныхъ выраженій *), и для чего еще болѣе не наводнять ими книгъ нашихъ? Государь мой! естьли бы вы говорили о Карельскомъ или Чухонскомъ языкахъ, то можетъ быть согласился бы я съ вами; но какъ вы говорите о Славенскомъ или Россійскомъ языкѣ, то позвольте мнѣ остаться при моемъ мнѣніи, что тотъ, кто въ немъ искусенъ, всякія и *утонченныя* и *утолщенныя* понятія кратко, сильно, ясно и краснорѣчиво изображать на немъ можетъ.

Пис. Жаль, что Авторъ не принялъ на себя труда перевести оныя по Руски.

Прим. Государь мой! сіи ваши слова надлежало бы мнѣ пройти молчаніемъ; ибо во первыхъ можетъ быть мы съ вами весьма различно о семъ думаемъ; во вторыхъ, безполезны доказательства тамъ, гдѣ ихъ не выслушивая опровергаютъ. Но какъ вы не одинъ мой судія, того ради почитаю я за нужное, естьли не для васъ, то по крайней мѣрѣ для другихъ читателей моихъ, не отрицающихъ мнѣ своего вниманія, нѣсколько здѣсь объясниться. Поговоримъ сперва о переводѣ книгъ, а потомъ уже станемъ разсуждать о переводѣ словъ. Какой переводъ книгъ почитается наилучшимъ?

*) Поелику я всѣ свои слова толковать долженъ, то и здѣсь скажу, что подъ названіемъ *иностранныхъ выраженій* разумѣю я всѣ тѣ слова и рѣчи, которыя почерпнуты не изъ собственнаго языка своего, но изъ Французскаго; а всѣ *трогательности, утонченности, занимательности, насмотренности, будущности,* и проч. и проч., почерпнуты изъ него и столько же намъ несвойственны, какъ *вбегательности, говорительности, умывательности,* и проч.

*

Не тотъ ли, въ которомъ переводчикъ всѣ иностраннаго сочинителя мысли умѣлъ на своемъ языкѣ выразить съ равною силою и красотою? Слѣдовательно не гонялся за чужими словами и оборотами рѣчей, но искалъ своихъ. Рѣчь одного языка, переведенная точно по составу рѣчи другаго языка, рѣдко можетъ быть равносильна подлиннику, и часто бываетъ совсѣмъ невразумительна. Подражая такимъ рабственнымъ образомъ словамъ и слогу чужестранныхъ писателей, чему мы научаемся? Говорить и думать не по своему. Рускую рѣчь: *онъ сентябремъ смотритъ,* не выразитъ Французская рѣчь: *il regarde comme le mois de septembre;* равнымъ образомъ и Французскую рѣчь: *un homme de grand air*, не выразитъ Руская рѣчь: *человѣкъ большаго воздуха*. Слѣдовательно, дабы умѣть хорошо переводить, нужно знать своихъ словъ пристойность и знаменованіе, своихъ выраженій силу, своего языка красоту. Ничто такъ не научаетъ насъ, какъ сравненіе переводовъ; тотчасъ можно видѣть слабость одного передъ другимъ. Вообще одинъ переводъ можетъ быть хуже другаго; но можетъ также и то быть, что одинъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слабѣе, а въ иныхъ сильнѣе другаго. Камоенсова Лузіада переведена довольно хорошо на Руской языкъ; подобные переводы можно читать съ пріятностію; однакоже при всемъ томъ сличимъ нѣкоторыя изъ тойже поэмы мѣста, переведенныя Ломоносовымъ, и разсмотримъ оба сіи перевода.

ПѢСНЬ 8.	ПѢСНЬ 8.
Переводъ взятый изъ Камоенсовой Лузіады.	Переводъ взятый изъ Ломоносовой риторики.
Онъ (Гама посаженный Катуаломъ въ темницу) изъискиваетъ въ умѣ своемъ	Онъ устремляется отъ одного намѣренія къ другому, тысячи различныхъ мыслей

средствъ къ освобожденію себя изъ сего опаснаго положенія. Видитъ опасность и размышляетъ о способахъ. Всего страшится и хочетъ все предъупредитъ. Подобно какъ видятъ младенца обращающаго въ дѣтской игрѣ своей гладкую сталь или прозрачный кристаллъ зеркала, ударяемыя солнечными лучами, и наводящаго то на стѣну, то на кровлю дома отражательный блескъ, который, слѣдуя движенію слабой руки его, колеблется.

объемлютъ его и колеблютъ, духъ его не можетъ установиться. Такимъ образомъ играющее дитя оборотивъ къ солнцу кристалловое зеркало вертитъ по своему непостоянному легкомыслію. Отраженные лучи быстро ударяютъ то въ стѣну, то въ кровлю, и чуть успѣютъ они блеснуть на одну вещь, уже устремляются освѣтить другую, и купно отъ ней отскакиваютъ на иное мѣсто, однако и тамъ не останавливаются.

Прочитавъ оба сіи перевода тотчасъ можно видѣть, сколько одинъ изъ нихъ яснѣе и слѣдовательно лучше другаго. Вникнемъ теперь съ подробностію и разберемъ отъ чего сіе происходитъ. Въ первомъ переводѣ сказано: *онъ изыскиваетъ въ умѣ своемъ средствъ* — (хотя глаголъ *искать* и сочиняется иногда съ родительнымъ падежемъ, однакоже глаголу *изъискивать* свойственнѣе винительный падежъ: *искать правды, изъискивать правду.* Итакъ *онъ изъискиваетъ средствъ,* неправильно, а надлежало бы сказать: *онъ изъискиваетъ средства)* — *къ освобожденію себя изъ сего опаснаго положенія. Видитъ опасность* — (послѣ *опаснаго* тотчасъ *опасность:* подобное сближеніе одинакихъ словъ раждаетъ нѣкую непріятность въ слогѣ), — *и размышляетъ о способахъ* — (рѣчь сія; *видитъ опасность и размышляетъ о способахъ,* есть точное повтореніе предъидущей рѣчи: *изъискиваетъ средствъ къ освобожденію себя,* и повтореніе недоконченное, ибо можно спросить: о какихъ способахъ размышляетъ? тогда выдетъ еще большее повтореніе: о способахъ къ избавленію своему). — *Всего страшится и хощетъ все предупредить. Подобно какъ видятъ младенца обращающаго*

въ дѣтской игрѣ своей гладкую сталь или прозрачный кристаль зеркала — (1е, Къ чему здѣсь не нужное выраженіе сіе: *подобно какъ видять?* тѣмъ паче непріятное, что не давно употребленъ былъ глаголъ *видить*. Для чего не просто: *подобнымъ образомъ младенецъ*, и проч.? 2е, Слово *младенецъ* означаетъ самый первоначальный возрастъ человѣка, а здѣсь уже онъ играетъ зеркальцомъ, слѣдовательно больше *дитя*, нежели *младенецъ*. 3е, Когда представляются простыя понятія, то и выражать ихъ должно съ приличною имъ простотою слога; но выраженіе: *обращать въ дѣтской игрѣ своей кристаль зеркала*, есть слишкомъ хитросплетенное и далекое отъ естественной простоты, заключающейся въ сихъ словахъ: *вертѣть или играть зеркальцомъ*. 4е, *Сталь* и *кристаль* дѣлаютъ непріятную въ прозѣ рифму). — *Ударяемыя солнечными лучами, и наводящаго* (здѣсь союзъ *и* при словѣ *наводящаго* долженъ относиться къ сказанному выше сего слову *обращающаго*, но по связи относится онъ къ слову *ударяемыя*, и слѣдовательно производитъ замѣшательство въ смыслѣ и темноту въ слогѣ). — *то на стѣну, то на кровлю дома, отражательный блескъ*— (Здѣсь слово *отражательный* употреблено не въ томъ знаменованіи, въ какомъ оное пріемлется: *отражательный* собственно значитъ того, который отражаетъ, подобно какъ чувствительный, мучительный, губительный или пагубный, и проч., означаютъ того, который чувствуетъ, мучитъ, губитъ, и проч. Но блескъ здѣсь не есть дѣйствующая, а напротивъ того страждущая вещь, и слѣдовательно не можно про него сказать *отражательный* или *отражающій*, но *отраженный*). — *который, послѣдуя движенію слабой руки его, колеблется*. — (Колебаться не есть переходить съ одного мѣста на другое, и потому не выражаетъ того понятія, какое должно имѣть послѣ словъ: *послѣдуя движенію*

слабой руки его). — Всѣ сіи погрѣшности и небреженія вмѣстѣ составляютъ темноту слога, тѣмъ вящше открывающуюся, чѣмъ внятнѣе и прилѣжнѣе разбираешь. Прочитаемъ Ломоносова, и мы тотчасъ почувствуемъ, какая простота и ясность слогъ его украшаютъ: *Такимъ образомъ играющее дитя оборотивъ къ солнцу кристалловое зеркало вертитъ по своему непостоянному легкомыслїю. Отраженные лучи быстро ударяютъ то въ стѣну, то въ кровлю, и чуть успѣютъ они блеснуть на одну вещь, уже устремляются освѣтить другую, и купно отъ ней отскакиваютъ на инное мѣсто, однако и тамъ не останавливаются.* — Сіе приличное свойствамъ робенка выраженіе: *вертитъ по своему непостоянному легкомыслїю;* сіи пристойные солнечнымъ лучамъ глаголы: *ударяютъ, блещутъ, освѣщаютъ, отскакиваютъ;* и наконецъ сіе съ мѣста на мѣсто перебѣганіе лучей, столь естественное, что кажется глазами видишь оное, и столь быстрое, что мыслію не успѣваешъ слѣдовать за ними, тотъ ли простой и бездушной образъ представляютъ понятію моему, какой сіи слова: *послѣдуя движенїю слабой руки, колеблется?* Изъ сего единаго примѣра можно уже довольно усмотрѣть, какова тщанія, какова размышленія, какова знанія въ языкѣ своемъ, требуетъ хорошій переводъ книгъ! Итакъ когда мы не упражняясь въ собственной своей словесности, не изостря ни ума ни слуха своего въ чувствованіи красотъ оной, и притомъ безъ должнаго прилѣжанія и труда, начнемъ переводить Демосфеновъ, Тацитовъ, Расиновъ, то будутъ ли они на нашемъ языкѣ Расины, Тациты, Демосфены? Когда же знаніе языка своего необходимо нужно для сочиненія и перевода книгъ, то меньше ли нужно оное для изобрѣтенія или приличнаго употребленія словъ? Я нарочно не говорю *для перевода словъ,* потому что выраженіе *переводить книгу* имѣетъ свой опредѣленный смыслъ,

но выраженіе *переводить слова* едва заключаетъ ли въ себѣ какой разумъ. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ оное? Естьли то, чтобъ чужаго языка словамъ, изображающимъ какую нибудь мысль, пріискивать въ нашемъ языкѣ слова, туже мысль изображающія, то оное не значитъ переводить слова, но переводить мысль; ибо весьма часто случается, что слова, употребленныя на одномъ языкѣ для выраженія какой нибудь мысли, тогда-то на другомъ языкѣ и не выразятъ оную, когда будутъ тѣжъ самыя. Напримѣръ мысль заключающуюся въ словахъ: *il a épousé ma cause*, выразимъ ли мы точно тѣми же словами: *онъ женился на моемъ дѣлѣ?* Отнюдь нѣтъ. Мы для выраженія оной должны употребить совсѣмъ иныя слова, какъ напримѣръ: *онъ за меня вступается, онъ находитъ дѣло мое правымъ,* и проч. Итакъ переводить мысль не есть переводить слова, поелику переводъ словъ не составляетъ перевода мысли. Естьли же мы чрезъ выраженіе *переводить слова* разумѣть будемъ: взять какое нибудь иностранное слово отдѣленно отъ рѣчи, напримѣръ *éspace*, и положить, что оное долженствуетъ быть въ Рускомъ языкѣ изображаемо, напримѣръ, словомъ *пространство,* то хотя таковое соотвѣтствованіе знаменованія словъ и существуетъ между двумя языками, однакожъ оное не есть такое постоянное, чтобъ не подвержено было никакимъ измѣненіямъ. Загляните въ хорошіе словари, вы увидите, что часто одному иностранному имени или глаголу соотвѣтствуютъ пять или шесть Рускихъ именъ или глаголовъ; и обратно, одному Рускому пять или шесть иностранныхъ. Отъ чего сіе? отъ того, что одно и тожъ самое иностранное слово, употребленное въ пяти или шести разныхъ рѣчахъ, при переводѣ оныхъ на нашъ языкъ не иначе выражено быть можетъ, какъ особливымъ Рускимъ словомъ. Сіе

есть свойство языковъ. Французы говорятъ *espace de lieu*, и мы можемъ сказать: *пространство мѣста*, какъ то: *пространство сей площади содержитъ въ себѣ пять сотъ квадратныхъ саженъ*. Но Французы говорятъ также: *espace de tems*; можемъ ли мы сказать: *пространство времени?* Нѣтъ. По Французски это хорошо, а по нашему совсѣмъ непонятно; мы говоримъ: *разстояніе времени*, какъ то: *разстояніе времени между началомъ первой и концомъ шестидесятой минуты называется часъ*, Французы говорятъ: *l'étendue d'un corps*: какъ переведемъ мы сіе? *протяженіе тѣла*. Хорошо. Но вездѣ ли можемъ мы *l'étendue* переводить *протяженіемъ?* Нѣтъ. Французы говорятъ: *l'étendue d'un jour*, у нихъ это принято и общимъ употребленіемъ утверждено, а у насъ смѣшно бы было вмѣсто *долгота дня* сказать *протяженіе дня*. Французы говорятъ *composer*, по нашему, смотря по составу рѣчи, иногда значитъ это *составить*, иногда *сочинить*, иногда *сощитаться*, иногда *договариваться*, и проч. Они скажутъ *décomposer*, а мы не можемъ сказать *разсоставить*. Намъ для выраженія сего понятія надлежитъ искать другаго, собственнаго своего слова. Итакъ чтожъ значитъ переводъ словъ? Естьли пріискиваніе выраженій, то для сего нужно знать свой языкъ и силу собственныхъ своихъ словъ; естьли же простое преложеніе чужестранныхъ названій и принятіе оныхъ точно въ тѣхъ знаменованіяхъ, какія онѣ на своихъ языкахъ имѣютъ, не соображаясь со свойствами нашего языка, то таковый переводъ не требуетъ конечно ни трудныхъ умствованій, ни глубокихъ знаній, но за то вмѣсто мнимаго обогащенія чрезвычайно портитъ языкъ нашъ. Тщетно будемъ мы надѣяться, что общее и долговременное употребленіе пріучитъ насъ къ симъ новостямъ, наводняющимъ нынѣ книги наши. Не

правда: нелѣпое и безразсудное всегда останется нелѣпымъ и безразсуднымъ. Положимъ напримѣръ, что мы нашедъ во Французскихъ книгахъ слово *coup-d'œil* переведемъ его точно по знаменованію онаго *ударъ глаза*: то ли оно будетъ значить, или по крайней мѣрѣ можетъ ли со временемъ, когда всѣ начнутъ употреблять оное *), сдѣлаться столь же знаменательно въ нашемъ, какъ во Французскомъ языкѣ? Отнюдь нѣтъ; ибо свойство языковъ есть таково, что знаки или слова въ нихъ заимствуютъ силу знаменованія своего отъ другихъ словъ, и притомъ на одномъ языкѣ такимъ, а на другомъ инымъ образомъ. Для чего Французскому выраженію *coup-d'œil* наше выраженіе *ударъ глаза* не можетъ никогда быть равносильно? Для того, что у нихъ слово *coup* входитъ въ составленіе многихъ другихъ словъ, и потому кругъ знаменованія его есть совсемъ не тотъ, какой имѣетъ наше слово *ударъ*, или иначе сказать ихъ понятіе совсемъ инымъ образомъ пріучено къ слову *coup*, нежели наше къ слову *ударъ*. Они напримѣръ говорятъ *coup de canon*, а мы говоримъ *пушечный выстрѣлъ*, а не *ударъ пушки*; они говорятъ *coup de filet*, а мы говоримъ *тоня*, а не *ударъ невода*; они говорятъ *beaucoup*, а мы говоримъ *много*, а не *красоударъ*. Наконецъ сколько различныхъ понятій изображаетъ у нихъ слово *coup*: *coup de malheur*, *coup de hasard*, *coup de grace*, *coup de vent*, *coup de soleil*, *après coup*, *pour le coup*, *tout-à-coup*, *à coup-sûr*, и проч. Слѣдовательно у нихъ выраженіе *coup d'œil* весьма знаменательно; ибо премножество

*) Сіе предположеніе сказано для одного примѣра; впрочемъ оное невозможно: ибо между всѣми найдутся много такихъ, которымъ разумъ не позволитъ употреблять противное разуму.

другихъ выраженій изъ сегожъ самаго слова составлёны, и потому, такъ сказать, ухо ихъ привыкло слышать, и разумъ ихъ привыкъ мгновенно воображать всѣ сіи изображаемыя имъ различныя понятія. У насъ на противъ слово *ударъ* ни единаго изъ сихъ понятій не составляетъ, а потому и *ударъ глаза* есть для насъ нѣкое дикое и непонятное выраженіе. Возмемъ теперь противный сему примѣръ: Россійскій глаголъ *двигать* изображается Французскимъ глаголомъ mouvoir; но послѣдуемъ различнымъ перемѣнамъ сихъ двухъ глаголовъ, и мы увидимъ, что наши понятія, происходящія отъ глагола *двигать*, дѣлаются весьма отдаленными отъ Французскихъ понятій, проистекающихъ отъ глагола *mouvoir*. Итакъ хотя корни одинаковы, но произрастающія отъ нихъ вѣтьви различны. Наше слово *подвигъ* происходитъ отъ глагола *двигать*, но соотвѣтствующее оному Французское слово *exploits* не происходитъ отъ глагола *mouvoir*. Сіе различіе вѣтвей часто и самому корню сообщаетъ совсѣмъ иную силу, такъ что индѣ Французской глаголъ *mouvoir* не можетъ уже выразить того, что выражаетъ нашъ глаголъ *двигать*, какъ напримѣръ въ житіи Святой Софіи, мать сія, видя двухъ дочерей своихъ убіенныхъ мучителями, и послѣднюю на убіеніе ведомую, во ободреніе говоритъ ей: *третія вѣтве моя, чадо мое вселюбезное, подвигнися до конца, добрымъ бо путемъ идеши*, и проч. Здѣсь глаголъ *подвигнися* не значитъ *подвинься, перемѣни мѣсто*; но значитъ *терпи, мужайся*: слѣдовательно заимствуетъ знаменованіе свое отъ имени *подвигъ*, а не отъ глагола *двигать*.

Чтожъ заключить изъ сего должно? То, что мы о своихъ словахъ умствовать, своихъ словъ силу познавать должны, а не Французскихъ. Хотя въ книгѣ моей много толковалъ я о семъ, однакожъ

посмотримЪ еще вЪ какія заблужденія и погрѣшности вводитЪ насЪ умствованіе о чужихЪ словахЪ, а не о своихЪ. Во многихЪ нынѣшнихЪ переводахЪ и сочиненіяхЪ, между прочимЪ и вЪ сихЪ вашихЪ, господинЪ деревенской житель, на мою книгу примѣчаніяхЪ, нахожу я выраженіе: *утонченныя понятія*. Скажите пожалуйте, что значитЪ оное? Отколѣ вы взяли глаголЪ *утончить* или *утонить*? (я истинно не знаю, какЪ надлежитЪ написать оный). Мнѣ кажется отЪ прилагательнаго имени *тонкой* произвесть глаголЪ *утончить* стольже не свойственно, какЪ изЪ прилагательнаго имени *высокой* сдѣлать глаголЪ *увысочить*. Безсомнѣнія не могли вы взять сего изЪ прежнихЪ нашихЪ книгЪ: слѣдовательно взяли изЪ ФранцускихЪ, то есть перевели слово *raffinement*. Но государь мой! Француское слово *fine* не всегда значитъ по Руски *тонко: herbes fines*, по нашему *мелкія* травы, а не *тонкія; or fin* по нашему *чистое* золото, а не *тонкое*. Слѣдовательно и *raffinement* не есть *утонченіе* или *утоненіе*. Ежели вы РускимЪ словамЪ станете давать не собственное ихЪ, но Француское знаменованіе, то какимЪ образомЪ могу я васЪ разумѣть? (Француское выраженіе *raffinement des idées* означаетЪ *чистоту понятій, просвѣщеніе оныхъ, разгнаніе помрачавшей ихъ мглы*. То ли значитЪ наше страннымЪ образомЪ составленное слово *утонченіе*? ПодЪ названіемЪ понятій *утонченными*, что иное по разуму слова сего могу я понимать, какЪ не то, что оныя сдѣлались гораздо *тонѣе, хуже, меньше*, такЪ какъ бы по Француски вмѣсто *raffinement des idées* сказать *appauvrissement, amaigrissement des idées*? Вы думаете, что такимъ образомъ можно переводить слова? Нѣтъ, государь мой! такимЪ образомЪ, пріемля одинЪ пустой *звукъ словъ* за мнимую вЪ нихЪ *мысль и разумъ*, станете вы намЪ вы-

давать зайцовъ за медвѣдей: это не называется *переводить*. Часто хотя не въ книгахъ, однако въ разговорахъ, Французскую рѣчь: *il n'est pas dans son assiette*, переводятъ у насъ: *онъ не въ своей тарелкѣ,* не зная того, что ежели бы Французы подъ словомъ *assiette* разумѣли здѣсь *тарелку,* такъ никогда бы рѣчь сія имъ въ голову не пришла, потому что оная не составляла бы никакой мысли. Хотя *тарелку* и называютъ они *assiette*, однакожъ *assiette* есть также у нихъ и морское названіе, которое значитъ *разность углубленія между носомъ и кормою корабля.* На нашемъ морскомъ языкѣ разность сію называютъ *деферентомъ.* Примѣчается что каждый корабль при разныхъ деферентахъ, какіе оному дать можно, имѣетъ одинъ такой, при которомъ онъ лучше и скорѣе ходитъ. Отсюду по подобію съ кораблемъ говорится и о человѣкѣ: *il n'est pas dans son assiette, онъ не въ своемъ деферентѣ,* то есть: какъ корабль не при томъ углубленіи носа съ кормою, какое свойственно образу его, ходитъ лѣниво и медленно, такъ и человѣкъ не въ томъ расположеніи духа, какой наиболѣе сроденъ ему, обыкновенно бываетъ вялъ, невеселъ, задумчивъ. Итакъ въ словахъ: *онъ не въ своемъ углубленіи или деферентѣ,* есть мысль и подобіе; но въ словахъ: *онъ не въ своей тарелкѣ,* нѣтъ никакого подобія ни мысли. Для чего привелъ я примѣръ сей? для того, чтобъ показать, что мы часто не зная ни Французскаго, ни своего языка силы, переводимъ слова и рѣчи, и составляя такимъ образомъ новыя, никому непонятныя выраженія, думаемъ, что мы обогащаемъ ими словесность нашу. Скажутъ, что я помѣстилъ здѣсь больше шуточной нежели настоящей переводъ. Знаю. Но многіе настоящіе переводы съ симъ шуточнымъ великое имѣютъ сходство: *утонченныя понятія, ри-*

сующіяся поля, сосредоточенныя мысли, живописательныя горы, картинныя виды, изящныя обдуманности, развитія умовъ, двиганія духовъ, и все подобныя симъ выраженія весьма похожи на переводъ: *онъ не въ своей тарелкѣ.*

Таковые переводы недостойны никакова вниманія, и еще меньше подражанія онымъ. Они паче достойны осмѣянія, не для того, чтобъ одурачить переводчика; но для того, чтобъ молодые читатели слогомъ его не заражались. Естьли бы кто переводя книгу выписалъ изъ ней неизвѣстныя ему слова, и единожды справясь объ нихъ, сталъ бы вездѣ, во всякой рѣчи, противъ одинакаго чужестраннаго слова одинакое Руское названіе ставить, какъ вы думаете, хорошъ ли бы переводъ его былъ? По моему онъ бы никуда негодился. Къ чему же служитъ намъ переводъ словъ? Я думаю не такимъ образомъ должно ихъ переводить. Вы спросите какимъ же? Вотъ какимъ: вамъ встрѣтилось, наприкладъ, слово *administration.* Естьли вы спросите у меня: какъ перевесть оное? Отвѣтъ мой будетъ: не знаю; покажите мнѣ напередъ ту рѣчь или выраженіе, въ которой слово сіе употреблено, и тогда вразумясь въ оную скажу я вамъ, какое изъ Рускихъ словъ почитаю я приличнѣйшимъ для выраженія сего чужестраннаго слова; ибо слова сіи могутъ быть весьма различны, иногда *правленіе,* какъ напримѣръ: *administration des affaires, правленіе дѣлъ;* иногда *священнодѣйствіе,* какъ напримѣръ *administration des sacremens:* иногда *домостроеніе* или просто *строеніе,* какъ напримѣръ: *quand on m'aura oté mon administration — егда отставленъ буду отъ строенія дому.* (Еванг. отъ Луки, гл. 16). Наконецъ найдутся можетъ быть еще и другія выраженія, въ которыхъ изъ трехъ вышеприведенныхъ мною словъ ни одно не будетъ такъ при-

лично, какъ четвертое какое, или пятое. *Trompeuse*, напримѣръ, всякой переведетъ *обманчивый*; но Ломоносовъ, зная силу языка своего, перевелъ *прелестный*, и весьма хорошо:

Jousques à quand, trompeuse idole,
D'un culte honteux et frivole
Honorerons-nous tes autels?

—

Доколѣ, истуканъ прелестной,
Мы станемъ жертвой намъ безчестной
Твой тщетной почитать олтарь?

—

Приведемъ еще нѣсколько мѣстъ изъ сего перевода *) для показанія, гонялся ли переводчикъ за словами, или старался изобразить мысль.

Et toujours ses fausses maximes
Erigent en héros sublimes
Tes plus coupables favoris,

—

Его неправедны уставы
На верьхъ возводятъ пышной славы
Твоихъ любимцевъ злобной родъ.

—

Ломоносову слова: *héros*, *sublime*, не были здѣсь камнемъ претыканія. Онъ не останавливался за тѣмъ, какъ перевесть ихъ, но будучи силенъ въ изворотахъ языка своего старался наилучшимъ образомъ преложить мысль.

Mais de quelque superbe titre,
Dont ces héros soient revêtus,
Prenons la raison pour arbitre
Et cherchons en eux leur vertus.

—

*) Смотри въ сочиненіяхъ Ломоносова переведенную имъ на Россійской языкъ *оду на щастіе*, сочиненную господиномъ Русео.

Но пусть великостію сею
О титлахъ хвалятся своихъ;
Поставимъ разумъ въ томъ судьею,
И добрыхъ дѣлъ поищемъ въ нихъ.

—

Похожъ ли Французской стихъ: *dont ces héros soient revêtus*, на Руской: *о титлахъ хвалятся своихъ?* Но между тѣмъ вообще мысль подлинника вездѣ въ переводѣ сохранена.

Leur gloire feconde en ruines,
Sans le meurtre et sans les rapines
Ne sçauroit - elle subsister?

—

Ихъ славѣ бѣдствами обильной,
Безъ брани хищной и насильной
Не можно развѣ устоять?

—

Расположеніе Французскихъ стиховъ по Руски дѣлаетъ, что глаголы *subsister* и *устоять* имѣютъ здѣсь одинакую силу; но впрочемъ говоря особенно о глаголѣ *subsister*, кто скажетъ, что соотвѣтствующее оному на Рускомъ языкѣ слово есть глаголъ *устоять?* Чтожъ значитъ переводъ словъ?

Изъ всѣхъ сихъ разсужденій явствуетъ, что безъ знанія языка своего и безъ прилѣжнаго въ немъ упражненія, не будемъ мы умѣть переводить ни книгъ, ни словъ. Итакъ паки обращаюсь къ тому, о чемъ я въ сочиненіи моемъ *о старомъ и новомъ слогѣ* такъ много твердилъ, что учиться языку своему и словесности своей должно изъ собственныхъ своихъ книгъ, а не изъ Французскихъ. Мнѣніе, что языкъ нашъ бѣденъ, и что недостаетъ въ немъ словъ для выраженія *утонченныхъ понятій*, есть ложное. Оно поселилось въ насъ отъ пристрастія нашего къ Французскому языку и отъ не-

знанія чрезъ то своего собственнаго. Доколѣ дѣтямъ нашимъ настоящіе *батюшки* будутъ Французы *); доколѣ не перестанемъ мы утѣшаться, что маленькой сынъ нашъ, не зная Руской азбуки, умѣетъ уже наизусть читать цѣлые монологи изъ Французскихъ трагедій; доколѣ дочери наши будутъ думать, что скорѣе могутъ онѣ выдши за мужъ безъ приданова, чѣмъ безъ Французскаго языка; доколѣ племянники и внуки, племянницы и внучки наши, говоря съ стариками дѣдушками своими, вмѣсто: *позвольте мнѣ, дѣдушка сударь, съѣздить къ сестрицѣ,* говорить станутъ: *пустите меня монъ гранъ перъ къ моей кузинѣ;* доколѣ писатели наши такимъ же, или подобнымъ сему полурускимъ складомъ писать будутъ; — до тѣхъ поръ коренной и богатой языкъ нашъ отчасу болѣе будетъ оскудѣвать или дѣлаться мертвымъ, а новое непонятное на мѣсто онаго возрастать и умножаться. Худое переимчиво, потому что легко и не требуетъ разсудка. Искажающіе языкъ писатели смѣшны для не многихъ, но для многихъ заразительны и вредны. Читайте больше собственныя свои книги, нежели чужестранныя **), привыкните объясняться своимъ языкомъ, и тогда вы увидите, что онъ

*) Между учителемъ и воспитателемъ есть великое различіе; одинъ обогащаетъ умъ нашъ науками, а другой вливаетъ въ сердце наше свои страсти, свои мнѣнія, свои понятія, свои склонности; однимъ словомъ, созидаетъ въ насъ душу и нравъ. Между правами учителя и правами отца есть превеликая разность, но между правами воспитателя и правами отца почти нѣтъ никакой.

**) Разумѣется писанныя прямымъ Рускимъ языкомъ, а не тѣ, которыя нынѣ по складу Французскаго языка пишутся: сіи причисляю я къ иностраннымъ книгамъ. Впрочемъ не худо иногда и ихъ прочитать, дабы при *черномъ* яснѣе увидѣть *бѣлое.*

изобиленЪ и богатЪ. Познавъ красоту его и силу, вы бросите Французской языкЪ, такЪ какЪ дитя бросаетЪ любимую свою деревянную игрушку, когда покажутЪ ему такую же золотую. НапримѣрЪ: вы говорите вЪ нашемЪ языкѣ нѣтЪ слова *patriote*; нЪ скажите естьли во ФранцускомЪ языкѣ понятіе равносильное тому, какое заключается вЪ нашемЪ выраженіи: *сынъ отечества*? мы не можемЪ выразить ихъ слова *héroisme*; но могутъ ли они выразить наше слово: *добледушїе*? У насъ нѣтъ слова *saisone*; но естьли у нихЪ слово *погода*? ПодобныхЪ примѣровЪ найдемЪ мы тысячи. ЧтожЪ изЪ сего заключить должно? то, что мы отЪ того токмо чувствуемЪ бѣдность языка своего, что не вникаемЪ вЪ него, не знаемЪ богатства онаго, точно такЪ, какЪ бы кто, имѣя у себя тысячу имперіаловЪ, щиталЪ себя нищимЪ для того, что у него нѣтЪ ни одного люйдора.

Мы конечно имѣемЪ еще нѣкоторую нужду вЪ иностранныхЪ названіяхЪ; но вЪ какихЪ? вЪ тѣхЪ, которыя стариннымЪ нашимЪ писателямЪ не могли быть извѣстны, и которыхЪ мы нигдѣ вЪ книгахЪ нашихЪ находить не можемЪ. Сіи слова суть имена нѣкоторыхЪ наукЪ, художествЪ, орудій, и проч. Таковыя слова называются особливымЪ именемЪ: *художественныя названія* или *техническїе термины*. ТакимЪ образомЪ мы говоримЪ и пишемЪ: *астрономїя, геометрїя, физика, центръ, перпендикуляръ, пистолетъ, эшпантонъ*, и проч. ИзЪ сихЪ словЪ нѣкоторыя необходимо нужны, по крайней мѣрѣ до тѣхЪ порЪ, покуда не изобрѣтены будутЪ соотвѣтствующія имЪ Россійскія названія, которыя примутся вЪ нашЪ языкЪ и чрезЪ частое употребленіе кругЪ знаменованія ихЪ опредѣлится. НапримѣрЪ *механику*, *бомбу*, мы не можемЪ иначе называть, какЪ *механикою*, *бомбою*. Другія же изЪ

сихъ словъ, хотя и употребляются еще, однако же безъ всякой нужды, потому что уже прiисканы соотвѣтствующiя имъ Россiйскiя названiя столь же знаменательныя; какъ напримѣръ никакой нѣтъ надобности вмѣсто мореплаванiя употреблять *навигацiя*; вмѣсто кораблестроенiя *корабельная архитектура*; вмѣсто отвѣсъ, *перпендикуляръ*; ибо хотя слово *отвѣсъ* и не въ такомъ еще употребленiи, въ какомъ слово *перпендикуляръ*, однакожъ оно совершенно ему равнозначуще, и притомъ гораздо короче. Что же препятствуетъ общему употребленiю сего Россiйскаго слова вмѣсто онаго иностраннаго? Ничто кромѣ школьной привычки превозмогающей здравое разсужденiе: учитель мой натвердилъ мнѣ *перпендикуляръ*, въ книгахъ почти вездѣ читаю я *перпендикуляръ*, товарищи мои говорятъ мнѣ *перпендикуляръ*; бѣдной *отвѣсъ* остается въ забвенiи, рѣдко кто упомянетъ о немъ; вотъ причина, по которой всѣ мы говоримъ и пишемъ *перпендикуляръ*, не разсуждая о томъ, что ежели бы всѣ стали писать *отвѣсъ*, то слово *перпендикуляръ* вышло бы изъ употребленiя, а слово *отвѣсъ* получило бы всю силу и ясность онаго. При началѣ обученiя въ Россiи математическихъ наукъ, кругъ назывался *циркулемъ*, окружность *циркумференцiею*; нынѣ весьма бы странно и смѣшно было, естьли бы кто вмѣсто *окружность круга* сталъ писать *циркумференцiя циркуля*. Разсужденiе сiе можно распространить и на другiя многiя слова. Напримѣръ: какъ называется по Руски астрономiя? — звѣздочетство. Геометрiя? — землемѣрiе. Физика? — естесвословiе. Для чего не употребляемъ мы Рускихъ названiй? — для того, что привыкли къ иностраннымъ. Отъ чего привыкли? — отъ частаго употребленiя оныхъ. Слѣдовательно и къ Рускимъ привыкнемъ, когда часто употреблять ихъ будемъ.

*

Изъ сего явствуетъ, что и въ самыхъ художественныхъ названіяхъ болѣе навыкъ, нежели нужда заставляетъ насъ употреблять иностранныя слова. Итакъ по моему мнѣнію кто желаетъ дѣйствительную пользу приносить языку своему, тотъ всякаго рода чужестранныя слова не иначе употреблять долженъ, какъ по самой необходимой нуждѣ, не предпочитая ихъ никогда Россійскимъ названіямъ тамъ, гдѣ какъ чужое такъ и свое названіе съ равною ясностію употреблены быть могутъ.

Пис. Конечно выдетъ чепуха, естьли слова сіи не у мѣста употребляются.

Прим. Исковерканныя, безобразныя, мнимо Рускія слова, вводимыя писателями, незнающими языка своего, и подобными имъ подражателями ихъ, никогда не могутъ быть у мѣста.

Пис. Съ какою замысловатостію (стран. 39 и 40) доказано посредствомъ круговъ, что у насъ есть слова, которыя могутъ выражать иностранныя, и такія, которыя никакъ не могутъ быть равнозначущи съ иностранными!

Прим. Господинъ деревенской житель! большой замысловатости тутъ нѣтъ, и не первой я это выдумалъ: Эйлеръ въ физическихъ письмахъ своихъ къ нѣкоторой Нѣмецкой Принцессѣ, которыя такъ прекрасно переведены на Россійской языкъ господиномъ Румовскимъ, логическія понятія изъясняетъ также кругами. Я употребилъ ихъ для лучшаго истолкованія моихъ мыслей, и доказательно, что въ сихъ способахъ имѣлъ я нужду, поелику и при оныхъ вы меня почти вездѣ худо поняли.

Пис. Толкованіе Французскаго слова ésprit (стран. 43) очень полезно для всякаго — ученика. Кто хотя не много обучался Логикѣ и имѣетъ здравый разсудокъ, тотъ не переведетъ: *Тусентъ былъ великій духъ между Неграми*, или *Тусентъ былъ великій запахъ между Неграми.*

Прим. Вездѣ вы, дѣлая выписку изъ моей книги, слова мои толкуете по своему, и даете имъ такой смыслъ, какова онѣ въ себѣ отнюдь не имѣютъ. Я въ книгѣ моей говорю, что нѣгдѣ случилось мнѣ прочитать: *Тусентъ былъ великой духъ между Неграми*, и разсматривая во всѣхъ знаменованіяхъ слово *духъ*, которое иногда и *запахъ* значитъ, вывожу, что въ вышесказанной рѣчи оно ни единаго изъ сихъ знаменованій не имѣетъ, доказывая тѣмъ, какъ и многажды о томъ говорилъ, что незнающіе языка своего писатели часто Рускія слова употребляютъ въ знаменованіи Французскихъ словъ, какъ и здѣсь слово *духъ* поставлено въ знаменованіи Французскаго слова *esprit*. Утверждаю ли я симъ, что многіе *знающіе логику и имѣющіе здравый разсудокъ* люди переводятъ: *Тусентъ былъ великой запахъ между Неграми?* покажите мнѣ, гдѣ я этакую нелѣпицу сказалъ? Господинъ судья! простительно ли, позволительно ли такимъ образомъ судить! Какъ возможно клепать на книгу? Вѣдь эта книга напечатана: всякой посмотритъ, всякой увидитъ, что въ ней ни крошечки нѣтъ того, что вы на нее взводите! Вы говорите: *толкованіе Французскаго слова esprit очень полезно для всякаго — ученика.* Не знаю полезно ли оно для всякаго — *ученика;* но смѣло могу сказать, что оно для тѣхъ *учениковъ*, которые поймутъ его, гораздо будетъ

полезнѣе, нежели *для* тѣхъ *судей* и *учителей*, которые его не понимаютъ.

Пис. Авторъ въ примѣчаніи своемъ (стр. 160) *) говоритъ: „находя въ книгахъ нашихъ подобныя сему чужестранныя слова, надлежитъ весьма осторожно читать ихъ, чтобъ не смѣшать съ тѣми Рускими словами, которыя выговоромъ на нихъ похожи; напримѣръ, чтобъ вмѣсто *Геній* не сказать Евгеній; вмѣсто *моральный* маральный; вмѣсто *на сценѣ* — такое слово, которое лучше предоставить угадывать читателю, нежели здѣсь его поставить.“ — Тонкой, нѣжной вкусъ!

Прим. Государь мой! это правда: можетъ быть съ нѣкоторою излишнею колкостію осмѣиваю я здѣсь пристрастіе писателей нашихъ къ Французскимъ словамъ. Любовь къ отечественному языку моему страждетъ во мнѣ, когда я вижу изъявляемое къ оному презрѣніе, и часто печаль смѣшенная съ досадою стекаютъ съ пера моего, когда я говорить о семъ начинаю. Можетъ быть вы, будучи холоднѣе и равнодушнѣе меня къ этому, могли бы въ подобныхъ случаяхъ воздерживаться отъ изліянія вашихъ чувствъ; но къ чему вы прилепили тутъ вкусъ мой? Я говорю, что употребительное у насъ Французское слово *на сценѣ*, похоже выговоромъ на Руское не хорошее слово. Чѣмъ же тутъ вкусъ мой виноватъ? По Италіянски *garbata* говорится о пріятной женщинѣ, а по нашему *горбата* значитъ женщину съ горбомъ: естьли бы слово сіе ввели въ употребленіе у насъ, и я бы сказалъ, что сіе учтивое Италіянское слово похоже выговоромъ

*) Первое изданіе.

на наше не учтивое, то бы вы изъ сего заключили, что я имѣю весьма худой вкусъ! — Справедливое, по истиннѣ логическое заключенiе! не хуже того наставленiя, что для разобранiя двусмыслiя стиха: *въ дождѣ чай повредился*, надобно знать, пивалиль во времена Анакреоновы чай!

Пис. Скажу *серiозно*, для чего намъ не уклоняться отъ источника, слѣдуя въ томъ опытамъ вѣковъ и народовъ?

Прим. И я скажу *серi-озно*, что мнѣнiе ваше весьма *курi-озно*. Позвольте мнѣ спросить у васъ *интерроiаторiозно:* ну да какъ мы уѣдемъ отъ источника такъ далеко, что потеряемъ его совсѣмъ изъ виду, куда же мы прiѣдемъ?

Пис. Возмемъ въ примѣръ Греческiй и Латинскiй языкъ. Кто читалъ древнихъ и новыхъ авторовъ на сихъ языкахъ, тотъ знаетъ разность между ими. Уже ли Греки худо дѣлали, что оставляли то нарѣчiе, коимъ писали Орфей, Исiодъ и проч.? Они чѣмъ болѣе приближались ко временамъ Демосѳеновымъ, тѣмъ языкъ ихъ становился чище и идеи утонченнѣе. Уже ли Римляне, оставивъ нарѣчiе Эннiя и Плавта не должны были помышлять о нарѣчiи Тацита, Тита-Ливiя, Виргилiя, и вообще временъ Августовыхъ? —

Прим. Высокое разсужденiе: Милостивый государь мой! падаю, яко невѣжда, предъ глубокою вашею ученостiю, и уничиженно признаюсь, что я не читалъ въ подлинникѣ ни Орфея, ни Исiода,

ни Демосѳена; не знаю отъ чего уклонялись и къ чему приближались Греки, такожъ и какъ ихъ идеи *утончивались;* но при всемъ мракѣ невѣденія моего не могу однакожъ согласиться, чтобъ нынѣшній Греческій языкъ, далеко уклонившійся отъ древняго Эллинскаго, можно было предпочесть Гомерову языку.

Пис. Всѣ языки подвержены неминуемой перемѣнѣ: времена Мономаха, Царя Іоанна Васильевича, ПЕТРА Великаго и ЕКАТЕРИНЫ II. Очень примѣтно между собою отличаются.

Прим. Господинъ деревенской житель! мы совсѣмъ о разныхъ вещахъ думаемъ, то какъ же согласиться можемъ? Вы говорите о нарѣчіи, или простонародномъ употребленіи языка. Кто съ вами объ этомъ споритъ? И вѣдомо оно перемѣняется: мы въ простомъ слогѣ и разговорахъ вмѣсто: *я умѣю читать,* не говоримъ нынѣ: *азъ есмь книгочій;* или вмѣсто: *слуга! вели мнѣ осѣдлать лошадь,* не скажемъ: *чадо! повели мнѣ осѣдлати коня.* Но о томъ ли я говорю? я разсуждаю о разумѣ языка, о красотахъ онаго. Естьли бы во времена Мономаха процвѣталъ Руской Гомеръ или Виргилій, такъ какъ упоминаютъ о нѣкоемъ Боянѣ, котораго творенія до насъ не достигли; то хотя бы нарѣчіе его и различно было съ нарѣчіемъ временъ ЕКАТЕРИНЫ Великой; но языкъ его, естьлибъ онъ былъ языкъ Гомеровъ, языкъ Виргиліевъ, языкъ боговъ, могъ ли бы состарѣться и перемѣниться? Слово о полку Игоревѣ, Псалтирь, Четьи-минеи, и другія старинныя книги, писаны неупотребительнымъ нынѣ нарѣчіемъ; но языкъ ихъ, сила, красота, богатство, мысль, тѣ ли, какія нахожу я во

многихъ нынѣшнимъ нарѣчіемъ писанныхъ романахъ? Однѣ, когда я читаю ихъ, самую сильную дремоту мою разгоняютъ, а другіе и при самой безсонницѣ моей меня усыпляютъ: вотъ какая между ими разность.

Пис. Конечно не надобно вводить иностранныя слова безъ всякой нужды; но ежели мы чувствуемъ въ нихъ недостатокъ, то счастливая въ такомъ дѣлѣ отважность не есть порокъ.

Прим. Счастливая отважность вводить въ языкъ нашъ иностранныя слова! нѣтъ, государь мой! въ расположеніи рѣчи Руское слово можетъ употреблено быть щастливо, какъ напримѣръ въ сихъ стихахъ извѣстной всѣмъ оды къ *сосѣду:*

Придутъ, придутъ часы тѣ скучны,
Когда твои ланиты тучны,
Престанутъ граціи трепать.

Здѣсь глаголъ *трепать* употребленъ весьма щастливо: никакой другой глаголъ съ равною красотою замѣнить его не можетъ. Въ словѣ о полку Игоревѣ сказано: *яръ туре Всеволоде! стоиши на боронѣ, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными.* Здѣсь глаголъ *прыскать* есть подлинно не обыкновенное, рѣдко попадающееся уму человѣческому, щастливое выраженіе. Но что принадлежитъ до щастливой отважности вводить въ языкъ свой иностранныя слова, то оную всякой имѣть можетъ, и скорѣе всѣхъ тотъ, кто хуже знаетъ языкъ свой.

Пис. Не худо для таковыхъ случаевъ, всегда имѣть въ памяти, что всѣ самые

богатѣйшіе языки, въ томъ числѣ и Славенской, образовались одинакимъ способомъ; то есть подражаніемъ, или если можно такъ сказать, переливомъ словъ одного языка въ другой. Сличите церковныя наши книги съ Греческими и убѣдитесь въ сей истиннѣ. Разумѣется, что во всемъ должна только быть мѣра.

Прим. Языки образуются рѣдко родящимися превосходными умами, изобрѣтателями высокихъ мыслей, щастливыхъ выраженій, знаменательныхъ словъ. Заимствованіе или подражаніе ихъ великимъ на другихъ языкахъ писателямъ можетъ способствовать природному ихъ дарованію, но разумъ ихъ устрояетъ и работаетъ самъ. Такимъ образомъ Корнелій подражалъ Гишпанскимъ писателямъ. Такимъ образомъ Буало подражалъ Латинскимъ стихотворцамъ. Такимъ образомъ Расинъ подражалъ Гомеру *). Сіи превосходные, творческіе умы устанавливаютъ слогъ, созидаютъ красоты, обогащаютъ языкъ, родятъ краснорѣчіе, разливаютъ пользу. Однако подражаніе сіе не есть рабственное, или рабословное, не требующее никакихъ иныхъ размышленій, кромѣ переноса или перелива словъ изъ одного языка въ другой. Языки не бочки: слова одного изъ нихъ неудобно переливать въ другой, такъ какъ воду изъ одной бочки въ дру-

*) См. въ трагедіи его *Ifigenie en Aulide* разговоръ Ахиллеса съ Агамемнономъ, начинающійся симъ стихомъ:

Un bruit assez étrange est venu jusqu'à moi,
Seigneur, etc.

Подобное подражаніе дѣлаетъ таковую же пользу Французскому языку, каковую Гомеровы сочиненія приносили Греческому.

гую. При переливѣ ихъ потребно умствовать и размышлять. Сколько ни сравнивайте церковныя наши книги съ Греческими, вы не найдете въ нихъ сего *перелива словъ* изъ Греческаго въ нашъ Славенскій языкъ.

Пис. Но я вамъ наскучилъ, милостивые государи; чувствую, что *умодѣліе* вывело меня изъ границъ письма. Остаюсь

Вашимъ покорнымъ слугою

А. — З.

Прим. Слово *умодѣліе* не такъ щастливо употреблено здѣсь, какъ вышеприведенныя мною глаголы *трелать* и *прыскать*. Полусловцо *умо* отъемлетъ у него много силы. Наконецъ, въ заключеніе сихъ моихъ примѣчаній, скажу вамъ, господинъ деревенскій житель! что я весьма благодарю васъ за доброе ваше намѣреніе научить меня и наставить; но покуда не придумаете вы такихъ доказательствъ, на которые разсудокъ мой согласиться можетъ, до тѣхъ поръ оставайтесь вы при вашихъ о вещахъ мнѣніяхъ и понятіяхъ, а мнѣ позвольте остаться при моихъ.

ПРИМѢЧАНІЯ НА КРИТИКУ,

изданную въ Московскомъ Меркуріѣ, на книгу, называемую Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка.

Когда примѣчанія мои на письмо деревенскаго жителя уже печатались, тогда на тожъ самое сочиненіе мое *о старомъ и новомъ слогѣ*, вышла новая критика, изданная въ журналѣ, называемомъ Московскій Меркурій. Поелику вышепомянутую книгу мою писалъ я изъ усердія къ отечеству и для людей любящихъ языкъ свой, а не для тѣхъ, которые не зная ни красотъ ни силы онаго, и часто, не понимая меня, пустыми возраженіями оспориваютъ; того ради положилъ было я твердое намѣреніе не отвѣтствовать болѣе никому, и сдержалъ бы данное себѣ слово, естьлибъ Московской Меркурій на одно сужденіе мое о словесности и на слогъ мой нападалъ; таковое нападеніе его не преодолѣло бы во мнѣ чувства, побуждавшаго меня къ молчанію; я бы отвѣчалъ ему улыбкою моею, а не перомъ; но какъ онъ, скрывая себя подъ личиною безпристрастнаго разсматривателя сочиненій, хочетъ намѣренію книги моей, и даже образу мыслей моихъ, дать такой толкъ, какой лицемѣрные или безграмотные судіи даютъ иногда законамъ къ обвиненію праваго; того ради да позволитъ онъ и

мнѣ въ оправданіе мое, не передъ нимъ и подобными ему, но предъ другими читателями моими, нѣчто сказать.

Я буду стараться какъ можно меньше наскучить читателю, пропуская всѣ тѣ мѣста, которыя сами по себѣ такъ неимовѣрны, что оговаривать ихъ было бы недостойно его вниманія, какъ напримѣръ слѣдующія: *изъ нашихъ старинныхъ писателей ни одинъ не можетъ намъ служить примѣромъ, ни самъ Ломоносовъ, для сочиненія прозою.* (стран. 184). — или: *кто пишетъ хорошо на одномъ языкѣ, тотъ скоро выучится писать* (то есть быть знаменитымъ писателемъ) *на всякомъ другомъ* (стр. 185, и прочія сему подобныя.

Сверхъ сего многія мысли въ письмѣ деревенскаго жителя сходны съ мыслями издателя Московскаго Меркурія, а потому и многія примѣчанія мои на возраженія перваго, относятся столькоже и къ сему послѣднему *).

Разсмотримъ сперва на чемъ основано главное мнѣніе издателя Московскаго Меркурія. На томъ, что всѣ языки старѣются, перемѣняются, а потому и нашъ не только Славенскій языкъ, но и

*) По сходству, примѣчаемому въ сихъ двухъ на мою книгу критикахъ, надлежитъ думать, что сія вторая, есть нечто иное, какъ продолженіе первой. Издатель Московскаго Меркурія почти вездѣ въ критикѣ своей, или ближе къ правдѣ, въ злонамѣренномъ ругапіи книги моей, говоритъ въ множественномъ числѣ: *мы;* а потому думать должно, что слово *мы* означаетъ нѣкоторую особливую *шайку* писателей, вооружившихся противъ Славенскаго языка. Сія шайка поспѣша, по видимому, издать первую критику, была сама не довольна ею, находя въ семъ первомъ стряпаньи своемъ мало *соли* и мало *желчи:* чего ради приступила издать другую, гдѣ все оное, сколько могла, поправила.

тотъ, которымъ писалъ Ломоносовъ, уже обветшалъ, и не можетъ намъ болѣе служить примѣромъ для сочиненія прозою. (стран. 162, 184). — Что поелику отъ предковъ нашихъ не осталось сочиненій ни объ астрономіи, ни о геометріи, ни о естественной исторіи, ни о медицинѣ, того ради не могли они быть искусны въ словесности и писать краснорѣчиво. (стран. 157). — Что мы, хотя и имѣемъ великое количество словъ, однако же не умѣемъ изъяснить ими всего, что думаемъ, и слѣдовательно должны чужія слова и рѣчи принимать въ языкъ нашъ. (стран. 159, 165). Что поелику прадѣды наши, находясь подъ Татарскимъ игомъ, ввели въ него много Латинскихъ, Нѣмецкихъ и Татарскихъ словъ, то для чегоже и намъ не вводить Французскихъ, Арабскихъ, и какихъ бы то ни было? (стран. 166). — Что со временемъ и сіи стольколе вразумительны будутъ, какъ и тѣ. Въ доказательство сему издатель Меркурія приводитъ слово *кучеръ*, и спрашиваетъ: *какой поселянинъ не разумѣетъ его?* (стран. 165). — Что нынѣшніе писатели, намѣрены вовсе уничтожить книжной языкъ, и писать какъ говорятъ, а говорить какъ пишутъ. (стр. 180). — Что для достиженія сего великаго намѣренія надлежитъ писать не учась своему языку, и не для ученыхъ людей, а для женщинъ (стр. 181).

Основываясь на сихъ правилахъ, издатель Меркурія находитъ книгу мою *разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ* наполненною ложными понятіями, ошибками, грубостями, и даже худыми намѣреніями. Но читатель изъ нижеслѣдующихъ на критику его примѣчаній моихъ увидитъ, съ такимъ ли безпристрастіемъ, знаніемъ и справедливостію судитъ онъ объ ней, съ какою бы надлежало судить, когда бы перомъ его управляло побужденіе быть

полезнымъ, а не желаніе злословить. Онъ говоритъ обо мнѣ.

„Сочинитель увѣряетъ, что языкъ Славенскій во второмъ надесять вѣкѣ уже столько процвѣталъ, сколько языкъ Французскій сталъ процвѣтать во времена Людовика XIV (!!!)

Надлежитъ, утверждая или опровергая что нибудь, доказывать разсужденіями: удивительные знаки, хотя бы ихъ поставить тритцать сряду, ничего еще не доказываютъ: всякой робенокъ можетъ наставить ихъ сколько угодно. Посмотримъ понялъ ли меня господинъ Меркурій, и я ли сказалъ здѣсь нелѣпицу, или онъ, какъ говорится пословица, глядѣлъ въ книгу, да худо видѣлъ. Порядокъ доказательствъ моихъ въ сочиненіи моемъ о старомъ и новомъ слогѣ есть слѣдующій: я многими выписками изъ священныхъ нашихъ книгъ, и примѣчаніями моими на оныя, показываю, какое краснорѣчіе, и какое великое богатство языка въ нихъ заключается. Потомъ для доказательства, что мы пребогатымъ сокровищемъ симъ не пользуемся, прилагаю малый опытъ словаря, изъ котораго, при всей его малости, довольно уже явствуетъ, что мы, гоняясь за какими-то утонченными въ чужихъ языкахъ понятіями, теряемъ всю важность, изобиліе и силу собственнаго языка своего и собственныхъ понятій своихъ. На сихъ двухъ доказательствахъ основываясь говорю, что по красотѣ и силѣ, съ какою предки наши умѣли объяснять мысли свои, когда начали переводить славныхъ Греческихъ проповѣдниковъ, должно заключать, что Славенскій языкъ процвѣталъ уже и прежде, то есть во времена самыя отдаленнѣйшія. Ибо хотя мы и не видимъ никакихъ древнихъ книгъ, показующихъ ученость Славенскаго народа; однакоже вѣроятно заключить можемъ, что когда переводы съ другихъ языковъ изобилуютъ велико-

лѣпіемъ и красотою мыслей, то уже люди того времени умѣли мыслить, разсуждать и объясняться. Видя дымъ, хотя мы и не видимъ огня, однакоже безошибочно заключаемъ, что дымъ сей отъ горящаго внутри пламени происходитъ. Отсюду вывожу я, что богатство и краснорѣчіе древняго языка Славенскаго, которое видимъ мы въ духовныхъ писаніяхъ нашихъ, уже и во второмъ надесять вѣкѣ, столько процвѣтало, сколько краснорѣчіе Французскаго языка въ свѣтскихъ писаніяхъ стало процвѣтать во времена Людовика XIV. Вся моя книга есть толкованіе о семъ. Какимъ же образомъ издателю Московскаго Меркурія могло помѣститься въ голову, что я свѣтскихъ втораго надесять вѣка писателей вашихъ, которыхъ тогда никого еще не было, равняю съ Французскими свѣтскими при Людовикѣ XIV писателями? Я знаю, что не только въ тогдашнее время, но и нынѣ свѣтская словесность наша не можетъ равняться со свѣтскою словесностію Французовъ, однако же не меньше того увѣренъ, что языкъ нашъ несравненно богатѣе ихъ языка. Великая ЕКАТЕРИНА, разговаривая нѣкогда съ Посланникомъ Сегюромъ о Россійскомъ и Французскомъ языкѣ, сказала: *ихъ не льзя сравнивать между собою; одинъ изъ нихъ Исполинъ, а другой Карла.* Ломоносовъ, разсуждая о нашемъ языкѣ, говоритъ: „Карлъ пятый Римскій Императоръ говаривалъ, что Ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, Французскимъ съ друзьями, Нѣмецкимъ съ непріятелями, Италіянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично; но естьли бы онъ Россійскому языку былъ искусенъ, то конечно къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно.“ — Когда бы не было у насъ духовныхъ книгъ, изъ которыхъ однихъ можемъ мы разсуждать о силѣ и богатствѣ Славенскаго языка, то могла ли бы ЕКАТЕРИНА Великая, могъ ли

бы Ломоносовъ, по однимъ тогдашнимъ нашимъ свѣтскимъ писаніямъ, превозносить столько языкъ нашъ? Иное дѣло сравнивать науки и нынѣшнюю словесность нашу съ науками и словесностію Французскою, иное дѣло разсуждать о языкѣ, которой у нихъ процвѣталъ подъ перомъ свѣтскихъ писателей, а у насъ подъ перомъ духовныхъ. Издатель Московскаго Меркурія, продолжая приписывать мнѣ свое понятіе, и не вразумясь о какой учености и глубокомысленности Славенскаго народа говорю я, спрашиваетъ: *„гдѣ остатки сей учености? о какихъ наукахъ физическихъ или математическихъ писали наши предки? Много ли знаемъ древнихъ Рускихъ сочиненій объ астрономіи, о геометріи, о химіи, о естественной исторіи, о медицынѣ, или по крайней мѣрѣ о предметахъ словесности?“* — Къ чему всѣ сіи вопросы, когда я не о наукахъ разсуждаю, но о древности языка, и о краснорѣчіи духовныхъ нашихъ книгъ. Когда бы я сталъ говорить о силѣ и красотѣ Демосѳеновыхъ противъ Филиппа, или Цицероновыхъ противъ Катилины словъ, имѣлъ ли бы кто право спросить у меня: да знали ль они Геометрію? Мы даже и сего утвердительно сказать не можемъ, что предки наши не писали о наукахъ. Гдѣ сочиненія Бояновы? Кто мнѣ докажетъ, что и многихъ разнаго рода Бояновъ не поглатила рѣка забвенія.

Издатель Меркурія, почитая Славенскій языкъ нашъ состарѣвшимся, худымъ, недостаточнымъ объяснять новыя наши понятія, говоритъ: *„Сочинитель разсужденія о слогѣ, выписавъ изъ Чети-минеи цѣлое житіе трехъ святыхъ Дѣвъ (мученицъ), отъ первой страницы до послѣдней, обращаясь къ читателямъ, говоритъ: откудужъ мысль сія, что мы не имѣемъ хорошихъ образцовъ?* (стран. 126)? *Надобно думать, что это ошибка.“* — Нѣтъ, господинъ Меркурій, это не ошибка. Ѣдкость сего выраженія вашего стоитъ

грубости моихъ словъ *). Разсмотримъ здѣсь два обстоятельства: первое, съ добрымъ ли намѣреніемъ издатель Меркурія судитъ книгу мою, или съ тѣмъ зложелательствомъ, чтобъ перетолковывать ее по своему, въ надеждѣ, что не всякой читатель пойдетъ въ нее справляться, точно ли Меркурій говоритъ о ней правду. Второе, вподлинну ли мнѣніе, что изъ Славенскихъ книгъ можемъ мы почерпать знаніе языка, такъ не вѣроятно и странно, что издатель Меркурія не иначе почитаетъ оное, какъ *ошибкою*, то есть сумашествіемъ или совершеннымъ безуміемъ; ибо ошибка ничего инаго значить здѣсь не можетъ. Господинъ Меркурій приступаетъ къ истолкованію меня слѣдующимъ образомъ: во первыхъ рѣчь мою сокращаетъ; во вторыхъ все предъидущее разсужденіе, объясняющее оную, выкидываетъ. Мы увидимъ тотчасъ для чего онъ сіе дѣлаетъ. Вотъ что въ книгѣ моей сказано: „всѣ сіи приведенныя для примѣра здѣсь выписки изъ священныхъ писаній **) суть отнюдь не такія, которыя бы съ особли-

---

*) Издатель Меркурія, для показанія грубости словъ моихъ, часто выписывая ихъ прибавляетъ къ обстоятельству дѣла отъ себя нѣчто ложное. Какъ напримѣръ онъ говоритъ обо мнѣ: „*въ другомъ мѣстѣ, послѣ длинной выписки, онъ спрашиваетъ: похожъ ли этотъ бредъ на Руской языкъ? Такіе примѣры находимъ почти на каждой страницѣ.*“ — Мѣсто въ книгѣ моей, о которомъ здѣсь говоритъ Меркурій, есть слѣдующее: „что такое *развивать характеръ?* похожъ ли этотъ бредъ на Руской языкъ? (стр. 129).“ — Итакъ слово *бредъ* сказано здѣсь не *послѣ длинной выписки*, и не относится ни къ какому лицу, но единственно къ словамъ *развивать характеръ*. Желаніе повредить кому нибудь лукавыми натяжками и ѣдкими мыслями гораздо хуже, нежели грубая правда, чистосердечно сказанная.

**) Слѣдовательно не объ одномъ житіи трехъ святыхъ Дѣвъ говорю я здѣсь, какъ толкуетъ меня Меркурій. Сихъ выписокъ въ книгѣ моей много. Я сидѣлъ и трудился надъ

вымъ тщаніемъ выбраны были, но случайно взяты изъ немногаго числа попавшихся мнѣ въ руки книгъ. Между тѣмъ, естьли мы безъ всякаго предубѣжденія и предразсудка вникнувъ хорошенько въ языкъ свой, сравнимъ ихъ съ самыми краснорѣчивѣйшими иностранными сочиненіями, то должны будемъ признаться, что оныя ни общимъ расположеніемъ описанія, или повѣствованія, ни соображеніемъ понятій, ни остротою мыслей, ни изображеніемъ, ни украшеніемъ, ни чистотою и величавостію слога, не уступаютъ имъ. Откудужъ мысль сія, что мы не имѣемъ хорошихъ образцовъ для наставленія себя въ искуствѣ слова?" Примѣтимъ теперь безпристрастіе Меркурія: во первыхъ онъ выпустилъ все предъидущее, къ чему я послѣднюю рѣчь мою сказалъ. Во вторыхъ даетъ словамъ моимъ такой оборотъ, какъ будто я на одно житіе трехъ святыхъ дѣвъ указываю. Въ третьихъ изъ рѣчи моей: *откудужъ мысль сія, что мы не имѣемъ хорошихъ образцовъ для наставленія себя въ искуствѣ слова,* сію послѣднюю часть рѣчи: *для наставленія себя въ искуствѣ слова,* выкинулъ. Для чего все сіе сдѣлано? для того, дабы удобнѣе было дать словамъ моимъ такой толкъ, какъ будто бы я говорилъ: *пишите старымъ неупотребительнымъ слогомъ, пишите поэмы и трагедіи по образцу житія святыхъ отецъ.* Нѣтъ, господинъ Меркурій! не только другіе читатели поймутъ, о чемъ я въ книгѣ

ними долго, дабы показать красоту языка нашего въ Священныхъ писаніяхъ, и увѣренъ, что благомыслящіе люди внутри сердца своего поблагодарятъ меня за то. Меркуріи станутъ долговременные плоды упражненія моего въ языкѣ, и трехъ-лѣтній трудъ мой, употребленный на сочиненіе сей книги, опровергать двухъ-дневною работою своею; Меркуріи станутъ меня злословить, но я и не пекусь о ихъ похвалѣ. Я въ предисловіи книги моей сказалъ, что не для нихъ оную пишу.

моей говорю, но и вы сами понимаете, и для того-то и стараетесь выпускать, сокращать меня, чтобъ показать не въ томъ видѣ, въ какомъ я вамъ самимъ противъ воли вашей кажусь. Къ подобнымъ уловкамъ господинъ Меркурій весьма часто прибѣгаетъ. Напримѣръ: выписавъ изъ книги моей приведенные мною для примѣра старинные стихи: *токмо есть требе Бога вамъ хвалити* и проч., говоритъ: „*сомнительно, чтобы такія красоты обратили читателей къ прежнему слогу.*" (стран. 171). — Господинъ Меркурій, дабы взвести на меня небылицу, притворяется здѣсь, будто меня не понялъ. Я въ книгѣ моей (на стр. 57) о самыхъ сихъ стихахъ говорю, что они не имѣютъ ни желаемой чистоты, ни согласія, ни опредѣленной мѣры, ни стройнаго слогопаденія: слѣдовательно послѣ сего не трудно было понять меня, что я не выдаю ихъ за образецъ краснорѣчія. Напротивъ, я нарочно старался изъ старинныхъ стиховъ выбрать здѣсь самые простые, дабы слича ихъ съ нынѣшними гладкими и высокоумными стихами (смотри стихи сіи въ той же книгѣ моей и на той же страницѣ), тѣмъ очевиднѣе показать разность, что первые изъ нихъ при всей своей простотѣ удобовразумительны и ясны, а въ другихъ разумъ гоняясь за хитростію сбился совсѣмъ съ пути. Сравнивать естественную простоту старинныхъ стиховъ съ непонятною замысловатостію нынѣшнихъ новоязычныхъ, для показанія преимущества однихъ предъ другими, не есть выдавать сіи простые старинные стихи за образецъ красоты. Подобнымъ же образомъ господинъ издатель Меркурія изволитъ толковать и о стихахъ, приведенныхъ въ книгѣ моей изъ Ломоносова. Тамъ раздѣлены они на три рода: одними показываю я, какимъ образомъ умѣлъ онъ простыя и даже низкія слова помѣщать пристойно, не унижая ими слога.

другими, съ какою плавностію, силою и красотою изображалъ онъ свои мысли. Послѣ приведенныхъ мною тому примѣровъ говорю: „*мы видѣли разумъ его и глубокое въ языкѣ знаніе; покажемъ теперь примѣръ осторожности его и наблюденія ясности въ рѣчахъ.*" Здѣсь упоминаю я о стихѣ: *въ дождѣ гать повредился*, единственно для того, дабы дать читателю примѣтить, съ какимъ раченіемъ пекся онъ о слогѣ своемъ, когда при самомалѣйшемъ обстоятельствѣ темноты или двусмыслія старался избѣгать отъ оныхъ. Меркурій по благонамѣренному безпристрастію своему, желая вездѣ меня показывать на выворотъ, смѣшиваетъ сіи мои три весьма различныя между собою мысли, и о тѣхъ стихахъ, которыхъ замѣчаю я красоты, ничего не говоритъ; а о которыхъ красотѣ я ничего не говорю, на тѣ указываетъ онъ и восклицаетъ: „*послѣ сего читатель ожидаетъ прекраснаго, чрезвычайнаго и къ удивленію своему находитъ: О коль велико въ немъ движеніе сердечно*, и проч. (см. въ Журналѣ его стран. 171 и 172). — Мнѣ кажется чужіе труды должно опровергать своими трудами и справедливыми показаніями, а не клеветами. Обратимся теперь къ тому, можно ли, читая священныя писанія, наставлять себя въ искуствѣ слова. Хотя я въ книгѣ моей довольно о семъ говорилъ, однако скажемъ и здѣсь нѣчто. Всякъ знаетъ, что богатство наше состоитъ въ Славенскомъ языкѣ. Употребительный нынѣ Россійскій языкъ есть чадо онаго, заимствующее отъ него все свое украшеніе. Запрети намъ писать: *конь, всадникъ, возница, вертоградъ, храмъ, молніеносный, быстропарящій*, и всѣ подобныя симъ слова, имѣющія корень свой въ Славенскомъ языкѣ, словесность наша не лучше будетъ Камчадальской. Издатель Меркурія думаетъ, что языки старѣются, и что когда нарѣчіе перемѣнилось, то уже и старой языкъ никуда не годится.

Такимъ образомъ могу я думать о тупоносыхъ башмакахъ, когда повѣрье перемѣнится, и стануть носить остроносые; но совсѣмъ иное понятіе имѣю я объ языкахъ и о словесности. Древность языка и чтеніе старинныхъ книгъ есть тоже для меня, что поучительная бесѣда съ умащеннымъ сѣдиною славнымъ воиномъ. Тѣло его слабо, но душа его сильна. Онъ не стана своего сановитостію, не красивымъ и легкимъ въ десницѣ своей обращеніемъ оружія, научитъ меня владѣть мечемъ; но достойными вниманія расказами о храбрыхъ воинскихъ дѣлахъ и подвигахъ воспламенитъ сердце мое и вложитъ въ грудь мою духъ честолюбія, духъ мужества. Такимъ образомъ первая искра стихотворческаго огня загорѣлась въ душѣ Ломоносова отъ чтенія Псалтири. Отними всѣ старинныя книги, уничтожь Славенской языкъ, мы не будемъ имѣть ни письма о пользѣ стекла, ни Россіяды, ни Душиньки, ни Фелицы. Науки и чтеніе иностранныхъ книгъ распространяютъ познанія наши, но могутъ ли они одарить насъ силою слога? Мы хотимъ подражать Французамъ, но подражаемъ ли имъ, когда заимствуемъ у нихъ и слова и образъ рѣчей? Какой Французъ учился у Нѣмца писать по Французски? Мы имѣемъ мало хорошихъ свѣтскихъ сочиненій, тѣмъ нужнѣе читать намъ духовныя Славенскія книги: ибо откудужъ иначе познаемъ мы языкъ свой? Взглянемъ на первоначальное Французской и нашей словесности возниченіе. До временъ ПЕТРА Великаго, или паче Елисаветиныхъ, не было у насъ наукъ, не было свѣтскихъ писателей, стихотворцевъ. Французская словесность начала процвѣтать около временъ Людовика XIV. Въ его царствованіе стали у нихъ появляться знаменитые писатели. Они прославились въ тѣхъ родахъ сочиненій, которые у насъ были неизвѣстны. Въ трагедіяхъ, въ комеді-

яхъ, въ операхъ, въ наукахъ, въ разныхъ стихотвореніяхъ и проч. Мы оставались еще, до временъ Ломоносова и современниковъ его, при прежнихъ нашихъ духовныхъ пѣсняхъ, при священныхъ книгахъ, при размышленіяхъ о величествѣ Божіемъ, при умствованіяхъ о христіянскихъ должностяхъ и о вѣрѣ, научающей человѣка кроткому и мирному житію; а не тѣмъ развратнымъ нравамъ, которымъ новѣйшіе философы обучили родъ человѣческій, и которыхъ пагубные плоды, послѣ толикаго пролиянія крови, и понынѣ еще во Франціи гнѣздятся. Но оставимъ наитіе ихъ на нравственность и обратимся къ словесности. Франція изобиловала уже различными сочиненіями, когда наша словесность едва двигала еще свои мышцы. Францускіе писатели попеченіемъ объ языкѣ своемъ вычистили, обогатили оный; мы прилѣпленіемъ къ языку ихъ стали отставать отъ своего собственнаго. Такимъ образомъ въ наукахъ и въ художествахъ сдѣлалось у нихъ множество названій, въ которыхъ мы, переводя книги ихъ, почувствовали нужду, и стали принимать ихъ въ свой языкъ. Отъ наукъ и художествъ простерлось сіе и на словесность. Вмѣсто того, чтобъ и тѣ названія, въ коихъ мы дѣйствительную имѣемъ надобность, стараться истреблять, замѣняя ихъ своими пріисканными въ Славенскомъ словарѣ, или новыми со тщаніемъ изобрѣтенными, мы стали въ разговорахъ и въ книгахъ щеголять употребленіемъ всякихъ, ни мало не нужныхъ намъ, чужестранныхъ словъ, предпочитая ихъ своимъ *). Отъ словъ до-

*) Меркурій по одному великодушію своему, безъ всякой денежной платы, обучая меня различать Францускія слова съ Латинскими и Греческими, говоритъ: „нынѣшніе хорошіе писатели приняли нѣсколько словъ чужестранныхъ, большею частію Греческихъ и Латинскихъ.“ — Господинъ

шло и до цѣлыхъ рѣчей. Переводчики стали тысячами вносить ихъ въ языкъ свой, принуждая читателя понимать непонятное; ибо такіе переводы гораздо легче *головоломныхъ* переводовъ. Отсюду часъ отчасу большее удаленіе отъ знанія и любленія собственнаго языка своего, и часъ отчасу большее прилѣпленіе къ нелѣпому, безобразному чужеязычію, такъ что напослѣдокъ господа Меркуріи начали явно утверждать, что *чтеніе Славенскихъ книгъ не наставляетъ насъ въ искуствѣ слова*; что *мы получили въ наслѣдство великое количество словъ, которыми не умѣемъ объяснять всего, что думаемъ*; что *двѣ трети языка нашего никуда не годятся*; что *нынѣшніе писатели наши намѣрены истребить книжной языкъ*; и что *писать надобно не учась своему языку, и не для ученыхъ людей, а для женщинъ*. Разсмотримъ по порядку каждую изъ сихъ мыслей, ибо каждая изъ нихъ достойна особливаго вниманія.

Издатель Меркурія удивляется, какъ мы выше видѣли, что я въ Славенскихъ и священныхъ писаніяхъ нахожу примѣры краснорѣчія, удобные къ наставленію насъ въ искуствѣ слова, и говоритъ: „*надобно думать, что это ошибка*.“

Не знаю по чему будетъ это ошибка, когда я читая въ пѣсни Игоревой: *а мои ти куряни свѣдоми къ мети, подъ трубами повиты, подъ шеломы возлелеяны, концемъ копія воскормлени*, нахожу, что въ словахъ сихъ заключается мысль, какой сильнѣе не

Меркурій! гдѣ совѣсть? Да развѣ *актъ, сцена, мифологія, религія, дескриптивная, гармонировать, форитать, бандидъ фурманъ, визитація, катедральная* и проч. и проч. Все Греческія и такія слова, которыя намъ необходимо нужны! — Вы о сихъ словахъ, упомянушыхъ въ книгѣ моей (на стран. 255) ни слова не говорите, а говорите о словѣ *фраза*, о которомъ я ни слова не говорю, хотя и оное отнюдь не почитаю украшеніемъ нашего языка.

читалЪ я ни вЪ Виргиліи, ни вЪ ТассѢ, ни вЪ ВолтерѢ. Свѣтскія писанія конечно различествуютЪ сЪ духовными: изЪ Посланій Святаго Павла Сумороковъ не могЪ заимствовать нѣжныхЪ при прощаніи разговоровЪ Трувора сЪ Ильменою; однакожЪ во многихЪ случаяхЪ краснорѣчіе какЪ вЪ тѣхЪ такЪ и вЪ другихЪ, можетЪ быть равное и одинакое. Изображеніе страстей, пороковЪ, добродѣтелей; описаніе бури или тишины, гордости льва или кротости агнца, и тысячи подобныхЪ сему вещей можно находить какЪ вЪ житіи святыхЪ отецЪ, такЪ и вЪ МармонтелевыхЪ сказкахЪ. Трагедія вообще есть сочиненіе не похожее на ПсаломЪ, на АкаѳистЪ, на ПрологЪ, на Чети-минею, кто обЪ этомЪ споритЪ? но вЪ ПсалмѢ, вЪ АкаѳистѢ, вЪ ПрологѢ, вЪ Чети-минеи, также какЪ и вЪ Корнеліевой трагедіи, есть богатыя мысли, сильныя чувствованія, прекрасныя выраженія. ВЪ какомЪ ФранцускомЪ стихотворцѢ найду я сильнѣйшее сего разсужденіе о БогѢ: *у него премудрость и сила, у него совѣтъ и разумъ: аще низложитъ, кто созиждетъ? аще затворитъ, кто отверзстъ? аще возбранитъ воду, изсушитъ землю; аще пуститъ, погубитъ ю.* РасинЪ вЪ трагедіи своей ФедрѢ, описывая морское чудовище, говоритЪ:

Son front large est armé de cornes menaçantes.

или:

Sa croupe se recourbe en replis tortueux.

ІовЪ вЪ Библіи, изображая подобное же чудовище, говоритЪ:

На выи же его водворяется сила, предъ нимъ течетъ пагуба.

или:

Ребра его ребра мѣдяна, хребетъ его желѣзо сліяно.

Естьли читая сіи Расиновы стихи научаюсь я, какимЪ образомЪ должно изображать чудовище, то

и читая Іова томужъ самому научаюсь, съ тою разностію, что Расинъ обогащаетъ меня одними только мыслями, а Іовъ и мыслями и словами къ выраженію оныхъ пристойными; одинъ научаетъ меня понимать вещи, а другой и понимать ихъ и пересказывать съ таковоюже силою; начитавшись одного познаю я красоты чужаго языка, начитавшись другаго познаю я собственный свой языкъ и богатство онаго. Когдаже разумъ мой обогащенъ будетъ мыслями и словами, тогда, имѣя дарованіе, удобнѣе могу я писать и простымъ и важнымъ и забавнымъ и высокимъ слогомъ; но когда я ни силы, ни оборотовъ языка своего, ни приличнаго помѣщенія словъ, ни знаменованія оныхъ, не знаю, тогда переводя Волтера изъ острыхъ и забавныхъ шутокъ его сдѣлаю нѣчто сухое, изъ жалостныхъ и важныхъ твореній его нѣчто смѣшное. Итакъ священныя наши книги могутъ намъ служить образцами для наставленія насъ въ искуствѣ нынѣшней нашей словесности, подобно какъ служили онѣ образцами Ломоносову, и сравнивать заключающееся въ нихъ краснорѣчіе съ краснорѣчіемъ Францускихъ писателей, процвѣтавшихъ во времена Людовика XIV, есть не такой душепагубный грѣхъ, какимъ кажется оный издателю Московскаго Меркурія. Онъ говоритъ: *наши старинныя книги не сообщаютъ красокъ для роскошныхъ Будуаровъ Аслазіи, для картинъ Виландовыхъ, Мейснеровыхъ, или Доратовыхъ*. Очень хорошо. Но откудужъ возмемъ мы сіи краски, естьли не научимся составлять ихъ изъ прежде бывшихъ красокъ? Естьли Виландовы, Мейснеровы, Доратовы картины хороши, такъ это отъ того, что они учились писать ихъ. Мейснеръ читаетъ нечаянно попавшуюся ему забытую всѣми старинную книгу, называемую: *шесть сотъ двадцать семь повѣстей о шутливыхъ рѣчахъ и бранныхъ словахъ придворнаго балагура Клауза*. Пріл-

тель Мейснеровъ, нашедъ его упражняющагося въ чтеніи сей книги, спрашиваетъ у него: какъ можетъ онъ читать такой вздоръ? Мейснеръ отвѣчаетъ: *можетъ быть усмотрю я здѣсь первое основаніе нѣкоторыхъ славныхъ вымысловъ; найду нѣсколько хорошихъ несправедливо забытыхъ выраженій; соберу нѣкоторыя свѣдѣнія о тогдашнемъ образѣ мыслей Саксонцевъ* — *). Господинъ Меркурій не знаю по какому праву отъ лица всѣхъ нынѣшнихъ писателей кричитъ: *мы не хотимъ читать старинныхъ Рускихъ книгъ; мы хотимъ быть Виландами, Мейснерами, Доратами!* Государи мои! я отъ истиннаго сердца желаю вамъ сего, но не вижу къ тому никакой надежды: Мейснеры даже и въ Клаузахъ ищутъ, нѣтъ ли чего такого, что изъ нихъ почерпнуть можно; а вы даже и въ сокровищахъ Славенскаго языка ничего добраго не находите. Но довольно о семъ. Обратимся ко второй его мысли. Онъ защищая писателей вводящихъ въ языкъ нашъ странныя новости, вопія противъ меня за похвалы мои Славенскому языку, доказывая негодность онаго и надобность заимствованія новыхъ словъ и выраженій, говоритъ:

„*Мы получили въ наслѣдство великое количество словъ, которыми однакожъ не умѣемъ изъяснить всего, что думаемъ*. (стран. 159).

Во первыхъ, я бы желалъ знать, о комъ здѣсь сказано: *мы не умѣемъ?* Ломоносовъ умѣлъ, Херасковъ, Державинъ, и другіе, подобные имъ писатели, умѣютъ. У насъ конечно не много важныхъ сочиненій, и знаменитыхъ писателей, но тѣ которые есть, умѣютъ Рускимъ языкомъ объяснять

*) Vielleicht das ich hier den ersten Grund manches berühmten Einfalls ausschürfe; manche gute unrechtmässig vergessne Redensart auffinde; manchen Beitrag zur Denkart der damaligen Sachsen samle, — (Meisners Skizzen).

мысли свои, иначе не были бы они хорошими писателями. Не ужъ ли издатель Меркурія думаетъ, что когда онъ не умѣетъ, такъ и вся Россія не умѣетъ? — Во вторыхъ, на чѣмъ сіе разсужденіе основано? имѣть великое количество словъ и не умѣть объясняться ими, не тоже ли самое есть, какъ имѣть великое множество кирпичей и не умѣть изъ нихъ построить себѣ домъ? ктожъ виноватъ: хозяинъ или кирпичи? Ломоносовъ умѣлъ воспользоваться великимъ количествомъ словъ, умѣлъ изъ сихъ кирпичей воздвигнуть преславное зданіе; естьли бы многіе Ломоносовы умѣли также созидать изъ нихъ высокіе домы, такъ бы вышелъ великолѣпный, огромный городъ. Слѣдовательно не кирпичи сіи бросать, но надобно намъ изъ кирпичей сихъ учиться строить домы. Обратимся къ третей мысли господина Меркурія. Онъ говоритъ:

„*Сочиненія Кантемировы были первою зарею нашей словесности. Послѣ того умы Россійскіе летѣли къ просвѣщенію. Недоставало только человѣка съ дарованіями превосходными и обработанными ученіемъ долговременнымъ, чтобы отважиться на образованіе новаго языка. Ломоносовъ отважился и предалъ имя свое безсмертію.*" (Ломоносовъ ни на что не отважился и никакова новаго языка не образовалъ. Нарѣчіемъ или слогомъ, какимъ писалъ онъ, уже до него всѣ писали. Сумароковъ жилъ и сочинялъ въ одно съ нимъ время и уже эклоги его дышали нѣжностію, каковую и самъ Ломоносовъ не способенъ былъ изображать. Онъ пылкимъ воображеніемъ своимъ, соединеннымъ съ знаніемъ языка своего, вознесся токмо выше всѣхъ современниковъ своихъ, и главное достоинство его состояло въ томъ, что онъ умѣлъ простой Россійскій языкъ сочетать съ высокимъ Славенскимъ языкомъ, и такъ сказать одинъ изъ нихъ растворить другимъ. Трудъ и намѣреніе его были

совсѣмъ противны тому, чтобъ бросить Славенскій языкъ и простой Руской смѣшать съ Французскимъ). *Онъ собственнымъ примѣромъ доказалъ, что старинное не всегда бываетъ лучшее.* (Это всякой знаетъ, что худое старинное хуже хорошаго новаго, а худое новое хуже стариннаго хорошаго. Ломоносовъ, напротивъ, и словами и дѣломъ доказалъ, что желающему быть искуснымъ писателемъ, должно читать Славенскія книги). *Дорога проложена: оставалось только слѣдовать по ней, то есть очищать, обогащать языкъ по числу новыхъ понятій.* (Обогащаетъ языкъ тотъ, кто упражняется въ немъ; очищаетъ его, кто истребляетъ чужеязычіе. Но кто думаетъ, что онъ введеніемъ въ него чужестранныхъ нелѣпостей очищаетъ и обогащаетъ его, тотъ не по той дорогѣ идетъ, которую проложилъ Ломоносовъ). *Ибо языкъ самой богатой бѣднѣетъ, ежели не пріобрѣтаетъ.* (Мнѣ извѣстны токмо понятія, заключающіяся въ словахъ: *теряя бѣднѣть*, или: *пріобрѣтая богатѣть;* но выраженіе *бѣднѣть не пріобрѣтая* принадлежитъ къ числу новыхъ *утонченныхъ* понятій, о которыхъ я давно уже отозвался, что ихъ не разумѣю. По крайней мѣрѣ, говоря такими загадками, должно объяснять ихъ. Мнѣ кажется языкъ нашъ *пріобрѣтая бѣднѣетъ*. Это также загадка; но я свою растолкую и скажу, что я подъ симъ разумѣю: пріобрѣтаетъ онъ переводную изъ Французскаго языка нелѣпицу, а теряетъ природную силу и краткость: слѣдовательно бѣднѣетъ). *Ломоносовъ сравнялся съ лучшими поэтами, но не могъ поравнять нашей словесности съ Французскою, ни даже съ Италїянскою, ни даже съ Англинскою; не могъ поровнять нашихъ понятій съ понятїями другихъ народовъ.* (Названіе *словесность* объемлетъ собою всѣ роды писаній, а потому одинъ человѣкъ, какъ бы онъ великъ ни былъ, не можетъ составить всей словесности, или поравнять ее съ словесностію

другихъ народовъ. Понятія одного народа сравниваются съ понятіями другаго народа общимъ попеченіемъ о языкѣ и о наукахъ. Разсматривателю книгъ надобно умѣть разсуждать). *Нѣтъ вещи, нѣтъ и слова, нѣтъ понятія, нѣтъ и выраженія.* (Такъ; да не о томъ рѣчь идетъ, а вотъ о чемъ: есть слово и есть понятіе, но мы или не знаемъ, или не хотимъ употреблять его, для того, что оно наше собственное. Когда бы господинъ Меркурій поприлежнѣе книгу мою прочиталъ, такъ бы онъ увидѣлъ о чемъ я въ ней говорю). *Послѣ Ломоносова мы узнали тысячи новыхъ вещей.* (Какія это вещи? что такое новое открылось намъ въ словесности? поелику господинъ Меркурій говоритъ здѣсь ариѳметически, и вмѣсто всѣхъ разсужденій и доказательствъ употребляетъ только щотное число *тысячи*, того ради и отвѣчать ему должно ариѳметическиже: положимъ, что до Ломоносова извѣстно было пятьдесятъ тысячъ вещей, а послѣ него открылось еще двѣ тысячи. Для чегоже нынѣшнему Ломоносову съ пятьюдесятью двумя тысячами вещей, не говорить такимъже чистымъ Рускимъ языкомъ, какимъ старой Ломоносовъ говорилъ съ пятьюдесятью тысячами?). *Чужестранные обычаи родили въ умѣ нашемъ тысячи новыхъ понятій.* (Опять тысячи? да въ чемъ состоятъ сіи тысячи, и какую связь чужестранные обычаи имѣютъ съ языкомъ и краснорѣчіемъ нашимъ? Французы выкрасятъ сукна и дадутъ цвѣтамъ ихъ названія: *мердуа, бу-де-лари* и проч. — Они надѣлаютъ домашнихъ уборовъ и назовутъ ихъ: *табуре, шезлонгъ, кушетъ* и проч. — Они выдумаютъ *шарады, логогрифы, акростишн, абракадабры*, и проч. — Они надѣнутъ толстой галстукъ и скажутъ: это *жабо*; возмутъ въ руки суковатую дубину и скажутъ: это *массю д'еркюль*. — Они перемѣнятъ имена своихъ мѣсяцовъ; изобрѣтутъ *декады, гильйотины*, и

проч. и проч. — Какъ! и все это должно потрясать языкъ нашъ? Какъ! для всѣхъ этихъ вздоровъ должно намъ пренебрегать Славенскій, коренный языкъ свой и выдумывать новой, тарабарской? — Нѣтъ, господинъ Меркурій, мало вы найдете людей, которые бы вамъ въ этомъ повѣрили). *Вкусъ очистился.* (Судя по великому числу выходящихъ нынѣ худыхъ сочиненій, и по малому числу хорошихъ, не вижу я, чтобъ вкусъ нашъ въ словесности очистился, и врядъ очистится ли онъ, когда мы такъ о языкѣ нашемъ судить будемъ, какъ судятъ Меркуріи). *Читатели не хотятъ, не терпятъ выраженій противныхъ слуху.* (Не хотятъ, но по неволѣ терпятъ, когда худые писатели, или тѣ, которымъ припала охота портить языкъ свой, безпрестанно тѣмъ ихъ потчиваютъ. Въ книгѣ моей можно видѣть ясныя тому доказательства). *Болѣе двухъ третей Рускаго словаря остается безъ употребленія.* (Прекрасное доказательство процвѣтанія нашей словесности и очищенія вкуса! я не знаю за чѣмъ уже и остальную треть оставлять; лучше бы весь Руской языкъ истребить; но правда, это и не нужно; ибо когда останется его одна треть, а двѣ трети будетъ чужеязычія, то уже и остальной трети никто Руской разумѣть не будетъ. Господинъ Меркурій хвалитъ это и называетъ просвѣщеніемъ! что отвѣчать на сіе?). *Что дѣлать? искать новыхъ средствъ объясняться.* (Да гдѣ же мы искать ихъ станемъ, коли не въ своемъ умѣ и не въ своемъ языкѣ?). *Удержать языкъ въ одномъ состояніи невозможно: такова чуда не бывало отъ начала свѣта. Языкъ Гомера не перемѣнился ли совершенно? Потомки Перикловъ, Фокіоновъ и Демосѳеновъ должны какъ чужестранцы учиться тому, которымъ предки ихъ гремѣли на каѳедрѣ Аѳинской.* (Хорошій примѣръ для послѣдованія! Господинъ Меркурій желаетъ насъ видѣть похожими на по-

томковЪ ДемосѳеновыхЪ, у которыхЪ нѣтЪ уже ни языка ни наукЪ! Для того что ихЪ языкЪ уклоняясь отЪ Гомерова языка пришелЪ вЪ упадокЪ, такЪ и нашему уклоняясь отЪ Славенскаго надобно придти вЪ упадокЪ! ВотЪ здѣсь вподлинну должно думать, что это ошибка). — Обратимся кЪ четвертой мысли издателя Московскаго Меркурія. ОнЪ говоритЪ:

„*Замѣтимъ еще нѣкоторыя мысли сочинителя. Кажется, что онъ полагаетъ необходимымъ особливой языкъ книжной, которому надобно учиться какъ чужестранному, и различаетъ его только отъ низкаго, простонароднаго. Но есть языкъ среднїй, тотъ, которой стараются образовать нынѣшнїе писатели равно для книгъ и для общества, чтобы писать какъ говорятъ, и говорить какъ пишутъ; однимъ словомъ, чтобы совершенно уничтожить языкъ книжной.*“ (стран. 180).

Здѣсь опять надлежитЪ быть великой ошибкѣ. Книги пишутся простымЪ, среднимЪ и высокимЪ слогомЪ. Издатель Меркурія перемѣшавЪ, какЪ видно, сіи понятія, думаетЪ, что мы разговариваемЪ между собою простымЪ, среднимЪ и высокимЪ языкомЪ! Признаться, что я о такомЪ раздѣленіи разговоровЪ нашихЪ на различные слоги отроду вЪ первой разЪ слышу. Книжной языкЪ раздѣляется на три слога; изЪ которыхЪ простой есть тотЪ, которымЪ говорятЪ вЪ хорошихЪ обществахЪ; средній есть замысловатѣе и цвѣтущее онаго, высокойже громче и величавѣе. Средній языкЪ вЪ книжномЪ языкѣ есть средній слогЪ; но средній языкЪ вЪ языкѣ разговоровЪ есть почти тоже, что средняя точка на поверхности шара. ВЪ книгѣ моей довольно ясно сказано, что такое разумѣю я подЪ словами *книжной языкъ*, да естьлибЪ и не дѣлать о семЪ никакого объясненія, такЪ самыя слова сіи не могутЪ инаго значить, какЪ то, что книжной языкЪ есть тотЪ, кото-

рымъ пишутся книги, а не тотъ, которымъ люди другъ съ другомъ разговариваютъ. Сіи два языка различаются между собою во всѣхъ земляхъ, во всѣхъ народахъ, кромѣ тѣхъ развѣ людей, у которыхъ нѣтъ ни книгъ, ни наукъ, ни словесности. Не возможно не различать ихъ, потому что книжной языкъ всегда бываетъ выше языка употребляемаго въ разговорахъ; сіе не можетъ быть иначе, потому что мы сообщаемъ другъ другу мысли свои просто, безъ всякаго пріуготовленія; а когда сочиняемъ книгу, то чѣмъ она важнѣе, тѣмъ больше сидимъ надъ нею и думаемъ, какъ бы намъ мысли свои объяснить и выразить лучше. Расинъ въ сочиненіяхъ своихъ говорилъ самымъ чистымъ, пріятнымъ, цвѣтущимъ и высокимъ языкомъ, какимъ рѣдкіе писатели говорить могутъ; но языкъ разговоровъ его въ обществѣ или бесѣдѣ былъ безъ сомнѣнія обыкновенной, какимъ и всѣ, или по крайней мѣрѣ многіе говорили. Слогъ или языкъ, которымъ объясняемся мы въ книгахъ, часто не приличенъ бываетъ разговорамъ, а языкъ какимъ объясняемся мы въ разговорахъ, часто не приличенъ бываетъ книгамъ, особливоже требующимъ важнаго и высокаго слога. Въ книгѣ могу я сказать: *гряди Суворовъ, надежда наша, побѣди враговъ!* но естьли бы я въ личномъ моемъ разговорѣ съ нимъ сказалъ ему это, такъ бы всѣ сочли меня сумасшедшимъ. Въ книгѣ могу я сказать: *звѣздоподобный, златовласый, быстроокій;* но естьли бы я въ бесѣдѣ такимъ образомъ разговаривать сталъ, такъ бы всѣхъ поморилъ со смѣху. Въ книгѣ ни мало не странно, когда любовникъ говоритъ любовницѣ:

> Противъ тебя, противъ себя вооружался;
> Не зря тебя искалъ, а видя удалялся.

Но какой любовникъ въ комнатѣ станетъ разговаривать такимъ высокимъ слогомъ съ любов-

ницею своею? Арисія въ трагедіи Федрѣ у Расина говоритъ:

Et la terre humectée
But à regret le sang des neveux d'Erictée.

Но естьли бы какая нибудь Княжна стала окружающимъ ее подобнымъ слогомъ, и съ такимъже наборомъ словъ, что нибудь расказывать, такъ бы при такомъ краснорѣчіи ея стали всѣ отъ смѣха кусать себѣ губы. Сколько книжной или ученой языкъ страненъ въ разговорахъ общежитія, столько языкъ разговоровъ страненъ въ высокихъ сочиненіяхъ, и недостаточенъ для книгъ, выключая тѣхъ, которыя требуютъ простаго слога. Весьма бы смѣшно было въ похвальномъ словѣ какому нибудь Полководцу, вмѣсто: *Герой! вселенная тебѣ дивится*, сказать: *Ваше Превосходительство, вселенная вамъ удивляется*. Платонова рѣчь на коронацію, Феофановы слова, далеко отстоятъ отъ языка обыкновенныхъ разговоровъ. Въ бесѣдѣ никогда не скажутъ: *Да отреши ихъ слезы, и да устроиши ихъ вездѣ проповѣдовать Твою промыслительную державу*. Сами защитники новаго языка пишутъ книжнымъ же языкомъ, хотя и весьма худымъ. Напримѣръ, никто въ разговорахъ не скажетъ: *Геній исторія теряетъ дорогу въ землѣ чудесъ*, или *Геній не смѣетъ взять свѣтильника философіи, и летѣть безъ откровенія*. (Мерк. стр. 176). Это также книжной языкъ, да только смѣшной и не понятной. Книжной языкъ такъ отличенъ отъ языка разговоровъ, что ежели мы представимъ себѣ человѣка, весь свой вѣкъ обращавшагося въ лучшихъ обществахъ, но никогда не читавшаго ни одной важной книги, то онъ высокаго и глубокомысленнаго сочиненія понимать не будетъ: не всѣ Англичане разумѣютъ Мильтона; не всѣ Италіянцы разумѣютъ Петрарка; не всѣ Нѣмцы разумѣютъ Клопфштока; но токмо тѣ, которые много читали книгъ, изострили ими поня-

тія свои, искусились въ ученомъ, книжномъ языкѣ. Вопреки сему часто бываетъ, что человѣкъ пресильной въ книжномъ языкѣ, едва въ бесѣдахъ разговаривать умѣетъ: таковъ сказываютъ былъ Жанъ - Жакъ Руссо. Я не знаю, что такое издатель Меркурія разумѣетъ подъ книжнымъ языкомъ, и о какихъ нынѣшнихъ писателяхъ говоритъ онъ, что они хотятъ его уничтожить; но знаю, что хотѣть уничтожить тотъ книжной языкъ, о которомъ я въ книгѣ моей говорю, хотѣть поравнять его съ языкомъ разговоровъ, хотѣть писать какъ говоримъ и говорить какъ пишемъ, есть тоже что хотѣть поровнять орла съ синицею, или носъ свой съ головою своею. Такія чудеса невѣроятны: скорѣе соглашусь я, что можно изъ листка бумаги построить Соломоновъ храмъ, или изъ Меркурія сдѣлать Иліяду. — Обратимся къ пятой мысли издателя Меркурія. Онъ говоритъ:

„*Всякой ли можетъ посвятить 30 лѣтъ цвѣтущаго времени своей жизни на чтеніе старинныхъ книгъ, чтобы при сѣдыхъ волосахъ написать хорошее сочиненіе, непонятное всѣмъ его знакомымъ, кромѣ ученыхъ. Похвалы Аристарховъ пріятны самолюбію, но похвалы Делій несравненно милѣе сердцу. Лавры изъ нѣжныхъ рукъ женщины любезной, всегда были почитаемы за драгоцѣннѣйшую награду, за украшеніе и для шлема рыцаря, и для блистательнаго вѣнца повелителя народовъ.*“ — (стран. 182).

По этому не надобно въ молодыхъ лѣтахъ упражняться? не надобно учиться языку своему? не надобно писать хорошихъ сочиненій, ученыхъ книгъ? — На что же трудились Гораціи, Тациты, Монтескюи, Бюфоны, Фенелоны, и другіе многіе? — По этому надобно писать одни романы, сказочки, басенки, для женщинъ? но и тѣхъ не знавши языка не напишешь хорошо. Буало говоритъ:

Sans la langue, en un mot, l'Auteur le plus divin
Est toujours, quoi qu'il fasse, un méchant Ecrivain.

Анакреонъ и Сафо не умѣли бы, одинъ такъ умно шутить, а другая такъ нѣжно изъявлять любовныя чувства свои, естьлибъ не упражнялись въ чтеніи книгъ, не знали языка своего. Сверхъ сего почему женщинамъ не могутъ нравиться важныя сочиненія? Умная женщина и ученый мущина равно могутъ читать съ пріятностію, какъ Душиньку такъ и Телемака. Похвалы и Лавры Делій конечно пріятны, но сочинитель книгъ есть различное существо отъ щоголя или красавца, ищущаго нравиться женщинамъ, а потому и честолюбіе ихъ должно быть различное: красавцу прилично желать похвалъ отъ *пригожихъ* Делій, но сочинителю нужны рукоплесканія *умныхъ* Делій, умѣющихъ не объ одномъ цвѣтѣ кафтана, но такожъ и о красотѣ сочиненій разсуждать здраво и справедливо, или лучше сказать, ему нуженъ тотъ лавръ, которой надѣнутъ на него не женщины и не мущины, но знатоки, какого бы ни были они пола. Меркурій говоритъ: *лавры изъ рукъ женщины любезной всегда почитаемы были за драгоцѣнную награду.* — По этому довольно для писателя славы, когда онъ понравится своей любовницѣ? Но естьли любовница его худо грамотѣ знаетъ, такъ не смѣшонъ ли онъ будетъ, что надѣтымъ отъ нее лавромъ станетъ гордиться?

Я не могу надивиться отколѣ такія ложныя понятія объ языкѣ родились въ умахъ нѣкоторыхъ нынѣшнихъ писателей нашихъ, утверждающихъ, что надобно старинный языкъ свой оставить, бросить, осмѣивать, презирать, и на мѣсто онаго переводить, выдумывать новыя выраженія, новыя слова, новыя рѣчи. Пускай не читаютъ они Рускихъ книгъ, и потому не могутъ чувствовать ни силы, ни богатства, ни красоты языка своего; но

по крайней мѣрѣ, читая Французскія книги, могли бы они видѣть, какимъ образомъ знаменитѣйшіе творцы ихъ разсуждаютъ о словесности и о правилахъ языка. Въ какомъ Французскомъ, Нѣмецкомъ, Англинскомъ, Италіянскомъ писателѣ найдемъ мы что либо подобное ихъ мыслямъ? Возмемъ, напримѣръ, Волтера, и посмотримъ, какъ разсуждаетъ онъ о семъ: при переводѣ извѣстныхъ изъ Шакеспировой трагедіи Гамлета стиховъ: *to be, or not to be*, говоритъ онъ: *„не подумайте, чтобъ я перевелъ здѣсь Англинское изъ слова въ слово; горе тѣмъ рабственнымъ переводчикамъ, которые, гоняясь за каждымъ словомъ, отъемлютъ у мысли силу! Здѣсь-то прилично сказать, что слово убиваетъ, а разумъ животворитъ."* *) — Но когда мы старыя выраженія и слова пренебрегать будемъ, то чтожъ останется намъ, какъ не заимствовать ихъ, сирѣчь переводить изъ слова въ слово? Заглянемъ въ книги новыхъ нынѣшнихъ писателей, не вездѣ ли увидимъ мы въ нихъ сей рабсловный переводъ? Французъ скажетъ: *y a-t-il une gradation plus marquée?* и мы говоримъ за нимъ: *есть ли постепенность означеннѣе сей?* Французъ скажетъ: *quel tableau interessant!* и мы за нимъ говоримъ: *какая занимательная картина?* Французъ скажетъ: *quel endroit pittoresque!* и мы за нимъ говоримъ: *какое живописательное мѣсто!* сего еще мало; мы пишемъ: *картиннѣе, напряженнѣе, человѣчнѣе*, и тому подобное. Какъ! весь этотъ вздоръ будутъ выдавать мнѣ за *утонченныя понятія*, какихъ предки наши не имѣли; за богатство, за красоту языка, и я не буду этому смѣяться! не скажу вмѣстѣ съ Волтеромъ: *„несвой-*

---

*) Ne croyez pas que j'aie rendu ici l'Anglois mot pour mot; malheur au faiseurs de traduction littérale, qui traduisant chaque parole énervent le sens! c'est bien là qu'on peut dire, que la lettre tue, est que l'esprit vivifie.

ственность словъ есть порокъ наиболѣе господствующій въ худыхъ сочиненіяхъ! *) или вмѣстѣ съ Фресне-Вокелиномъ, стариннымъ Французскимъ писателемъ: *„стихотворецъ! надлежитъ и въ стихахъ, равно какъ и въ прозѣ, отнюдь не забывать великой сладости и чистоты, какихъ языкъ нашъ требуетъ; должно наблюдать всякую ясность, и не смотрѣть на юность смѣлую, кропающую съ вѣтренностію и легкомысліемъ новыя слова!“* **) Спросятъ: какъ же писать, какъ переводить? въ книгѣ моей, и въ примѣчаніяхъ моихъ на письмо деревенскаго жителя довольно я о семъ толковалъ: языкъ устанетъ болтать все объ одномъ. Въ другомъ мѣстѣ Волтеръ разсуждая объ языкахъ говоритъ: *„всѣ языки, подобно намъ, не совершенны. Какъ въ языкахъ, такъ и въ законахъ, меньше несовершенные и лучшіе суть тѣ, въ которыхъ меньше самопроизвольнаго.“* — ***) Но когда каждый изъ насъ, прочитавъ романа два три Французскихъ, и научась изъ нихъ называть дѣдушекъ своихъ варварами, станетъ поправлять языкъ ихъ премудрыми своими выдумками, то не все ли будетъ въ немъ произвольное, сирѣчь ни на чемъ неоснованное, нескладное, не понятное? Волтеръ продол-

*) L'impropriété des termes est le défaut le plus commun dans les mauvais ouvrages.

**) . . . . Il faut en la prose,
Poëte, n'oublier aux vers aucune chose
De la grande douceur, et de la pureté
Que notre langue veut sans nulle obscurité:
Et ne recevoir plus la jeunesse hardie,
À faire ainsi des mots nouveaux à l'étourdie.
(Art poëtique du Fresnaie-Vauquelin).

***) Toutes les langues sont imparfaites comme nous. Les moins imparfaites sont comme les loix: celles dans les quelles il y a le moins d'arbitraire sont les meilleurs. (Voyez langues, diction, Philosophie).

жаетъ: *„лучшій изъ языковъ долженъ быть тотъ, который вкупѣ и изобильнѣе другихъ, и звучнѣе, и разнообразнѣе въ оборотахъ своихъ, и правильнѣе въ теченіи своемъ; тотъ, въ которомъ больше составныхъ словъ, который произношеніемъ своимъ лучше выражаетъ и тихія и быстрыя движенія души, который походитъ больше на музыку — выраженія музыки зависятъ отъ долгихъ и короткихъ слоговъ."* — *) Всѣ сіи свойства въ превосходномъ степени имѣетъ Славено-Россійской нашъ языкъ, которой, какъ говоритъ Меркурій, писатели нынѣшніе уничтожить вознамѣрились. Волтеръ исчисляя недостатки, существующіе въ языкахъ, между прочимъ говоритъ: *„надлежало бы, чтобъ крикъ каждаго животнаго отличался особливымъ словомъ. Не имѣть выраженія, означающаго птичій или ребячей крикъ, и называть толь различныя между собою вещи одинакимъ именемъ, есть превеликая скудость языка. Слово vagissement, происходящее отъ Латинскаго vagitus, могло бы весьма хорошо выражать вопль младенца въ колыбели."* — **). Защитники чужеязычія, которые говорятъ: *„по чему Французскія слова не должны быть у насъ терпимы? Всѣ языки составились одинъ изъ другаго обмѣномъ взаимнымъ.* —

---

*) Le plus beau de tous les langages doit être celui qui est à la fois le plus complet, le plus sonore, le plus variè dans ses tours et le plus regulier dans sa marche; celui qui a le plus de mots composés, celui qui par sa prosodie exprime le mieux les mouvemens lens ou impetueux de l'ame, celui qui ressemble le plus à la musique. — L'expression de la musique depend des syllabes longues et brèves.

**) Il faudrait que le cri de chaque animale eût un terme qui le distingât. C'est une disette insupportable de manquer d'expression pour le cri d'un oiseau, pour celui d'un enfant; et d'appeler des choses si différentes du même nom. Le mot de *vagissement*, derivé du latin *vagitus*, aurait exprimé très-bien le cri des enfans au berceau.

Французы приняли слова Греческія, Латинскія, и даже Италіянскія. — По чему намъ однимъ не занимать? мы ли первые начали? и проч." (Мерк. стр. 165). — Защитники, говорю, чужеязычія, прочитавъ сіе, скажутъ: вотъ и Волтеръ велитъ брать слова изъ другаго языка! сочинитель сихъ примѣчаній *самъ на себя подаетъ оружіе!* (Мерк. стран. 168. — Господа защитники не такъ понимаютъ вещи, какъ ихъ понимать должно. Италіянской и Французской языки суть дѣти Латинскаго языка: дѣтямъ сродно заимствовать отъ отца, поелику главную часть первообразныхъ словъ и понятій своихъ получили они отъ него. О томъ самомъ и я въ книгѣ моей толкую, что должно производить и почерпать слова отъ корня и отъ источника оныхъ. Волтеръ здѣсь не токмо согласно съ мнѣніемъ моимъ говоритъ, но еще большаго требуетъ, чѣмъ я: ибо хотя Французской языкъ и происходитъ отъ Латинскаго, однакоже не такъ близокъ къ оному, какъ нашъ Россійскій къ Славенскому, между которыми даже никакаго существеннаго раздѣленія полагать не можно. Итакъ, когда знаменитый писатель сей, будучи Французомъ, велитъ, для обогащенія языка своего, почерпать слова изъ Латинскаго, довольно уже отдаленнаго отъ нихъ языка; то какъ же будучи Рускимъ, не велѣлъ бы онъ намъ почерпать словъ изъ ближайшаго къ намъ и природнаго языка нашего Славенскаго? Что касается до Греческихъ словъ, то хотя нѣкоторыя и вошли изъ нихъ во Французской языкъ, чрезъ Латинскій; однакоже Французы никогда не испещряли ими слога своего. Было время, когда нѣкоторые писатели ихъ, какъ то: Ронсаръ и другіе, привязываясь къ Греческому языку, такъ точно, какъ мы къ Французскому, писали:

> Ah! que je suis marry que ma Muse Françoise
> Ne peut dire ces mots comme fait la Grégeoise:

Ocymore, Dyspotme, Oligochronien!
Certes, je les dirois du sang Valésien.

Но за то Буало смѣялся надъ такимъ языкомъ ихъ, и обличалъ странность онаго симъ Ронсаровымъ стихомъ, которой написалъ онъ въ Сонетѣ къ своей любовницѣ:

Etes vous pas ma seule Entéléchie?

Сколько бы нашихъ стиховъ съ *Геніями* и *Гармоніями* сдѣлались похожими на сіи Французскіе стихи съ *Ентелехіями* и *Олигохроніями*, естьлибъ у насъ былъ Буало! Впрочемъ Волтеръ справедливо жалуется на скудость языка своего; но естьли бы онъ былъ Россійскій писатель, то не имѣлъ бы никакой причины жаловаться! у насъ есть слова, выражающія разные крики животныхъ. Мы говоримъ: левъ рыкаетъ, медвѣдь реветъ, лошадь ржетъ, лисица лаетъ, собака брешетъ, овца блеетъ, свинья визжитъ, боровъ хрюхаетъ, корова мычитъ, кошка мяучитъ, гусь гогочетъ, утка квакаетъ, кукушка кукуетъ, воробей чиркаетъ, соловей поетъ, кузнечикъ цикаетъ, и почти для каждаго крика животнаго найдемъ особливое названіе. Мы даже беременность многихъ животныхъ словами своими различать можемъ: овца суягна, корова стѣльна, свинья супороса, сука щонна, и проч. Волтеръ говоритъ: *„невѣжество ввело другое употребленіе во всѣ новѣйшіе языки. Многіе слова перемѣнили свое знаменованіе.* Idiot *значило пустынника,* *нынѣ значитъ дурака;* Epiphanie *значило поверхность,* *нынѣ значитъ крещеніе.“* — *) Не то ли же самое и

---

*) **L'ignorance a introduit un autre usage dans toutes les langues modernes. Mille termes ne signifient plus ce qu'ils doivent signifier. *Idiot* voulait dire *solitaire*, aujourd'hui il veut dire *sot*; *Epiphanie* signifait *superficis*, c'est aujourd'hui la fête des trois rois.**

съ нами дѣлается? Можемъ ли мы вникать въ силу и знаменованіе словъ своихъ, когда станемъ отъ корня языка своего удаляться? не впадемъ ли мы наконецъ въ совершенное неразумѣніе другъ друга, когда однѣ и тѣжъ самыя слова одинъ изъ насъ будетъ употреблять въ настоящемъ Рускомъ, а другой во Французскомъ знаменованіи? Руской человѣкъ говорить будетъ: *занимать деньги*, а полуруской скажетъ: *деньги есть вещь занимательная*, и это по его значить будетъ *примангивая*. Руской говорить станетъ: *не трогай моей книги*, а полуруской скажетъ: *какая это трогательная книга!* Для чего же третьему, услыша этотъ новой языкъ, не говорить: *я хочу идти въ садъ, взять воздухъ, для того что время очень гулятельно?* Меркурій говоритъ обо мнѣ: *„сочинитель разсужденія о слогѣ не любитъ даже настоящихъ Рускихъ словъ, естьли нѣтъ ихъ въ книгахъ старинныхъ."* — Меркурій воленъ толковать меня по своему; мысли его ко мнѣ не прильнутъ, когда онѣ не мои. *Водоладъ, содометъ*, суть Рускія слова, хотя бы ихъ и не было въ старинныхъ книгахъ; но *означенный, исколодязить, прописанный*, (marqué, epuiser, proscrit), не будутъ никогда Рускими словами.

Естьлибъ вмѣсто иностранныхъ словъ *горизонтъ, атитюдъ, алея*, приняли мы Рускія слова: *обзоръ, постава. омѣна* *), и ввели бы ихъ въ употре-

*) Слова *постава*, *омѣна*, хотя не точно соотвѣтствуютъ Французскимъ словамъ *attitude*, *allée*, однако близкое къ нимъ знаменованіе имѣютъ: *не прельщайся лѣпотою и поставою, и прекраснымъ лицемъ: удобь бо сокрушаемо и изчезновенно есть.* (Алф. дух. л. 28). Здѣсь *постава* соотвѣтствуетъ больше Французскому слову *taille*, нежели слову *attitude*; но поелику слово *taille* весьма хорошо изображаемъ мы словомъ *станъ*, того ради *постава*, сообразуясь съ знаменованіемъ глагола *поставить*, совершенно можетъ

бленіе, такъ какъ введены слова *водопадъ* и *водометъ*, истребившія чужія названія *каскадъ* и *фонтанъ*; естьлибъ, говорю, мы такимъ образомъ старались отъискивать, опредѣлять слова, и распространять знаменованіе оныхъ, тогда бы конечно языкъ нашъ обогащался; но обогатится ли онъ *трогательностями, описывательностями, занимательностями, развивательностями, живописательностями, картинностями, гармонированіями, вдыхательностями, вливательностями въ себя*, и прочими сему подобными выраженіями, которыя называемъ мы *силою, остроуміемъ, мыслями, чувствованіями, цвѣтами поэзіи*, и которыя гораздо приличнѣе назвать самыми сильнѣйшими средствами къ отвращенію отъ чтенія писанныхъ симъ складомъ книгъ. Доказывать трудно, а злословить легко. — Но обратимся паки къ Волтеру. Онъ продолжаетъ: „*хорошіе писатели стараются всѣми силами опровергать худыя выраженія, невѣжествомъ распространяемыя, и которыя, чрезъ частое отъ несмысленныхъ писателей употребленіе, появ-*

выражать понятіе, заключающееся въ словѣ *attitude*. Чтожъ принадлежитъ до слова *омѣна* или въ множественномъ *омѣны*, що въ притчахъ Соломоновыхъ (гл. 7. ст. 25) находимъ мы: *нынѣ же сыне мой, послушай мене, и внимай глаголы устъ моихъ, да не уклонится въ пути ея* (прелестницы) *сердце твое, и да не прельстишися въ омѣнахъ ея*. (dans ses sentiers, Франц. auf ihren steigen, Нѣм.). Ясно, что слово *омѣны* значитъ здѣсь пути, стези, дорожки. Сіи дорожки во первыхъ долженствуютъ быть прекрасныя, веселыя, поелику ходитъ по онымъ женщина, любящая наслаждаться утѣхами жизни, и притомъ увѣщеваніе *да не прельстишися ими* даетъ о нихъ сіе понятіе; во вторыхъ по производству слова сего должно заключать, что онѣ суть короткія, часто прерывающіеся или *мѣняющіеся*. Итакъ разумъ ни съ какой стороны не препятствуетъ принятію и распространенію, или паче возобновленію знаменованія сихъ словъ.

ляются наконецъ въ вѣдомостяхъ и общенародныхъ писанїяхъ. — Другое слѣдствїе неправильности сихъ языковъ, составившихся случайно въ грубыя времена, есть множество сложныхъ именъ, простаго имени не имѣющихъ. Это дѣти потерявшїе своихъ отцевъ. Мы имѣемъ architraves, и не имѣемъ traves; есть у насъ architectes, и нѣтъ tectes; есть soubassement, и нѣтъ bassement; есть ineffables, и нѣтъ effables; есть intrépide, и нѣтъ trépide; есть impotent, и нѣтъ potent; есть inépuisable, и нѣтъ puisable. Мы говоримъ impudens, insolens, и не можемъ сказать ни pudens, ни solens; nonchalant значитъ лѣнивый, a chalant покупающїй." — *) Сїе Волтерово разсужденїе весьма справедливо; но укоризна его не столько обвиняетъ Французовъ, сколько насъ Руских. Французскія простыя въ сложныхъ словахъ заключающїяся имена можетъ быть издавна вышли изъ употребленія, такъ что ни въ какихъ старинныхъ книгахъ ихъ находить оныхъ уже не можно; а потому писатели ихъ виноваты тѣмъ только, что не старались вновь дать имъ знаменованїе и ввести въ употребленїе. У насъ совсѣмъ не то.

*) Les bons écrivains sont attentifs à combattre les expressions vicieuses que l'ignorance du peuple met d'abord en vogue, et qui, adoptées par les mauvais auteurs, passent ensuite dans les gazettes et dans les écrits publics. — Un autre effect de l'irrégularité de ces langues composées au hasard dans des temps grossiers, c'est la quantité de mots composés dont le simple n'existe plus. Ce sont des enfans qui ont perdu leur père. Nous avons des *architraves* et point de *traves*, des *architectes* et point de *tectes*, des *soubassemens* et point de *bassemens;* il y a des choses *ineffables* et point d'*effables*. On est *intrépide*, on n'est pas *trépide: impotent*, et jamais *potent;* un fond est *inépuisable*, sans pouvoir être *puisable*. Il y a des *impudens*, des *insolens*, mais ni *pudens*, ni *solens*: *nonchalant* signifie *paresseux*, et *chalant* celui qui achete.

Слова сіи и понынѣ въ старинныхъ книгахъ нашихъ существуютъ; но мы, новѣйшіе писатели, не читая книгъ сихъ, не токмо слова сіи бросаемъ, не токмо отстаемъ отъ нихъ, да еще и многія другія, самыя знаменательныя, по незнанію силы въ нихъ, также бросить хотимъ. Напримѣръ существительное имя *дѣтель* и глаголъ *дѣтельствовать*, нынѣ иначе неизвѣстны намъ, какъ въ словахъ *добродѣтель*, *благодѣтельствовать*; но въ священныхъ книгахъ имѣютъ они сами по себѣ свое знаменованіе: *Господи, не смущенъ помыслъ раба твоего соблюди, и всю сатанину дѣтель отжени отъ мене.* Или: *Владыко сый по существу, соединився рабомъ плотію, и видѣнъ былъ еси, намъ дѣтельствуя различное спасеніе Христе.* (мин. общ. л. 6). Мы не употребляемъ нынѣ словъ *ядца* или *ядецъ*, *піица* или *пивецъ*, иначе какъ въ словахъ *плотоядецъ*, *кровопіица* или *кровопивецъ*; но во многихъ мѣстахъ священнаго писанія ихъ находимъ: *Аще же яси и піеши, возглаголютъ на Тя, яко сей человѣкъ ядца и піица есть, другъ мытаремъ и грѣшникомъ.* (Ифика. л. 96). Для чего бы и нынѣ въ новѣйшемъ языкѣ нашемъ не сказать: *гнусенъ есть ядца плоти себѣ подобнаго?* или: *бездушенъ есть піица крови своего ближняго?* Во многихъ случаяхъ словъ сихъ не можемъ мы замѣнить другими: слѣдовательно онѣ надобны. При томъже слова сіи суть собственныя наши и не имѣютъ въ себѣ ничего безобразнаго: слѣдовательно никакому вкусу, никакому разуму, никакому уху, не могутъ или не должны быть противны, кромѣ развѣ тѣхъ вкусовъ, разумовъ и ушей, которыя отъ всего того отвращаются, что только звенитъ по Руски. Обратимся опять къ Волтеру. Онъ продолжаетъ: *,,Все согласуется портить языкъ нѣсколько обширный; писатели, искажающіе слогъ свой ложными украшеніями; тѣ, которые пишутъ въ чужихъ земляхъ, и примѣшиваютъ всегда къ природному языку своему нѣчто чужея-*

зычное; чужестранные остряки, которые не зная употребленія, вмѣсто: сей Князь хорошо воспитанъ, или имѣлъ хорошее воспитаніе, говорятъ: сей Князь получилъ хорошую воспитанность.“ — *) Волтеръ жалуется здѣсь на искаженіе языка своего живущими въ чужихъ земляхъ, и чужестранными писателями, приводя въ доказательство тому одинъ только примѣръ; но сколько же тысячъ таковыхъ примѣровъ найдемъ мы въ новыхъ нашихъ книгахъ, и сколько у насъ есть такихъ писателей, которые не выѣзжая никуда изъ Россіи пишутъ не по Руски? Волтеръ продолжаетъ: *„изъ того, что всякой языкъ не совершенъ, не слѣдуетъ, что должно перемѣнить оный: надлежитъ непремѣнно держаться того, какъ хорошіе писатели говорили, и когда есть достаточное число доброхвальныхъ писателей, тогда языкъ утвержденъ. Сего ради не можно ничего перемѣнить ни въ Италіянскомъ языкѣ, ни въ Гишпанскомъ, ни въ Англинскомъ, ни во Французскомъ, безъ того, чтобъ не испортить оныхъ. Причина сему весьма очевидна: ибо книги, которыя служатъ къ наставленію и удовольствію народовъ, вскорѣ сдѣлаются не вразумительны.“* — **) Похожи ли сіи

*) Tout conspire à corrompre une langue un peu etendue; les auteurs qui gatent le style par affectation; ceux qui ecrivent en pays etranger, et qui melent presque toujours des expressions etrangères à leur langue naturelle; les beaux esprits des pays etrangers qui ne connoissant pas l'usage vous disent qu'un jeune prince a été très bien *éduqué*, au lieu de dire qu'il a reçu une bonne education.

**) Toute langue étant imparfaite, il ne s'ensuit pas qu'on doive la changer. Il faut absolument s'en tenir à la maniere dont les bons auteur l'ont parlée; et quand on a un nombre suffisant d'auteurs approuvés, la langue est fixée. Ainsi on ne peut plus rien changer à l'Italien, à l'Espagnol, à l'Anglois, au Français, sans le corrompre. La raison, en est claire, c'est qu'on rendroit bientôt intelligibles les livres qui font l'instruction et le plaisir des nations.

Волтеровы разсужденія на то, что надобно двѣ трети языка своего бросить, и коренную силу и богатство его замѣнить новымъ никому не вразумительнымъ чужесловіемъ? Кажется при таковыхъ умствованіяхъ Волтеръ прочитавъ книгу мою о старомъ и новомъ слогѣ не сталъ бы, такъ какъ Меркурій, осмѣивать меня, для чего желающимъ писать совѣтую я упражняться больше въ чтеніи Славенскихъ книгъ. Правда, что Волтеръ можетъ быть и не умѣлъ такъ хорошо разсуждать объ искуствѣ языка своего, какъ издатель Московскаго Меркурія!

Меркурій говоритъ про меня, что я съ удивительнымъ терпѣніемъ разсмотрѣлъ нѣсколько сотенъ дурныхъ фразъ: разсмотримъ и здѣсь съ тѣмъже удивительнымъ терпѣніемъ еще нѣсколько сотенъ изрыгнутыхъ противъ книги моей несправедливыхъ его толковъ и обвиненій. Онъ на стран. 189 говоритъ:

„Всего непріятнѣе видѣть фразы господина К. . . . перемѣшанныя въ сей книгѣ съ фразами ученическими, и писателя, которому наша словесность такъ много обязана, поставленнаго на ровнѣ съ другими. По щастію всеобщее и отличное къ нему уваженіе, котораго онъ ежедневно получаетъ новыя доказательства, не зависитъ отъ мнѣнія одного человѣка. Г. К. . . . . сдѣлалъ эпоху въ Исторіи Рускаго языка. Такъ мы думаемъ, и, сколько намъ извѣстно, такъ думаетъ публика. Сочинитель разсужденія о слогѣ думаетъ иначе: но противурѣча мнѣнію всеобщему, надлежало кажется говорить не столь утвердительно; надлежало вспомнить, что одинъ человѣкъ можетъ ошибиться; а тысячи, когда судятъ по вещамъ очевиднымъ, рѣдко ошибаются. Г. К. . . . сдѣлался извѣстнымъ всему ученому свѣту; его сочиненія переведены на разные языки, и приняты вездѣ съ величайшею похвалою: какъ патріоты, мы должны бы радоваться славѣ, которую соотечественникъ нашъ прі-

обрѣтаетъ у народовъ чужестранныхъ, а не стараться затмить ее!“ —

Что отвѣчать на сіе Цицероново за Архія слово? Кто устоитъ противу силы сего неоспоримаго доказательства: *мы, издатель Московскаго Меркурія, такъ думаемъ, слѣдовательно и вся публика, весь свѣтъ, такъ думаетъ?* Чѣмъ опровергнуть сей неопровергаемый доводъ: *Сочинитель разсужденія о слогѣ не можетъ судить по вещамъ очевиднымъ, и потому ошибается; а я, издатель Московскаго Меркурія, сужу по вещамъ очевиднымъ, и потому не ошибаюсь?* Какое логическое заключеніе можетъ быть справедливѣе сего: *сочинитель разсужденія о слогѣ одинъ; а я, издатель Московскаго Меркурія, хотя одинъже, однако именемъ многихъ тысячъ человѣкъ, именемъ всѣхъ славныхъ и великихъ нынѣшнихъ писателей, именемъ всѣхъ Европейскихъ народовъ, именемъ всего ученаго свѣта, утверждаю, что онъ противурѣчитъ всеобщему мнѣнію, и что книга его никуда не годится?* Оставимъ сіи яснѣйшія солнца истины, и скажемъ только о томъ, о чемъ необходимо сказать должно. Меркурій упоминаетъ здѣсь о господинѣ К. . . . , котораго я лично не имѣю чести знать, и какъ сочинитель самъ не есть сочиненная имъ книга, то, по долгу уваженія къ именамъ людей, и не считалъ бы я себя въ правѣ входить о немъ въ какія либо разсужденія или толки, естьли бы не вынужденъ къ тому былъ издателемъ Меркурія, которой говоритъ, что я фразы сего писателя поставилъ на-ровнѣ съ фразами ученическими. Я нигдѣ въ книгѣ моей не говорилъ о господинѣ К. . . . , и не только никого не назвалъ въ ней по имени, но даже и о заглавіи тѣхъ книгъ, изъ которыхъ выбиралъ я несвойственныя языку нашему рѣчи, отнюдь не упомянулъ. Слѣдовательно съ моей стороны самымъ строжайшимъ образомъ соблюдена была вся возможная скромность. Чтожъ

принадлежитъ до того, что издатель Меркурія укоряетъ меня, для чего я рѣчи сіи напечаталъ, поставляя мнѣ въ вину, что хотя о сочинителяхъ ихъ и не сказано, однако *всякой изъ нихъ узнаетъ свои*, то во первыхъ, естьли бы я сего не сдѣлалъ, такъ бы мнѣ и доказательствъ моихъ составить было не изъ чего, и книга моя не могла бы существовать, поелику вся цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобъ показать, какимъ образомъ прилѣпляясь къ чужому языку, и удаляясь отъ своего собственнаго, портимъ мы оный. Во вторыхъ, читая журналы, я не обязанъ справляться, чья эта сказочка, или чья эта пѣсенка; да хотя бы въ заглавіи книги и поставлено было имя сочинителя, то и тогда не имя его за книгу, но книга сама за себя отвѣчать долженствуетъ. Пускай въ сочиненіяхъ моихъ находятъ погрѣшности противъ чистоты слога и языка; я радъ буду, когда кто меня въ томъ поправитъ. Вздорному и не смысленному сужденію я смѣяться стану, но справедливое и дѣльное приму съ благодарностію *). Итакъ естьли въ выше-

*) Издатель Меркурія на страницѣ 192 говоритъ: „*пускай другіе хвалятъ критику; а по нашему критика есть дѣло весьма непріятное! мы сами не одинъ разъ жалѣли, что принялись за сей Журналъ. Не одинъ разъ думали: какая надобность была огорчать людей, можетъ быть добрыхъ и почтенныхъ? какая надобность была искать славы Фрерона, котораго имя Волтеръ умѣлъ сдѣлать обиднымъ?*“— Издатель Меркурія раскаивается здѣсь и спрашиваетъ, какая надобность была ему искать славы Фрерона; но кто же объ этомъ можетъ лучше знать, какъ не онъ самъ? Впрочемъ мнѣ кажется никакіе Волтеры не могли бы дѣлать людей Фреронами, когда бы не сами они сочиненіями своими дѣлали себя таковыми. Благонамѣренное разсматриваніе книгъ и замѣчаніе погрѣшностей для извлеченія изъ того пользы, есть отнюдь не предосудительное дѣло, и не долженствующее никого огорчать. Волтеръ разсма-

упомянутыхъ собранныхъ въ книгѣ моей примѣрахъ и попались нѣкоторыя рѣченія писателя впрочемъ достойнаго и почтеннаго, то хотя я и весьма о томъ сожалѣю, однакожъ надѣясь на благосклонность моихъ читателей, въ томъ числѣ и на сего самаго писателя естьли онъ удостоитъ меня прочитать, уповаю, что не всѣ они, согласно съ издателемъ Московскаго Меркурія, поставятъ мнѣ это въ такое преступленіе, какъ будто бы оскорбилъ я нѣчто священное, и не достоинъ уже, чтобъ земля меня носила. Самъ издатель Меркурія, говоря о Ломоносовѣ, ссылается на стихъ:

И въ солнцѣ и въ лунѣ есть темныя мѣста.

По чемуже не могу я сослаться на тотъже стихъ, говоря о комъ бы то ни было? Я самъ могу находить слогъ его пріятнымъ и многія мѣста въ сочиненіяхъ его читать съ удовольствіемъ, но естьли бы въ иныхъ и не былъ я съ нимъ согласенъ, такъ изъ сего не слѣдуетъ еще кричать на меня: *какъ ты осмѣлился найти нѣчто худое въ писателѣ, извѣстномъ всему ученому свѣту! ты одинъ, а насъ тысячи! наше мнѣніе есть мнѣніе всеобщее!* — Государи мои! сколькобъ васъ ни было, сотни или тысячи, но

творивая Корнелія сдѣлалъ великую услугу упражняющимся въ стихотворствѣ. Лонгинъ выписывалъ многія мѣста изъ Греческихъ писателей, для показанія хорошихъ и худыхъ примѣровъ. Естьли бы и у насъ кто, съ проницательнымъ умомъ и хорошимъ въ языкѣ своемъ знаніемъ, взялся разсмотрѣть сочиненія Ломоносова или Сумарокова, то принесъ бы не малую услугу нашей словесности. Итакъ судить о книгахъ позволяется; но клепать на сочинителя, переворачивать его слова съ умысломъ, дабы дать имъ иной смыслъ, иной толкъ: вотъ это не позволительно и есть дѣло наемныхъ писателей, Фрероновъ.

вѣ словесности дѣла рѣшатся не по числу голосовѣ *). Я не указываю ни на кого лично, не говорю ни о какой сдѣланной вѣ исторіи Рускаго языка эпохѣ, но разсуждаю вообще, что если оная сдѣлана, такѣ это очень худо; ибо естьли *сдѣлать эпоху* значитѣ *произвесть нѣкоторую перемѣну въ слогѣ*, то вѣ книгѣ моей пространно и ясно показано, какая перемѣна воспослѣдовала сѣ языкомѣ нашимѣ, и что мы наполняя слогѣ свой чужеязычіемѣ, не токмо отѣ истиннаго краснорѣчія удаляемся, но и совсѣмѣ невразумительны становимся. Меркурій говоритѣ обо мнѣ, что я *нѣсколько сотенъ дурныхъ фразъ разсмотрѣлъ съ удивительнымъ терпѣніемъ*, но сіи *дурныя* фразы выбралѣ я изѣ разныхѣ сочиненій, и естьли бы взялѣ на себя еще больше терпѣнія, такѣ бы могѣ показать нѣсколько сотенѣ книгѣ, писанныхѣ такимѣже языкомѣ, и наполненныхѣ такимиже фразами. Меркурій говоритѣ: *это доказываетъ только, что у насъ много дурныхъ писателей, въ чемъ никто еще не сомнѣвался.* — Не дурныхѣ, но худыхѣ; слово *дуренъ* относится больше кѣ лицу. — Да худыхѣ-то отѣ того много, что они, не различая хорошаго слога отѣ худаго, подражаютѣ худому и щеголяютѣ чужеязычіемѣ. Тѣ

---

*) Въ книгѣ моей называю я нынѣшними писателями худыхъ писателей, которые безобразятъ слогъ свой новымъ доселѣ неслыханнымъ чужеязычіемъ, какъ и самъ Меркурій говоритъ, что у насъ ихъ много. Прочіе же писатели, которые украшаютъ нынѣ словесность нашу, потому нейдутъ подъ сіе названіе, что они пишутъ обыкновеннымъ чистымъ и хорошимъ Рускимъ слогомъ. Итакъ я не знаю по чему то, что я говорилъ о худыхъ писателяхъ, господинъ Меркурій съ *товарищи* относитъ къ себѣ, и словно какъ бы ихъ было особливое какое гнѣздо, или рой пчелъ съ маткою, говоритъ вездѣ въ множественномъ числѣ: *насъ тысячи! мы хотимъ сочинять фразы! хотимъ проиг-*

же бы самые писатели были хороши, естьли бы они побольше въ языкѣ своемъ упражнялись, и узнали бы настоящую его силу и красоту. Но къ чему распространяюсь я о томъ, что само по себѣ такъ ощутительно и очевидно? Впрочемъ господинъ Меркурій напрасно меня винитъ, будто я стараюсь затмить славу писателя, котораго онъ именуетъ. Я ни чьей славы затмѣвать не хочу; а желаю общаго добра, какое происходить можетъ отъ любленія природнаго языка своего, и отнюдь не думаю, чтобъ человѣкъ справедливый и благомыслящій могъ въ примѣчаніяхъ моихъ находить какую нибудь личность или пристрастіе. Мнѣніе мое не есть законъ; но и намѣреніе мое не есть злословіе.

Я не стану говорить здѣсь о разбираніи достоинства слога моего: о томъ, что издатель Меркурія изъ множества приведенныхъ мною худыхъ рѣченій защищаетъ только одно: *когда путешествіе сдѣлалось потребностію души моей* *) о томъ,

---

водить слова: я никому не запрещаю, и запретить не могу, сочинять фразы и производить слова съ Французскаго, съ Греческаго, съ Арабскаго языка, съ какова кто хочетъ; но по чемуже запрещается мнѣ говорить о сихъ фразахъ и словахъ? Мастерскія ли онѣ, или ученическія, но когда худы, такъ худы. On sera ridicule, et je n'oserai rire! говоритъ Буало.

*) Меркурій говоритъ: *безъ всякаго сомнѣнія можно путешествіе назвать потребностію души: тѣло имѣетъ потребности физическія, а душа моральныя.* Господинъ защитникъ не то защищаетъ, что надобно: это и безъ него всякъ знаетъ; но выраженіе: *путешествіе сдѣлалось потребностію души моей*, по несовмѣстности велерѣчія своего столько же не хороша, какъ бы кто сказалъ; *при такомъ жестокомъ холодѣ теплая горница сдѣлалась*

что я окончаніе стиховъ Сумарокова въ разныхъ мѣстахъ повторилъ три раза, — о томъ, что приложенное при концѣ книги моей письмо отъ защитника Французскаго языка не принесетъ мнѣ славы *), о томъ, что рѣчь мою: *хотя уже и прежде васъ большею частію нынѣшнихъ писателей, въ разсужденіи страннаго слога ихъ, былъ я недоволенъ,* нынѣшніе писатели сказали бы *какъ нибудь* яснѣе. **) — о томъ, что другую рѣчь мою: *всѣ сіи, требующія великаго упражненія, искуства въ языкѣ и размышленія, трудности, и притомъ и малыя способности мои, не позволили сдѣлать мнѣ лучшаго и пространнѣйшаго словарю сему опыта,* надобно не одинъ разъ прочитать, дабы ее понять. ***) о томъ, что въ словахъ моихъ: *мысль его на его языкѣ хороша,* два раза сказа-

---

потребностію тѣла моего. Меркурій говоритъ, что *единое изъ вожделѣннѣйшихъ желаній моихъ*, есть тоже, что *единое изъ желаннѣйшихъ желаній моихъ.* Не правда, господинъ Меркурій! вожделѣніе значитъ нѣчто болѣе, чѣмъ желаніе: и потому *единое изъ вожделѣннѣйшихъ желаній моихъ,* есть точно тоже, какъ бы сказано было: *единое изъ любезнѣйшихъ*, *изъ пріятнѣйшихъ желаній моихъ.* Вознесливость есть почти тоже что гордость, однакоже нѣгдѣ о порокѣ пьянства прекрасно сказано: *растетъ въ вознесливыхъ гордость, злоба въ завистныхъ, въ жестокихъ лютость.* Дабы умѣть разсматривать чужія сочиненія, надобно знать силу языка своего.

*) Можетъ быть оно не хорошо по тойже самой причинѣ, по какой зеркало худо для непригожихъ женщинъ.

**) Слова *какъ нибудь* не ясно ли доказываютъ, что рѣчь нынѣшнихъ писателей гораздо лучше моей? Какой читатель не повѣритъ толь сильному доказательству.

***) Меркурій полагаетъ заключающуюся въ сей рѣчи моей неясность въ томъ, что сказано *сдѣлать мнѣ*, а не *мнѣ сдѣлать*.

но *его*. — о томъ, что вмѣсто *работы* поставлено *работу*, и пр. и пр. — Благодарю господина Меркурія за поправленіе нѣкоторыхъ опечатокъ въ книгѣ моей, и обѣщаю ему, что впредь буду осторожнѣе смотрѣть за наборщиками. — Пропустимъ также разныя сдѣланныя мнѣ наставленія. Пропустимъ укоризны, что я осуждая употребленіе иностранныхъ словъ пишу самъ: *единоцентренный, метафорическій, текстъ, проза*, и пр. *) Пропустимъ толкованіе о словахъ и о томъ, что Нѣмецкое слово *кучеръ* сдѣлалось пребогатымъ Россійскимъ словомъ **). Пропустимъ и другое многое: ибо на-

---

*) О техническихъ и вообще объ иностранныхъ словахъ говорилъ я довольно пространно въ примѣчаніяхъ моихъ на письмо Кадомскаго или деревенскаго жителя. См. отъ стран. 387 по 405.

**) Издатель Меркурія между прочими о словахъ толкованіями на стран. 168 говоритъ: *вмѣсто вліянія онъ* (сочинитель разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ) *велитъ писать наитствованіе, вмѣсто развитія прозябеніе понятій. Не говоримъ уже, что писатель обязанъ имѣть нѣкоторое уваженіе къ общему вкусу: но чѣмъ можно доказать, что въ старину производили слова правильнѣе? кто знаетъ не ошибались ли тогда болѣе нынѣшняго? какая старинная Грамматика рѣшитъ сей вопросъ?* — Всякой рѣшитъ вопросъ сей и прочитавъ книгу мою скажетъ: въ ней ясно выведено, что слова *наитствованіе* и *прозябеніе* точно въ тѣхъ смыслахъ употреблялись, въ какихъ употребляются нынѣ слова *вліяніе* и *развитіе*, переведенныя съ Французскихъ словъ influance и dévelopрement. Оставлять собственныя свои слова, и вмѣсто ихъ выдумывать новыя переводныя съ чужаго языка, есть не обогащеніе, но порча языка своего. Тѣ самыя понятія, которыя давно уже въ старинныхъ книгахъ нашихъ существуютъ, называть *утонченными* и *новыми* для того только, что мы книгъ своихъ не читаемъ и не знаемъ языка своего, есть невѣжество. Утверждать, что общій вкусъ состоитъ не въ здравомъ разсудкѣ, но въ привязанности къ слову *вліяніе* или *наит-*

скучитъ поднимать всякую соринку тамъ, гдѣ ихъ много на полу валяется. Остановимся на слѣдующемъ главномъ обвиненіи, на томъ, которое понудило меня написать сіи мои примѣчанія. Издатель Меркурія на стран. 170 говоритъ:

„*Не ужели сочинитель для удобнѣйшаго возстановленія стариннаго языка, хочетъ возвратить насъ и къ обычаямъ и къ понятіямъ стариннымъ?.... Мы не смѣемъ остановиться на сей мысли: однакожъ, что иное подумать, приводя всѣ его разсужденія въ систему? что подумать, читая* (*стран.* 220): „народъ, которой все перенимаетъ у другаго, его воспитанію, его одеждѣ, его обычаямъ послѣдуетъ, такой народъ уничижаетъ себя, и теряетъ собственное свое достоинство?“

Прежде нежели я объясню свой образъ мыслей и тотъ, которой въ сей сдѣланной мнѣ укоризнѣ заключается, примѣтимъ, что господинъ Меркурій, выписывая изъ книги моей слова, всегда пропускаетъ то, къ чему я ихъ сказалъ. Онъ не ошибается думая: *такимъ образомъ могу я удобнѣе дать имъ свой толкъ.*' Но вѣдь книга моя напечатана, можно въ нее заглянуть и справиться. Я разсуждая въ ней о воспитаніи дѣтей нашихъ иностранцами,

---

ствованіе, есть утверждать нѣчто странное. Дѣлать вопросъ: *чѣмъ можно доказать, что въ старину производили слова правильнѣе?* есть не знать о чемъ спрашиваешь; ибо по этому можемъ мы и всѣ слова языка нашего перемѣнять, утверждаясь на томъ, что мы умнѣе тѣхъ, которые прежде ихъ выдумали. — Вотъ что скажетъ благоразумный читатель, прочитавъ книгу мою и возраженіе на оную господина Меркурія.

именно опредѣляю, какое воспитаніе почитаю я хорошимъ и какое худымъ. Вотъ что я въ разныхъ мѣстахъ книги моей о семъ говорю въ первомъ мѣстѣ: *Подъ именемъ воспитанія разумѣю я больше полезный отечеству духъ, нежели легкое тѣлодвиженіе,* (стран. 225). Кажется полезный отечеству духъ не есть невѣжество. — Во второмъ мѣстѣ: *Когда мы сближились съ чужестранными народами, а особливо съ Французами, тогда вмѣсто занятія отъ нихъ единыхъ токмо полезныхъ наукъ и художествъ, стали перенимать мѣлочные ихъ обычаи, наружные виды, тѣлесныя украшенія, и часъ отъ часу болѣе дѣлаться совершенными ихъ обезьянами. Все то, что собственное наше, стало становиться въ глазахъ нашихъ худо и презрѣнно. Они учатъ насъ всему: какъ одѣваться, какъ ходить, какъ стоять, какъ пѣть, какъ говорить, какъ кланяться, и даже какъ сморкать и кашлять. Мы безъ знанія языка ихъ почитаемъ себя невѣждами и дураками. Пишемъ другъ къ другу по Французски. Благородныя дѣвицы наши стыдятся пѣть Рускую пѣсню, и проч.* (стр. 251). Кажется и здѣсь желать, чтобъ мы украшались полезными знаніями, а не постыднымъ заимствованіемъ пустыхъ и посмѣянія достойныхъ вещей, не есть желать зла и невѣжества. — Въ третьемъ мѣстѣ: *Когда и самый благоразумный и честный чужестранецъ не можетъ безъ нѣкотораго вреда воспитать чужой земли юношу, то какой же произведутъ вредъ множество таковыхъ воспитателей, изъ коихъ главная часть состоитъ изъ невѣждъ и развращенныхъ правилъ людей* *)? *Съ нравственностію не то дѣлается, что*

*) Издатель Меркурія дѣлаетъ мнѣ превеликіе упреки за сіе, по мнѣнію его, гнѣва небесъ достойное выраженіе, сказанное, какъ онъ говоритъ, мною къ поношенію иностранцевъ, а болѣе Французовъ, здѣшнихъ учителей. Но онъ забылъ, что это не мои слова, а бывшаго здѣсь при посольствѣ, въ царствованіе Государыни Елисаветы Пе-

съ естественностїю: курица высиженная и вскормленная уткою останется курицею, и не пойдетъ за нею въ воду; но Руской, воспитанной Французомъ, всегда будетъ больше Французъ, нежели Руской. (*стран.* 253). Здѣсь также усердное желанїе, чтобъ мы любили свое отечество, гордились именемъ Россїянина, и влагали бы чувства сїи въ дѣтей нашихъ, не есть пре-

---

тровны, Француза Мессалье, изъ которого въ книгѣ моей приложена выписка. Меркурїй вопїетъ: „*жаль, что мы, любя хвалиться гостепрїимствомъ, позволяемъ себѣ оборгать безъ надобности людей, которыхъ сами вызвали, приняли, обласкали; которые живутъ здѣсь подъ защитою Правительства и законовъ, полагая не только жизнь, но и честь свою въ безопасности у народа дружественнаго.*“ Что слово, то неправда. Во первыхъ ни чья здѣсь честь не оскорбляется. Благоразумные и честные Французы сами съ мнѣнїемъ моимъ согласны: свидѣтельствуютъ въ томъ вышепомянутый Мессалье, и всѣ тѣ, съ которыми мнѣ самому разговаривать случалось. Во вторыхъ, мы ихъ не вызываемъ для воспитанїя нашихъ дѣтей, да и сдѣлать сего не льзя: вызываютъ только извѣстныхъ людей. Однимъ Государямъ сїе возможно, и то не всегда. Но какой извѣстной человѣкъ, какой Аламбертъ, или Руссо, оставя отечество свое, поѣдетъ въ Калугу, въ Осташковъ, въ Тверь, въ Олонецъ, воспитывать дворянскаго сына, за которымъ всего имѣнїя полтараста душъ? — Естьли издатель Меркурїя подъ словомъ *вызвали* разумѣетъ времена ПЕТРА Великаго, когда иностранцы приглашаемы были въ Россїю, то и тогда вызывались корабельные мастера, хлѣбопашцы, художники, а не учители для воспитанїя нашихъ дѣтей. Наконецъ скажу и то, что естьлибъ, вѣря чудесамъ, и положить, что изъ прїѣзжающихъ сюда Французовъ, обирающихъ насъ и послѣ ругающихъ въ книгахъ своихъ, всѣ безъизъятїя суть люди добропорядочные и разумные, то и тогда не желалъ бы *я*, чтобъ тотъ народъ, въ которомъ толикое растлѣнїе нравовъ и разрушенїе всѣхъ добродѣтелей оказалось, былъ воспитателемъ и наставникомъ нашимъ. Сожалѣю, что *я* сими чувствами моими прогнѣвляю издателя Московскаго Меркурїя, но осмѣливаюсь его увѣрить, что *я* для него оныхъ не перемѣню.

ступленіе. Ну, господинъ Меркурій! приведите теперь всѣ мои разсужденія въ систему, и скажите, та ли она, какою вы показать ее хотите. Какъ! кто совѣтуетъ перенимать у другихъ народовъ одно токмо полезное и доброе, а не легкомысленное и безполезное; кто желаетъ, чтобъ въ отечествѣ его было меньше простаковыхъ и вральмановъ; кто говоритъ, что надобно любить свою землю больше, нежели чужую: тотъ по вашему презираетъ науки и хочетъ просвѣщеніе обратить въ невѣжество? Государь мой! позволено критиковать, но позволено ли клеветать? Не похожи ли здѣсь заключенія ваши о моей книгѣ на тѣ, какія Буало приписываетъ Котеню:

> Qui méprise Cotin, n'estime point son Roi,
> Et n'a selon Cotin, ni Dieu, ni foi, ni loi.

Вы называете нѣкоторыя мои выраженія жосткими, но чорныя намѣренія лучше ли жосткихъ словъ? Посмотримъ теперь вашу систему. Вы говоря о книгѣ моей спрашиваете: „*не уже ли сочинитель для удобнѣйшаго возстановленія стариннаго языка, хочетъ возвратить насъ и къ обычаямъ и къ понятіямъ старинным ъ??... Мы не смѣемъ остановиться на сей мысли.*" — Государь мой! естьли вы не смѣете, такъ я смѣю остановиться здѣсь и разсмотрѣть вашу мысль. По чему обычаи и понятія предковъ нашихъ кажутся вамъ достойными такого презрѣнія, что вы не можете и подумать объ нихъ безъ крайняго отвращенія. Нравы и обычаи во всякомъ народѣ бываютъ трояраго рода: добрые, худые и невинные, то есть ни худа ни добра въ себѣ не заключающіе. Мы видимъ въ предкахъ нашихъ примѣры многихъ добродѣтелей: они любили отечество свое, тверды были въ вѣрѣ, почитали Царей и законы: свидѣтельствуютъ въ томъ Гермогены, Филареты, Пожарскіе, Трубецкіе, Палицы-

ны, Минины, Долгорукіе, и множество другихъ. Храбрость, твердость духа, терпѣливое повиновеніе законной власти, любовь къ ближнему, родственная связь, безкорыстіе, вѣрность, гостепріимство, и иныя многія достоинства ихъ украшали. Одно сіе изрѣченіе: *а кто измѣнитъ или нарушитъ данное слово, тому да будетъ стыдно,* показываетъ уже каковы были ихъ нравы. А гдѣ нравы честны, тамъ и обычаи добры. Чтожъ въ предкахъ нашихъ было худаго, и чѣмъ докажите вы, что другіе народы были ихъ лучше? Буде же мы за худость обычаевъ ихъ возмемъ, что они не все то знали, что мы нынѣ знаемъ, такъ во первыхъ это не ихъ вина: время на время не походитъ; а во вторыхъ, просвѣщеніе не въ томъ состоитъ, чтобъ напудренной сынъ смѣялся надъ отцемъ своимъ ненапудреннымъ. Мы не для того обрили бороды, чтобъ презирать тѣхъ, которые ходили прежде или ходятъ еще и нынѣ съ бородами; не для того надѣли короткое Нѣмецкое платье, дабы гнушаться тѣми, у которыхъ долгіе зипуны. Мы выучились танцовать минуэты; но за что же насмѣхаться намъ надъ сельскою пляскою бодрыхъ и веселыхъ юношей, питающихъ насъ своими трудами? Они такъ точно пляшутъ, какъ бывало плясывали наши дѣды и бабки. Должны ли мы, выучась пѣть Италіянскія аріи, возненавидѣть подблюдныя пѣсни? Должны ли о святой недѣлѣ изломать всѣ лубки для того только, что въ Парижѣ не катаютъ яицами? Просвѣщеніе велитъ избѣгать пороковъ, какъ старинныхъ, такъ и новыхъ; но просвѣщеніе не велитъ ѣдучи въ каретѣ гнушаться телегою. Напротивъ, оно соглашаясь съ естествомъ раждаетъ въ душахъ нашихъ чувство любви даже и къ бездушнымъ вещамъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ родились предки наши и мы сами. Въ чемъ состоитъ любовь къ отечеству? Послушаемъ

въ Метастазіевой оперѣ Ѳемистоклова отвѣта на сей вопросъ:

Ѳемистоклъ полководецъ Аѳинскій, ратуя противъ Персидскаго царя Ксеркса, оказалъ великія отечеству заслуги; наслаждался въ немъ славою; но напослѣдокъ коварствами злодѣевъ своихъ изгнанъ былъ изъ онаго. Скитающійся и не имѣющій никакова пристанища, прибѣгаетъ онъ къ непріятелю своему Царю Персидскому. Великодушный Ксèрксъ пріемлетъ его, забываетъ прежнюю вражду, поручаетъ ему всѣ свои войска, и пылая еще гнѣвомъ противъ Аѳинъ: повелѣваетъ ему — разорить ихъ. Ѳемистоклъ, услыша сіе, повергаетъ жезлъ повелительства къ стопамъ его, и отрицается идти противъ отечества. Тогда разгнѣванный Ксерксъ, напоминая ему о неблагодарности Аѳинъ, и о своихъ благодѣяніяхъ, спрашиваетъ, что такое любитъ онъ столько въ отечествѣ своемъ? Ѳемистоклъ отвѣчаетъ:

Tutto, signor, le ceneri degli Avi,
Le sacre leggi, i tutelari Numi,
La favella, i costumi,
Il sudor che mi costa,
Lo splendor che ne trassi,
L'aria, i tronchi, il terren, le mura, i sassi.

Переведемъ сіи божественные стихи; они потеряютъ красоту, но намъ нуженъ токмо смыслъ оныхъ.

,,Все, государь, прахъ моихъ предковъ, священные законы, покровителей боговъ, языкъ, обычаи, потъ мною за него проліянный, славу отъ того полученную, воздухъ, деревья, землю, стѣны, каменья.“

Съ таковыми чувствами Ѳемистоклъ безсомнѣнія, прочитавъ книгу мою, не сказалъ бы обо мнѣ: *не ужьли для удобнѣйшаго возстановленія ста-*

ринного языка, хочеть онъ возвратить насъ и къ обычаямъ и къ понятiямъ стариннымъ?? . . . Мы не смѣемъ остановиться на сей мысли.“ Господинъ Меркурій! вы образомъ мыслей своихъ худо оправдываете Французское воспитаніе.

Послѣ сего вопроса, въ другомъ мѣстѣ (на стр. 185) издатель Меркурія въ такомъже точно разумѣ продолжаетъ:

Господинъ сочинитель воленъ думать, какъ ему угодно; — (благоразумный читатель видитъ, какъ я думаю: образъ мыслей моихъ сходенъ съ образомъ мыслей Өемистокловыхъ, а не съ образомъ мыслей Московскаго Меркурія). *Что касается до насъ, мы не хотимъ бросить иностранныхъ книгъ!* — (никто васъ объ этомъ не проситъ). *Не хотимъ возвратиться къ прежнему слогу, ибо совершенно увѣрены въ преимуществѣ нынѣшняго* — (мнѣ мало отъ этова будетъ потери, что вы станете писать худо; однако сія самая ваша критика уже показываетъ, что вы остереглись отъ употребленія тѣхъ странныхъ выраженій и словъ, надъ которыми я въ книгѣ моей смѣюсь: слѣдовательно противъ воли вашей возвращаетесь). *Не хотимъ возвратиться къ обычаямъ прародительскимъ; ибо находимъ, что волреки напраснымъ жалобамъ строгихъ людей, нравы становятся ежедневно лучше.* — (можетъ быть, хотя это и трудно доказать. *Ежедневную* перемѣну нравовъ не скоро примѣтишь. Возвращатьсяже къ прародительскимъ обычаямъ нѣтъ никакой нужды, однако ненавидѣть ихъ не должно. Всякое время и всякое состояніе людей имѣетъ свои обычаи: прежде на охоту ѣзжали съ соколами, а нынѣ ѣздятъ съ собаками; купецъ ходитъ въ длинномъ кафтанѣ, а дворянинъ въ короткомъ; купецкая жена любитъ баню, а знатная госпожа ванну. Пускай всякой дѣлаетъ по своему, но не должно презирать ни дворянину купецкихъ обычаевъ, ни купцу дворян-

скихЪ). *Благодарим виновников просвѣщенія нашего: благодарим Великаго ПЕТРА, что онъ принудилъ насъ украшаться знаніями!* — (знаніями, а не заимствованіемЪ пустыхЪ вещей и пороковЪ. ПЕТРЪ Великій желалЪ науки преселить вЪ Россію, но не желалЪ изЪ РоссіянЪ сдѣлать ГолландцевЪ, НѣмцовЪ, или ФранцузовЪ; не желалЪ РускихЪ сдѣлать не Рускими). *Благодарим Великую ЕКАТЕРИНУ, что она принудила Европу имѣть почтеніе къ имени Рускому!* — (Великая ЕКАТЕРИНА мудростію правленія своего распространила, возвеличила, прославила, украсила, просвѣтила Россію; но мудрость не отторгала ее отЪ отечества: она любила Рускую землю, Руской народЪ, Руской языкЪ, Рускіе обычаи. Сама ходила вЪ РускомЪ платьѣ. Сама сочиняла великолѣпныя зрѣлища, представляющія древнія Рускія обыкновенія. Сама вЪ извѣстныя времена вЪ чертогахЪ своихЪ учреждала Рускія игры, не столько для собственнаго увеселенія своего, сколько для показанія народу своему, что она любя его, любитЪ и всѣ, даже и самыя простыя забавы его и обряды). *И желаемъ только, чтобы парка долѣе пряла драгоцѣнную нить щастливыхъ и мирныхъ дней нашего Покровителя наукъ АЛЕКСАНДРА I.* — (Кто обЪ отечествѣ своемЪ думаетЪ, какЪ думалЪ ѲемистоклЪ, тотЪ вЪ чувствахЪ своихЪ и вЪ благоговѣніи кЪ нашему Покровителю наукЪ АЛЕКСАНДРУ, не входитЪ ни вЪ какое сравненіе сЪ издателемЪ Московскаго Меркурія).

ПоспѣшимЪ прекратить скуку читателя и свою собственную: пропустимЪ такія мѣста, которыя паче достойны усмѣшки, нежели опроверженія. ОкончимЪ. Издатель Меркурія при концѣ возраженій своихЪ на книгу мою говоритЪ:

„*Впрочемъ нѣкоторыя замѣчанія сочинителя довольно справедливы.* — (Какія же? стараясь оклеветать меня, насказавЪ столько худова обо мнѣ, господинЪ

Меркурій, для показанія безпристрастія своего начинаетъ теперь меня хвалить! Какое простое лукавство! такимъ образомъ дѣти спрятавшись въ уголъ и закрывъ руками лице свое, думаютъ, что никто ихъ не видитъ). *И даже слогъ его вообще можно назвать жесткимъ, а не дурнымъ.* — (я тогда доволенъ буду слогомъ моимъ, когда хорошіе и справедливые писатели его похвалятъ). *Примѣтно, что онъ дѣйствительно занимался чтеніемъ нашихъ старинныхъ книгъ* — (у иныхъ значило бы сіе похвалу, но у господъ Меркуріевъ значитъ это насмѣшку). *Естьли бы не вооружался напрасно противъ Француского языка* — (вооружаться противу тѣхъ, которые чужой языкъ лучше знаютъ чѣмъ свой, не есть вооружаться противъ Францускаго языка). *Естьли бы не огорчалъ здѣшнихъ учителей иностранцевъ* — (миліоны учителей, миліоны Меркуріевъ, миліоны браней ихъ, не погасятъ во мнѣ желанія въ любезныхъ соотечественникахъ моихъ видѣть истинныхъ Россіянъ). *А особливо противъ Руских писателей.* — (Къ тѣмъ Рускимъ писателямъ, которые трудами своими приносятъ намъ пользу и себѣ дѣлаютъ честь, имѣю я великое почтеніе; а которые портятъ языкъ свой, или развращаютъ нравы, или едва зная грамотѣ выдаютъ себя судіями въ словесности, или достаютъ себѣ хлѣбъ ремесломъ Зоиловъ, къ такимъ писателямъ не имѣю я никакова почтенія, и нигдѣ ихъ не почитаютъ) *). *Естьли бы не подозрѣвалъ насъ въ раждающейся ненависти къ своему отечеству.* — (Что разумѣетъ здѣсь господинъ Меркурій подъ словомъ *насъ?* по этому

---

*) Буало говоритъ объ нихъ:

Il n'est valet d'auteur, ni copiste, à Paris,
Qui la balance en main, ne pese les ecrits;
Dès que l'impression fait éclore un poëte,
Il est esclave né de quiconque l'achète.

когда я скажу: *Рускіе всею душею прилѣпленные къ чужимъ землямъ, и не любящіе своего отечества, недостойны носить на себѣ имени Россіянина*, тогда онъ вступится за это, и скажетъ: за чѣмъ ты *насъ* бранишь)? *Естьли бы не утверждалъ превосходства древняго слога предъ новымъ.* (Господинъ Меркурій самъ не знаетъ чего отъ меня требуетъ. Хорошая книга всегда хороша, древнимъ ли слогомъ написана, или новымъ. Не о нарѣчіи дѣло идетъ, о разумѣ, о силѣ языка. Я въ книгѣ моей многими разсужденіями, толкованіями, примѣрами, тѣмъ болѣе объясняющимися, чѣмъ далѣе читаешь оную, показалъ, какое богатство мыслей и словъ заключается въ Славенскомъ нашемъ языкѣ, и какая невразумительность и нелѣпица въ нынѣшнемъ чужеязычіи, почерпаемомъ изъ книгъ Французскихъ. Кто хочетъ противное моему мнѣнію утверждать, тому должно такимъже образомъ распространиться о семъ, и также ясно вывести, въ чемъ состоитъ красота и преимущество сего новаго чужеязычія предъ старымъ языкомъ. Когда онъ подобными же объясненіями и примѣрами докажетъ это, тогда всякой съ нимъ согласится; но естьли всѣ доказательства его состоять будутъ только въ сихъ словахъ: *мы не хотимъ возвратиться къ старому слогу, ибо совершенно увѣрены въ преимуществѣ нынѣшняго; мы хотимъ сочинять фразы, хотимъ производить слова.* — То какъ могло ему помѣститься въ голову, что читатель такому пустому возраженію его долженъ больше повѣрить, нежели всѣмъ яснымъ доводамъ другаго? Долговременные труды, имѣющіе предметомъ своимъ общую пользу, не такимъ образомъ разсматриваются: искуство долженствуетъ ихъ судить устами истины; но когда господинъ Меркурій, вмѣсто всѣхъ доказательствъ кричитъ только: *онъ нелѣпицу утверждаетъ! онъ одинъ! насъ много!* то таковое книгосужденіе не естьли

знакЪ удивительной дерзости и неуваженія кЪ читателямЪ? (*Естьли бы онъ сообщилъ нѣкоторыя правила для языка, другимъ еще неизвѣстныя, и найденныя долговременнымъ его прилѣжаніемъ: то получилъ бы истинныя права на благодарность.* (Я тогда отчаюсь вЪ благодарности, когда всѣ мои читатели будутЪ Меркуріи). *Но господинъ сочинитель давъ свободу патріотической своей ревности, забывъ, что написанное въ кабинетѣ должно тоже волею явиться въ публикѣ.* — (ГосподинЪ Меркурій противЪ воли своей отдаетЪ мнѣ здѣсь справедливость. Конечно такЪ: патріотическая ревность, или скажемЪ по Руски, ревность кЪ отечеству, побудила меня издать книгу мою. ВЪ чемЪ онЪ меня винитЪ, я тѣмЪ горжусь. Правила мои не согласны сЪ его наставленіями: мнѣ кажется, кто ревность сію обуздываетЪ вЪ себѣ и не даетЪ ей свободы, тотЪ на языкѣ только имѣетЪ ее, а не вЪ сердцѣ. КакЪ? Меркурій думаетЪ, что истину, основанную на чувствахЪ любви кЪ отечеству, не вЪ слухЪ говорить, но токмо вЪ кабинетѣ своемЪ бормотать должно! По чему это? не ужЪ ли опасаясь гнѣва писателей МосковскихЪ ЖурналовЪ? Но гнѣвЪ ихЪ не есть еще гнѣвЪ ЮпитеровЪ, и судЪ ихЪ не есть судЪ МинервинЪ). *Выдалъ книгу для иныхъ утомительную, для другихъ огорчительную, и не знаемъ къ чему полезную.* (Утомительное Меркурію не всему свѣту утомительно, огорчительное Меркурію не всему свѣту огорчительно, неизвѣстное Меркурію не всему свѣту неизвѣстно).

ВЪ заключеніе критики своей издатель Меркурія говоритЪ: *должностію почитаемъ сказать своимъ читателямъ, что въ разсужденіи о новомъ и старомъ слогѣ Россійскаго языка, мы не нашли ни одной фразы изъ нашего Журнала.*

Въ заключеніе сихъ примѣчаній своихъ и сочинитель разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка, должностію почитаетъ сказать читателямъ своимъ, что онъ въ то время, когда писалъ свою книгу, не только Журнала, называемаго Московскимъ Меркуріемъ, не читалъ; но ниже слышалъ, что оный есть на свѣтѣ.

КОНЕЦЪ.